

АБ МИШЕ

ЧЕРНОВОЙ ВАРИАНТ

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЗОВ	2
2. ВЕХИ	13
3. ДОРОГА	18
АНТИСЕМИТИЯ. Идеология	18
АНТИСЕМИТИЯ. История	25
АНТИСЕМИТИЯ. Право	43
АНТИСЕМИТИЯ. Техника	58
ФОБИЯ. Наука	81
ФОБИЯ. Здравоохранение	90
ФОБИЯ. Культура	95
ФОБИЯ. Любовь	105
ФОБИЯ. Развлечения	112
ФОБИЯ. Школа	118
ФОБИЯ. Кадры	142
Вожди	142
Сподвижники	155
Элита	156
Рядовые	165
ФОБИЯ. Люди	173
Слово	173
Дело	176
4. У КОСТРА	198
5. ФОТО	210
6. СВЕЧА	279
7. ИСХОД	305
8. ВСЛЕД	336
СПРАВКА	340

**Это, в общем, не книга, а только
россыпь фактов, событий, цитат, —
возвращение толики долга,
суетливые поиски толка
в пепле невосполнимых утрат.**

1. ЗОВ

От дребедени быта, от пузырей успеха, от суеты базара и лжи парада, от азарта, от аврала, от погони – сбежать и ранним утром на берегу лесного озера выползти из палатки под северное, но июльское, теплое солнце и в томительном блаженстве вбирать в себя, впитывать колкость мокрой травы под босыми ступнями, чистый запах недалежного коровьего стада, обвалы облаков и над шелестом леса мах вороньего крыла, озеро в серебре рыбьих всплесков, прыщи валунов на глади мелководья и разбежавшийся покорно прихоти берегового ландшафта выводок деревенских домов и наседкой над ним, на пригорке, открыто ветрам, - церковь.

Сколько-то веков назад сработали ее плотники, влили в незыблемость мохнатой тишины покой бревенчатых срубов, потянули ввысь тесовые шатры, осиновыми крестами осенили голубую и зеленую эту глушь, отдаленностью уберегшуюся и от татарской ярости, и от державной ласки Москвы. Даже всепроникающий современный прогресс еще не успел изнурить здешние края, еще не все леса изведены, не вся рыба бензином пропахла, не все глаза водкой залиты, еще можно нам, трем беженцам, после нервной дрожи города погрузиться в медлительное протекание местного времени, в шорохи дождя и сосновый дух, в свет ликов северян, в музыку их говора, еще можно неспешно визнавать, что изба «рубленая в обло» - это концы бревен вперехлест, что сруб прямоугольной формы называется «клеть», а восьмигранной - «восьмерик», что «лемех» - это фигурные дощечки, чешуей кроющие церковные главки, что «причелина» прикрывает концы слег под крышей, «полотенец» - доска на стыке причелин, «бочка» - покатое, овалом, покрытие, и слышать: «конек», «венец», «рундук», «кокошник» - и упиваться сказочными этими словами, и радоваться переменчивому небу, сумраку дня и свечению ночи, и певучим очертаниям церкви в зеркале озера.

Ветер перебирает воду: вздрагивают опрокинутые шатры, трепещут луковицы главок, плавно извиваются линии крестов... Остановился воздух - замерла вода и торжествует в ней рубленое тело храма.

А поднять глаза? Боже, как легко возносятся два восьмерика, соединенные низкой трапезной и переходом, как сочетает солнце разновысокие эти объемы, как чудят его лучи в пропилах перил, в резьбе причелин и полотенец, в узорах кровли – во всех изгибах дерева

куролесит свет, только по углам в стыках бревен ворожат тени, да в глубине широкого крыльца нетронуто лежит полумрак тайны у низкой по-северному двери.

Нежно оглаживает главку облако, тихо серебрится лемех бочки. Простота. Чистота. Застывшая давность. Как не прошли триста лет, верится: вечно, неизменно первозданное чудо неба и леса, воды и травы, букашки и легкого ласкового дуновения.

Что пред этим заботы суматошные наши?

НИЛ СОРСКИЙ (*русский монах XV века*):

Дым есть жизнь наша, пар и пепел, на мгновение появляется она и быстро проходит - слабее паутины! Как отцветший цветок опадает, как пропадает тень - так разрушается все человеческое [1, с. 128].

Но нетленна душа православная, с Богом пребывать ей во веки веков. Как воспрянуть ей, грешной, от мирской скверны к чистоте вышней?

Сообразил мужик: на клеть деревенской избы поставил, чтобы к небу поближе, шатер крепостной башни, обвенчал войну с миром - и явилась людям русская деревянная церковь подобием двузначности бытия: в сумеречной хмури - злоеца, в золоте солнца - светлая. Из дальнего далека глядится прелестью, пленяет соразмерностью линий, блеском осиновой чешуи, крестом, не видимым, но угадываемым...

Подступи ко входу - здесь березы молитву шепчут, волна травы Господа славит. Приветная, в резных столбиках, лестница влечет тело от земли, душу - от земного сора, на крыльцо: невелика высота, а все ближе к Богу. И обоймет на пороге Дух Его, и перекрестишься, и, в низкую дверь клонясь. Ему поклонись, и радостно, себя освобождая, покоришься: на все Его воля. С тем и погружаешься вглубь, под манящие глаза икон, и облегчается сердце от печали, и ширится грудь, и помыслы чисты, и сил невпроворот - ликует человек, возлюбленное творение Божие, и светят ему с неба церкви звезды вечности - желтые шестиконечные звезды.

...Мы ступали теми же половицами. Много воды утекло, и икон - по разным причинам - не осталось, но сохранились на потолке церкви голубые доски с золотыми блестками звезд, и ударил в наши безбожные умы тот же библейский свет.

БИБЛИЯ (*Левит, 19:18; законы евреев три тысячи лет назад*):

...люби ближнего твоего, как самого себя [2, с. 114].

Звезды Ветхого завета. Праотцы и пророки. Корни христианства. Шестиконечные еврейские звезды.

Из материалов Нюрнбергского процесса:

[В 1938 году в Германии] по приказу полиции безопасности [гестапо] евреев заставляли носить желтую звезду на груди и на спине [3, т. 2, с. 1015-1016].

БОРМАН (*один из вождей фашистской Германии в 1933-1945 гг.*):

...влияние на народ не должно быть уступлено церкви... Только имперское правительство и по его решению партия имеют право на руководство народом [3, т. 1, с. 117].

ГИТЛЕР (*глава фашистской Германии в 1933-1945 гг.*):

...я буду величайшим освободителем человечества. Я освобождаю людей от сдерживающего начала ума... от грязных и разлагающих унижений, которые личность претерпевает от химеры, носящей название совесть и мораль...

Христианской доктрине о бесконечной значимости индивидуальной человеческой души и личной ответственности я с неотразимой ясностью противопоставляю спасительную доктрину о ничтожности и маловажности индивидуального человеческого существа... Догма о страданиях за ближнего и смерти от руки божественного спасителя даст место догме символики жизни и деятельности нового лидера - законодателя, который освобождает преданные ему массы от тяжести свободной ноли [3, т. 1, с. 519].

Э. РАССЕЛ (*рассказ очевидца; оккупированная немцами Польша, 1941 г.*):

«...нас... повели на лужайку, где уже были вырыты общие могилы. Вокруг сидело много евреев, женщин, детей и матерей с младенцами на руках. Гестаповцы приказали евреям раздеться. Затем им приказали спрыгнуть [в могилу]. Колебавшихся избивали и насильно сталкивали туда. На дне могилы был насыпан слой негашеной извести. Некоторые женщины спрыгнули с младенцами на руках, другие сначала бросили детей, а затем прыгнули сами. <...> Гестаповцы отобрали все ценные вещи - часы, кольца и другие драгоценности - и свалили их в кучу. Затем был дан приказ, чтобы больше никто не раздевался. Могила была забита почти до отказа, ...подъехал грузовик с четырьмя большими Ликами. Затем немцы приспособили небольшой моторный насос и стали качать в могилу содержимое этих баков - кажется, воду...».

Остальная часть рассказа очевидца настолько ужасна, что ее невозможно напечатать [4, с. 142].

НИЛ СОРСКИЙ:

К ближним нашим должны есмь... любовь имети и аще близ нас обрящутся - словом и делом сию показовати; аще ли далече от нас суть, умне любовию сочетаватися тем, и всякое злопомнение от сердец наших отняти [1, с. 104].

Из завещания НИЛА СОРСКОГО:

Повергните тело мое в пустыни, да изъедят е зверие и птица; понеже согрешило есть к Богу много и недостойно погребения. Мне потщание, елико по силе моей (моим старанием, по возможности, было), - чтобы бых не сподоблен чести и славы века сего никоторыя, яко же в житии сем, тако и по смерти [1, с. 43].

Из завещания ГИТЛЕРА:

И прежде всего я вмняю в обязанность всем руководителям нации и их подчиненным соблюдать расовые законы и беспощадно бороться с международным еврейством [5, с. 20].

М. ГОРЬКИЙ:

Евреи прежде всего народ религиозный; весь быт этого народа, все его навыки и привычки основаны на учении, изложенном в пятикнижии Моисея... Евреи - первый народ, который гигантским усилием мысли и воображения перешел от языческого многобожия к идее единого Бога...

Первобытному человеку все вокруг него казалось живым... Детски беспомощная мысль его, смутно воспринимаемая... явления природы, олицетворила все эти явления, вообразив, что каждое из них совершается злым или добрым богом...

Многобожие дробило волю и разум человека, расчленяло его душу, человек чувствовал себя в плену враждебных, и ему, и друг другу, невидимых существ...

Перейдя от многобожия к единобожию, еврейская мысль оказала человечеству величайшую услугу, - она организовала раздробленный, рассеянный разум в единое целое, в самостоятельную творческую силу, которая ныне властно стоит над слепой игрою стихийных сил. <...>

Многобожие было создано людьми совершенно по образу и подобию своему: боги обладали всеми свойствами людей, не исключая и животных, зоологических начал человека; образ же единого Бога вмещал в себе только лучшие качества человека, его духовную силу, стремление его воли и разума к совершенству. Создав единого Бога, человек поставил перед собой идеал и цель своих желаний - всеведение, всемогущество и бессмертие.

Мысль еврейства упряма и бесстрашна в поисках истины.

«На что дан свет человеку, которого путь закрыт и которого бег окружен мраком?»

«...человек умирает и распадается; отошел и где он?»

«Почему незаконные живут, достигают старости да и силами крепки?» <...>

Из этих и подобных вопросов Библии - одной из величайших книг, созданных человечеством... возникли идеи социальной справедливости, идеи гуманизма - человечности, ...все демократическое движение средних веков опиралось на Библию, из нее черпало силу своей мысли, и эта именно сила пошатнула твердыню римского католицизма.

...еврейство имеет право гордиться тем, что оно явилось первым - по силе и успеху - организатором религиозно-социальной мысли, первым бродилом духа, бродилом, которое возбудило устами пророков своих мысли о социальной справедливости, особенно прямо и резко поставленные жизнью и проповедью Христа.

Маленький еврейский народ несколько раз в течение столетий напрягал все силы свои, пытаясь свергнуть тяжкое иго, сначала – язычников, потом – новообращённых христиан, фанатизм которых не в жестокости фанатизму рабов всех других догматов. Когда же евреи поняли, что им не восстановить свободу свою и блеск Сиона, - они направили силы свои на развитие запросов духа, на изучение «закона», изложенного в Библии, они стали ещё больше народом своего Бога... Творцы учения о едином Боге, они считали себя избранным народом в мире язычников, поклонявшихся идолам, и справедливо гордились красотой и силой своей религиозной мысли. Они гнушались всем, что так или иначе напоминало им идолопоклонство, они отказывались воздавать божеские почести статуям императоров римских, за это их травили зверями на арене цирков и всячески мучили и преследовали...

Они не имели государства, поглощающего огромное количество духовных сил на работу по охране и расширению государственной власти... Народ поголовно грамотный в эпоху безграмотности, народ предприимчивый, энергичный и рассеянный по всему свету, - евреи направили массу свободных сил своих на развитие ремесел, торговли и промышленности...

Люди невежественные рассматривали промышленность и торговлю только как средство личного обогащения, не понимая глубокого культурного объединяющего мир значения торгово-промышленной деятельности... Когда известная часть еврейства встала во главе международной торговли, это возбудило всеобщую зависть христиан; им казалось, - да и теперь еще кажется, - что всякий, даже нищий еврей — миллионер в будущем, ...религиозный аристократизм всего народа и завидное богатство нескольких удачливых дельцов, вызвав у христиан чувство обиды и зависти, претворили эту зависть, позорную для последователей... Бога, отрицавшего собственность, - во вражду к еврейству, а эта вражда создала для евреев жизнь мучительную, полную преследований, истязаний... [6, с. 27-31, 34-36].

Л. ФЕЙХТВАНГЕР (*Иудейская война между евреями и римлянами, I век*):

Казнями [евреев] распоряжался капитан Лукиан. По природе это был человек добродушный, но он очень страдал от жары и бывал поэтому нередко в дурном настроении. В такие минуты он приказывал привязывать казнимых к кресту, что влекло за собой более медленную и мучительную смерть. Когда же он был в лучшем настроении, то разрешал профосам прибавать распятым руки, и быстро начинавшееся воспаление ран вызывало более скорую смерть.

Вечер за вечером поднимались в горы печальные процессии; приговоренные несли на шею поперечные брусья своих крестов, их распятые руки уже были привязаны к этим брусьям. Ночь освещала висевшие тела, однако ночи были короткие, и как только вставало солнце, появлялись мухи

и другие насекомые, слетались птицы и сбегались бездомные псы, ожидая поживы. Висевшие на крестах произносили предсмертное исповедание веры: «Слушай, Израиль, Ягве бог наш, Ягве един!» [7, т. 7, с. 164-165].

М. ГОРЬКИЙ (*Крестовый поход, Германия, XI век*):

Крестоносные толпы по пути в бой с магометанами обрушились на еврейство, жившее в городах Германии. Вступая в город, они хватили встречных евреев и с криками: «Крещение или смерть!» тащили их в церкви. В городе Вормсе часть евреев взялась за оружие, вступила в битву с фанатиками, но, разумеется, была истреблена до единого. Умирая, евреи кричали:

«Слушай, Израиль - Бог наш един!»

Малодушные, желая спасти жизнь свою, принимали христианство... ...большинство мужественно умирало, матери убивали малолетних детей, неспособных противиться насильственному крещению.

<...>

Повсюду евреи выказывали необыкновенную стойкость... <...> Один ученый старец Самуил бен-Иехель, став посреди реки, зарезал своего сына, цветущего юношу, и произнес над ним благословение, установленное при резке животных; юноша ответил: аминь! – и испустил дух. Затем старик передал нож синагогальному служителю, и тот таким же способом зарезал его. Стоявшие на берегу евреи с криком: «Слушай, Израиль - Бог един!» бросились в воду и утонули. В общей сложности перебито во всех прирейнских городах, от мая до июля 1096 г., около двенадцати тысяч евреев [6, с. 18-20].

С. ЛОЗИНСКИЙ (*Изгнание евреев из Испании, XV век*):

Как обычно в дни величайшего испытания, религиозный подъем охватил широкие еврейские массы; мученическая смерть мало кого устрашала; с негодованием отвергалась мысль об измене старой вере...

...они покинули страну, в которой поселились... раньше своих притеснителей, в день девятого аба (2 августа), в роковой в истории еврейского народа день - день поста и траура в память двукратного падения Иерусалима и разрушения храма.

...все дороги... были запружены тысячами и десятками тысяч людей; кто мог держаться на ногах, шел пешком, женщины, старики и дети ездили либо в повозках, либо верхом на мулах и ослах. Впереди шли раввины, своим молитвенным пением ободряя павших духом... ...крики отчаяния евреев сливались с радостным кличем многих христиан... Богатый помогал бедному, и, по мере сил, каждый облегчал другому переносить трудности пути... [8, с. 152-153].

Н. КОСТОМАРОВ (*Восстание украинцев под началом Хмельницкого против Польши, XVII век*):

...всего неумолимее поступали возстанцы с иудеями... «Свитки закона были извлечены из синагог; казаки плясали на них и пили водку, а потом клали на них иудеев и резали без милосердия; тысячи младенцев были бросаемы в колодцы и засыпаемы землею» [очевидец].

В Ладыжине... казаки собрали несколько тысяч иудеев, связали их, положили на лугу и стали говорить им: «Зачем упорствуете?.. Веруйте в нашего Бога...» <...> Иудеи отвечали: « <...> Наш Бог есть единый царь неба и земли...».

После такой речи казаки начали их резать и истребили всех, не щадя ни пола, ни старости, ни молодости.

Подобные сцены совершались, говорит современник, в каждом городе и местечке...

[В Тульчине] «Иудеи, видя последний час свой, - как выражается современник, - защищались отчаянно... даже женщины отбивались от казаков, обороняя детей». Эта бойня продолжалась три дня... «Три тысячи погибло тогда иудеев - говорит современник - под ужаснейшими муками, какие только может выдумать варварство: казаки кололи их гвоздями, жгли, рубили, били дубьем».

...особенно выказывались загоны Половьяна и Морозенко. О первом осталось предание, что когда ему случалось поймать панну или жидовку, то он сдирал у ней с шеи полосу кожи и говорил, что это ей казаки подарили алую ленту (червону стричку)...

Казаки овладели Заславлем ночью, перебили католиков, а над жидами потешались несколько времени: они их запихали в топленные печи и медленно мучили жаром [9, т. 1, с. 318- 326; т. 2, с. 183].

Язычники, католики, православные... Палестина, Германия, Испания, Украина... Первый век, одиннадцатый век, пятнадцатый, семнадцатый...

А может быть, не надо так мрачно? Дикая древность, глухоесредневековье - Нерон, Борджиа, Варфоломеевская ночь, конкистадоры в Америке... Лихие времена - одним ли евреям доставалось? Но кому когда, а евреям - всегда, кому где, а евреям - везде. Черная какая-то традиция сложилась...

Н. КОСТОМАРОВ (*восстание Хмельницкого*):

...взяли Канев: со всех иудеев посдирали с живых кожи. «Таков был их козацкий обычай», говорит летописец [9, т. 1, с. 321].

Обычай - живучи. Во время гражданской войны 1918-1920 гг. на Украине от погромов погибло более 200 тысяч евреев, около миллиона избито, ограблено, изувечено [10, с. 22].

Б.ЛЕКАШ:

Зеленый [главарь банды] заполнял колодцы живыми евреями и ставил вокруг стражу, чтобы предсмертная агония продолжалась подольше.

Он вырезывал у женщин груди, а беременным распарывал саблями живот. У мужчин отрубал половые органы и прокалывал глаза [10, с. 84].

Возможно, в те минуты в Кавендишской лаборатории Резерфорд расщеплял атом. Век-то на дворе - двадцатый. Прогресс...

Вождя украинских громил Петлюру убил в 1926 году в Париже мститель - одесский еврей Шварцбард. Суд присяжных оправдал его. Время справедливости - двадцатый век, его с колыбели пестовали правдолюбцы. Россия - окраина цивилизованной Европы, но и там только тронь беззащитный, не ошестинившийся собственным государством народ - набатом гремит праведный гнев заступников.

Л. ТОЛСТОЙ, А. СУМБАТОВ-ЮЖИН, Н. СТОРОЖЕНКО, С. ТРУБЕЦКОЙ, В. ВЕРНАДСКИЙ, И. ЗАБЕЛИН, Н. УМОВ и другие (*обращение к России по поводу кишиневского погрома 1903 г., когда было убито около 50 евреев*):

...мы выражаем наше болезненное сострадание невинным жертвам зверства толпы, наш ужас перед этим зверством русских людей, невыразимое омерзение к подготовителям и подстрекателям толпы и безмерное негодование против попустителей этого ужасного дела [11, т. 74, с. 110].

В.КОРОЛЕНКО:

...нужны будут годы, чтобы хоть сколько-нибудь изгладить подлое воспоминание о случившемся, таким грязно-кровавым пятном легшее на «совесть кишиневских христиан»...

И не только на совесть тех, которые убивали сами, но и тех, которые подстрекали к этому человеконенавистничеством и гнусною ложью, которые смотрели и смеялись, которые находят, что виноваты не убийцы, а убиваемые, которые находят, что могут существовать огульная безответственность и огульное бесправие... [12, т. 9, с. 420].

В. ЛЕНИН:

Только совсем темные, совсем забытые люди могут верить лжи и клевете, распространяемой против евреев.

<...> Позор проклятому царизму, мучившему и преследовавшему евреев. Позор тем, кто сеет вражду к евреям... [13, т. 38, с. 242,243].

М. ГОРЬКИЙ:

В убийстве Христа обвиняют еврейский народ - это обвинение создано глупцами, оно истекает из поговорки: «Дурак всему верит» [6, с. 32].

Даже И. СТАЛИН (*разумеется, задолго до борьбы с космополитами и собственными врачами*):

Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма [14, т. 9, с. 567].

Двадцатый век - гуманизм, просвещенная Европа...

Г. ХАУЗНЕР:

...Из 257 лауреатов Нобелевской премии в первой половине текущего столетия было 34 еврея...

Достаточно вспомнить мировых гениев как Альберт Эйнштейн и Зигмунд Фрейд; химиков, как Фриц Габер; философов как Анри Бергсон; биологов Пауля Эрлиха и Илью Мечникова... физика Нильса Бора; физиологов Отто Варбурга и Э.Б.Хена; мыслителя Мартина Бубера; <...> писателей Эмиля Людвиг, Стефана Цвейга, Франца Кафку... Лиона Фейхтвангера; скульптора Антокольского; художников Шагала, Модильяни и Макса Либермана; мастера сцены Рейнгардта; музыкантов Губермана и Рубинштейна... - чтобы получить некоторое понятие о вкладе европейских евреев в сокровищницу мировой культуры...

Отношения между евреями и Германией - одна из трагических глав в истории человечества. <...> Германия была страной, где евреи страдали больше, чем где бы то ни было. И вес же - как глубока была привязанность еврейского народа именно к Германии! Язык масс, идиш, создан по немецкому образцу... На немецком языке Герцль писал свои классические труды о сионизме; ...на нем творили корифеи еврейской историографии и философии. <...> Карл Маркс и Фердинанд Лассаль создали немецкий социализм, пробивший себе дорогу во всем мире. Их ученик Эдуард Бернштейн создал реформистский социализм.

Когда разразилась первая мировая война, немецкие евреи встали под знамя с большим патриотическим воодушевлением. Маститый философ Герман Коген... призывал к высочайшему усилию ради Германии. Фриц Габер... открыл способ извлечения азота из воздуха, оказав этим ценную услугу военным усилиям Германии.

Немецкое еврейство гордилось каждым еврейским солдатом и офицером, удостоенным военного знака отличия. После поражения евреи включились в дело реконструкции страны. Вальтер Ратенау стал министром... и многого достиг для пользы государства. Еврей Гуго Прейс, министр внутренних дел, выработал проект Веймарской конституции, одной из самых передовых в Европе. Но все это лишь усилило ярость нацистов. Ратенау был убит заговорщиками-националистами. Вклад евреев в

немецкую культуру был заклеен нацистами как злокачественный нарост, подлежащий искоренению [5, с. 167-168].

Только что цитированный текст его автор назвал «Мир, который исчез».

Из материалов Нюрнбергского процесса:

Из 9 600 000 евреев, живших в частях Европы, находившихся под властью нацистов, по осторожным подсчетам 5 700 000 исчезло... [3, т.1, с.41].

Позднее цифры были уточнены. Исчезнувших оказалось более 6 миллионов.

Шестьдесят два с половиной процента. Почти две трети...

Г. ХАУЗНЕР:

В Европе был уничтожен народ, пребывавший в ней со второго столетия до н.э. и ставший частью ее быта [5, с. 167].

Б. СЛУЦКИЙ:

Все сожжено: пороки с добродетелями

И дети с престарелыми родителями.

А я стою пред тихими свидетелями

И тихо повторяю:

сожжены.

[15, с. 96].

Служебной ли заботой, своею ли охотой - ежжу, летаю, брожу. По разным местам - по разным временам. Вслушиваюсь, всматриваюсь, удивляюсь: прекрасна жизнь,

но...

На Сиверском озере вечеру сгуститься бы в ночь, а он обращается в утро, и сизую воду задерживает туман, и над парными его завалами вдали чудесно творятся в небе белые стены и башни и купола Кириллова монастыря, и фокусы природы кажутся Божьим мастерством -

но шесть миллионов...

В причерноморском мандариновом раю обстоятельное кавказское пиршество отцветает букетами тостов и мужское многоголосие проливается задумчивой песней, звезды падают в море, волны шуршат и печаль невесома -

но шесть миллионов...

В сорок пять ниже нуля не замерзнуть реке под плотиной, и бесится Енисей, пар по кручам, а рядом в холле гостиницы растёт береза и вспархивают в клетках попугаи и с мороза каменными ступнями - в прогорклый от табака номер, где горячий душ и горячий чай,

или чай в Самарканде, кок-чай, слепящий жар улицы и тень чайханы, нежность пиал, и неистовый дынный дух базара, и крутые ступени мечети Шахи-Зинда ведут паломников к очищению - о, морока Востока! -

но шесть миллионов...

Алтай: тонуть и вывернуться из реки, падать и упереться на краю провала, рваться сквозь гарь, бурелом, через цепкую топь по колено, и слепни режут потное тело в отрепьях, и неделя без еды, и сводит рот терпкой зеленью кедровых шишек – и вдруг дальнейшее ржание, случайный отряд геологов, отмыться, костер, солонина, курево, гитара - чудо воскресения,

но шесть миллионов...

Соловки. Черная вода Белого моря, теплый берег возле Полярного круга, и мрачность монастырских подземелий сполна искупается нежностью Савватиева скита,

но шесть миллионов...

В Европе торжествуют регистры органов, готика соперничает с Ренессансом, захудалые отели поражают провинциальное мое воображение отсутствием дозорных коридорных и обилием полотенец,

но шесть миллионов...

Нерль - языческая нежность в имени этом, в тихой речушке, в прославленной церкви, являющей исподтишка византийское величие и норманнскую жестокость и русское простодушие -

но шесть миллионов...

А еще есть речка Сороть на Михайловском лугу, обольстительные взоры на лету и на бегу, и театр в татарском стане посреди шальной Москвы, тишина в Ясной Поляне, цвет зари и свет Невы, шутки гениев Одессы и в соборе Домском месса - всех удач не перечесать,

НО

Хлыстом

по сердцу:

ШЕСТЬ

МИЛЛИОНОВ...

2. ВЕХИ

Центр Москвы, добротная квартира - и седая женщина... Все ее - красота, война, тюрьмы, любви, труды, застолья – всё позади, замещено запустением старости, болезнями, наглым котом...

Она сияет мне навстречу славянскими бесстрашными глазами и говорит: - Хватит мотаться. Посиди спокойно, отдохни, почитай. - И показывает на стены, сплошь в книгах.

И я - отдыхаю. Я вот что читаю:

1. А.С. АРХАНГЕЛЬСКИЙ. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в древней Руси. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882.

2. БИБЛИЯ. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М., 1983.

3. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Тт. 1-2, М., 1954.

4. Э. РАССЕЛ. Проклятие свастики. М., 1954.

5. 6 000 000 обвиняют. Речь израильского генерального прокурора на процессе Эйхмана. Иерусалим, 1961.

6. Легенда об Агасфере - «Вечном жиде». Поэмы Шубарта, Ленау и Беранже. Предисловие М. Горького. Петербург, 1919.

7. Л. ФЕЙХТВАНГЕР. Собрание сочинений в 12 тт. М., 1963-1968. т.4, 1964; т.7, 1965.

8. С.Г. ЛОЗИНСКИЙ. История инквизиции в Испании. СПб., 1914.

9. Н.И. КОСТОМАРОВ. Богдан Хмельницкий. Тт. 1-3, СПб., 1884.

10. Б. ЛЕКАШ. Когда Израиль умирает. Л., 1928.

11. Л.Н. ТОЛСТОЙ. Полное собрание сочинений в 90 тт., М.-Л., 1928-1964.

12. В.Г. КОРОЛЕНКО. Собрание сочинений в 10 тт. М., 1954-1955.

13. В.И. ЛЕНИН. Полное собрание сочинений. Изд.5, т.38, М 1977.

14. И.Г. Эренбург. Собрание сочинений в 9 тт. М., 1962-1967.

15. Б. СЛУЦКИЙ. Работа. М., 1964.

16. J.-P. SARTRE. Rozwazania o kwestii zydowskiej. Warszawa, 1957/

17. К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. Сочинения в 50 тт. М., 1955-1981. Т. 1, 1955; т. 22, 1962.

18. Энциклопедический словарь Товарищества «Гранат и К°», т. 3, М 1910.

19. В.В. СТРУВЕ. Фашистский антисемитизм – пережиток каннибализма. М.-Л., 1941.

20. И. ТЕНЕРОМО. Л.Н. Толстой о евреях. СПб., 1908.

21. К. КАУТСКИЙ. Еврейство и раса. Петроград, 1918.

22. Еврейская социалистическая рабочая партия. Серпухов-Москва, 1907.
23. В. КАРГАЛОВ. Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966.
24. С.М. СОЛОВЬЕВ. История России с древнейших времен. М., 1959-1966. Кн. 2, 1960: кн. 3, 1960; кн. 5, 1961.
25. ИОСИФ ФЛАВИЙ. Иудейские древности. Пер. с греческого Г.Г. Генкеля. Тт. 1 и 2, Спб., 1900.
26. Малая Советская энциклопедия в 10 тт. М., 1928-1931.
27. Н. FAST. The Jews. Story of a people. New York, 1968.
28. Еврейская энциклопедия в 16 тт. СПб., 1908-1913.
29. Ф.В. ФАРРАР. Жизнь и труды св. апостола Павла. СПб., 1905.
30. З. КОСИДОВСКИЙ. Сказания евангелистов. М., 1979.
31. А. РОБЕРТСОН. Происхождение христианства. М., 1959.
32. М. ДРЮОН. Негоже лилиям прясть. Французская волчица. М., 1966.
33. Киевская старина, 1888, тт. 7 и 10; 1890, т. 5; 1895, т. 51; 1901, т. 1.
34. А.М. ХИРЬЯКОВ. Во имя государственного единства (Изгнание евреев из Испании). СПб., 1911.
35. Б. СПИНОЗА. Богословско-политический трактат, содержащий несколько рассуждений, показывающих, что свобода философствования не только может быть допущена без вреда благочестию и спокойствию государства, но что она может быть отменена не иначе, как вместе со спокойствием государства и самим благочестием. М., 1935.
36. Испанские и португальские поэты, жертвы инквизиции. Л.-М., 1934.
37. Е. ГОЛУБИНСКИЙ. История русской церкви, т. 2. Вторая половина тома. М., 1911.
38. Ю. ГЕССЕН. История еврейского народа в России. Т. 1. Петроград, 1916.
39. И. БЕРЛИН. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Петербург, 1919.
40. Еврейский погром на заводе «Новки». Вып. 1, Витебск, 1920.
41. О. СУЛЕЙМЕНОВ. Доброе время восхода. Алма-Ата, 1964.
42. Ю. МАДЕР. По следам нациста со шрамами. М., 1963.
43. Троице-Сергиева Лавра. Сергиев Посад, 1919.
44. В. ЭЙНГОРН. О значении преподобного Сергия Радонежского и основанной им обители в русской истории. М., 1899.

45. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом. племенном, экономическом и бытовом значении. Под редакцией П.П.Семёнова. Т. VI, ч. I, Москва. СПб.-М., 1898.
46. С.Г. ЛОЗИНСКИЙ. Социальные корни антисемитизма в средние века и в новое время. Ростов на-Дону, 1929.
47. И.Р. ГРИГУЛЕВИЧ. История инквизиции (XIII-XX вв.). М.,1970.
48. Международная жизнь, 1961, №№ 8-10.
49. Освенцим глазами СС. Гесс. Брод. Кремер. Освенцим,1979.
50. Освенцим. Гитлеровский лагерь массового уничтожения. Варшава, 1978.
51. С.Г. ЛОЗИНСКИЙ. Евреи Запада в борьбе за право и свободу. Историко-биографические очерки. М., 1919.
52. А.И. ПОЛТОРАК. Нюрнбергский эпилог. М., 1965.
53. Нацистских преступников к ответу. М., 1983.
54. М. НИЛЬСЕН. Рапорт из Штутгута. М., 1966.
55. И.Г. ЭРЕНБУРГ. Виза времени. Л., 1933.
56. Dziennik Dawida Sierakowiaka. Warszawa, 1960.
57. В.К. МОЛЧАНОВ. Возмездие должно свершиться. М.,1984.
58. О. КАПЛАНАС. К форт обвиняет. Вильнюс. 1975.
59. Новый мир, 1964, № 6; 1966, № 2; 1969, №№ 10. 11;1985. №9.
60. S. SZMAGLEWSKA. Dymy nad Birkenau. Warszawa, 1960.
61. Е. POLAK. Dziennik Buchenwaldzski. Warszawa, 1983.
62. S. KRUKOWSKI. Byłem Kapo. Warszawa, 1963.
63. Л. БЕЗЫМЕНСКИЙ. Особая папка «Барбаросса». М., 1972.
64. Pamięci bohaterkich obrońców getta. W 35 rocznice wybuchu powstania w getcie warszawskim. Warszawa, 1979.
65. В. КРАЛЬ. Преступления против Европы. М., 1968.
66. Martyrologia duchowienstwa polskiego w 2 wojnie swiatowej. Warszawa, 1979.
67. G. FEST. Oblicze Trzeciej Rzeszy. Warszawa, 1970.
68. М. JFWORSKI. Ludwik Hirszfild. Warszawa, 1977.
69. В. Бонч-Бруевич. Знамение времени. Убийство Андрея Ющинского и дело Бейлиса. (Впечатления киевского процесса). М.,1921.
70. Л. ГИНЗБУРГ. Бездна. М., 1966.
71. С.Т.КУЗЬМИН. Сроку давности не подлежит. М., 1985.

72. А.С.ПУШКИН. Полное собрание сочинений. СПб.-М., 1901.
73. Дневник Анны Франк. М., 1960.
74. В. ШЕКСПИР. Избранные произведения. М., 1953.
75. Юность, 1966, №9.
76. Т. BOROWSKI. Wspomnienia. Wiersze. Opowiadania. Warszawa, 1979.
77. Ч. ДИККЕНС. Собрание сочинений. Т. 4, М., 1958.
78. Н.В. ГОГОЛЬ. Собрание сочинений. Т. 2, Миргород. М, 1952.
79. Отечественные записки, 1882, № 8.
80. С.К. БЕЗБОРОДОВ. Сигналы. (Об антисемитизме). Л., 1929.
81. Б.Г. КУЗНЕЦОВ. Эйнштейн. Жизнь, смерть, бессмертие. М., 1980.
82. J. NEWERLY. Zywe wiazanie. Warszawa, 1966.
83. В. ГРОССМАН. Треблинский ад. М., 1945.
84. Еврейский народ в борьбе против фашизма. Материалы 3 Антифашистского митинга представителей Еврейского народа и 3 Пленума Еврейского антифашистского комитета в СССР. М., 1945.
85. М. АЛПАТОВ. Андрей Рублев. М., 1972.
86. Э. РЕНАН. Апостол Павел. СПб., 1907.
87. Иностранная литература, 1962, № 12; 1978, № 3.
88. Е. RUSSEL. Proccess Eichmana. Warszawa, 1966.
89. Р. МЕРЛЬ. Смерть - мое ремесло. М., 1963.
90. Г. СМОЛЯР. Мстители гетто. М., 1947.
91. Л. АШКЕНАЗИ. Чёрная шкатулка. Брно, 1966.
92. Н.А. КАЗАКОВА и Я.С. ЛУРЬЕ. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV- начала XVI века. М.-Л., 1955.
93. Н.Н. ГУСЕВ. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1928.
94. Ф.Б. ГЕЦ. Открытое письмо к графу Л.П. Толстому. Вильно, 1898.
95. Н.С. ЛЕСКОВ. Евреи в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу. Петроград, 1919.
96. Братья евреи всего мира! Выступления представителей еврейского народа на митинге, состоявшемся в Москве 24 августа 1941 г. М., 1941.
97. Pielgrzymka do ojczyzny. Przemovienia I homilie Ojca swietego Jana Pawla II. Warszawa, 1979.
98. Е.А. ЕВТУШЕНКО. Бабий Яр.

99. Л.Л. ЗАМЕНГОФ. Основы международного языка эсперанто. М., 1909.

100. Партизанская дружба. Воспоминания о боевых делах партизан-евреев, участников Отечественной войны. М., 1948.

101. Г.Л. РОЗАНОВ. Последние дни Гитлера. М., 1961.

102. Ten z ojczyzny mojej. Pjłacy z pomoca Zydom 1939-1945. Krakow, 1966.

103. J. KORCZAK. Pysma wybrane. IV. Warszawa, 1978.

104. А. ГАЛИЧ. Кадиш.

105. Польша, 1978, №6.

106. А. ШАРОВ. Повести воспоминаний. М., 1972.

107. В. MARK. Walka I zaglada warszawskiego getta. Warszawa, 1959.

108. И. АДАМСКИЙ. Как любить детей. Известия, 21.07.1978.

И еще газеты,

и справочники,

мемуары,

фотографии и рисунки,

и рукописи -

отжившая бумага, живое слово...

..я сидел, я читал - отдыхал удивительно: в книгах правила каждую строчку тревога.

Вот и вышло: читал-то я путеводители.

Книги - вехи.

Сидел-то я

перед дорогой...

3. ДОРОГА

Было, говорят, у Адама и Евы два сына. Каин и Авель. Каин убил Авеля. Дальше - род человеческий. Каиново племя. Изначальные семена зла. Множились, росли - метастазами пронизали тело мира. Помимо и вне географии и этнографии, но землям, по душам расплодилось отравление. Универсальная система ненависти, страна зла, государство без границ, всеобщность... Заботливо, с умом и усердием взлелеянная, - до совершенства сладилась к двадцатому веку. Страна Антисемития.

Съездим? Виз не нужно...

АНТИСЕМИТИЯ. Идеология

Ж.-П.САРТР:

Человек может быть добрым отцом и верным супругом, честным обывателем и утонченным интеллигентом, филантропом, *а кроме того* антисемитом. Он может быть любителем рыбной ловли и еще большим любителем постельных радостей, может быть терпимым в вопросах веры, выражать наиболее благороднейшее негодование по поводу положения негров в Африке - и *к кроме того* не выносить евреев.

<...>

...антисемитизм захватывает душу человека целиком... совершенно так же, как истерия.

<...>

<...> Антисемитизм - это всеобъемлющий выбор самого себя [как личности], все определяющая позиция, которая характерна не только отношением к евреям, но также и отношением к другим людям, к истории, к обществу; это одновременно и страсть и мировоззрение.

...страсть к антисемитизму несколько не требует стимуляции извне: она опережает события, которые могли бы ее спровоцировать, она сама их изобретает, чтобы получить возможность найти в них для себя пищу...

...люди избирают чувственный образ жизни охотнее, чем умственный... они любят *предметы* своего чувства: женщину, славу, власть, деньги. Антисемит избрал ненависть, - следовательно, он наслаждается не предметом, а самим состоянием страсти. <...>

Человек, руководящийся разумом, мучается и ищет... Но есть люди, которые мечтают о каменной неподвижности. Они не желают меняться: куда эти изменения могут их привести? Тут речь идет о животной боязни самого себя и правды. <,,> Антисемит выбрал ненависть потому, что ненависть - неизменная вера; раз навсегда он сделал выбор - теперь для него обесценены слова и

доводы разума... смешными и глупыми кажутся ему все рассуждения о правах евреев: он пребывает в другом мире. <...> Он ничего не доказывает, он только старается навязать другим интуитивную веру в свою правоту... антисемиты... прекрасно знают, что их правота по меньшей мере сомнительна... но это их только забавляет. Их противник, и только он, обязан искать нужные слова и доводы, ибо он верит в силу слов; а им зачем? – они имеют *право* играть словами. ...

Если антисемита, как всякий может легко заметить, не убеждают ни жизненный опыт, ни доводы рассудка, то вовсе не потому, что его убеждения так сильны. Наоборот, его убеждения так тверды именно оттого, что он заранее решил быть непоколебимым.

Также заранее он решил быть страшным. Его все боятся рассердить. Никто не знает, до каких крайностей может его довести сумасшествие его страсти; он один это знает, потому что эта страсть не спровоцирована извне. Он всегда остается ее повелителем, давая ей волю настолько, насколько хочет... <...>

Антисемит охотно признает, что евреи интеллигентны и трудолюбивы; он может даже согласиться, что он в этом плане не ровня им... ценность этих качеств для него определяется тем, кому они принадлежат: еврей, чем выше у него уровень этих качеств, - тем опаснее.

<...>

Для антисемита интеллигентность - это еврейская черта, он спокойно может презирать ее, как и другие еврейские достоинства. <...>

<...>

...я бы, пожалуй, назвал антисемитизм снобизмом неполноценных.<...> Эта страсть бушует в небогатых (средних) классах именно оттого, что они не владеют ни землей, ни домами, ни дворцами...

<...> Если бы евреи, согласно мечте антисемита, вдруг исчезли, он тут же стал бы рядовым сторожем или торговцем в обществе... где гордость «истинного патриота» потеряла бы всякую ценность, так как ее имели бы все; он утратил бы ощущение исключительности своего права на родину, а те равенство и солидарность, которые объединяли его с аристократией и богачами, развеялись бы как дым... Свои жизненные неудачи, которые он до сих пор объяснял еврейскими происками, теперь пришлось бы приписывать чему-то другому или обвинять самого себя; в результате он погрузился бы и горечь и меланхолическую ненависть к правящим классам. Таким образом, несчастьем антисемита является то, что он не может ни минуты обойтись без своего врага, которого так хочет уничтожить.

<...> Антисемитизм (в отличие от других проявлений массовой ярости) переживает каждую большую волну ненависти к евреям и не исчезает; сообщество антисемитов находится как бы в отпуске в периоды общего спокойствия и каждый антисемит всегда готов стать под ружье. <...>

Он [антисемит] мечтает, чтобы его личность вдруг растворилась в толпе и была возвышена коллективным потоком гнева.

...антисемитизм сам по себе является способом мышления и мировоззрением... Еврей, говорит он, целиком плохой, целиком еврейский... Если еврей построит мост - это будет еврейский мост, плохой от первого до последнего звена. <...> Нет, например, одинаковой храбрости еврея и христианина, так же, как кислород в смеси с азотом дает воздух, а с водородом - воду.

Самые сметливые из антисемитов поговаривают, что евреи хотят мирового господства; но и тут, если не прибегать к метафизике, невозможно представить, как они смогут реализовать такое намерение. Нас призывают видеть за фигурой еврея то международный капитализм, империализм трестов и торговцев пушками, то большевизм с ножом в зубах. Не колеблясь, возлагают как ответственность за коммунизм на еврея-банкира, так и ответственность за империализм на еврейнищого. Но все это становится понятным, если не требовать от еврея разумных и соответствующих его интересам поступков, если видеть в нем, наоборот, метафизическое начало, которое всегда и всюду толкает его творить зло, даже если при этом он сам себя уничтожает. <...> Таким способом еврей уподобляется Духу Зла. <...> Через него приходит всякое зло на землю; все, что в обществе плохо (кризисы, войны, голод и т.д.), следует приписать еврею. Антисемит боится обнаружить, что мировой порядок плох; тогда пришлось бы придумывать что-то иное, искать, менять, и человек снова стал бы хозяином своей судьбы, отягощенным устрашающей и бесконечной ответственностью. Поэтому антисемит хочет сконцентрировать все зло мира в евреях. <...>

...но если речь идет только о том, чтобы уничтожить Зло, то значит, что Добро уже заранее задано. Нечего искать его, страшась, разочаровываясь.. испытывать жизнь и брать на себя тяжкую обузу ответственности за моральный выбор. ...антисемит решил заниматься Злом, чтобы не надо было заниматься Добром. Чем больше он занят уничтожением Зла, тем меньше времени у него остается, чтобы задуматься о Добре.

<...>

Ясно, что все враги евреев вовсе не требуют громогласно их уничтожения, но предлагаемые ими средства, имеющие целью принижение евреев, их угнетение, изгнание, - являются только заменителями убийства, которое антисемиты лелеют в душе; это всё символические убийства. <...> ...те внезапные приступы ярости, те потоки проклятий, которые периодически изливаются на головы «пархатых жидов» - это всё символические исполнения смертных приговоров.

<...>

[Антисемит] - это попросту человек, который боится. Не евреев, разумеется, - самого себя, своего сознания, своей свободы, своих инстинктов, своей ответственности, одиночества, перемен, общества и мира - одним словом, всего, только не евреев. Это трус, не смеющий признаться в трусости самому себе; убийца, который сдерживает свои злодейские инстинкты, не умея, однако, их подавить, и который... отваживается убивать только символично или среди безымянной толпы. Становясь антисемитом, он... определяет свою суть... Он ничего не хочет достигать, он хочет все

получить за счет своего рождения, не являясь аристократом. Еврей здесь только предлог - в других странах мира он пользуется негром или желтым.

Существование евреев позволяет антисемиту подавить в зародыше свое недовольство жизнью. <...> Антисемитизм - это страх перед проблемами человеческого существования. Антисемит - это человек, который хочет быть непоколебимой скалой, бурным потоком, испепеляющей молнией - всем, только не человеком [16, с. 6-51].

Ф. ЭНГЕЛЬС:

Антисемитизм... служит... лишь реакционным целям, прикрываясь мнимосоциалистической маской; это уродливая разновидность феодального социализма... [17, т. 22, с. 54].

ГИТЛЕР:

Антисемитизм является удобным революционным средством. <...> Вы увидите, как мало времени нам потребуется для того, чтобы перевернуть представления и критерии всего мира только и просто с помощью нападок на еврейство. Вне всякого сомнения, это – самое сильное оружие в моем пропагандистском арсенале (3, т. 2, с. 507].

О. БИСМАРК (*князь, первый канцлер Германии с 1871 г.*):

Антисемитизм - это социализм дураков [18, с. 190].

ГИММЛЕР (*соратник Гитлера*):

Антисемитизм - это точно то же самое, что санитарная обработка. Избавление от вшей не вопрос идеологии; это вопрос гигиены. Точно так же для нас и антисемитизм являлся не вопросом идеологии, а вопросом гигиены... Скоро мы избавимся от вшей [3, т. 2, с. 565].

Т. МОММЗЕН (*немецкий историк и юрист XIX века*):

Антисемитизм является образом мысли сволочи [19, с. 15].

ШТРЕЙХЕР (*«антисемит № 1» в гитлеровской Германии*):

На земле не будет светить солнце до тех пор, пока не умрет последний еврей.

<...>

Гитлер освобождает мир от его еврейских мучителей [3, т. 1, с. 40; т. 2, с. 1069].

Л. ТОЛСТОЙ:

...между всеми срамотами срамота юдофобства самая отвратительная и адо-образная. Здесь все есть: и желчь ненависти, и слюна бешенства, и улыбка предательства, и все, что только могут извергнуть самые темные низы души человеческой.

<...>

...чистое юдофобство не разбирает вины и не о вине хлопочет. Оно есть просто похоть злобы [20, с. 55,57].

ФРАНК (*президент академии германского права в 1933-42 гг.*):

Евреи - раса, которая должна быть истреблена [3, т. 1, с. 121].

Ш. де РИБА (*обвинительная речь на Нюрнбергском процессе*):

Геноцид, убийства или какое-либо другое преступление, совершенное государственным аппаратом, становится анонимным. Никто не несет главной ответственности. Все ее разделяют... Что касается того лица, которое приводит в исполнение приказ, то он сам себе повторяет «Приказ есть приказ» и выполняет свои обязанности палача.

Тот, кто принимает это решение, делает это без содрогания, он может быть и не представляет себе точно, конкретно все последствия... [3, т.2, с.613].

Ж.-П. САРТР:

Евреи, правда, имеют союзника: демократа. Но это слабый защитник. ...он хотел бы отделить еврея от его религии, семьи, этнического сообщества и пропустить сквозь мясорубку демократии, из которой тот выйдет одиноким и нагим, индивидуальной частицей, подобной всем другим частицам. Именно это называлось... политикой ассимиляции. ...эта политика потерпела поражение.

У самого либерального демократа можно найти определенный душок антисемитизма: он противник евреев в той степени, в какой они считают себя евреями [16, с. 51,53,54].

К. КАУТСКИЙ (*немецкий социал-демократ*):

...евреи не представляют из себя никакой расы ...

<...>

Из своего национального существования еврейство сохраняет только национальную тоску, желание снова стать когда-нибудь нацией.

<...>

...никакое смешение европейского населения не обещает лучших результатов, чем смешение евреев с не-евреями.

<...>

Чем скорее оно (еврейство) исчезнет, тем лучше для общества и для самих евреев [21, с. 97,101,183, 189].

Х. ЖИТЛОВСКИЙ:

Один народ повалил другой на землю... вцепился цепкими пальцами в его горло... И тут приходят социалисты, громко говорят, что разницы между народами нет, что все равны в классовой борьбе... <...> А когда указываешь на положение угнетенного народа, на его жажду... свободной национальной жизни, они с «научным» спокойствием возражают: «да где у него национальная жизнь? Он уже посинел весь и язык высунул»...

<...>

Требование ассимиляции... говорит: «все то, что ты претерпеваешь, как член данной национальности, ты претерпеваешь законно: не следует быть членом ея. Брось свой народ...» <...> ...национальное господство требует от поработанного народа лишь подчиненного положения, ассимиляция же требует его полного исчезновения [22, с. 75, 87,88].

Ж.-П. САРТР:

Антисемит упрекает еврея за то, что он является евреем, демократ склонен его упрекать за то, что он считает себя евреем. Между своим врагом и своим защитником еврей находится в достаточно сложном положении: похоже, он только может выбрать соус, под которым его съедят [16, с.54-55].

В. КОРОЛЕНКО (из письма по поводу кишиневского погрома 1903 г.):

...антисемитизм загадил всю жизнь. Есть небольшой контингент людей порядочных и незараженных этой гадостью, но остальное почти сплошь [12, т. 10, с.366].

* * *

Воевать или уповать? Русские князья только-только наловчились рвать горло друг другу, а тут - лавина, черный ветер стрел, визг ста тысяч редкозубых ртов, полмиллиона копыт взбивают снег, искры сабель, кровь алым льдом, трупы: лапоть в небо, разворот кишок, голубая стынь в глазах, - и восторг ворон...

В феврале 1238 года татаро-монголы осадили столицу Северной Руси Владимир. Воевать или уповать?

Бог наслал грозу, Бог и спасет кротких духом. В самый раз богобоязненной владимирской знати подкатило: отрешиться от суеты мирской. Постригались в монахи

воители, епископ благословлял... В тяжелое зимнее небо возносились молитвы владимирцев и деловой шум татар, готовящих штурм.

В. КАРГАЛОВ:

...новопостриженные «монахи» князя Всеволод и Мстислав... поехали с богатыми дарами в лагерь хана Батя... Батый не принял мирных предложений и повелел Всеволода «перед собою зарезати».

<...>

...княжеская семья, множество бояр и народа укрылись в каменном Успенском соборе... татары обложили собор деревом и подожгли.

<...>

Две недели держался Торжок... 5 марта 1238 года монголо-татары ворвались через проломы в пылающий город. <...> Они не щадили никого: ни женщин, ни детей, ни стариков. ...«секучи люди, яко траву».

<...>

В конце марта или начале апреля 1238 года монголо-татарская «облава» двинулась от Волги на юг.

<...> Из края в край Руси, от Костромы до Торжка, поднялось дымное зарево... Как от лесного пожара бежали дикие звери. <...> Вся страна дымилась, захлестнутая монголо-татарской волной. На дорогах и тропах лежали трупы - порубленные саблями, пронзенные стрелами, растоптанные копытами коней. <...> Шли на юг под конвоем конных воинов тысячные толпы пленных. Позади завоевателей оставалась облитая кровью и окутанная дымом пожаров пустыня. Такого страшного разгрома еще не знала Русская земля [23, с. 46-47, 61-62,65].

С. СОЛОВЬЕВ:

По приказанию Чингис-хана не должно щадить имущества и жизни врагов, потому что плод пощады - сожаление [24, кн. 2, с. 149].

Из законов древних евреев (2000 лет до татар):

Во время походов старайтесь поступать по возможности гуманно Убивайте всех, кого вы победите в бою с оружием в руках, всем же остальным даруйте жизнь... [25, с. 232].

И «не убивай». «не кради», «не обижай пришельца» и «не ожесточи сердца своего и не сожми руки своей перед нищим братом своим» и «раба отпусти на седьмой год» - все это

тоже оттуда, из 3000 лет назад, из книги евреев - Библии (Второзаконие, 5:17,19; 15:7,12; 24:14) [2, с. 174,184,185,193].

АНТИСЕМИТИЯ. История

За 14 веков до новой эры Моисей привел евреев из Египта в Палестину - строить государство и культ единого своего Бога Ягве (Иеговы). В X веке, возвеличась Соломоновым царством и храмом Ягве в Иерусалиме, распалось затем то государство (930 г.) и пошло из рук в руки: от ассирийцев (722 г.) и вавилонян (586 г.) к персам (537 г.), грекам (330 г.), а с 63 г. до н.э. римлянам [26, т. 3, с. 44-46; 27, с. 52].

Ж . САРТР:

Не следует видеть в этом результатов некоего тяготеющего над тем народом проклятия, разве что если существует проклятие географическое: положение Палестины на перекрестке всех торговых путей тогдашнего мира, между могущественными государствами, достаточно объясняет причины этого постепенного упадка [16, с. 60].

В бесчисленных войнах и восстаниях против захватчиков восемь столетий истекала Палестина потоками пленных и беглых евреев в Аравию, Вавилонию, Персию, Армению, на средиземноморское побережье, в города македонской и римской империй, в Азию вплоть до Бухары, Китая и Индии, куда еврейские торговцы добирались еще при царе Соломоне. Так возникла еврейская диаспора («рассеяние» по-гречески), так появились в языческом мире очаги единобожия - еврейские синагоги («соборание» по-гречески).

Воюя и кочуя, торгуя и бунтуя, то в рабстве, то в почете живя, с язычеством сталкиваясь, с персидскими зороастризмом и эллинским стоицизмом, на стыке Запада и Востока творили евреи иудаизм - религию Ягве, мощью еврейских пророков превращенного из Бога евреев в единого Бога всего человечества. Тот бестелесный Бог - вездесущий Дух – определил людям жить в справедливости и любви. Уклонившиеся творят зло, но Бог пришлет своего посланца - Машиаха, Мессию, и он установит на земле Божье царство добра. Так говорила Книга евреев. Ее первые пять частей («Закон», по-древнееврейски «Тора») записали вавилонские евреи в 6 веке до н.э. В мир иудейская Тора вышла грекоязычной Библией («библиа» - «книги» по-гречески) в 240 г. до н.э., в пору сближения эллинской и еврейской мысли (и первых, кстати, еврейских погромов) [28, т. 7, с. 224-227; 27, с. 68,86,102].

Г. ФАСТ (*древнегреческие города в Египте, IV-! вв. до н.э.*):

Египетские греки... были очарованы еврейской концепцией Бога, этической строгостью евреев и еврейским гуманизмом, намного опередившим греческий гуманизм, отвращением к войне и убийству, которые уже тогда были частью еврейского мировоззрения. <...>

Образованные культурные греки не видели барьеров на пути к иудаизму. <...> Очаг достоинства и стабильности, который представляла собой еврейская семья повсюду, доброта евреев, их спокойствие, их воздержанность от пьянства - это и привлекало и отталкивало. Греки становились евреями, другие греки убивали евреев. Евреев любили и евреев ненавидели - как всегда ненавидят чужестранца, остающегося чужим. Их отказ стать частью языческого мира, в котором они жили. их зажиточность - не всегда, но достаточно часто, - их обособленность, многим казавшаяся надменностью, их отказ носить оружие... - все это вызвало появление особого вида ненависти... которую мир знает как антисемитизм. Еще за двести лет до нашей эры эта ненависть начала извергаться ужасающими действиями толпы против евреев... [27, с. 101,113-114].

Ф.В. ФАРРАР (древний Рим):

Юлий Цезарь... нелицемерно удивлявшийся мужеству и независимости. с которыми иудеи держались вдали от всякой идолопоклоннической лести... дозволил им поселиться [в Риме]. С этого времени они сделались постоянной мишенью для злобы... ..их субботы, обрезания, отвращение к свиному мясу, формы клятвы, лампы и торжественные праздники были предметом ядовитых насмешек и служили признаками крайне отвратительного суеверия. <...> ...иудей был для латинских народов предметом отвращения и презрения [29, с. 842-844].

В черные годы римского ярма подневольный палестинский еврей либо бунтовал, либо покорно уповал на приход обещанного Богом избавителя.

Мятежней всех была земля Галилеи, кротче всех – секта назореев. Из Галилеи, от назореев и явился Спаситель - по-еврейски «Иешуа», «Иисус». Земной власти римлян он противоположил Божью власть добра. Распятый, Иисус для тех, кто мирно ждал Посланца свыше, стал им, «Помазанником Бога», «Мессией», в переводе с еврейского на греческий - «Христос». Его отождествили с Логосом древних греков, всемирным разумом, который Филон, греческий еврей, назвал орудием единого Бога, «Божьим сыном». Христос воскрес еще одним Богом [30, с. 20,32,33.70].

Евреи-иудаисты отвергли евреев-христиан: священники – за измену единобожию, аристократы - за опасное противостояние Риму, бунтари - за смирение. Для римлян же христиане были и евреями, и вольнодумцами - в обоих случаях удобными для казни. Подлаживаясь к всеильному Риму, христиане находчиво перебросили с римлян на

враждебных иудаистов вину за смерть Иисуса. Отныне прежняя неприязнь коренного жителя к чужаку-еврею у христиан стала «обоснованной» ненавистью [27, с. 148; 30, с. 204; 31, с. 211].

Между тем римляне старательно распинали упорно-непокорную Иудею. Только во время Иисуса (до 33 г.) не менее двенадцати самозванных мессий возмущали народ. В годах 6, 26-30, 66-73 (Иудейская война), 115-117, 132-135 - бунтовали и гибли евреи. Их поражения, а особенно разрушение Иерусалимского храма в 70 г. и самого Иерусалима в 135 г., убеждали: евреи неуютны ни Богу христиан, ни языческим богам. Неудачников - кто любит?.. [28, т. 8, с. 940; 30, с. 233; 31, с. 254].

Последний рывок евреев к свободе, восстание под руководством Бар-Кохбы в 132-135 гг., обошелся им в 580 тысяч убитых. Иерусалим - умер.

С тех пор евреям оставалось только чужеземное гостеприимство.

Х. ХУРЕНИТО (герой одноименного романа И. Эренбурга):

Когда в Египте... начиналась засуха, мудрецы вспоминали о существовании евреев, приглашали их, резали и кропили землю свеженькой еврейской кровью... Конечно, это не могло заменить дождя, по все же давало некоторое удовлетворение. Впрочем, и тогда были люди осторожные, воззрений гуманных, говорившие, что резать несколько евреев, разумеется, полезно, но землю окроплять их кровью не следует, потому что это ядовитая кровь и даст вместо хлеба белену.

В Испании, когда начинались болезни - чума или насморк, - святые отцы вспоминали о «врагах Христа и человечества» и, обливаясь слезами, впрочем, не столь обильными, чтобы погасить костры, сжигали несколько тысяч евреев... Гуманисты, опасаясь огня и пспли, который ветер разносит повсюду, осторожно, на ушко, чтобы какой-нибудь заблудившийся инквизитор не услышал, шептали: «Лучше бы их просто уморить!..»

В Южной Италии, при землетрясениях, сначала убегали на север, потом осторожно, гуськом шли назад поглядеть - трясется ли еще земля. Евреи тоже убегали и тоже возвращались домой, позади всех. Разумеется, земля тряслась или потому, что евреи захотели этого, или потому, что земля не захотела евреев. В обоих случаях полезно было отдельных представителей этого племени закопать живьем, что и проделывалось. Что говорили люди передовые?.. Ах да, они очень боялись, что закопанные окончательно растрясут землю [14, т. 1, с.85].

М. ГОРЬКИЙ (крестоносцы завоевывают Палестину):

...Иерусалим был взят приступом 15 июля 1099 г. Перебив всех мусульман... ожесточенные крестоносцы загнали живших в Иерусалиме евреев... в одну синагогу и подожгли ее. Все евреи погибли в пламени, а имущество их было разграблено [6, с. 22].

М. ВИШНИЦЕР (*крестоносцев изгоняют из Палестины*):

[В 1291 году город Акко] последнее владение крестоносцев, был взят штурмом египетским войском. Евреи были перебиты наравне с христианами... [28, т. 12, с. 234].

М. ДРЮОН (*Франция*):

В начале лета [1317 года] на страну обрушился голод, усеявший города трупами. Вскоре после этого над всей Францией пронесся вихрь безумия. Какой-то слепой, полумистический порыв... и вместе с тем крайняя нищета, неистовая жажда уничтожения побудили внезапно деревенских юношей и девушек, пастухов, гуртоправов и свинопасов... объединиться в бродячие банды. Предлогом для этого стихийного исхода послужила некая туманная идея крестового похода.

<...> К их толпам присоединялись священники-расстриги, монахи-вероотступники, разбойники, воры, нищие и гулящие девки. <...> Сотни тысяч путников в лохмотьях, входя в какой-нибудь город, чтобы попросить там милостыню, не задумываясь, пускали его на разграбление.

<...> Иоанн XXII... пригрозил отлучить от церкви этих лже-крестоносцев. Но им нужны были жертвы, и они набросились на евреев. Тут жители городов, приветствуя кровавые погромы, стали брататься с пастухами. Были разгромлены гетто Лектура, Овилара, Кастельсаразна... Не было города в Лангедоке, где обошлось бы без погрома.

Евреи Верден-сюр-Гаронн сначала бросали, словно метательные снаряды, своих собственных детей, а затем перерезали друг друга, чтобы не попасть в руки одержимых. <...>

<...> В Шиноне евреи всей округи были брошены в огромный, объятый пламенем ров; в Париже они были сожжены на том самом злосчастном острове, который носил их имя, напротив королевского дворца... [32, с. 258-261].

И.ЖИТЕЦКИЙ:

В XV веке во многих местностях, особенно в Германии, еврей были поголовно истреблены... [33,1901, т. 1, с. 67].

К. КАУТСКИЙ:

...преследования евреев сделали невозможным существование их как раз во времена гуманизма и как раз в просвещеннейших странах Европы. Они бежали на восток, в Польшу и Турцию. В этих варварских странах они были терпимы именно потому, что это были варварские страны, нуждавшиеся еще в городском населении [21, с. 141].

Ж.-П. САРТР:

...еврей, хотя и может легко быть ассимилирован современными народами, оказывается тем, кого народы не хотят ассимилировать. Прежде всего тяготеет над ним обвинение, что он - убийца Христа.

(Отметим, что это легенда... ..распятие было римским способом казни; это римляне, а не евреи распяли Христа...). Задумывались ли вы когда-нибудь над чудовищным положением людей, приговоренных находиться в лоне общества, которое почитает убитого ими Бога? <.,.>

...антисемит потому и выбрал еврея объектом своей ненависти, что он уже издавна был объектом религиозного гонения.

...средневековая католическая церковь могла принудительно ассимилировать евреев, но она их терпела потому, что они выполняли экономическую функцию: проклятые, они исполняли обязанности проклятые, но необходимые. Не имея права на землевладение, не допускаемые служить в армию, они занимались торговлей и деньгами, которых христианин не мог коснуться, не испоганив рук. Таким образом к первоначальному проклятию, тяготевшему над евреями, добавилось еще и экономическое, и это последнее длится по сегодняшний день.

<.,.> ...евреев сотворили христиане, решительно воспротивившись их ассимиляции и навязав им, помимо их воли, экономическую функцию [16, с. 63-64].

По С. ЛОЗИНСКОМУ (*опыт ассимиляции*):

В XII веке комендантом Толедо, а затем королевским министром был еврей Иуда-ибн-Эзра. Королевские советники и министры, придворные врачи и ученые, купцы, воины, землевладельцы - к вершинам власти и богатства привело испанских евреев многовековое благоволение христианских властей.

В XIII веке католическая церковь нацелилась на еврейские деньги: христоролюбивое духовенство понесло в народ ненависть к иноверцам. Король Фердинанд III Святой постарался уберечь евреев и мавров - основу своей экономики, но в XIV веке уже покатались по Испании погромы. Толедо, Валенсия, Барселона... Только в Севилье 6 июня 1391 года из 20-30 тысяч евреев уничтожено более 4 тысяч.

Боясь утечки еврейского капитала, власти запретили евреям выезд за границу. Бесправным, гонимым со всех сторон евреям церковь подсказала единственный выход - креститься. Миллион евреев стали «новыми христианами» или «маранами». Это сразу позволило им дотянуться до министерских портфелей, княжеских титулов и епископских кафедр, взмыть в финансах, науках, торговле. «Ассимилированные» евреи - мараны стали основателями богатейших семейств

Испании. В петиции толедских маранов 1449 года среди представителей испанской знати, в жилах которых течет еврейская кровь, упомянуты семья матери короля Фердинанда Католика (он изгнал евреев в 1492 году) и кардинал Сан-Систо Хуан Торквемада (дядя будущего Великого инквизитора Томаса Торквемады).

Часть маранов пыталась сидеть на двух стульях разом: они тайно соблюдали еврейские обряды. А блестящей эпохе Возрождения нужны были деньги: для войн Испании, для роскоши Рима, для

великих взлетов искусства. В 1478 году в Испании была введена инквизиция с целью уничтожения ереси иудействующих новых христиан. Подземелья, пытки, костры...

Милосердная церковь дала маранам некоторый срок для добровольного раскаяния, которое спасало от смертной казни ценой потери имущества и публичного отречения от грехов на ауто-да-фе. Доказательством искренности «примиренных с церковью» маранов служила выдача ими других вероотступников, включая ближайших родственников и друзей. Мараны доверчиво каялись - на одном ауто-да-фе их явилось 1500 человек. А инквизиции доносы несли богатый материал для конфискаций и казней, грянувших по истечении льготного срока. В Толедо с 1483 по 1501 год сожжено живьем 666 человек, в Севилье за 8 лет - более 700. За годы инквизиторства Томаса Торквемады (1481-1498) осуждено 114511 еретиков, из них 11272 сожжены заживо. В 1484 г. папа Сикст IV писал Торквемаде: «...мы в восторге, что вы, обогащенный познаниями и облеченный властью, направили свое усердие на предметы, возвеличивающие имя Господне и полезные истинной вере. Мы ниспращиваем на вас Божье благословение и побуждаем вас, дорогой сын, продолжать с прежней энергией и неутомимостью...»

Теперь евреи перестали креститься. Переход в христианство оказался вступлением в сословие, над которым постоянно висел дамоклов меч обвинения в иудейской ереси.

Дойное стадо инквизиции и короны - мараны - истощилось. Остатки ограбленных и растерзанных еврейских семейств годились только на то, чтобы их изгнать. В короткий срок (чтобы бросили имущество). С запретом вывозить золото и серебро (они нужны казне) [8, с. 7-24, 41-68, 123-146].

А. ХИРЬЯКОВ (*Испания*):

...сотни тысяч человек должны были оставить родину - ту страну, которую они возделывали и защищали столько веков, ту страну, которая была в значительной степени обязана им своим богатством, своей культурой.

<...> Вслед за евреями были изгнаны и покоренные мавры; вслед за маврами наступила очередь морисков или крещеных мавров.

<...> Целые округа... превращались в пустыни. Страна оставалась без работников. Падала торговля, падала промышленность. <...>

Исторические грехи не прощаются народам. Преступление, совершенное в 1492 году... постепенно довело богатейшую и культурнейшую страну Европы до нищеты и совершенного бессилия. Даже теперь, в начале XX века, Испания продолжает расплачиваться за старые грехи... [34, с. 57-59).

Б. СПИНОЗА:

Можно ли выдумать большее зло для государства, чем то, что честных людей отправляют как злодеев в изгнание?... [35, с. 295].

Евреев изгнали именем Христа - Бога Любви.

Из испанской народной песни:

Было б море - из чернил,
 Было б небо - из бумаги, -
 Все равно не записать
 Всю ту ложь, чье имя - люди [36, с. 18].

Еврейская идея единобожия «естественно» обернулась против ее творцов. Как водится: построить гидростанцию - искалечить природу, наплодить автомобили - задохнуться в угаре, изобрести азбуку - читать «Майн кампф» Гитлера. Уже не говоря о расщеплении атома. Единство противоположностей. На евреях, конечно, наиболее наглядно.

Охота была им рушить язычество! Где много идолов – там нет исключительности.

Г. ФАСТ:

Китай был одним из немногих мест на земле, где евреев никогда не преследовали [27, с. 184].

МАНГУ (*великий хан татаро-монголов*):

...христиане почитают Иисуса Христа, Сарацины - Магомета, Жиды - Моисея, а у язычников самый высший бог - Согономар-хан, а я почитаю всех четырех и молю о помощи себе того, кто в самом деле выше всех из них [37, с. 20].

Впрочем, если уточнить:

С. СОЛОВЬЕВ:

...но всех странах, подвластных татарам, ...служители всех религий, исключая еврейских раввинов, были освобождены от подати [24, кн. 2, с. 159].

Русский государь XVI века Иван IV Грозный, татарам по-своему вторя, «не преследовал и не ненавидел за веру никого, кроме жидов... Их он либо сожигал живьем, либо вешал и бросал в воду» [П. де Эрлезунд, см. 38, с. 36].

Однако недозревшей России далеко еще было до неистового антисемитизма передовой Европы. А когда дело требовало... Дед Ивана Грозного Иван III через еврея Хозу Кокоса искал дружбы с крымским ханом. Письма Ивану III из Кафы (Феодосии) Кокос писал на еврейском языке - великий князь московский долгое время тем не гнушался.

В. ОГОРОДНИКОВ:

Недосягаемо высокий на Москве и требовавший к себе беспрекословного повиновения и преклонения, он (Иван III) снисходил до передачи Кокосу поклонов и извинений [38, с. 24].

Много позже другой царственный прагматик Петр Великий, привлекая евреев, писал: «По мне будь крещен или обрезан - едино, лишь будь добр человек и знай дело». И служили ему евреи, крещеные и некрещеные: братья Веселовские, барон Шафиров, первый петербургский обер-полицмейстер Дивьер, аптекарь Абрам Рут и другие (38, с. 65). Зато дочь Петра, императрица Елизавета, на просьбу города Риги разрешить выгодную торговлю с евреями отвечала твердо: «От врагов христовых не желаю интересной прибыли» [38, с. 82].

Русский размах антисемитского маятника...

По И. БЕРЛИНУ, М. ВИШНИЦЕРУ:

Византийское государство стремилось постепенно превратить евреев в граждан второго сорта, покровительствуя тем из них, кто был готов перейти в христианство, и всячески стесняя исконные формы внутреннего быта и организации евреев. Эта политика достигла кульминации к VII-IX векам. Результатом была усиленная эмиграция евреев из Византии.

Наряду с другими странами, они переселялись и в Хазарское государство. Еврейское влияние привело к обращению хазар в иудаизм в конце VII века. После завоевания хазарами ряда областей в Приднепровье, Крыму, на Кавказе и в будущих владениях Руси здесь появились евреи. Кизляр, Тамань, Судак, Тифлис, Херсонес, Феодосия и другие города были иудейскими (хазарскими, еврейскими).

С развитием торговли, в IX-XI веках, главным складом транзитных товаров становится Киев. Здесь встретились евреи западно-европейские и византийские с одной стороны и хазарские - с другой (следы слова «хазар» во всех Казарках, Козарах, Козаках на Украине, Кацарская улица в Харькове, Казарь на Рязанщине и т.д.)

С последней четверти XI века Киев - достаточно крупный еврейский центр. Как и в других славянских государствах, евреи в Киевской Руси составляют группу свободных людей, исполняющих важные экономические функции: в их руках сосредоточилась транзитная торговля. Они жили в городах, преимущественно в особых кварталах, но могли селиться всюду. Памятники русского права вообще не знают каких-либо законов против евреев. Евреи пользовались большим уважением великого князя Владимира.

У восточных славян в дохристианский период бытует представление об еврее как носителе культурного начала, как умном и умелом торговце. «Яснее всех других влияний выступает еврейское

влияние и участие еврейских элементов в формировании духовного облика древне-русского народа» (Иван ФРАНКО). На Руси того периода сложился также эпический образ еврея-богатыря, еврея-великана (возможно, благодаря политическим сношениям русских с хазарами).

В XII веке под влиянием христианства и изменившихся условий жизни возникло представление о жидовине как враге народа. Таков еврей в былинах о Жидовине, необыкновенном гиганте:

Проехал Жидовин-могуч богатырь
 На эти на степи на Цицарския...
 Поворачивал нахвальщина добра коня,
 Пуцал на Добрыню Никитича.

Первое проявление антисемитизма после смерти князя Святополка в 1113 г., когда киевская толпа, взбунтовавшись против тысяцкого Путяты, попутно громила евреев, - было отзвуком настроений западно-европейских крестоносцев. Владимир Мономах, прибыв с дружиной в Киев, покончил с мятежом и погромом [28, т. 2, с. 643-649; 39, с. 65-166].

И. СЛАВИН:

...потребность малокультурных... стран в развитии промышленности, торговли и ремесел диктовала ряд привилегий евреям... <...> Лишь когда возникает впоследствии на месте конкуренция в лице купцов, ремесленников и промышленников господствующей национальности, настает период... преследования конкурентов-евреев.

<...> Формы же борьбы были разнообразны, по во всех случаях почетное место занимает разжигание религиозной и расовой ненависти к евреям [40, с. 15].

По И. БЕРЛИНУ, С. БЕРШАДСКОМУ, А. ГАРКАВИ, Н. КОСТОМАРОВУ:

В XV-XVI веках южно-русские города превратились в обычные для Европы торгово-ремесленные поселения, охваченные соперничеством разноплеменных общин на экономической и правовой почве. Подобно другим нациям в этих городах евреи организуются в отдельные замкнутые общины.

Но и в начале XVIII века вражда к евреям в Южной Руси еще не дошла до апогея. Киевский митрополит Петр Могила в тридцатые годы XVII века убеждал христиан дружественно относиться к евреям. В краковской брошюре 1617 года автор, будучи ярким антисемитом, тем не менее писал: «...между Русскими, Волынскими, Подольскими евреями было много крепких и неутомимых молодцов, которые с саблею на перевязи, луком или ружьем за плечами охотно садились на коня и мужественно сражались, где им случится». Даже среди украинских казаков можно было встретить еврея. В газете «Русский еврей», 1880 г., № 9, напечатана заметка об еврее Берахе, служившем в запорожском войске и героически павшем в бою. «И многие казаки, - по словам очевидца, - говорили:

«О, боже как жалко, что рыцарь еврей Бераха так плачевно скончался, будучи разрублен и расколот бердышами».

Это не помешало чуть позднее казацкому вождю Хмельницкому презрительно отзываться о боевых качествах евреев: поляков бояться нечего, говорил он казакам, ибо в польском войске много жидов [9, т. 1, с. 365; 33,1888, т. 10, с. 76; 1890, т. 5, с. 377-379; 39, с. 184-188].

То - пришла пора и в русских землях.

Из ноты московского правительства полякам (XVII век):

...богоубийц жидов, которых всем христианским людям ненавидеть должно... [24, кн. 5, с. 579].

Из молитвы еврейского царя СОЛОМОНА при освящении первого храма Ягве (X в. до н.э.):

...мы не только не являемся человеконенавистниками по своей природе и нисколько не настроены враждебно против иноплеменников, но желаем всем и каждому пользоваться Твоей помощью и полным избытком всяких благ [25, с. 458].

И. БЕРЛИН:

Впервые насилие и погромы над евреями предпринимаются казачеством с одобрения рады в 1621 г. На раде... по предложению гетмана Бородавки... инсценировавшего перед этим навет, будто одним белоцерковским евреем было совершено кощунственное поругание иконы, было предоставлено казачеству грабить евреев по всей Украине, «что они, по замечанию присутствовавшего на этой раде... королевского агента Обороницкого, и выполняют добросовестно» [39, с. 188].

Добросовестность украинских казаков впечатляет. К 1654 году, по окончании антипольского восстания Хмельницкого

М. ВЛАДИМИРСКИЙ-БУДАНОВ:

...ни одного поляка, ни одного еврея нет в целой огромной стране [33,1888, т. 7, с. 113].

Сбылась народная мечта!

Украинская народная песня 1649 года:

Теперь не будет у нас ни ляха, ни жида, ни пана, и не будет на свете земли лучше нашей Украины [9, т. 2, с. 199].

Высокообразованный историк Н.И. КОСТОМАРОВ считал, что евреи вполне заслужили постигшую их кару. Между прочим, слегка передернул: привел горестное восклицание еврея-очевидца резни, который процитировал библейский текст «исполнилось проклятие Моисеево...» и сделал вывод: «...замечательно, что этот еврей... признает своих единоверцев заслужившими суд Божий, постигший их» [9, т. 3, с. 306].

По КОСТОМАРОВУ грех евреев - экономическое и религиозное (!!) притеснение украинцев, а православное войско Хмельницкого, клонившееся то к Москве, то к Польше, то к татарам, то к туркам, - орудие Божьего суда. Смело! Ученого не смутило даже его собственное описание грабежа казаками православного храма во Львове: священнику лили на плечи горилку и поджигали, чтобы выпытать, где спрятаны драгоценности [9, т. 2, с. 20].

Ладно, допустим: хоть несоразмерно расправе, но виноваты евреи в семнадцатом веке. А в восемнадцатом какие причины? Местечковое еврейство и крепостное украинское крестьянство - одинаково нищие и бесправные, разделенные только религией и этнографией. И вот - восстание украинских гайдамаков и резня евреев в Умани в 1768 году.

И. ГАЛАНТ:

...кровь зарезанных [3000 человек] стояла в синагоге повыше порогов...

<...> Евреи плавали в собственной крови, без рук, без ушей, без ног, обнаженные, и сами просили, чтобы их убивали [33, 1895, т. 51, ноябрь, с.213,222].

И не только в Умани. И не в религии, видно, дело, если «в городах Тетиеве, Липовце и Погребиче убиты евреи многими тысячами; некоторые изменили своей вере и должны были зарезать на глазах извергов жену и детей своих в доказательство искреннего перехода в христианство, но затем все-таки их самих убивали» [33,1895, т. 51, октябрь, с. 6].

1919 год, Россия, гражданская война. Христо- (и корысто-)любие сменены высокой политикой. Для контрреволюции евреи - красные.

Б. ЛЕКАШ (*глядя на карту с флажками на местах еврейских погромов*):

Вот здесь Украина, здесь Белоруссия, здесь Молдавии, здесь Крым.

А вот это - евреи. Тысяча пятьсот флажков. <...>

Синие флажки. Во славу Деникина. Я считаю: двести двадцать шесть штук.

...желтые флажки. Они возвещают хвалу Петлюре. <...> Двести одиннадцать.

Для поляков отдельно сорок семь флажков. Балахович отмечен тоже сорока семью флажками. Для прочих бандитов остается девятьсот восемьдесят девять штук [10, с. 22].

Чтобы быть евреем - не обязательно быть красным.

Б. ЛЕКАШ:

Гайсин на Подолии.

В город вступает атаман Волынец. За год до этого, в 1918 году, он едва не был убит гетманом Скоропадским. Еврейское население спасло его и спрятало.

Евреи держались вполне лояльно. Один из них, поручик Рабинович, был убит в бою, сражаясь за директорию [украинское буржуазное правительство].

И вот 12 мая 1919 года 152 еврея было вырезано в течение двух часов.

Отца «героя» Рабиновича высекли плетьюми. Семья Вайнштейн, та самая, которая в 1918 г. спасла атамана Волынца, - была вся вырезана [10, с. 98].

<...>

Будучи в 1918 году председателем Житомирского революционного комитета, Шумский боролся против Петлюры... ..счастье было на стороне то одного лагеря, то другого. В обоих случаях побежденным оказывался еврей.

Такой-то город взят - погром. Такое-то местечко потеряно - погром. По дороге наступления - погром. По пути отступления – погром [10, с. 42].

Рассказывали: в 1920 году победоносные красные конники ворвались в город Ровно, покинутый белополяками; евреи радостно встречали освободителей и плакались им на зверства поляков. Лихой, в буденовке и кружевной женской рубашке, кавалерист, сочувствуя, взревел: «от суки-поляки, як над нашими жидами знущались [издевались]. Прыйдэмо до Варшавы – усих ихних жидив порубаем...»

О. СУЛЕЙМЕНОВ (1964 г.):

Странное имя - Шолом-Алейхем.

Произношенье - Салам Алейкум!

«Мир и тебе, и тебе, и тебе!»

Это звучало, как - «Пожалейте».

Что ж,

пожалели.

...Вчера Ватикан (о великое время!)

реа-били-тир-овал

еврея.
 Оказывается, не евреи распяли Христа.
 Зря на кострах вас палили испанцы и немцы!
 Зря построили, зря,
 Бухенвальд и Освенцим!
 Зря громили тамбовские цсчаря!
 Всё доказано,
 радуйтесь,
 это – зря!
 ...Я был в Дамаске. В древнем доме Иоффе.
 На стенах
 фрески еврейской истории.
 И нет на стенах
 Христа,
 но Голгофы!..
 Голгофы были.
 И много.
 Здорово?
 Евреи злые,
 евреи знали,
 что не евреи Христа распяли!
 Скрывали, хитрые, все принимали,
 все понимая,
 миру давали
 взамен Христа
 других богов,
 а им за тех богов -
 Голгофу!
 Евреи сбрили длинные пейсы.
 Бороды сняли, как черное знамя.
 Псалмы забыли,
 еврейские песни.
 Зря!
 Все равно
 еврея
 узнали.

И научили еврея жить!..

[41, с. 249-251].

ДОДД (*обвинитель на Нюрнбергском процессе*):

Масштаб преступлений, совершенных против еврейского народа, слишком велик, чтобы человеческий ум мог охватить его. <...> Мы просто не можем воспринять как реальность 6 миллионов убийств.

Злые гении нацистского заговора знали, как воспитать в народе ненависть. Они начали издали, записав... в программе партии, что только представители германской расы могут быть гражданами. Таким образом они заложили основу для того, чтобы лишить евреев человеческих прав в Германии.

Затем тот же корпус политических руководителей начал работу по проведению кампании надругательств над всем еврейским народом. Личные неудачи каждого, заботы, огорчения, опасения - все это сваливалось на евреев. По всей империи были учреждены антисемитские комитеты... И под руководством гаулейтера Штрейхера члены партии начали кампанию насилий над евреями... [3, т. 2, с. 853-854].

Ю. МАДЕР:

[В ночь на 10 ноября 1938 года] во всех городах Германии и Австрии вспыхнули костры, запылали разгромленные синагоги, полетели камни в витрины магазинов, принадлежащих евреям. Тысячи семей лишились кормильцев. Гитлеровцы, ради потехи, заставляли евреев чистить мостовые зубными щетками.

<...>

Об итогах двумя днями позже докладывал Герингу начальник полиции безопасности и службы безопасности Р. Гейдрих: «Подожжена 191 синагога, 76 полностью разрушены. Кроме того, подожжены 11 общинных домов, кладбищенских молелен и тому подобных заведений. Схвачено 20000 евреев» [42, с. 30].

ДОДД:

...была подготовлена почва для ужасных деяний гестапо... <...> Дрожащих евреев вытаскивали из постели среди ночи и отправляли их в концлагеря даже без какого-либо намека на обвинение в чем-либо.

<...>

...Геринг приказал Гейдриху... выработать план «полного разрешения» еврейского вопроса...
...Гейдрих... давал указания гестапо об убийстве всех евреев, которых нельзя использовать для рабского труда. Сотрудники гестапо под руководством Эйхмана... сумели согнать все

еврейское население Европы в концентрационные лагеря и в пункты уничтожения.

С наименьшей жестокостью нацисты перешли от геринговского «полного разрешения» к гитлеровскому «окончательному разрешению». <...> По всей Европе, оккупированной немцами... душили евреев газами и уничтожали их трупы в печах...

К концу войны в Европе недоверчивый мир с чувством отвращения отвернулся от этого преступления - преступления, которое никогда не сможет быть полностью понято, полностью объяснено и должным образом отомщено. <...> Но это было еще не все, потому что нацисты... влили расовый и религиозный яд в сознание... значительной части населения мира.

...слишком долго потоки клеветы из канализационных труб нацизма оскверняли многие источники человеческого вдохновения, а бактерии ненависти и нетерпимости отравляли их воды. Многие поколения будут нуждаться в нравственном и идейном оздоровлении [3, т. 2, с.854-855].

Г. ФАСТ:

Какое бы множество сил на протяжении европейской истории ни объединялось, чтобы использовать и поддержать антисемитизм, один факт следует твердо установить: антисемитизм в европейской диаспоре евреев был детищем и идеологией... [христианской] церкви, ...чувствительные христиане говорят: «...нельзя возлагать на церковь убийство нацистами шести миллионов евреев, ...церковь никогда не поддерживала этого».

Гораздо хуже: церковь с самого своего начала организовала антисемитизм в новейшем религиозном оформлении, не пожалев усилий, чтобы привить его католическому населению, и дала его вместе с христианством германским язычникам - как будто для того, чтобы обеспечить многолетний выход болезненной страсти к крови и убийству, которая стала частью Германии так же, как Германия стала частью истории [27, с. 271-272].

М. ГОРЬКИЙ:

...иногда фанатизм делает человека героем, но гораздо чаще - зверем. Религия - в истинном смысле своем - должна бы явиться силою, связующей все человечество в единое целое - силою стремления к совершенству. Но благодаря глупости и своекорыстию, люди религий Моисея, Христа и Магомета, признавая единого бога, позорно враждуют между собой [6, с. 17-18].

С. БЕРНФЕЛЬД:

В основе библейского иудаизма лежит глубокая религиозная и этическая идея. Ее исходная точка - единство человеческого рода [28, т. 8, с. 951].

Люди объединены, говорит иудаизм, общим Богом - всемогущим и справедливым. Человек - творение этого Бога, значит, жизнь и воля человека священны. Следовательно:

- человек свободен и ответствен за свои дела; свобода совести и мысли - его права; обязанности его: благо-родство желаний и нравственная чистота;
- насилие и война - греховны;
- цель общества - социальная справедливость, цель личности - любовь к ближнему [28, т. 8, с. 951-967].

ГИЛЛЕЛЬ (*еврейский богослов предхристианского времени*):

Что тебе неприятно, того не делай ближнему, вот сущность всей Торы; все остальное - только комментарий... [28, т. 6, с. 502].

С. БЕРНФЕЛЬД:

...каждый человек может присоединиться к этому учению. Заповедь любви к человечеству несомненно распространяется и на не-евреев... Здесь ясно обнаруживается универсализм иудаизма [28, т. 8, с. 951].

На том фундаменте вознеслись две религии, под которыми и ныне пол-человечества: ислам («коран» от древнееврейского «кара» - «читать священное») и христианство.

З. КОСИДОВСКИЙ:

...первые приверженцы Иисуса не порывали с иудаизмом. Напротив, они тщательно соблюдали все правила моисеевой религии, посещали храмы и синагоги... <...> Лишь в одном они отличались... они верили, что предсказанный библейскими пророками мессия уже появился на земле в облике Иисуса Назорея [30, с. 32].

Рабовладельческий Рим на пороге христианства. Росли города, богатели дельцы, простонародье, разоряясь, теряло землю и хлеб и свободу, кровью рабов запекались поля - бич и меч, и бунтари, распятые вдоль дорог, по которым империя шагала под грохот низвергающихся языческих культов. Никакой прежний идол - городской ли, домашний, племенной, цезарь ли, подобострастно обожествленный, - ни один языческий бог не мог потягаться с ходом истории, никого не мог выдернуть из-под ее колес.

А рядом, в эллинистических городах империи, в Палестине, бунтом начиненной, в самом Риме единый иудейский Бог соблазнял беспомощных язычников и завидной

живучестью верных Ему еврейских общин и обещанием царства справедливости на земле. «Мессианистские идеи иудеев и христиан встречали среди деклассированных социальных низов чрезвычайно благодатную почву» [3. КОСИДОВСКИЙ, 30, с. 243].

Многие обращались к иудаизму. Двери синагог, пишет Г. ФАСТ [27, с. 146], открылись даже тем, кто не обрезался, боясь импотенции (ходили и такие антисемитские слухи), - эти «полуевреи» вместе с евреями поклонялись единому Богу и, как знать, не маячил ли то конец извечной людской розни?..

Но еще приманчивей оказались еврей-христиане, братство их общежитии посреди земной муки и вечное блаженство за гробом - все наградой за одну только веру в Иисуса. Бесхлопотный путь, христианский апостол Павел заботливо устлал его непротивлением римской силе, библейской любовью и, рядом, враждой к евреям, отвергшим бога-Христа - потрафил всем, от провинциального варвара до римского императора, чтобы нетряско катиться христианству из лачуг во дворцы. А следом за Павлом идущие еще более порадели: задним числом присочинили Христу - нагорную проповедь [30, с. 41], Павлу - прославление Любви [31, с. 165], и, красивых мифов напридумав, на дрожжах Ветхого завета круто замесили свой Новый - великолепная вышла опара, на ней по потребности легко всходили и библейское «Не убий» и христианское «Не мир, но меч». И, конечно, «Бей жидов».

Но и «Все люди - братья» - это от иудаизма в христианство вросло - не выдрать.

В житии Сергия Радонежского сказано, что его целью было «побеждать страх перед ненавистной раздельностью мира» [43, и 16].

По С. СОЛОВЬЕВУ и В. ЭЙНГОРНУ:

Сын знатного ростовского боярина Варфоломей родился в 1314 году. После смерти родителей Варфоломей ушел в радонежские леса, где построил келью (сейчас здесь Троице-Сергиева Лавра, подмосковный город Загорск). В 1337 году Варфоломей постригся в монахи, приняв имя Сергия.

Он жил в глухом лесу, не видя лица человеческого; один медведь приходил к пустыннику делить с ним его скудную пищу. Спустя два года стали появляться странники, желая возле него поселиться. Сергей их предупреждал: «...место это трудно, голодно и бедно; готовьтесь не к покою и веселию, но к трудам, поту, печалям, напастям».

Неубоявшихся собралось двенадцать человек. Родился монастырь: несколько бедных келий, огороженных тыном. Сергей «служил всем как раб купленный»: строил кельи, носил дрова и воду, готовил еду, шил платье и сапоги... Руководить братией отказался, пригласил в игумены постригшего его ранее Митрофана и только после его смерти в 1354 году стал настоятелем.

Сергий строго запретил инокам выходить из монастыря для сбора подаяния: каждый должен был кормиться собственным трудом. Монастырь бедствовал, нехватало даже воды и хлеба, - случалось, монахи роптали. Сергей смирял недовольных и своим примером (его одеждой были худшие в монастыре отрепья), и убедительным словом: «вси имеяху Сергия яко единого от пророк» [ЕПИФАНИЙ ПРЕМУДРЫЙ, автор «Жития Сергия»].

Мудрость игумена, честность братии - слава монастыря замерцала во мгле полуживой под татарами Руси, потянулись к нему князья, иноки, смерды - Сергей принимал всех, утешал, наставлял. Обитель богатела пожертвованиями, росла. Греческий митрополит привез Сергию дары и приветную грамоту константинопольского патриарха с благословением на «общинножитие» по византийскому образцу. Это предполагало (как писалось впоследствии в церковных документах): «ни игумен, ни братия не должны иметь ничего своего... есть и пить должны в трапезе все вместе; одежду необходимую должно брать у игумена из обыкновенных, а не из немецких сукон, шубы бараньи носить без пуху, обувь, даже онучи, брать у игумена и лишнего платья не держать»; «чернецам быть у игумена и старцев в послушании»; «а с женщинами сообщаться и разговаривать чернецу хуже всего...».

Сергий твердо повел монахов по указанному пути: недовольных «коммуной» у себя не держал. «Общее житие» стало основой русского монастырского быта тех времен, поскольку Сергей «был учитель всем монастырям, иже в Руси»: ученики его основали 40 монастырей, из которых вышли создатели еще 50-ти обителей.

Слава Сергия Радонежского неотвратимо втягивала его в общерусские заботы. Татарская петля охлестнула горло Руси. Одной молитвой зла не одолеть. Не Сергей, конечно, назначил Москве быть головой борьбы с татарами, - но именно ему во многом обязано великое княжество Московское своим возвышением над удельными князьями. Сергей гасил склоки князей, приводил их под московскую волю то уговорами, а то и силой, как в Нижнем Новгороде в 1365 году, когда он за непослушание Москве закрыл все тамошние церкви.

Многочисленные монастыри, основанные последователями Сергия, становились в русских землях проводниками его усилий. Пропаганда монахов сработала: к 1380 году почти все русские князья подчинились московскому великому князю Димитрию.

И Куликовская битва с татарами в большой степени была творением Сергия, К нему ездил перед походом советоваться князь Димитрий; воин колебался - монах настаивал: дерись! На подступах к Дону вид готовых к бою татар вновь обескуражил московского полководца - срочный гонец от Сергия укрепил княжью отвагу.

Наконец, в 1389 году Сергей своей рукой скрепил завещание Димитрия (уже Донского), по которому престол наследовал старший сын - это должно было покончить с распрями внутри великокняжеской семьи [24, кн. 2, с. 597-604; 44, с. 6-18].

И. ЗАБЕЛИН:

Он [преподобный Сергей Радонежский] скончался в 1391 г., сентября 25.

<...> Преподобный, как начал монастырскую жизнь в нищете в скудости, так и оставался в ней уже добровольно до конца своих дней. Особенно не любил он золота. Когда митрополит Алексий пожелал благословить его на свое место, на митрополию, и возложил на него золотой крест, преподобный отрекся от великой чести, сказавши при этом, что не был никогда златоносцем [45, с.227].

АНТИСЕМИТИЯ. Право

Л. ФЕЙХТВАНГЕР (*Иудейская война*):

...город Магдала сделал попытку защищаться. Но его жители не могли устоять против римской артиллерии...

<...> Два дня спустя Веспасиан созвал военный совет. <...> как поступить с теми многочисленными взятыми в плен беглецами, которые ринулись в хорошо укрепленный город из других местностей?.. Их оказалось около тридцати восьми тысяч. Расследовать, в какой мере каждый из них является бунтовщиком, - слишком большая возня. Просто отпустить их - для этого они слишком подозрительны. Держать их долго в плену сложно. Вместе с тем они сдались римлянам без сопротивления, на милость победителей, и Веспасиан считал, что просто прикончить их все же нечестно.

Однако господа, заседавшие в военном совете, пришли... к единодушному мнению, что в отношении евреев все позволено и что если нельзя сочетать полезное с приличным, то первое следует предпочесть второму. После некоторых колебаний на эту точку зрения стал и Веспасиан. Двусмысленными... фразами выразил он пленным свое согласие пощадить их, однако предоставил для отступления только дорогу на Тивериаду. Пленные охотно поверили в то, во что им хотелось верить, и ушли по указанной дороге. <...> Когда все тридцать восемь тысяч дошли до города, их отправили в Большой цирк. <...> Вскоре появился и Веспасиан. Он приказал отделить больных и тех, кто был старше пятидесяти пяти лет. Многие старались замешаться в толпу этих избранников, думая, что остальным придется идти на родину пешком, а их доставят на лошадях. Когда отбор был сделан, Веспасиан велел их зарубить; ни на что другое они не годились. Из числа остальных он отобрал шесть

тысяч самых крепких и с вежливым письмом отправил их императору в Грецию, для работ по рытью Коринфского канала. Остальных он велел продать с аукциона в рабство... [7, т. 7, с. 161-162].

И. БЕРЛИН (*Византия*):

Император Лев Исаврянин (714-741 гг.) издал указ о насильственном крещении всех евреев [39, с. 65].

М. ВИШНИЦЕР:

Король [Ричард Львиное Сердце, 1189 г.] издает декрет об изгнании евреев из всей Англии, а парламент выражает благодарность королю за эту меру [28, т. 2, с. 646].

ИННОКЕНТИЙ Ш (*римский папа в 1198-1216 гг.; послание христианским королям*):

...все монархи Европы обязаны поработать их [евреев] и держать обособленно в качестве бесправного и низшего сословия [46, с. 71].

По С. ЛОЗИНСКОМУ и Г. ФАСТУ:

В лице самого знаменитого в средние века доминиканского схоластика Фомы Аквинского рабство евреев со всеми вытекающими последствиями получило систематическое философское и теоретическое оформление. Фома объявил евреев рабами и светской власти, и духовной. Общим, следовательно, принадлежит еврейское имущество. Кроме того, оно, согласно теории Фомы, должно возвращаться тем, кого евреи обобрали ростовщичеством (евреи ввели за ссуду 10-50 процентов, ростовщики-христиане от 100 до 400) [27, с. 173].

Великий богослов авторитетно благословил кровавый и грандиозный грабеж евреев, который с тех пор стал наиболее характерной чертой их совместной жизни с христианами. При этом три хозяина еврейского добра - церковь, монархи и кредиторы - беспрестанно конфликтовали между собой, поскольку Фома не дал себе труда уточнить, кто из них главнее.

Церковь тягалась с монархами за «своих» евреев и их деньги; города изгоняли евреев, чтобы избавиться от долгов, короли считали своими долговые обязательства горожан евреям и требовали уплаты. Мало того, увидев, что за счет изгнанных евреев обогащаются соседи, короли отменяли декрет об изгнании евреев и требовали возвращения своих евреев, а к соседям предъявляли иск за то, что те получали доход от временного пребывания евреев у них.

Евреи играли роль даже не рабов, а чего-то еще ниже. Раба отпускали на свободу раз и навсегда, «выпущенный» же из какого-либо владения еврей мог быть вытребован обратно и снова продолжал служить орудием обогащения своего господина.

Нередко евреям давалась «привилегия» на выжимание из христиан жестоких процентов и обеспечивалась защита властей, в чьи карманы затем переливались добытые евреями деньги. А в

минуты народного возмущения господ, умывая руки, ссылались на еврейскую жадность и тем превращали классовую борьбу в религиозную или национальную [46.С.73-75].

А. ХИРЬЯКОВ (*Испания*):

Четырнадцатое и пятнадцатое столетия полны гонений против евреев... им было воспрещено называться общеупотребительными в стране именами, им было предписано носить особые отличительные знаки на одежде, воспрещено приобретать земельную собственность.

...они должны были уплачивать еще особый еврейский налог, не говоря уже о внезапных поборах... [34, с. 22).

С. ЛОЗИНСКИЙ (*Португалия, XVI-XVII вв.*):

...все лица, в жилах которых даже в самой отдаленной степени текла еврейская кровь, признавались новообращенными [маранами], в глубине души преданными еврейству. Хотя между маранами и настоящими христианами часто происходили браки, но это нисколько не служило к уменьшению степени еврейского происхождения маранов: наоборот, это вовлекало в круг преступников все новые и новые элементы, так что вскоре почти вся Португалия была в подозрении у Инквизиции, а в глазах иностранцев... все португальцы были евреями [8,с. 255].

Во II и III веках язычники, преследуя христиан, сообразили обвинить их в убийствах с ритуальной целью - мол, христианам для совершения религиозных обрядов нужна человеческая кровь. Лживое обвинение быстро стало популярным.

Христианская церковь, окрепнув, не преминула воспользоваться тем же опытом. И хотя еврейские религиозные предписания вовсе запрещают употребление крови - любой, даже при еде, - мода обвинять евреев в ритуальном убийстве удержалась с 1144 года (обвинение английских евреев) до 1913 года (дело Бейлиса в России) - восемьсот лет...

Доказательства добывали не слишком мудренным способом, описанным, например, триентским епископом Гиндербрахом в донесении римскому папе (1475 год). Из группы обвиняемых евреев был отобран наиболее уважаемый, Самуил, которого и допросили первый раз 30 марта. пытка, потеря сознания – и Самуил возвращен в тюрьму «отдохнуть» (в кавычках здесь и ниже - специфические термины следственных органов того времени). Утром следующего дня Самуила, обнаженного и связанного по рукам и ногам, вздернули на дыбу - подвесили к столбу за вывернутые руки. Конечности вышли из суставов. Но Самуил

продолжал настаивать на невинности своей и остальных евреев. Тогда ему устроили «прыжок» - резкое ослабление веревки, тело летит вниз и тут же вздергивается снова. Затем его «трогали» - били по веревке, натянутой тяжестью тела.

Четыре дня таких пыток с постепенным совершенствованием «прыжка» - увеличение высоты и утяжеление тела привязыванием к нему бревна - и Самуил сознается: он участвовал в удушении христианского мальчика.

А 6 июня Самуил отказался от своего признания и 7 июня повторил отказ. Тогда... - впрочем, вот протокол этого дня: «Когда ему предложили сказать правду, так как... все товарищи [его] уже во всем сознались, он ответил, что если они в чем-нибудь сознались, то сказали неправду. <...> Тогда взяли два накаленных яйца и положили ему под мышки обеих рук. Когда ему снова предложили сказать правду, он ответил... что скажет правду под условием, что капитан и префект пообещают ему сжечь его и не предавать его другой смерти».

21 июня Самуила сожгли [46, с. 50-57].

С. ЛОЗИНСКИЙ:

Ни возраст, ни пол не могли освободить... от пытки.

На следующий день после пытки обвиняемый должен был подписаться под тем, что нотариус занес в протокол; отказ от... показаний влек за собой новую пытку, считавшуюся продолжением первой, так как Супрема [Верховный трибунал инквизиции] не допускала... повторять пытку [8, с. 81,82].

И. ГРИГУЛЕВИЧ:

После пытки врач даже залечивал раны - возводить еретика на костер надлежало невредимым [47, с. 128].

С. ЛОЗИНСКИЙ:

Когда... инквизиционный трибунал в Медине... вынес некоторым из обвиняемых оправдательный приговор, (Великий инквизитор Торквемада] отдал приказ заключить в тюрьму оправданных и держать их до нового суда, которым должен был руководить специально посланный для этой цели визитадор Вильяльпандо. Обвиняемые... подверглись пытке и, в конце концов, Вильяльпандо вынес двум из них обвинительный, а остальным оправдательный приговор. Однако постановление и вторичного суда пришлось не по вкусу

Генеральному инквизитору, открыто заявившему, что все преступники должны быть сожжены. Он приказал в третий раз арестовать виновных... и достиг своей цели... [8, с. 71,72].

И. ГРИГУЛЕВИЧ:

Беспощадно преследуя маранов и морисков, инквизиция и испанская корона в то же самое время всячески мешали их ассимиляции. Одним из препятствий к ассимиляции было требование сертификата «чистоты крови», который предъявлялся при назначении на государственную должность, при присвоении офицерского чина, вступлении в духовное звание... при выезде в заморские владения, - одним словом, всякий раз, когда житель сталкивался с необходимостью получить у властей какое-либо и на что-либо разрешение.

...институт сертификата просуществовал в Испании вплоть до второй половины XIX в... [47, с. 249].

С. ЛОЗИНСКИЙ:

[Евреи и арабы] были одинаково ненавистны церкви... Фактически, однако, вскоре стали делать различия между евреями и арабами. Главная тяжесть ограничений и запретов падала преимущественно на первых, потому что они были количественно слабее арабов в том смысле, что не жили в такой степени сплошными массами и, кроме того, не имели за своей спиной чужестранных монархов, которые могли бы притти к ним на помощь...[46, с. 106].

Эдикт об изгнании евреев из Испании:

Дон Фернандо и донья Изабелла, милостию Божией король и королева... принцу дону Хуану... и инфантам, прелатам, герцогам... кавалерам, оруженосцам, служащим и добрым людям... и всем евреям... И всем прочим лицам, которых касается или может касаться эта грамота... шлем привет и милость.

...ясно виден огромный вред, причиненный и причиняемый христианам... общением и разговорами с евреями, которые стремятся всегда... отвратить правоверных христиан от нашей святой католической веры... <...> Посему, по совету и мнению некоторых прелатов, грандов, кавалеров... и других ученых и добросовестных людей... обдумав это дело подробно, мы решили повелеть всем евреям и еврейкам покинуть наше королевство, чтобы они никогда не возвращались в него. ...если они не исполнят этого повеления... то подвергаются смертной казни и конфискации всего своего имущества... И мы приказываем и требуем, чтобы ни один человек в нашем королевстве, каковы бы ни были его положение, состояние и звание, не смел принимать, скрывать и защищать... еврея или еврейку после конца июля и впредь навсегда...

под страхом потери всего своего феодального имущества и крепостей и других благ, а также утраты всяких милостей, полученных от нас...

Дано в нашем городе Гранаде 31-го дня марта месяца в год от рождения Господа нашего Иисуса Христа тысяча четыреста девяносто второй.

Я, король. - Я, королева. [8, с. 163-165].

Из литовской летописи (1495 г.):

Король, который не терпел евреев, задумал... удалить их из страны. ...некая еврейка была обвинена в том, что она, пользуя королеву от какой-то болезни, сделала ее бесплодной. История эта доходила до Москвы; великий князь Иван, отец королевы требовал, чтобы чародейку сожгли, а король по этой причине возненавидел евреев [39, с. 178-179].

И. ЖИТЕЦКИЙ:

Королевскою грамотою 1619 г. евреи утратили право на оседлость и торговлю в Киеве, куда им разрешалось приезжать только на один день и останавливаться на особом подворье [33,1901, т. 1, с. 68].

А вот и Германия, 1935-38 годы.

Из материалов Нюрнбергского процесса:

...нюрнбергские законы... лишали евреев права гражданства, запрещали им жениться на арийках и не разрешали им заниматься рядом профессий...

...фашистское правительство... приняло ряд законов, которые обязывали всех германских евреев внести коллективный штраф в один миллиард рейхсмарок, лишали права заниматься торговлей и ремеслами, ограничивали право передвижения... принуждали евреев сдать все акции и паи, которые были в их руках; запретили продажу и приобретение золота и драгоценных камней... заставляли всех евреев старше 6-летнего возраста носить звезду Давида...

Последний закон, касавшийся евреев в Германии, ставил их вне закона... [3, т. 1, с. 297-298].

ДОДД:

[Нацисты] дошли до такой глубины падения, что рейхскабинет внес предложение о стерилизации даже полуевреев [3, т. 2, с. 854].

Г. ХАУЗНЕР:

Конференция состоялась 20 января 1942 в предместье Берлина Гросс-Ванзее. Участвовали в ней руководящие чиновники... <-..> Гейдрих произнес главную речь. <...> Число подлежащих уничтожению евреев он определил в 11 миллионов.

<...>

Обсуждали также вопрос о детях от смешанных браков. Эта проблема беспокоила заседавших. В принципе было решено, что потомки смешанных браков первой степени (т.е. когда один из родителей еврей) разделят судьбу всех евреев, за исключением женатых на немках и имеющих детей от них - или особых случаев, если поступит запрос со стороны высших органов партии и государства. Эти случаи будут тщательно проверены. Те, кому будет дарована жизнь, смогут остаться в Германии, если они согласятся подвергнуться стерилизации [5, с. 57-59].

ЭЙХМАН (*беседа с журналистами в 1957 г.*):

Вы можете привести аргумент, что [нацистское] правительство было преступным правительством, ...почему в таком случае цивилизованный мир всегда поддерживал дипломатические отношения с этим преступным правительством? <...> ...почему мой шеф Гейдрих был избран в 1937-39 гг. президентом Международной полицейской комиссии, в которую почти все европейские государства направляли представителей своей уголовной полиции?.. [48, № 10, с. 121-122].

ГЕРИНГ (*глава правительства нацистской Германии*):

Я не собираюсь осуществлять правосудие. Моей задачей является только разрушение и уничтожение... [3, т. 2, с. 818].

Д.М. ФАЙФ (*обвинитель на Нюрнбергском процессе*):

В 1939 году судья военного трибунала признал наличие смягчающих обстоятельств в деле одного члена СС, «так как он был вовлечен в участие в расстреле одним капралом, протянувшим ему винтовку... Будучи членом СС, он особенно чувствительно реагировал на присутствие евреев... он поэтому действовал совершенно необдуманно в юношеском порыве».

Эти солдаты войск СС были приговорены к тюремному заключению за «непредумышленное убийство», причем командующий армией отказался утвердить приговор. <...> Вот что ...называли «непредумышленным убийством»: «После того, как

примерно 50 евреев, которые чинили днем мост, закончили свою работу, эти два солдата ввели их всех в синагогу и всех их расстреляли без всякой причины» [3, т. 2, с. 835-836].

1939 год - только цветочки. Ягодки поспели в 1941-м.

А. СУЦКЕВЕР (*оккупированный немцами Вильнюс*):

...немцы заявляли, что они истребляли еврейский народ как бы законно. 8 июля был издан приказ, чтобы евреи носили на спине заплатки, потом было приказано, чтобы они эти заплатки стали носить на груди. <...> Но на второй день какой-то комендант Нейман издал особое распоряжение, что эти заплатки не следует носить, а что нужно носить желтый сионский знак. <...> Это шестиугольная латка на груди и на спине... На третий день было велено носить синюю повязку с белым знаком. Евреи не знали, кикой знак нужно носить... Если евреи не носили этого знака, их сейчас же арестовывали, и больше уже никогда никто их не видел.

...евреям нельзя было носить часы. Евреям нельзя молиться... Когда заходит немец в гетто, нужно было снять шапку, но нельзя было смотреть на него...

...пришло распоряжение из Берлина, что еврейским женщинам нельзя родить... [3, т. 1, с. 852-854].

Г.ХАУЗНЕР:

Тот, кто хочет хоть в малой степени получить представление о страданиях евреев Ковно [Каунаса], пусть заглянет в книгу раввинских респонсов «Вопросы и ответы из бездны», составленную в то время. Там говорится о том, как поступать еврею, когда палачи велят ему разорвать и осквернить священные свитки Торы; можно ли пользоваться одеждой убитых; ...разрешается ли религиозным законом произвести аборт, чтобы спасти жизнь женщины, которой угрожает смерть, если обнаружится ее беременность... и о других вопросах, характеризующих «быт» тех дней [5, с. 106].

БРОАД (*бывший сотрудник лагеря уничтожения евреев Освенцим, Польша*):

В 11 блоке [«штрафном»]... были еще четыре «стоячие» камеры... В эти камеры не попадал даже самый маленький луч света, а их площадь была меньше квадратного метра. Чуть присев, в полной темноте, немало узников провело там страшные дни и даже недели. В такой камере нельзя было разогреться немного подвигавшись, и зимой, в мороз, люди испытывали дополнительные мучения. «Стоячий» бункер был предназначен для узников,

которые должны были «дозреть» до показаний во время допроса... «стоячие» бункеры служили местом для отбывания кары [49, с. 160].

Ф. ПИПЕР (*Освенцим*):

...применялось избиение на так называемых качелях. Заключенному надевали наручники, а затем приказывали охватить ими согнутые колени, под которые просовывался железный шест. Он прикреплялся к соответствующей подпорке таким образом, чтобы тело узника висело вниз головой. Это позволяло палачам бить его по ягодицам и половым органам, причем с такой силой, что тело ритмически раскачивалось и даже совершало полный оборот вокруг оси шеста. Если истязаемый кричал, ему надевали противогаз.

Признания вырывались также с помощью горячей воды, которую вливали в рот или нос... <...> Допрашиваемым... вбивали иголки в чувствительные места, женщинам вкладывали во влагалище тампоны, пропитанные бензином, и поджигали их. ...допрашиваемые сознавались во всех предъявленных им обвинениях... [50, с. 109].

БРОАД:

Часто узник уже не мог подойти к столу, чтобы подписаться под своими «показаниями». Тогда его били кнутом куда попало... ..Дрожащие буквы и следы потной ладони на бумаге свидетельствовали о том, что здесь имел место «заостренный» допрос с «применением всяких средств, находящихся в распоряжении». В официальных следственных документах это часто называли еще «подробным расспрашиванием» [49, с. 141-142].

По субботам в блоке 11 проводилась «очистка бункеров» комиссией во главе с начальником лагеря Аумейером и начальником политического отдела Грабнером.

БРОАД:

Надзиратель ареста... открывает первые двери камеры. <...> Из переполненной тесной камеры вырывается удушливый смрад. Один из узников кричит: «Смирно!» - и несчастные фигуры в грязных голубовато-серых лохмотьях становятся в шеренгу, ...многие с трудом держатся на ногах. <...> Аумейер прикладывает список арестантов к двери и вместе с Грабнером приступает к «суду».

Первый узник называет свою фамилию и говорит, сколько времени сидит в бункере. Начальник лагеря коротко спрашивает рапортфюрера, за что узник попал в бункер. <...> Потом лагерные «сановники» решают, какой дать штрафной рапорт: 1 или 2. <...>

«Преступления» узников, получивших штрафной рапорт 1, состояли, например, в том, что они взяли откуда-то несколько картофелин или у них было больше белья, чем полагалось... Им повезет, если все кончится на избииении плетью или временным переводом в штрафную команду, что означает особо тяжелую работу.

Иначе поступают с несчастными, дальнейшая судьба которых определена «штрафным рапортом 2». Синим карандашом, так, чтобы все видели, Аумейер выводит толстый крест рядом с фамилией узника, а концы этого креста старательно заканчивает маленькими поперечными черточками. <...>

Приговоренных к смерти переводят в умывальню... Чернильным карандашом смертникам пишут на груди огромные цифры. Это номера, по которым потом легче будет зарегистрировать трупы [49, с. 134-135].

За сто лет до того либеральная Европа сочла безнравственным убивать даже по приговору суда присяжных. Инициаторами отмены смертной казни во Франции, Австрии и Германии были министры-евреи Кремье, Фишгоф и Риссер [51, с. 124-126].

Г. ХАУЗНЕР (*Освенцим*):

В бункере для осужденных на голодную смерть нашли однажды мертвого заключенного, над которым склонялся другой - тоже мертвый, успевший вырвать из тела первого печень. Смерть застигла его в ту минуту, когда он пожирал человеческую печень.

<...> Вкладом нацизма в европейскую культуру было - восстановление каннибализма в XX веке [5, с. 165].

БРОАД:

...после нескольких недель или самое большое месяцев пребывания в лагере значительная часть узников умирала...

Люди, жизненная энергия которых не могла противостоять лишению свободы... добровольно шли на смерть, ...они на виду у стражи входили в запрещенную зону для того, чтобы их застрелили, или просто «шли на проволоку», как это называлось на лагерном жаргоне. Электрический ток высокого напряжения, серия выстрелов из автомата и смерть спасали их от дальнейших мучений. <...> Других находили утром висевшими на нарах на собственном поясе. <...> Представители службы по расследованию прибывали на место

происшествия, фотографировали тело со всех сторон, вели скрупулезные допросы свидетелей... Страшным цинизмом был пропитан этот спектакль [49, с. 130-131].

Окончилась в 1945-м война, раздавлен фашизм. В Нюрнберге, партийной столице гитлеровцев, том самом Нюрнберге, где они приняли в 1935-38 годах антисемитские законы. Международный Военный Трибунал судил главных нацистских преступников - Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Кальтенбруннера, Штрейхера, Франка и прочих...

А. ПОЛТОРАК:

Судебный процесс начался 20 ноября 1945 года и закончился 1 октября 1946 года. Трибунал провел 218 судебных заседаний. Протоколы его насчитывают 16 тысяч страниц. Обвинители предъявили 2630 документов, защитники - 2700. Свидетелей было заслушано 240 и, кроме того, изучено 300 тысяч письменных показаний, данных под присягой.

Этот беспримерный судебный процесс поглотил 5 миллионов листов бумаги, весившей 200 тонн. В ходе его было израсходовано 27 тысяч метров звуковой киноплёнки и 7 тысяч фотопластинок. Стенограмма каждого судебного заседания для обеспечения максимальной точности дублировалась звукозаписью и затем сверялась с ней [52, с. 21].

Дотошное разбирательство, публикация невероятного, покаянные сопли подсудимых, и петля в руках американского сержанта Вудда, который за полтора часа очистил землю от наиболее пахучего ее дерьма.

Но в гитлеровских преступлениях участвовало в одной лишь Германии около 5 миллионов граждан. Из них к 1983 году в странах Европы и в Израиле осуждено только 50 тысяч. Один процент!

В ФРГ привлечено к ответственности 87765 человек, из которых после неторопливых (иногда до 13 лет) расследований осуждено - 6456 [53, с. 85-86].

К. СМОЛЕНЬ:

...лишь в декабре 1960 года был арестован последний комендант освенцимского концлагеря Рихард Бер и один из крупнейших садистов и преступников Освенцима... Вильгельм Богер [50, с. 182].

Богер - автор освенцимских «качелей». Его судили два года. Адвокат Шаллок заверял суд, что качели Богера были сделаны «очень гуманно. Узник находился в положении... плода в утробе матери, то есть все части его тела были защищены» [54, с. 13]. Богера приговорили к пожизненному заключению: в ФРГ в 1949 году отменена смертная казнь.

По Э. РАССЕЛУ (*Италия*):

Двадцать третьего марта 1944 года в Риме была брошена бомба в отряд германских полицейских, проходивший по улице. 32 немца были убиты и многие ранены.

Ставка Гитлера немедленно приказала командующему немецкими войсками в Италии фельдмаршалу Кессельрингу расстрелять в течение 24 часов по 10 итальянцев за каждого убитого немецкого полицейского.

<...>

Было казнено 335 человек, среди них старик 70 лет, мальчик четырнадцати с половиной лет, человек, оправданный германским судом, и - для ровного счета - 55 евреев, из которых ни один не имел связи с партизанами и часть которых даже не имела итальянского гражданства.

В 1947 г. в Венеции Кессельринга судили, приговорили к расстрелу. Приговор был заменен пожизненным заключением, в 1953 г. Кессельринг освобожден «в знак милосердия» [4, с. 131-132].

1961 год. В Дюссельдорфе торгует Х. Иост, убийца сотен тысяч евреев Прибалтики и Белоруссии. Доктор Сикс, один из бывших начальников Эйхмана, заведует рекламой тракторного завода во Фридрихсхафене. Начальник гестапо Люблина и Варшавы Мюллер, пославший в лагеря смерти 1,5 миллиона евреев, не сменил профиль работы: он один из руководителей полиции ФРГ. Бывший начальник 2-го управления гестапо Рауфф - владелец фирмы в Дамаске; где-то в Египте, полагают, благоденствует Крюгер, руководитель СС в оккупированной Польше. Список можно длить без конца [48, № 8, с. 121].

К. СМОЛЕНЬ (*Австрия*):

...с января по март 1972 года проходил процесс над двумя строителями газовых камер и крематориев в Освенциме. Это были офицеры СС... Суд присяжных в Вене оправдал их [50, с. 188].

Зато - мир. Тишина наконец обволокла демократические страны, и благоденствующие обыватели сладко сопят под конституционным одеялом справедливости. Гарантии свободы и равенства граждан (всех, без каких-либо исключений) накрепко врублены в своды законов.

И. ЭРЕНБУРГ:

...полицейские избивают арестованных мокрыми полотенцами, так что на теле не остается никаких следов, а смерть следует от «неизвестных причин»...

Когда... говорят мне: «Помилуйте, какой же у нас антисемитизм? Взгляните в законодательство, там нет никаких ограничений», - я вспоминаю мокрое полотенце [55, с. 157].

Г. ФАСТ:

...в 1939 г. германский корабль «Св. Людовик» с 907 еврейскими беженцами пришел в Гавану на Кубу. Кубинцы, руководимые Батистой, отказались принять евреев, а когда корабль приблизился к Майами, государственный департамент (США) приказал береговой охране не допускать высадки даже тех, кто будет прыгать за борт и добираться вплавь. <...> «Св.Людовик» поплыл обратно в Европу, где Бельгия, Англия, Нидерланды и Франция предоставили пассажирам убежище.

<...>

[В 1921 г. США установили норму иммиграции - 150 000 человек в год], ...за десять лет, с 1933 до 1943 года, когда началось главное уничтожение евреев. Соединенные Штаты могли бы принять 1 500 000 иммигрантов. Они допустили к себе только 476 930 человек, из них евреями были 165756. Таким образом, шесть миллионов евреев умерли, пока Соединенные Штаты принимали ежегодно примерно 16000 беженцев. <...> Великобритания вела себя не лучше, хотя... ее просили даже не о въезде евреев в страну, а лишь о разрешении им проследовать в Палестину [тогда подчиненную Англии], где частные еврейские фонды и организации могли бы предоставить им кров и пищу.

<...>

В 1939 году правительство Великобритании вполне ясно увидело облик нацизма однако именно в этом году оно издало закон, ограничивающий еврейскую эмиграцию в Палестину пятнадцатью тысячами человек в год. И даже когда... Англия боролась за самое свое существование против армид нацистских бомбардировщиков... она нашла время и людей и корабли, чтобы выслеживать каждое судно, которое пыталось доставить еврейских беженцев

в Палестину. Даже тот факт, что тридцать тысяч палестинских евреев вступили добровольцами в британскую армию и воевали и умирали в Африке, не оставил царапины на твердой глыбе антисемитизма, таящегося в определенных кругах британского правящего класса... [27, с. 353-355, 366].

Н. ГОЛЬДМАН:

Никогда не забуду своего двухчасового разговора с Вэйвлом, представителем британского командования... Он был заместителем Эйзенхауэра. Я показывал ему телеграмму польских подпольщиков и просил союзников разбомбить крематории Освенцима, чтобы фашисты хотя бы полгода не могли их восстановить. Вэйвл категорически отказал, говоря, что бомбардировать можно только военные объекты [49,с.25].

Антисемития. Страна страха. Черная тоска пейзажей: пропасти подлости, лес виселиц, болота лжи... Шевеление могил в тумане испаряющейся крови, коченеющая земля, холодный пот росы и пепел на полях, человеческий пепел...

Но живет планета смешная, даже - по слухам из космоса - голубеет нежно. Откуда воздух этот, цвета неба и лесов, ярость моря, гордость гор? Откуда грация кошки и свет человеческого лица?

Откуда взлохмаченное ветром утро в солнечном закоулке анекдотической страны, послештормовой бег облаков, ключья волн на безлюдном пляже и прибрежный, стеклянной шкатулкой в купе магнолий, ресторан, согласно местной диалектике закрытый в том смысле, что двери его заперты, и одновременно открытый для тех, не чуждых, кто, вальяжно осадив неподалеку свои кошачьи «Волги», бережно хлопали дверцами машин и, через кухню проплывя, возникали внутри этого аквариума как бы чудесно прошедшие сквозь стеклянные стены, возникали за столом, где брат директора ресторана и сам директор еще больший, Сулико, крутил отлаженную машину застолья в честь своих московских гостей, Жени и Тани. «Евгений» и «Татьяна», - говорил Сулико, значительно подняв палец, - какой пушкинский перезвон имен, слушай!), и восхищенно шурил светло-голубые глаза, удивительный альбинос-кавказец: белые волосы, белые брови, белые усы, в теле - выхоленность, в лице - томление, - владетельный князь зоны оздоровления, директор дома отдыха, Сулико Зурабович, впрочем, здесь все по имени, без отчества, неважно, сколько лет, просто я -

Сулико, он - Шалва, ты - Женя, она - Таня, вот Гиви - директор этого домика, где кушаем, это - Ахмат из Казани, доктор наш, а это - Омари, знаешь Омари? слушай, почему не знаешь Омари? - и, подняв рюмку, весело искрящуюся водкой: - Дорогие, хочу как тамада немножко познакомить уважаемых гостей с моим другом Омари. Вот он сидит и немножко улыбается... Конечно, у нас все знают, какой Омари красивый и умный, замечательно живет, четверо детей, понимаешь, сыновья растут, жена-красавица, в гараже импорт, машина «Мерседес» - одна на всем побережье... Очень уважаемый человек Омари, все знаем, да? Но я хотел бы с удовольствием немножко другое сказать. Вот, понимаешь, взять меня: я, конечно, человек не очень чтобы большой, но имею некоторый домик, так - два этажа, ну еще, как называется? - мансарда, да? - не очень, конечно, домик, двенадцать комнат... Зато детей тоже двенадцать. Честное слово, я жене сразу сказал: зачем работаешь? иди в декрет, она семнадцать лет назад пошла, до сих пор в отпуске, даю слово, восемь мальчишек, понимаешь... Да... Хочу объяснить, уважаемые гости: дома у нас хорошие, но, конечно, юг, тепло, к холодам не приспособлено. А бывает иногда холодная зима, дождь, ветер, в окна дует... Просто не знаешь, что делать: замерзают эти маленькие негодяи, мои дети, замерзает жена - между прочим, не самая некрасивая женщина... Слушай, если женщину не согреваешь - какой ты муж?! И дети плачут... Совсем пропали, да? И тогда я иду к своему другу Омари: «Выручай, дорогой!» И Омари говорит: «На, бери!» и дает мне два мешка денег, и я топлю деньгами печь и согреваю своих двенадцать разбойников... Я очень прошу, дорогие, поднять бокалы за здоровье моего щедрого и красивого друга Омари. Чтобы ему никогда не знать горя и болезней, и ему, и его детям!

Омари скромно протягивал под усами улыбку, почтительно кланялся тамаде и, выждав положенное, просил разрешения на тост. И остальные местные витязи, разные собою, но единые в любви к Сулико и его гостям, поочередно выслушивали приветствия тамады и ответно возглашали тосты, причем с особым удовольствием пили за Таню, красоту которой трудно, оказывается, выразить словами, но говорившие отважно боролись с трудностями, и текла веселая лесть, распускались феерические перья речей, коллективное полыхание мужественности искрило взглядами, распаяющими женскую прелесть, звенели бокалы, сменялись бутылки, блестели глаза, черные, карие, васильковые суликовые... Тихий смех, клекот акцента, на углу стола осторожно, в три голоса, шевелится мелодия, за окном вольно пляшет солнце на тугих разворотах волны, а рядом – танина улыбка. Женя вылавливал ее из некоторого уже тумана, и сердце его нежилось: до чего все хорошо, просто прекрасно все, а люди, ну что за люди, вот сидим: грузины, аджарцы, еврей, татарин, русская - какие все

разные, какие одинаковые, как любим друг друга, господи, думал Женя, наслаждаясь, - ведь вот чем жив мир, кто там плел про каиново семя?..

...Это я плел. Но я просто не дочитал Библию! Конечно, все так: Каин и Авель, и убил Каин Авеля, и пошел от лица Господня, и поселился в земле Нод, и познал жену свою и она зачала, и родила Еноха, у него родился Ирад, у Ирада - Мехиаель, а там Мафусал, Ламех, Иавал - пошел плодиться Каинов род. Но и Адам не дремал. «И познал Адам еще Еву, жену свою, и она родила сына, и нарекла ему имя: Сиф... У Сифа также родился сын...» [2, с. 8].

Мудрость Библии. Каин - болезнь, Сиф - исцеление. Это от Сифа - через поколение - Ной, «человек праведный и непорочный», хранитель жизни на затопленной земле.

«И благословил Бог Ноя и сынов его, и сказал им: плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю...» [2, с. 11].

П. ФЛОРЕНСКИЙ:

...Преподобный Сергей... строит храм пресвятой Троицы, «чтобы постоянным взиранием на него... побеждать страх перед ненавистной раздельностью мира». Троица называется Живоначальнойю, т.е. началом, истоком и родником жизни, как единосущная и нераздельная, ибо единство в любви есть жизнь и начало жизни, вражда же, раздоры в разделении разрушают, губят и приводят к смерти. Смертоносной раздельности противостоит живоначальное единство, неустанно осуществляемое духовным подвигом любви и взаимного понимания [43, с. 16-17].

АНТИСЕМИТИЯ. Техника

Л. ФЕЙХТВАНГЕР (*Иудейская война*):

Кто попадал в руки к римлянам, того они казнили распятием на кресте [7, т. 7, с. 164].

А. ХИРЬЯКОВ (*судьба евреев, изгнанных из Испании, 1492 г.*):

...изгнанники очутились на кораблях... Среди истомленных невгодами путников распространилась оспа. Переполненные пассажирами суда с трудом справлялись с морскими волнами, и случалось, что капитаны для уменьшения груза выбрасывали за борт тех, которых они считали лишними. В некоторых... портах переселенцев прямо не пускали высаживаться из боязни ли заразы или из фанатизма... В других гаванях евреям разрешали строить себе бараки за городскими стенами. <...> Голод оказывался страшным врагом... ...родители

продавали своих детей за кусок хлеба, матери убивали собственных младенцев, чтобы не видеть их умирающими от голода, ...евреи подвергались нападениям разбойничьих шаяк, которые убивали мужчин и насиловали женщин [34, с. 51].

По С. ЛОЗИНСКОМУ:

В 1506 г. в Лиссабоне во время погрома за три дня убито около 2000 маранов и евреев. При этом на кострах горело одновременно по 15-20 человек [8, с. 234-235].

И. ГАЛАНТ (*Украина, 1768 г.*):

Трупы убитых евреев десятками тысяч валялись по городу... Их подвергали мучительным истязаниям: рубили, кололи, четвертовали в колесовали, они же с радостью принимали смерть и Богу своему не изменили... Малюток отрывали от груди своих матерей и колесовали... [33,1895,т.51,с. 222].

Б. ЛЕКАШ (*Украина, 1918-20 гг.*):

...евреев распинали на крестах, зарывали живыми или жарили на медленном огне головою вниз (10, с. 84].

Все - примитив. В Испании инквизиция за 337 лет (1481-1818) управилась сжечь только 36212 человек, т.е. в год немногим более ста; производительность португальской инквизиции вообще не превышала 40 сожженных за год [8, с. 140, 244]. А если *окончательное* решение? Ведь какая контрольная цифра задана? ОДИННАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ! Что там монголы или крестоносцы? Даже резня армян турками на заре нашего человеколюбивого века - безнадежное кустарничество...

ГИТЛЕР:

Мы должны развить технику обезлюживания... Я имею в виду устранение целых расовых единиц [3, т. 1, с. 271].

И начался поиск. Наощупь, в потемках тупиков и среди вспышек озарений.

Г. ГРАБЕ (*показания на Нюрнбергском процессе*):

...евреев из Дубно расстреливали в трех больших ямах - 30 метров длины и 3 метров глубины каждая. Ежедневно убивали около 1500 человек...

<...>

Люди... должны были раздеться по приказу членов СС, имевших при себе кнуты или плетки. Они должны были сложить свою одежду в определенных местах, таким образом соответственно рассортировывались обувь, верхняя одежда и белье.

<...> Без криков и плача эти люди, раздетые, стояли вокруг семьями, целовали друг друга, прощались и ожидали знака от другого эсэсовца, который стоял около насыпи также с кнутом в руке... Я не слышал ни одной жалобы, ни одной мольбы о милосердии. Я наблюдал за семьей... Старая женщина со снежно-белыми полосами держала на руках годовалого ребенка, пела ему и играла с ним. Ребенок ворковал от удовольствия. Родители смотрели на него со слезами в глазах. Отец держал за руку мальчика приблизительно лет десяти и что-то мягко говорил ему. Мальчик боролся со слезами. Отец указывал на небо, гладил рукой его по голове и, казалось, что-то объяснял ему. В этот момент эсэсовец у насыпи крикнул что-то своему товарищу. Последний отсчитал около двадцати человек и приказал им идти за насыпь. <...> Я обошел вокруг насыпи и оказался перед огромной могилой. Люди тесно были сбиты друг к другу и лежали друг на друге, так что были видны только их головы. Почти у всех по плечам струилась кровь из голов. Некоторые из расстрелянных еще двигались. Некоторые подымали руки и повертывали головы, чтобы показать, что они еще живы. Яма уже была заполнена на две трети. По моему подсчету, там уже было около 1000 человек. Я поискал глазами человека, производившего расстрел. Это был эсэсовец, сидевший на краю узкого конца ямы; ноги его свисали в яму. На его коленях лежал автомат, он курил сигарету. Люди совершенно нагие сходили вниз по нескольким ступенькам, которые были вырублены в глиняной стене ямы, и карабкались по головам лежавших там людей к тому месту, которое указывал им эсэсовец. Они ложились перед мертвыми или ранеными людьми, некоторые ласкали тех, которые еще были живы, и тихо говорили им что-то. Затем я услышал автоматную очередь. Я посмотрел в яму и увидел, что там бились в судорогах люди...

<...> Утром следующего дня я увидел около 30 обнаженных людей, вблизи от ямы, примерно в 30-50 метрах от нее. Некоторые из них были еще живы, смотрели прямо перед собой остановившимися глазами и, казалось, не замечали ни утреннего холода, ни рабочих моей фирмы, которые стояли вокруг, ...мы слышали шум быстро приближающейся машины... это была команда СС. <...>

<...> Еще живым евреям было приказано бросить тела в яму; затем они сами должны были туда лечь, и были расстреляны выстрелами в затылок [3, т. 2, с. 566-568].

ОЛЕНДОРФ (*начальник одной из «эйнзатцгрупп» - оперативных немецких отрядов по уничтожению советского населения; показания на Нюрнбергском процессе о массовых расстрелах*):

С июня 1941 года по июнь 1942 года... уничтожено примерно 90 000 человек.

<...>

Местная оперативная команда пыталась учесть всех евреев и объявила регистрацию. Регистрацию проводили сами евреи...

Их созывали под предлогом переселения. После регистрации евреев собирали в одно определенное место. Оттуда их позднее перевозили к месту казни. Как правило, местом казни был противотанковый ров или просто яма.

<...>

Их привозили на грузовиках... причем столько, сколько можно было казнить немедленно. Таким образом, все это проводилось по возможности быстро, т.е. промежуток между действительной казнью и осознанием, что это совершится, был очень незначительным.

<...>

Ценные вещи изымались при регистрации...

<...>

В моей оперативной группе было, примерно, 500 человек, не считая тех, кто привлекался как вспомогательная сила из жителей [3, т. 1, с.674-676,679].

Р. РУДЕНКО (*обвинитель на Нюрнбергском процессе; деятельность «эйнзатцгрупп»*):

«Эйнзатцгруппа А»... организовала «Форт смерти № 9» под Каунасом, тайный пункт массового умерщвления людей в Понарах, осуществляла расстрелы в Саласпилском и Бикерниекском лесу под Ригой, ставила ряды виселиц в парках одного из пригородов Ленинграда - Пушкине.

«Эйнзатцгруппа В» ...сжигала заживо крестьян Белоруссии, расстреливала людей при страшной акции в Пинске, топила... женщин и детей в Мозырских болотах, травила «душегубками» в Минске, ликвидировала гетто в... Смоленске.

«Эйнзатцгруппа С»... осуществляла беспрецедентную по жестокости массовую акцию немцев в Бабьем Яру под Киевом...

«Эйнзатцгруппе D» были отданы на растерзание южные области... Эта группа впервые испытывала на советских людях «душегубки» в Ставропольском крае и Краснодаре [3, т. 2, с. 640].

Из материалов Нюрнбергского процесса:

«Душегубки» представляли собой крытые 5-7-тонные грузовики серого цвета с дизельмоторами. Эти машины были обиты внутри оцинкованным железом и снабжены в задней части кузова двухстворчатой герметически закрывающейся дверью. В полу кузова находилась решетка, под которой проходила труба с отверстиями, соединявшаяся с выхлопной трубой мотора. Отработанные газы дизельмотора, содержавшие окись углерода высокой концентрации, поступали в кузов машины, вызывая быстрое отравление и смерть от удушья помещенных внутри людей [3, т. 1, с. 599].

В. БЕНГАЖ (лагерь истребления евреев в Хелмно, Польша):

Со двора евреев провожали в теплый зал... Там они раздевались и только в белье... проходили через коридор, на стенах которого были вывески: «К врачу», «В купальню». Стрелка при надписи «В купальню» вела к проходным дверям.

...евреям немцы объявляли, что в купальню поедут на крытой автомашине. ...выходящие из особняка евреи попадали прямо на лестницу, ведущую внутрь автомашины. Погрузка... происходила очень быстро. В коридоре и у автомашины находились жандармы. Криками и ударами они заставляли евреев быстро входить в автомашину, делая невозможным проявление какого-нибудь защитного рефлекса. После того, как все евреи находились уже внутри автомашины, двери тщательно запирались, шофер включал мотор, и... начиналось отравление газом... [3, т. 1, с. 862].

И. ЭРЕНБУРГ (из «Черной книги» - сборника документов об уничтожении советских евреев гитлеровцами):

Письмо лейтенанту Выпиху из Артемовска: «...ваши близкие родственники - мать, Бетя, Роза и Софочка. Их загнали в карьеры Военстроя и замуровали заживо...»

Герой Советского Союза лейтенант Кравцов писал тестю: «...немцы вместе с другими забрали наших стариков и моих малых детей и всех убили. Они экономили нули, клали людей в четыре ряда, а потом стреляли, засыпали землей много живых. А маленьких детей, перед тем, как их бросить в яму, разрывали на куски, так они убили и мою крохотную Нюсеньку. А других детей, и среди них мою Адусю, столкнули в яму и закидали землей [14, т. 9, с. 413].

Ф. ПИПЕР (концлагерь Освенцим):

Отбор больных производили врачи СС... Отобранные заключенные шли «колоться» в блок № 20. Там их по одному вызывали в амбулаторию, сажали на стул. После этого двое прикрепленных туда заключенных хватили жертву за руки, а третий накрывал ему лицо полотенцем. И тогда Клер [санитар СС] вбивал в сердце иглу и вводил находившийся в шприце фенол. Труп выбрасывали в умывальную рядом и сразу вызывали следующего заключенного. <...> ...за четыре месяца 1942 года... уколами фенола были умерщвлены 2467 человек [50, с. 113].

Л. ДОБРОШИЦКИЙ (еврейское гетто в оккупированной Лодзи, Польша):

В течение 1941 и 1942 годов в результате систематического недоедания и возникших из-за этого болезней... умерло 30 000 человек [56, с. 14].

Э. САЛИЮМС (бывшая узница концлагеря Саласпилс, Латвия):

...детей истребляли остервенело. Делали им впрыскивание какой-то жидкости, и после этого дети истекали поносом. Давали им отравленную пищу и кофе, и от этого в день умирало по 150 человек [57, с. 41].

НАУДЖЮНАС (бывший надзиратель IX форта в Каунасе):

Гестаповцы пригнали в IX форт около 200 мужчин и женщин. <...> Всех согнали в ров и заставили лечь. Облив горючим, гестаповцы подожгли живых людей [58, с. 6].

Огонь, пуля, голод, яд, электричество - широким фронтом шли изыскания, и смелость экспериментаторов вознаграждалась воодушевляющими итогами; вот несколько цифр, вырванных наугад: Ровно - 102 тысячи убитых, Одесса с областью — 200 тысяч, Смоленск - 135 тысяч [3, т. 1, с. 553, 565, 568]. По самым преуменьшенным данным, говорит Э. РАССЕЛ, на оккупированных территориях немцы уничтожили 12 миллионов мирных жителей, из них 8 миллионов - в концлагерях [4, с. 178]. Соответственно цифры для евреев - 6 и 4 миллиона [3, т. 2, с. 1019].

Простейшая арифметика: $12 - 8 = 4$. Это 4 миллиона погибших в процессе нацистских поисков: 2 миллиона евреев и 2 миллиона всех иных европейцев. Евреи, разумеется, в авангарде...

Из отчета «эйнзатцгруппы А» за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г.:

Систематическая работа по очищению Востока... имела своей целью возможно полную ликвидацию евреев. Эта цель в основном достигнута. Исключая Белоруссию, экзекуции подвергнуто 229052 еврея.

Эстония

...На сегодняшний день евреев в Эстонии больше нет.

Латвия

При вступлении германских войск в Латвию там находилось еще 70000 евреев...

<...>

...были произведены... экзекуции. <...> В настоящее время в гетто находятся... в Риге: - 2500 человек, в Двинске - 950 человек, в Либаве - 300 человек.

Эти евреи, будучи хорошими специалистами, являются в настоящее время еще необходимыми...

Литва

...ликвидировано в общем 136421 человек...

Белоруссия

Вопрос решительной и полной ликвидации евреев... наталкивается на известные трудности, ...оперативная группа «А» приняла эту территорию лишь с наступлением сильных морозов, которые очень затрудняли проведение массовых экзекуций. ...евреи живут разбросанно по всей территории: учитывая большие расстояния, плохое состояние дорог, недостаток автотранспорта, бензина и незначительные силы полиции безопасности и СД, проведение расстрелов возможно только при максимальном напряжении всех сил. Несмотря на это, расстреляна уже 41 тыс. евреев. <...>

Командиру полиции по Белоруссии, несмотря на тяжелое положение, даны указания - как можно быстрее ликвидировать еврейский вопрос. Но все же для этого потребуется около двух месяцев времени в зависимости от погоды [3, т. 1, с. 848-849].

Если бы только белорусские трудности! А расходы? Расстрел, привлекательно простой, удручал расточительностью. Сколько ни старайся рационализаторы прошивать одной пулей разом несколько человек, сколько ни компенсируй затрат имуществом жертв - все же пули стоили денег, неотложно необходимых для войны. Экономичная душегубка не радовала

производительностью, сожжение - тоже. И в гетто голодная смерть недостаточно поспешала. Так что четыре миллиона убитых если и были для нацистов бочкой меда - не без дегтя, однако.

А время летело и проблема поджимала, и сколько еще предстояло совершить пытливым умам, чтобы в 1946 году в Нюрнберге ахнул Главный английский обвинитель!

Х. ШОУКРОСС:

Двенадцать миллионов убийств! Уничтожено две трети еврейского населения Европы, более шести миллионов, по данным самих убийц. Убийства совершались подобно серийному производству в какойнибудь отраслей промышленности... [4, с. 178].

Да, наладилась в конце концов машина уничтожения. Кто ищет - находит.

Г.ХАУЗНЕР:

Идея истребления евреев ядовитыми газами была выдвинута Гитлером уже в его книге «Моя борьба». Он писал, что если бы в первую мировую войну отравили 12-15 тысяч евреев газами, то может быть спасли бы жизнь миллиону немцев. После того, как метод расстрела... был признан неудовлетворительным, возникла идея... использовать против евреев газ [5, с. 151].

С. РАЙЗМАН (*показания на Нюрнбергском процессе о лагере истребления евреев в Трешлинке, Польша*):

Смирнов (обвинитель от СССР): Сколько времени жил человек, попадающий в трешлинский лагерь?

Свидетель: Вся процедура - раздевание и путь в газовую камеру - продолжалась для мужчин 8-10 минут, для женщин 15 минут. Для женщин 15 мин. было потому, что до того, как они шли в газовую камеру, им стригли волосы.

<...>

Смирнов: Люди в Трешлинку привозились поездами или грузовиками?

Свидетель: Главным образом привозились поездами. <...> ...начальник лагеря Франц Курт устроил первоклассную железнодорожную станцию с надписями, а на бараках, где находилась одежда, были надписи «буфет», «касса», «телеграф»... Было даже печатное расписание прихода и ухода поездов на Гродно, Сувалки, Вену... [3, т. 1, с. 858].

3. ЛУКАШЕВИЧ (*Треблинский лагерь*):

Нагих мужчин, женщин и детей отправляли дорогой, ведущей к камерам, причем объясняли, что все они идут купаться. В первое время даже было приказано держать в руке один злотый, как плату за вход в купальню, чтобы возбудить у людей доверие...

...чтобы в камерах поместилось большее число жертв, людей загоняли с поднятыми руками, а на головы им бросали маленьких детей [3, т.1, с.861].

Ф. ПИПЕР (*Освенцим*):

Входящих в камеру людей - сначала женщин с детьми, а за ними мужчин - вели к противоположной стене, за кордон стоящих у стены эсэсовцев. По мере заполнения газовой камеры они отступали по направлению к двери. Таким образом, в газовую камеру площадью в 210 м² и размером 30 x 7 x 2,4 м вталкивали до 3000 человек.

...газ пускали через отверстия в перекрытии. От этих отверстий досамого пола отходили специальные трубы, сконструированные из нескольких слоев плотной проволочной сетки с подвижным стержнем. Эсэсовец-дезинфектор, открыв банку с циклоном [яд в газифицирующихся кристаллах], опрокидывал ее содержимое на специальный распределительный конус. Благодаря этому кристаллизованная синильная кислота равномерно распределялась внутри вкидного стержня, что ускоряло отравление. Одновременно в газовую камеру впускалось около 6-12 кг газа (в 1942-43 годах фирма *Теш унд Стабен* доставила в лагерь 19652,69 кг «циклона Б») [50, с. 120-121].

Циклон «Б» поставляла и фирма «Дегеш» - филиал «ИГ Фарбениндустри». В 1955 году суд присяжных во Франкфурте-на-Майне оправдал директора фирмы д-ра Петерса, записав в решении: «...сегодня с определенностью нельзя узнать, действительно ли при помощи циклона «Б» в Освенциме умерщвляли людей» [48, № 9, с. 130].

ГЕСС (*комендант Освенцима*):

...через глазок в дверях можно было видеть, как стоящие ближе к газопроводящим устройствам тотчас же падали мертвые. Одна треть людей умирала сразу, остальные начинали толкаться, кричать, судорожно хватать воздух. Однако крики быстро затихали, переходили в хрипение... через 20 минут никто уже не шевелился, ...это зависело от погоды: было ли сухо или влажно, тепло или холодно; зависело это и от качества газа, оно не всегда

было одинаковым... ..быстрее гибли дети, старики и больные, слабые, а также те, кто кричали.

Через полчаса двери открывали, включали вентиляцию и сразу начинали вытаскивать трупы....

Затем узники из зондеркоманды выдергивали у трупов золотые зубы, отрезали волосы у женщин, а потом лифтами перевозили трупы наверх в печи.

Число трупов, входивших в одну печь, равнялось трем, но это зависело от размеров тел, что влияло также и на время сжигания, в среднем требовалось 20 минут, ...в крематориях 1 и 2 могли сжечь за сутки около 2000 трупов, всякое увеличение этого числа приводило к аварии [49, с. 122-123].

Переписка фирмы Кори - поставщика печей для концлагерей:

...мы предлагаем наши усовершенствованные печи для сжигания, работающие на угольном топливе, которые оправдали себя на практике с наилучшей стороны.

<...>

Чертеж Ю/8998 наглядно иллюстрирует устройство двух печей, по чертежу № 9122 изготовлено для строительства Дахау четыре печи.

Следующий чертеж № 9080 иллюстрирует установку в Люблине с пятью печами для кремации и двумя монтированными отопительными камерами.

Для доставки трупов в камеры кремационных печей мы предлагаем...

Мы гарантируем эффективность поставляемых кремационных печей, а также их устойчивость, поставку лучшего материала и безупречное выполнение работ...

В ожидании дальнейших известий, к вашим услугам. Хайль Гитлер!

Кори (Общество с ограниченной ответственностью) [3, т. 1, с. 638-639].

Ф. ПИПЕР

...число сжигаемых тел зависело, собственно говоря, от количества транспортов [с евреями] и пропускной способности газовых камер, теоретически рассчитанной на 60000 тел... Самое большое число отравленных и сожженных за один день людей было достигнуто в 1944 году во время акции уничтожения венгерских евреев и составило 24000 человек. <...>

Каждый из этих современных крематориев был обнесен колючей проволокой, имел отдельный вход, а от лагеря был скрыт изгородью из ивняка. Нарядные цветочные клумбы придавали этому месту невинный вид (50, с. 120).

Из показаний бывших освенцимских узников:

...печей не хватало, и были устроены огромные рвы для сжигания. В них укладывались костры из дров, которые обливались нефтью. В эти канавы бросались трупы, но часто СС бросали туда также детей и взрослых женщин, где эти несчастнейшие люди погибали страшной смертью. Жиры и масло, нужные для сжигания, получались отчасти из трупов газированных людей, для экономии нефти. Из трупов получали также масла и жиры для технических целей и даже для приготовления мыла [3, т. 1, с. 274].

Ю.ЮЗОВСКИЙ:

Освенцим должен был работать на началах самоокупаемости. Гесс был озабочен изысканием средств для ведения своего производства. <...> Так был найден знаменитый «циклон Б» - препарат синильной кислоты. Он, во-первых, стоил дешево, во-вторых, действовал быстро... Когда же не было особой спешки, нужную порцию яда уменьшали, жертвы мучились дольше положенного (я опускаю описание перекошенных судорогой тел и глаз, вылезаящих из орбит), но экономия на «циклоне Б» составляла в целом внушительную цифру [59, 1966, № 2, с. 169-170].

Ф. ПИПЕР:

Пепел с остатками не сожженных до конца костей вывозили на грузовиках в деревню Харменже и высыпали в рыбные пруды, засыпали болота или удобряли поля лагерных хозяйств. Вырванные у мертвых золотые зубы тут же переплавлял ись в специальном тигле... Плавка порой давала до 12 кг золота в день. Чердаки крематориев, отапливаемые благодаря находившимся под ними печам, использовались для сушки волос убитых [50, с. 121].

Ю. ЮЗОВСКИЙ:

Рудольф Гесс, в общем, справлялся с финансовыми затруднениями, о чем свидетельствует, например, его переписка с фармакологической фирмой Байер. Вот фрагменты этой корреспонденции, исходящей от фирмы. «Мы были бы благодарны Вам, если бы Вы, в связи с испытанием нами нового снотворного средства, передали нам известное количество женщин». «Подтверждаем ответ. Цена 200 марок за одну женщину кажется нам все же завышенной. Можем предложить не больше 170 марок за голову...» <...> «Получили 150 женщин. Они хотя и не в наилучшем состоянии, но отвечают нашим требованиям...» «Опыты проведены. Все женщины умерли. В ближайшее время свяжемся с Вами насчет новой доставки...» [59, 1966, № 2, с. 171].

Выше Гесса торговали с бóльшим размахом. Эйхман и его представитель в Венгрии Крумей пытались обменять 1 миллион евреев на 10 тысяч грузовиков. Сделка, впрочем, не получилась [48, №9, с. 130].

Из книги «Освенцим глазами СС»:

Во время уничтожения венгерских евреев Гесс часто ездил в Будапешт, чтобы координировать наплыв эшелонов. <...> Каждый день приходили 2-5 эшелонов, а в каждом из них 40-50 вагонов приблизительно по сто человек в каждом вагоне. Часть эшелонов направляли прямо в газовые камеры без проведения отбора. Бывали дни, когда приходило больше поездов с евреями, и тогда закрытые вагоны стояли на боковых путях по несколько часов. В некоторых транспортах евреи уже были поделены по возрасту и полу. Венгерских евреев привозили в Освенцим под предлогом «переселения» на Восток, а поэтому им было приказано привезти строительное дерево. В действительности оно служило для сжигания трупов загазованных людей [49, с. 113].

М.-К. ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ:

...когда прибывали евреи из Салоник, им выдавали почтовые открытки, внизу на этих открытках указывалось, что адрес отправителя - Вальдзе, хотя такого пункта не существовало. Им выдавали также печатный текст с тем, чтобы они написали своим родным: «Здесь мы хорошо устроились: у нас есть работа, с нами хорошо обращаются и хорошо кормят. Ждем вашего приезда». <...> Я вспоминаю профессора-филолога из Салоник, который с ужасом узнал в приехавшем родного отца [3, т. 1, с. 875].

ГЕСС:

...два дежурных врача осматривали заключенных, прибывших эшелонами... Пригодных к работе направляли в лагерь, остальных же немедленно посылали на фабрики истребления. Маленьких детей истребляли всех, так как они не могли работать.

<...> Очень часто женщины пытались спрятать своих детей под одеждой, но, конечно, когда мы обнаруживали их, мы отправляли их в камеры уничтожения [3, т. 1, с. 886].

С. ШМАГЛЕВСКА:

...быстро, на ходу, идет отбор.

Не задерживаясь ни на мгновение, люди переходят направо, лишь некоторые, указанные эсэсовцем, сворачивают налево. Первые пойдут напрямиком в смерть, вторым будет разрешено прожить несколько недель или месяцев в наитягчайших условиях лагеря.

Налево идут самые красивые молодые девушки или безупречно-крепко сложенные юноши.

Направо движется подавляющее большинство; там старики, инвалиды, дети, матери с младенцами. Они не знают, что в эту секунду на них пал приговор гитлеровского правосудия.

<...>

Напротив того места платформы, где высаживаются из поездов «переселенные» сюда люди, стоят затаившиеся за немецкой уборной женщины [узницы] и через колючую проволоку следят за селекцией. <...> Эдита Линкс... смотрит с напряжением, а потом тихо говорит:

- Моя сестра Сарочка.

<...> Эдита тянется на цыпочках и смотрит в сторону поезда... лицо ее сереет и она, с глазами, расширенными от ужаса, говорит:

- Моя мать, шурин, отец, бабушка, тетя... Все. Вся моя семья.

И не думая об опасности, которой подвергает себя, кричит:

- Сара! Сара! Отдай ребенка бабушке!

Молодая женщина с ребенком на руках глядит в сторону лагеря, узнает стоящую за проволокой сестру, поднимает приветственно руку. Эдита упорно повторяет:

- Ребенка - бабушке, отдай ребенка бабушке!

Сара не знает, что значат эти слова. Послушно оборачивается к идущей следом старой женщине в черном и отдает ей младенца. <...> Семья Эдиты приближается к группе эсэсовцев и теперь видно: все поочередно уходят направо кроме одной только Сары [60, с. 291-292].

М.-К. ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ:

Мы прибыли в Освенцим...

Нас направили в большой барак, затем - дезинфекционную камеру. Там нам вытатуировали на левой руке порядковый номер. Затем нас перевели в большое помещение, где держали под паром, после чего окатили ледяной водой. Все это происходило в присутствии эсэсовцев-мужчин и женщин, хотя мы, женщины, были раздеты. После этого нам выдали разорванную, грязную одежду: платья из хлопчатобумажной ткани и такие же кофты. <...>

...нас перевели в помещение, где мы должны были жить. <...> Нары были размером 2x2 метра, и мы без подстилок спали по девяти человек на каждом нарах: первую ночь мы провели без одеял. <...>

В половине четвертого раздавался грубый крик охраны, которая нас... поднимала... ударами дубинок на переключку, ...даже умиравшие должны были ползком выходить на нее...

5 февраля... в 1943 году... в половине четвертого утра весь лагерь был разбужен и выведен на переключку на равнину. Мы оставались на этой равнине перед лагерем до пяти вечера, не получая пищи, стоя на снегу. После того, как была отдана команда, мы должны были пройти через дверь, поочередно один за другим, и каждому заключенному наносили удар в спину дубинкой для того, чтобы заставить его бежать. Те, которые не могли бежать, потому что были стары или больны, были схвачены и помещены в 25-й блок, в котором ожидали отравления газом....

...наши окна выходили во двор 25-го блока, ...можно было видеть горы трупов, и время от времени голова или рука одного из сваленных в кучу тел приходила в движение - это была умирающая, которая стремилась выбраться из горы трупов...

...по двору 25-го блока бегали громадные крысы, которые объедали трупы и даже набрасывались на умиравших...

...обувь приходила в полную негодность через одну, две недели... В связи с этим ноги отмораживали, на них образовывались раны... Многие из моих подруг, у которых были раны на ногах, ложились в лазарет и более оттуда не возвращались.

<...>

Евреек, выходивших на переключку без обуви, немедленно отправляли в 25-й блок. <...> Их уничтожали с помощью газа за что бы то ни было. Вообще их положение было совершенно ужасно. Нас собирали по 800 человек в блоке, и скученность была такой, что мы с трудом могли двигаться по помещению. Их же было в блоке такого же размера 1500 человек, т.е. значительная часть из них не могла ни спать, ни даже улечься на ночь [3, т. 1, с. 865-868].

ГЕСС:

Больных, которых невозможно было ввести в газовую камеру, убивали выстрелом в затылок [49, с. 105].

М. НЫСЛИ (*бывший заключенный Освенцима*):

Ежедневно около семи часов вечера в ворота крематория въезжает грузовая машина. Она привозит примерно семьдесят-восемьдесят женщин или мужчин на смерть. <...> Они не питают иллюзий относительно своей участи. Когда машина въезжает во двор, поднимается ужасающий предсмертный крик. <...> Они настолько обессилены, что не могут вылезти из высокого кузова машины. Охранники СС орут и торопят их. Водитель-унтерофицер теряет терпение, садится за руль и включает мотор. Передняя часть огромного ящика медленно поднимается вверх и высыпает людей. Полумертвые больные падают на бетон, одни на других, ударяясь головой, лицом. Душераздирающий крик заполняет все вокруг. Несчастные судорожно бьются о землю. Страшная сцена... Зондеркоманда срывает с жертв лохмотья и бросает в костер. Несчастных вносят в котельную, где их ожидает у топки обершарфюрер Мусфельд. <...> Руки в резиновых перчатках, он держит оружие. Перед ним ставят людей, которые один за другим падают замертво на пол, уступая место следующим. В течение нескольких минут Мусфельд «опрокинул» всех восемьдесят человек, так и говорил: *умге-легт*. Спустя полчаса от них остается лишь горсть пепла [50, с. 126-127].

Из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии СССР:

По... технической организованности, массовости и жестокости истребления людей Освенцимский лагерь оставляет далеко позади все... «лагеря смерти».

<...> На территории Освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для... вещей и одежды, из которых 29 немцы перед своим отступлением ...сожгли вместе с находившимися там вещами. В оставшихся 6 складских помещениях обнаружено:

1. Мужской верхней и нижней одежды	348820 комплектов
2. Женской верхней и нижней одежды	836255 комплектов

<...>

5. Ковров	13964 штук

...обнаружено большое количество бывших в употреблении у заключенных: зубных щеток, кисточек для бритья, очков... зубных протезов, всевозможной посуды. Там найдено большое количество детской одежды: рубашки, распашонки, штанишки, пальто, шапочки.

<...>

На кожевенном заводе Освенцимского лагеря... обнаружены 293 тюка запакованных женских волос общим весом 7 тысяч килограммов. Экспертная комиссия установила, что волосы срезаны со 140 тысяч женщин.

<...>

Только по пяти крематориям... немцы могли уничтожить:

Номера крематориев	Продолжительность существования крематория (в месяцах)	Пропускная способность крематория по сожжению трупов (в один месяц)	Пропускная способность за весь период существования
№1	24	9000	216000
№2	19	90000	1710000
№3	18	90000	1620000
№4	17	45000	765000
№5	18	45000	810000
ВСЕГО		279 000	5 121 000

Учитывая применение... костров для сожжения трупов, общая пропускная способность сооружений для убийства людей в Освенциме должна быть значительно повышена.

Однако, применяя поправочные коэффициенты на недогрузку крематориев, на отдельные простои их, техническая экспертная комиссия установила, что за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем не менее 4 миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии... и Других стран [3, т. 1, с. 617,630-632].

Г.ХАУЗНЕР:

Туда доставляли не одних только евреев, ...тысячи советских военнопленных, цыган, политических противников из других стран. Таких были десятки тысяч, но евреев везли сюда миллионами.

<...>

Одних только ценных вещей было награблено на сумму свыше миллиарда марок [5, с. 161,163].

М.-К. ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ:

...лица нееврейского происхождения сами должны были нести свой багаж в блоки, где его сортировали. Евреи должны были по прибытии оставлять все свои вещи на перроне, ...им приказывали раздеться, и их одежда и прочие вещи, которые они с собой привозили, все это оставалось на перроне. <...>

Так как в Освенцим евреев отправляли целыми семьями, говоря им, что это нечто вроде гетто, и поэтому они должны брать с собой все, что у них имеется, они привозили с собой значительные драгоценности [3, т.1, с.875].

ГЕСС:

Невозможно себе представить и оценить стоимость вещей, отобраанных у евреев...

<...>

Одежду и обувь подвергали осмотру, чтобы найти спрятанные там ценные предметы... затем одежду и обувь или отдавали на склад, или отправляли в лагерь для узников. Позднее вещи эти стали высылать и в другие лагеря. Значительную часть... передавали переселенческим общественным организациям, а позже жертвам воздушных бомбардировок. Много вещей получили предприятия военной промышленности...

Ценные предметы принимал особый административный отдел лагеря... Отсортировав... их грузили вместе с деньгами в машины и отправляли в Берлин, в главное административно-хозяйственное управление СС, а оттуда в имперский банк. В этом банке был специальный отдел, занимавшийся только ценностями, поступающими в ходе операции против евреев. Эйхман сказал мне однажды, что эти драгоценности и валюту продавали в Швейцарии, и что ими был полностью наводнен швейцарский рынок.

...часы тысячами высылали в Саксенхаузен: там были огромные часовые мастерские, где работали сотни узников. В этих мастерских часы сортировали, чинили и отправляли в распоряжение фронтовых отделов СС и армии...

Золотые зубы перетапливали... слитки отправляли в главное санитарное управление. В запломбированных зубах не раз находили драгоценные камни...

Отрезанные женские волосы... использовали для целей военной промышленности.

[Примечание редакторов записок Гесса: ... из них делали фетр и портняжный волос. <...>

Фирмы, покупавшие волосы, платили по 0.5 марки за килограмм].

Плохую одежду чинили; обувь разрезали на куски, часть из которых шла в употребление, а остальное перерабатывали в кожаную муку [49, с. 105, 118-119].

БРОАД:

Администрация лагеря была не в состоянии наладить сортировку наплывающих в огромном количестве предметов; в результате горы дорогого белья, высотой с дом, неделями лежали на улице и портились. Чемоданами носили в подвалы... ювелирные изделия, банкноты, моне-

ты... Целый штат людей день за днем считал деньги, получались астрономические суммы.
<...>

СС, которая в начале войны едва могла закупить для себя необходимое оружие, через несколько лет могла уже построить целые улицы с фешенебельными жилыми и административными зданиями.

В Бжезинке десятки тысяч буквально лежали на дороге: эти деньги выбрасывали... люди, которых везли на грузовиках... в газовые камеры. Большинство конвоиров, находя эти деньги, не могли удержаться от соблазна... они припрятавали часть этих денег...

На вокзале можно было купить у железнодорожников и спекулянтов любое количество водки; спекуляция давала огромные деньги.... У покупателей была разная валюта в достаточном количестве [49, с. 182-183].

ГЕСС:

Члены СС были деморализованы, многие из них не были настолько сильны, чтобы противостоять искушению легкого обогащения ценными вещами евреев. <...>

<...> За легко полученные деньги, часы, кольца и другие предметы узники [главным образом те, которые работали на складах, - *Примечание редакторов записок Гесса*] покупали у эсэсовцев алкоголь, табак, продукты, фальшивые документы, оружие, боеприпасы, ...пострадала общая дисциплина в лагере. <...> Еврейское золото стало проклятием лагеря [49, с. 119-120].

Тем не менее бережливые немцы не упускали ничего. 15 декабря 1943 года Берлин потребовал от комендантов Освенцима и других лагерей, имеющих публичные дома, «взимать за сношение с польской шлюхой 2 рейхсмарки. 1 марку получает проститутка, тогда как вторая марка поступает на специальный счет»[61,с.192].

Отвернемся от Освенцима. В какую только сторону?

Э. ПОЛАК (*из бухенвальдского дневника*):

22 января. В КЛ [концлагерь] Бухенвальд отправился... транспорт из КЛ Аушвиц [отделение Освенцима], 2224 заключенных евреев... Ехали в открытых товарных вагонах при морозе, достигавшем -30°. Большинство замерзло насмерть [61, с. 329].

Э. РАССЕЛ:

В Бухенвальде заключенных давили под грузом камней, топили в навозе, пороли, морили голодом, кастрировали, увечили [4, с. 201].

<...>

В Бельзене не было газовых камер; тем не менее болезни и голод истребили там тысячи людей, ...бывший заключенный показал: «Я не раз замечал у многих трупов весьма странную рану на задней части бедра. <...> При следующем же посещении морга я заметил, как один заключенный, вытащив нож, отрезал кусок от ноги трупа и быстро отправил его в рот...» [4, с. 193-194].

С. КРУКОВСКИЙ (*концлагерь Маутхаузен, работа в каменоломне*):

...возвращение [в карьер] за очередной партией камня должно было происходить в темпе более, чем ускоренном... сотни людей катились по лестнице, по 186 ступеням, как лавина; после такого спуска многие уже не приходили в себя. <...> Эсэсовцы после каждого возвращения наверх выбирали группу евреев, которым давали приказ спускаться кратчайшим путем - по воздуху...

Я, очевидец, сомневаюсь, поверят ли [мне]...

Некоторые евреи, видимо, уже достаточно обработанные битьем, выполняли приказ почти без колебаний. Они летели вниз 70 метров...

Вот отец с двумя сыновьями... Он прощается с ними, затем все трое, взявшись за руки, падают вместе, слитые воедино...

Многих в последнюю минуту охватывает желание бороться за жизнь. Одного эсэсовцы спихнули в месте, где вода промыла в песке между скалами узкую воронку. Несколькими метрами ниже края он упирается локтями в хрупкие стенки, под ногами его пропасть в десятки этажей. Он понимает, что через минуты локти не выдержат тяжести тела или обрушится песок... Несмотря на это он держится - секунды, минуты. Наконец эсэсовцу надоедает. Он отыскивает длинный пожарный багор. Остальное уже просто... [62, с. 96-98].

М. НИЛЬСЕН (*концлагерь Штутгоф*):

К осени 1944 года одной газовой камеры на весь лагерь уже было мало. Под газовую камеру пришлось переоборудовать железнодорожный вагон. Его закатывали прямо в лагерь, загружали обреченными на смерть, бросали туда газовый снаряд, запирали, и пока другие заключенные медленно толкали вагон к крематорию, несчастные погибали... Когда вагон

останавливался возле крематория, можно было открывать двери и вытаскивать трупы [54, с. 185].

Передвижные газовые камеры, передвижные были и крематории. На концлагерном оборудовании специализировался ряд германских фирм [3, т. 1, с. 638-639].

Из акта осмотра в г. Львове костедробилки (документ СССР-61 на Нюрнбергском процессе):

...комиссия... произвела осмотр машины для перемола костей расстрелянных и сожженных немецко-фашистскими разбойниками советских граждан...

Машина для перемола жженой кости смонтирована по специальному заданию на площадке автотракторного прицепа. <...> Машина состоит из барабана, привода, элеватора, архимедова винта и двигателя. Барабан, заводского производства, предназначается для измельчения материалов. <...> Внутренняя часть барабана облицована стальной броней, а наружная окована мелкой сеткой. Размер барабана: диаметр внутренний 900 мм, ширина 600 мм.

<...>

Кость жженая, мелкая подается в приемную часть элеватора, откуда ковшами, укрепленными на цепи, подается в загрузочный бункер барабана, ...винтовой лопастью кость захватывается в барабан. При вращении барабана кость размалывается шарами... Костная мука через отверстия... просыпается на сетку, через которую...

<...>

Перевозится установка автомобилем...

...производительность приблизительно 3 куб. метра жженой, мелкой кости в час.

...Задача конструктора заключалась в выборе типа барабана, механизации загрузки кости в барабан, а также разгрузки муки. Предусматривался компактный монтаж установки, с возможностью помещения ее в любое выбранное место... [3, т. 1, с. 640-641].

Письмо банкира ШРЕДЕРА Гиммлеру от 21.09.1943 г.:

Дорогой рейхсфюрер! ...вкладываю список с полным отчетом о суммах, которые будут представлены вам вашими друзьями. Они равны 1100 000 рейхсмарок. Мы очень рады оказать вам некоторую помощь в ваших специальных задачах и облегчить для вас деятельность в ваших все расширяющихся сферах деятельности.

Желаю вам, дорогой рейхслейтер, самой большой удачи.

Остаюсь вам верен, уважающий вас, хайль Гитлер!

Всегда ваш Курт фон Шредер [3, т. 1, с. 704].

Э. ПОЛАК:

Начальник КЛ Бухенвальд Герман Пистер посетил дирекцию фирмы Круппа в Эссене с целью «продажи» 2000 заключенных. <...> Ежедневная плата за узника должна составлять 4 марки. Одежда, миски и рабочую одежду обеспечивает фирма Круппа.

<...>

КЛ Бухенвальд в январе 1945 г. заработал на труде заключенных в немецких фирмах 6 066 963 рейхсмарки [61, с. 249,334].

В. МОЛЧАНОВ:

[В 1942 году] общие американские инвестиции в экономику нацистской Германии составляли 475 миллионов долларов. <...> Вальтер Шелленберг, руководитель нацистской разведки, был членом совета директоров ИТТ [американская компания] и держателем ее акций.

<...>

...в 1943 году американские предприятия «Дженерал моторс» снабжали ВВС США и одновременно выпускали на своих германских филиалах двигатели для «Мессершмита-262». Причем этот гитлеровский истребитель оказался значительно быстрее своего американского конкурента - поршневого самолета «Мустанг Р-150» [57, с. 232,235].

Что нам сто́ит дом построить? Где топором, где умом, где плечом - пóтом политая поднимается изба, при ней амбар, хлев, банька,огород - двор. Двор ко двору - собирается селение. На лесном взгорье между сливающихся рек встав удобно и для войны и для торговли, дерется, голодает, разоряется, копит доходы, горит, стелется под татар, вымирает, возрождается, двор ко двору, год за годом лепятся улицы, поднимаются церкви - разворачивается город, растет, ловчит, подминает соседей, рвет удавку татарскую, молится, кует оружие - в пятнадцатом веке, мозольным трудом и смертным терпением в силу войдя, безоговорочно перенимает первенство: от захиревшего Владимира - в государстве, от смя-

той турками Византии - в православии. Москва - Третий Рим.

Столице начало - собор.

Что нам стóбит храм построить? Тесали камни родимые умельцы, месили известь, рыли котлован, вздымали стены, а подоспело вершить - рухнули своды. Призвали иноземца, и в пять лет великий мастер итальянский поставил первопрестольный храм - на пятьсот лет вперед образец местным строителям. Оброс храм Кремлем, Кремль - посадом, торгом, церквями, домами, садами; усердные смерды брали уроки у хитроумцев, из дальних стран хлынувших сюда строить, иконы творить, монеты чеканить, пушки лить, торговать, лечить, даже «арганный игрец» привезен был из Италии [24, кн. 3, с. 179-180].

Город, татарством пронизанный, овеяло романским духом, тянувшим из дальних - эллинских, библейских - времен. Иудаизм, Византия, отблески Ренессанса, западные фантазии и коварный прищур Востока - все в Москве слилось, сплелось и окуталось славянским туманом язычества. Благовещенский собор в московском Кремле строили мастера «из Немецкой земли», иконами украшали русские монахи Андрей Рублев и Про-

хор с Городца, еврейку Богородицу написал грек Феофан... Опровержением «ненавистной раздельности мира сего» встал город.

Что нам стóбит град построить? Крови - досыта, пота - дослепу... В шестнадцатом веке столица - огромней Лондона, в семнадцатом - при польском нашествии - пепелище, в восемнадцатом опять ровень Европе, с университетом и рестораном.

Столицы горят от вражеских рук или от собственного небрежения. А Москва в 1812 году самосожглась, собой выжигая наполеоновскую славу. И разоренная, вновь ожила, вновь проваривала в своем котле европейские изыски с восточными приправами и прорастала шумней прежнего на российской почве, на иноземных ветрах. В двадцатом веке уже сама могла удивить мир хоть балетом, хоть водкой, хоть пронзительным словом Толстого.

Куражился город умом в умением, сверкал куполами, рычал заводами, играл хлебосольством в хамством, пестовал гениев и жулье, купцов, творящих музеи, и чернь, пропившуюся дотла, вымирающее барство и нарождающийся бунт. Простреленный революцией, ею же заново вознесся мировым центром: не христианского православия - марксистского правоверия. И в ослепительной мечте руша себя и себя созидавая, устремился: ввысь - дворцами, вширь - площадями, вглубь - метрополитеном, - расстарался, вымахнул, миллионы людей в себя вобрав...

К 1941 году созрел для

ГИТЛЕР:

...капитуляция Москвы не должна быть принята [3, т. 1, с. 784].

<...> Город будет затоплен и стерт с лица земли [63, с. 246],

Л. БЕЗЫМЕНСКИЙ:

...предусматривалось тесное отрудничество вермахта, СС и СД для превращения Москвы в колоссальный концлагерь. А дальше намечалось создание «супер-Освенцимов» на Востоке, куда для уничтожения в газовых камерах должны были быть «пересланы» москвичи - дети, женщины, старики [63, с. 245].

Москвичи... Не московские евреи - все москвичи. Закономерно: евреи - только оселок, на котором доводился до бритвенной безукоризненности нож ненависти.

В Испании XV века за евреями последовали мавры. В XX веке 14 тысяч гитлеровских лагерей, тюрем и гетто совокупно с «акциями» СС, армии и полиции перемололи больше 12 миллионов человек. Шесть из них - евреи, а остальные - кто?

Два с половиной миллиона поляков, по-нацистски «недочеловеков» - их тоже надлежало истребить [64, с. 28]. Как и сотни тысяч «паразитов» - цыган [53, с. 37]. Как и «большевиков»-советских военнопленных: три миллиона [65, с. 238]. А еще сербы, американцы, французы, белорусы, итальянцы, чехи, немцы...

Между прочим, сколько среди них антисемитов?

Сколько молчаливо согласных?

Сколько благословлявших?

Ю. ХУМЕНСКИЙ (*Польша*):

В общей сложности за время второй мировой войны погибло и прошло через геенну концлагерной жизни 6362 католических духовных лиц, в том числе 6 епископов... и 1363 монахини [66].

Из книги «Освенцим глазами СС»:

...начальник лагеря гауптштурмфюрер СС Фрич так приветствовал прибывших в лагерь узников:

«Вы приехали сюда не в санаторий... Если в транспорте есть евреи, то они не имеют права жить больше двух недель. Если есть ксендзы, то они могут жить один месяц, остальные - три месяца [49, с. 48].

Многообещающая формула. Частный случай, в общем виде он разворачивался в перспективную последовательность: «нелюди»-евреи; «недочеловеки» - славяне; голландцы, может быть, и люди, но ведь немец - сверхчеловек.

Всякому овощу свое время, а очередность - дело десятое, лишь бы принцип не умирал, принцип позволительности убийства.

Взойдя универсальным законом, ненависть потребовала соответствующего оснащения: не дубиной в висок, а «супер-Освенцим»; в пределе: вся земля - крематорий. С цветочками у входа. И - тишина, никаких проблем...

Страна Антисемития - страна Юдофобия. «Фобия» - в переводе - и «страх», и «ненависть». Безупречная связь состояний. Не пора ли разобраться с географией? Антисемития – не страна. Страна - Фобия.

В. ЦВЕТОВ (1980-е годы):

В Японии 700 тысяч корейцев... являющихся национальным меньшинством. ...ни одно правительственное учреждение не предоставит работу корейцу [59, 1985, № 9, с. 199].

Но столица Фобии - Антисемития.

* * *

ФОБИЯ. Наука

С. ЛОЗИНСКИЙ:

Мартин Лютер... в своих антиеврейских доводах не преминул сослаться на плохой запах, исходящий от евреев и являющийся причиной опасных болезней [46, с. 121].

А. ХИРЬЯКОВ (Испания после изгнания евреев и мавров):

...особенно зорким патриотам казалось, что все-таки еще не все сделано для благополучия Испании. В 1619 году один профессор Толедского университета сделал важное открытие: можно было еще изгнать цыган [34, с. 58].

Л.ФЕЙХТВАНГЕР:

В 1905 году в Москве вышла книга под названием «Великое в малом. Антихрист как близкая политическая реальность». Автором был некий Сергей Нилус, чиновник синодальной канцелярии. К двенадцатой главе имелось приложение, озаглавленное «Протоколы сионских мудрецов». «Протоколы» содержали отчеты о тайных собраниях вождей всего еврейства, которые будто бы съехались в Базель осенью 1897 года в связи с первым сионистским конгрессом. На этих собраниях, по утверждению автора книги, вырабатывались директивы для утверждения мирового владычества евреев. Книга была переведена на ряд языков и произвела сильное впечатление, главным образом в академических кругах Германии. В 1921 году сотрудник лондонского «Таймса» доказал, что... протоколы дословно списаны с появившейся в 1868 году брошюры... В этой брошюре... масоны и бонапартисты обвинялись в грандиозном заговоре с целью захвата мирового владычества. Автор «Протоколов» просто заменил слова «масоны и бонапартисты» словом «евреи». <...> Разоблачение грубой фальсификации вызвало во всем цивилизованном мире оглушительный хохот. Только в Германии, особенно среди университетских зубров, продолжали верить в подлинность «Протоколов» [7, т. 4, с. 451-452].

По Г. ФАСТУ:

Германия - родина слова «антисемитизм». Его придумал в 1879 году журналист В. Марр, маниакальный юдофоб. Возникло оно на базе расового учения, сотворенного в связи с «освоением» колоний в Африке и Азии. Появилось выражение «миссия белого человека», вскоре обозначившее нечто вроде «божественного права» в отношении черных народов. Француз Э. Ренан и Й.-А. Гобино развили теорию: разграничили расы на белую (люди) и черную (люди несколько меньше). Белые, в свою очередь, разделились: «высшие», говорящие на арийском языке, и «низшие» - на семитском. Пирамиду арийцев венчали «благородные тевтоны» - светлые, голубоглазые, мудрые... Евреи в среде арийцев представляли что-то вроде «пятой колонны» низших семитов.

Все это было чушью, но «нет теории слишком глупой... или злобной, чтобы ее не проглотило общество, ...поражаешься, когда, роясь в литературе конца девятнадцатого века, видишь, сколько писателей (от Джека Лондона до Киплинга) впадали в ту же глупость, не замечая хотя бы такого факта, как то, что на санскрите - самом древнем арийском языке - говорили миллионы темнокожих» [27, с. 304-306].

ГИТЛЕР:

Какое счастье для правителей, что люди не мыслят [67, с. 76].

Сам он в 1923 году, сидя в тюрьме (буржуазно-безалаберной, конечно, - догитлеровской), занялся научной подготовкой: читал Ницше, Бисмарка, даже Маркса... [67, с. 58]. Вышло вот что:

ГИТЛЕР:

Народы, не остерегшиеся евреев, были обречены на гибель. Примером являются персы, которые были когда-то великим и гордым народом, а теперь влачат жалкое существование в качестве армян [58, 1966, № 2, с. 181].

...Именно евреи приводили и приводят негра к берегам Рейна, чтобы путем скрещивания погубить белую расу... и самим возвыситься до господства над ней... [7, т. 4, с. 455].

Будем справедливы, фюрер в корифеи наук и не лез.

ГИТЛЕР:

Я благодарю свою судьбу за то, что она... не опустила мне на глаза завесу, называемую научным образованием. Мне удалось избежать многих наивных заблуждений [3, т. 1, с. 518].

Поблагодарим и мы. Не то ведь мог бы побережь хотя бы физиков, а там, глядишь, атомная бомба у вермахта и, пожалуй, конец хлопотам: все человечество - евреи...

Зато под сенью нацистского руководства древо науки дало любопытнейшие побеги.

Г.ХАУЗНЕР:

Было «доказано», что Иисус Христос был арийцем... Профессор физики Ф.Ленард, лауреат Нобелевской премии, взялся за создание германской физики «в противоположность еврейской науке, представляемой Эйнштейном». Профессор В. Мюллер учил, что только нордические народы способны к руководству [5, с. 12].

Из журнала «Здоровье германского народа» (1930-е годы):

Установлено на все времена: «чужеродным белком» является сперма мужчины чужой расы. <...> Достаточно одного случая сожителства еврея с арийской женщиной, чтобы навсегда отравить ее кровь. <...> Она уже никогда больше не сможет рожать чисто арийских детей... Теперь мы знаем, почему еврей прибегает к всевозможным способам обольщения, чтобы

насиловать возможно более немецких девушек, почему врач еврей насилует своих пациентов, когда они находятся под анестезией [4, с. 250].

Из отчета о научной командировке д-ра ТОМСОНА, профессора биолого-палеонтологического института, от 19.10.1942 г.:

Хотя здесь, на востоке, на меня возложены чисто научные задачи, я чувствую себя обязанным присоединить к моему деловому докладу общий политический отчет.

<...>

С польским или чешским вопросом мы можем разделаться, на это хватит биологических сил нашего народа. Такие маленькие национальности, как эстонцы, латыши и литовцы, должны либо приспособиться к нам, либо погибнуть.

Совершенно иначе обстоят дела на колоссальном русском пространстве, которое крайне важно для нас как сырьевая база... [3, т. 1, с. 823-824].

Ученый-анатом увлекся прикладными исследованиями. Их результаты - на служебном бланке:

Анатомический институт

Данциг, 15 февр. 1944 г.

Медицинской академии

Делбрюкаллея, 76

Директор проф. д-р Шпаннер

Производство мыла из остатков жиров

10-12 фунтов жира

10 литров воды

1000 граммов раствора натрона... \

<...> Варить в котле три часа. Прибавить полную пригоршню поваренной соли, немного поварить и оставить застыть.

...снять, разрезать и снова переварить от полутора до двух часов...

<...> Раствор, который остается после первого остуживания, может употребляться в разбавленном виде для чистки...

Чтобы устранить неприятный запах, можно добавлять... [3, т. 1, с.649].

Речь идет о человеческом жире.

З.МАЗУР:

В анатомическом институте происходили конференции научного состава... [3, т. 1, с. 648].

Э. ПОЛАК (*из бухенвальдского дневника*):

20 ноября [1940 г.]. В бухенвальдском бункере убит - вероятно, Мартином Соммером и доктором Эрихом Вагнером - заключенный Эрих Борсдорф... Вырезанный у Борсдорфа кусок татуированной кожи использован в качестве приложения к диссертации, написанной для Вагнера узниками и посвященной татуировке [61, с.74]

Из материалов Нюрнбергского процесса (Освенцим):

В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки, гистологические лаборатории... Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и детьми.

...содержалось одновременно до 400 заключенных женщин, над которыми производились опыты по стерилизации... по привитию рака шейки матки, опыты по насильственному родоразрешению и по испытанию контрастных веществ для рентгенографии матки...

...опытами облучения и кастрации занимались профессор Шуман и врач Деринг. Нередко операции заключались в том, что после облучения рентгеном у подопытных удалялись одно или оба яичка для исследования...

<...>

(*Из показаний голландского врача Де ВИНДА*): Опытам были подвергнуты 15 девушек от 17 до 18 лет... Из 15 девушек осталось в живых лишь несколько. <...> Девушек ставили между двумя плитами с ультракоротковолновым полем; один электрод ставили на живот, а другой помещали на ягодицах, фокус лучей направлялся на яичники, вследствие чего яичники сгорали, ...на животе и ягодицах появлялись серьезные ожоги. Одна из девушек от таких страшных поражений умерла; других... отправили в Биркенау в санчасть или в рабочие группы... Через месяц... ...им сделали две контрольные операции: один разрез в длину, другой поперек, причем удалили половые органы для исследования... Девушки совершенно изменились внешне вследствие выпадения гормональных проявлений и походили на старух.

<...>

(*Из показаний свидетеля С. ШТЕРНА*): ...многим заключенным впрыскивался керосин под кожу... Второй метод экспериментов: химическое раздражение кожи. Для этой цели применялся 80%-ный раствор уксусно-кислого алюминия... После этого снимали весь слой

кожи и отправляли на исследование. У тех же, у которых было глубокое раздражение кожи, вырезали кусок мяса с кожей и также отправляли на исследование...

После окончательного использования заключенных для экспериментов их убивали и сжигали... [3, т. 1, с. 887-890].

Ф. ПИПЕР (*Освенцим*):

Доктор Менгеле должен был ответить на вопрос: каким образом увеличить способность к размножению у немецкого народа... В центре его внимания находилась проблема близнецов...

<...> У близнецов переливали кровь от одного к другому и делали им рентгеновские снимки. Второй этап охватывал сравнительный анализ внутренних органов, который производился во время вскрытия. Такой анализ было бы трудно провести в обычных условиях ввиду малой вероятности одновременной смерти обоих близнецов. В лагере сравнительный анализ близнецов производился сотни раз. Для этой цели доктор Менгеле умерщвлял их уколами фенола. Менгеле, занимаясь своими исследованиями, сотрудничал с Институтом антропологических и биолого-расовых исследований... в Берлине... <...> ...эти эксперименты ничего не дали, кроме смерти и страданий многих заключенных [50, с. 132-133].

БРОАД (*Освенцим*):

Ни один из врачей СС не считал эксперименты... жестоким убийством. Ведь объектами для опытов были евреи, которые были лишены каких-либо прав и исключены из-под защиты закона [49, с. 150].

Ф. ПИПЕР:

Из заключенных освенцимского лагеря изготавливались анатомические пособия. В 1943 году лагерное начальство передало анатомическому институту в Страсбурге... 115 специально подобранных заключенных (79 евреев, 2 поляка, 4 узника из Средней Азии и 30 евреек) с целью пополнения коллекции скелетов [44, с. 134].

Р.Х. ДЖЕКсон (*обвинительная речь на Нюрнбергском процессе*):

«Нежелательные личности»... уничтожались... Их расстреливали отравленными пулями для изучения воздействия яда на организм...

<...>

В Дахау, как это видно из отчетов работавшего там «доктора», жертвы насильственно погружались в холодную воду до тех пор, пока температура их тел не понижалась до 28° по Цельсию... и наступала немедленная смерть... Это было в августе 1942 года. Но техника «доктора» прогрессировала. К февралю 1943 года он уже мог сообщить, что 30 человек были подвергнуты охлаждению до 27-29°, причем их руки и ноги были заморожены добела, а их тела «отогреты» в горячей ванне. Но научным триумфом нацистов было «отогревание животным теплом». Жертва - мужчина, замороженный почти до смерти, - помещалась среди женщин, пока он не приходил в себя и не реагировал на окружение путем половых сношений (отчеты доктора Рашера). Тут нацистская дегенерация дошла до своего предела [3, т. 1, с. 128-129].

Джунгли на крови, мрак... А семечко-то в благодатную почву пало еще две тысячи лет назад.

Л. ФЕЙХТВАНГЕР (*Иудейская война; римляне распинали евреев*):

Военные врачи вели статистику: через столько-то времени наступает смерть у прибитого к кресту, через столько-то времени - у привязанного. Они просили давать им для наблюдений очень крепких и очень слабых пленных и определяли, в какой мере летняя жара способствует ускорению смертельного исхода [7, т. 7, с. 165].

Д-р Ф. БЛАХА (*концлагерь Дахау*):

...произведено около 500 операций над здоровыми заключенными. Они производились для обучения медицинских студентов СС, врачей СС и включали в себя операцию желудка, горла, селезенки и желчного пузыря. <...> Многие заключенные умирали на операционном столе или после этого...

<...> Более чем 1200 человек заключенных были подвергнуты опытам с малярией... Жертвы подвергались укусам комаров или им делали вливания споровиков малярии...

...От 30 до 40 человек погибло непосредственно от малярии, 300-400 человек умерло от смертельных болезней, которые были вызваны физическим состоянием после припадков малярии. Люди умирали также от принятия сильных доз неосальварсана и пирамидона.

В 1942-1943 гг. эксперименты над людьми производились доктором Рашером... Около 25 человек одновременно помещались в специально построенную камеру, в которой можно было повышать давление или уменьшать его... Цель заключалась в том, чтобы установить действие высоты и быстрого спуска на парашюте на состояние людей.

<...> Большинство из заключенных погибало от этих экспериментов в результате внутреннего кровоизлияния в мозг, в легкие...

Проводились также опыты с печенью, ...в печень вводилась игла и вырывался кусок печени, причем при этом не применялись никакие наркотические средства. Это был очень болезненный опыт... В общей сложности от этого погибло около 175 человек.

Проводились опыты по заболеванию флегмоной... ...около 40 здоровых людей использовались одновременно, двадцати из них производилось впрыскивание в мускулы, другим двадцати - вливание в вену гноя, который был взят от больного флегмоной. В течение трех дней больным не оказывалась никакая медицинская помощь, что приводило к серьезным воспалительным процессам, а нередко наступало заражение крови. Затем каждая группа делилась на группы в 10 человек: половина подвергалась химическому лечению при помощи различных жидкостей и пиллюль через каждые 10 минут в течение 24 часов, остальных лечили сульфатоамидами и производили операции. В некоторых случаях ампутировали все конечности.

...Для этих опытов брали обычно голландских, польских и чешских священнослужителей. Боль была весьма велика. Большинство из 800 людей погибло, а остальные были изуродованы и впоследствии умерщвлены,

<...> 60-80 человек были подвергнуты опытам с соленой водой.... в течение 5 дней им не давали ничего, кроме соленой воды. В течение этого времени исследовали их кровь и мочу.

<...> Для этих экспериментов использовались венгры и цыгане [3, т. 1, с. 690-692].

Д-р РАШЕР (*из письма Гиммлеру от 17.02.1945 г.*):

Проще было бы, если бы я был переведен в части СС и смог бы поехать... в Аушвиц, где бы я мог более быстро на ряде опытов разрешить вопрос отогревания обморожений... Для таких опытов Аушвиц во всех отношениях более приспособлен, чем Дахау, поскольку там более холодно и территория больше. Потом, это будет меньше привлекать к себе внимания (испытуемые кричат, когда замерзают).

...покорнейше прошу дать мне в ближайшее время приказание, чтобы я еще смог использовать последние зимние холода.

С приветом и благодарностью. Хайль Гитлер!

Вам всегда преданный С. Рашер [3, т. 1, с.887].

Д-р Л. ГИРШФЕЛЬД:

...в научной идее живет и радость жизни, и изумление прекрасным, и протест против смерти, и жажда существования, и вопрос, брошенный природе, и жажда знания... [68, с. 16].

М. ЯВОРСКИЙ:

Он жил семьдесят лет, из них без малого пятьдесят посвятил научной деятельности.

Библиография его опубликованных работ содержит около 400 названий. Многие проблемы, поставленные или разработанные в его лаборатории, стали злободневными темами современной науки...

...большую часть своих сил он посвятил организационной и педагогической деятельности, достигнув результатов огромного значения. Постоянным памятником деятельности Людвика Гиршфельда является институт его имени... во Вроцлаве.

<...>

После второй мировой войны Людвик Гиршфельд - в рядах активных защитников мира...

«Предателем науки, - писал он, - являются те, кто кует оружие уничтожения; это не ученые, а палачи, владеющие научным оружием».

<...>

Людвик Гиршфельд был... членом множества научных сообществ, в том числе... Польской Академии наук. Французского и Харьковского научных обществ, Нью-Йоркской Академии наук. <...>

В 1950 г. Карлов университет в Праге, а в 1951 г. Цюрихский университет присвоили ему степень почетного доктора наук [68, с. 107-111].

Он участвовал в двух мировых войнах. В 1941-42 гг., руководя еврейской службой здоровья в Варшавском гетто, спасал евреев от тифа и голода, обучал медицине, изловчился создать лабораторию, где исследовал проблемы борьбы с эпидемиями и изобрел новый метод получения лекарства от тифа [68, с. 71-77].

М. ЯВОРСКИЙ:

...он был человеком великого сердца [68, с. 112].

Л. ГИРШФЕЛЬД:

Медицина является синтезом научной истины и истины этической... Поэтому врач прежде всего должен выступать против пропаганды войны, ненависти и всех принципов, отрицающих равенство людей [68, с. 7].

ФОБИЯ. Здравоохранение

ОЛЕНДОРФ (*из показаний на Нюрнбергском процессе*):

Некоторые командиры... проводили индивидуальные расстрел выстрелом в затылок, ..я был против... ..это вызывало нежелательную психологическую реакцию как у жертв, так и у тех, кому было приказано провести этот расстрел [3, т. 1, с. 676].

Д-р БЕККЕР - Рауффу (*из переписки творцов «душегубки»*):

...я приказал, чтобы во время выпуска газа служебный персонал находился на возможно большем расстоянии от автомашины с тем, чтобы их здоровье не страдало от газа... <...> Я обратил внимание командира... на огромный психологический вред и ущерб для здоровья, которые эта работа может иметь для них... Люди жалуются мне на головные боли, которые появляются после каждой разгрузки. <...> Я прошу вас отдать соответствующие приказы для того, чтобы предохранить служебный персонал от ущерба их здоровью [3, т. 1, с. 832].

Еще ярче забота о здоровье германского народа в целом.

Из приговора Нюрнбергского Международного Военного Трибунала:

...в Германии уже в 1940 году... все престарелые, душевнобольные и неизлечимо больные - «лишние рты» - переводились в особые учреждения, где их убивали...
...было убито около 270000 человек [3, т. 2, с. 1014].

Национал-социальная гигиена...

ГИММЛЕР (*речь на совещании офицеров СС в Житомире, 1942 г.*):

Всякую хорошую кровь... вы должны добыть или уничтожить [57, с. 41].

Н. ШВЕРНИК:

...в Саласпилском лагере у детей было выкачано до 3500 литров крови [57, с. 41].

М. БРИНКМАН (*бывшая узница лагеря уничтожения Саласпилс*):

Заболевшим корью детям что-то впрыскивали, после чего начиналось воспаление глаз, и через несколько дней глаза вытекали [57, с. 41].

Ф. БЛАХА (*концлагерь Дахау*):

Некоторых заключенных убивали только потому, что они имели дизентерию, их тошнило, в результате чего они причиняли сестрам много забот. Душевнобольных уничтожали. Им делали в камерах впрыскивания или расстреливали [3, т. 1, с. 693].

М.-К. ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ (*концлагерь Освенцим*):

Причины смертности были весьма различны. Прежде всего она была вызвана полным отсутствием элементарных гигиенических условий. ...на 12 тысяч заключенных был лишь один кран с водой, непригодной для питья, и эта вода не всегда бывала.... немцы разрешали подходить к нему лишь мимо охраны из немецких заключенных-уголовников, которые при этом нас жестоко избивали. <...> В течение более трех месяцев мы не меняли белья. Когда шел снег, мы растапливали его для того, чтобы умыться. <...> Мы умирали от жажды, потому что только два раза в день нам выдавали четверть литра похлебки.

<...>

Другой причиной смертности или эпидемий было то, что нам давали есть в больших красных котелках, которые каждый раз прополаскивали только холодной водой. Так как все женщины были больны, и они не могли выйти ночью к месту, которое не поддается описанию, - к канаве, где они могли отправить свои естественные потребности, - они использовали эти котелки не по назначению. На следующий день котелки собирали, выливали их содержимое в помойную яму, и днем их пускала в употребление следующая группа людей.

<...>

«Лазаретом» был блок, в который помещали больных. <...> Для того, чтобы быть допущенным, приходилось выстаивать в очереди в течение многих часов даже с температурой 40°. Часто больные умирали у входа в лазарет... ...когда там было слишком много народу, эсэсовцы хватили всех женщин, стоявших в очереди, и направляли их прямо ...в газовую камеру. Вот почему зачастую многие женщины предпочитали не ходить в лазарет и умирали на работе или во время переключки [3, т. 1, с. 866-868].

Т. ИВАШКО (*Освенцимский лазарет*):

Больные лежали на бумажных тюфяках, набитых так называемой древесной шерстью. Трехъярусные деревянные кровати мешали подойти к больным, которые, в свою очередь, с трудом или вовсе не могли подняться с постели. Большинство больных, не считая многих других болезней, страдало алиментарным поносом, поэтому тюфяки запачканы были калом и гнойными выделениями, сочившимися из ран. ...больные лежали раздетые догола, часто по два человека на одном тюфяке, накрытые грязными и завшивленными покрывалами. ...стояла неопишуемая вонь, стоны умирающих и бредящих... сливались с голосами тех, кто просил воды или звал на помощь [50, с. 86].

М.-К. ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ (*Освенцим*):

В продолжение многих часов живые лежали вместе с мертвыми...

Во время... эпидемий ежедневно умирало... до 350 человек.

<...>

Если еврейские женщины, попадавшие в лагерь, находились на первых месяцах беременности, им делали аборт. Когда же они находились на одном из последних месяцев, то после того, как они производили на свет ребенка, его топили в ведре с водой.... этим руководила немка-акушерка... Спустя некоторое время приехал новый врач, и в продолжение двух месяцев новорожденных еврейских детей перестали убивать. Но однажды из Берлина пришел приказ, в котором говорилось, что их снова следует уничтожать. Тогда матерей с детьми вызвали в лазарет, посадили на грузовики и увезли в газовую камеру.

<...>

...когда женщины нееврейской национальности производили на свет детей, их не отбирали у матерей, но в связи с тем, что условия в лагере были ужасны, новорожденные редко выживали более 4-5 недель.

<...>

Евреек травили газом почти без всякого повода. Так, например, отравили евреек, находившихся в блоке для чесоточных, хотя каждому известно, что от чесотки можно вылечить... за три дня. ...из 500 больных тифом, находившихся в блоке для выздоравливающих, 450 отправлено в газовую камеру.

...в рождество 1943 года... прибывали грузовики, которые не были покрыты брезентом, и на них погружали этих совершенно раздетых женщин в таком количестве, в каком грузовики могли их вместить. Затем каждый раз, когда грузовик трогался с места, заслуживший себе известность Гесслер... бежал за грузовиком и наносил... женщинам двойной удар своей

дубинкой. Женщины знали, что их везут в газовую камеру, и пытались вырваться. Их избивали жесточайшим образом [3, т. 1, с. 868-874].

М. НИЛЬСЕН (*рассказ работника штутгофского крематория*):

...евреек привезли в крематорий. Врачам было приказано умертвить их. Врачи отказались. Тогда один шарфюрер... взялся выполнить этот приказ. <...> По указанию врача-эсэсовца он вводил пустым шприцом воздух в сонную артерию, и когда воздух достигал сердца, оно останавливалось. Когда женщин тащили в крематорий, они отчаянно кричали и метались. Персоналу крематория было приказано держать их, пока эсэсовец качал воздух в сонную артерию. Сначала все шло нормально. Одна за другой они умирали... А потом один из трупов, сваленных грудой возле печи, вдруг зашевелился. Женщина села и стала звать свою сестру, которая лежала мертвая возле нее. Ожило еще несколько трупов, девочки кричали «мама», матери звали своих детей. Эсэсовец со шприцем и эсэсовский врач совершенно растерялись. Они вопили и кричали, а потом схватили железные палки для чистки колосников и, как безумные, начали колотить ими направо и налево. Они ломали черепа мертвым и живым, так что только кости хрустели. Наконец, эсэсовский врач взял себя в руки. Он несколько раз выстрелил в воздух из пистолета и прорычал: «Спокойно, спокойно!». Потом хладнокровно приказал... бросать трупы в печь. «Да, но они еще не все умерли», - осмелился возразить [я]. «А тебе какое дело, собака? - взревел эсэсовский врач... - Либо ты их сожжешь, либо я убью тебя!» И я их сжег... Сначала они не лезли в печь. Мне пришлось немного пошуровать палками... [54, с. 172-173].

С. РАЙЗМАН (*концлагерь Трешлинка*):

В... лазарете были убиты все слабые женщины и маленькие дети, у которых нехватало сил, чтобы... подойти к газовой камере.

<...>

Привели одну пожилую женщину с ее дочерью, которая была в последней стадии беременности. Их привели в лазарет, положили на траву и привели несколько немцев, чтобы они присутствовали при рождении... «Спектакль» продолжался два часа. Когда ребенок родился [эсэсовец] Менц спросил бабушку, т.е. мать той женщины, которая родила, кого она предпочитает, чтобы убили раньше. Она сказала, что просит, чтобы убили ее. Но ясно, что сделали как раз наоборот. Сначала убили только что рожденное дитя, потом мать ребенка, а потом бабушку [3, т. 1, с. 859].

* * *

Конвейер гостеприимства обнаружил свою бесконечность. Гости сладко изнемогли. И сказал, огорчась, тамада: - Кое-кто из уважаемых друзей старается поменьше пить. Понимаю, конечно, есть немножко трудности, не один час сидим, закуска бедная... Что ж, кто не хочет - пусть не пьет, зачем, слушай, себя мучать? Только прошу, дорогие, налейте, пожалста, пусть рюмки не стоят пустые. На всякий случай... Хочу сказать небольшой тост. Совсем немножко. О матери. Не буду долго говорить, не хочу утомлять дорогих гостей. Не хочу говорить, что сын рождается - матери больно. Не хочу говорить, что ребенок плачет - матери больно. Ребенок разбил колено – у матери болит колено. Ребенок маленький - матери плохо, вырос - ей опять плохо. Женится сын - матери больно, не женится сын - матери тоже больно. Я не хочу об этом говорить, это, слово даю, все знают. Идет сын на войну - матери больно, убьют его или, не дай бог, инвалидом станет - матери больно. Сын напился, пошумел, подрался - матери больно, не гуляет сын, не сидит с друзьями за столом, скучает один – матери больно. Когда матери хорошо?! Но зачем, понимаешь, говорить, что все знают? Я не хочу об этом говорить. Хочу только предложить: пускай каждый из вас возьмет гирию, - нет, не два пуда, и пуд не надо, - пускай маленькую гирию, только три килограмма. И пускай привяжет гирию вот сюда, на живот, и ходит так девять месяцев... Поднимем же, дорогие, этот бокал за наших матерей, а если кто не хочет - пусть не пьет...

БИБЛИЯ, или Книги СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ (*Бытие, 18:1-11; 21:1-2*):

И явился ему [Аврааму] Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер, во время зноя дневного. Он возвел очи свои, и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им... и поклонился до земли. <...> И поспешил Авраам в шатер к Сарре, и сказал: поскорее замеси три саты лучшей муки и сделай пресные хлебы. И побежал Авраам к стаду, и взял теленка нежного и хорошего, и дал отроку, и тот поспешил приготовить его. И взял масла и молока, и теленка приготовленного, и поставил перед ними; а сам стоял подле них под деревом. И они ели... И сказал *один их них*: ...будет сын у Сарры, жены твоей. А Сарра слушала у входа в шатер, сзади его: Авраам же и Сарра были стары... и обыкновенное у женщин у Сарры прекратилось...

<...>

И призрел Господь на Сарру, как сказал; и сделал Господь Сарре, как говорил. Сарра зачала и родила Аврааму сына в старости его... [2, с. 18,21].

ФОБИЯ. Культура**ШТРЕЙХЕР:**

Книга истории евреев, которую обычно называют Священным писанием, производит впечатление отвратительного детективного романа... «Священная» книга изобилует убийствами, кровосмешением, обманом, воровством и непристойностями [4, с. 249].

Э. РАССЕЛ:

В июне 1937 года, когда произошел пожар на дирижабле «Гинденбург», Штрейхер опубликовал фотоснимок горящего корпуса со следующей надписью: «... снимок вполне ясно показывает, что за взрывом нашего дирижабля «Гинденбург» стоит еврей. Природа вполне ясно и верно изобразила этого дьявола в человеческом облике».

«Евреем» было облако дыма, которому на фотоснимке было придано сходство с лицом еврея [4, с. 249].

С. ЛОЗИНСКИЙ (*Испания, XV век*):

[Инквизиция] перешла к возбуждению в народе неприязненных чувств к евреям и к распространению... разных о них слухов. <...> Так, утверждали, что королевский врач Рибас Альтас носил на шее постоянно золотой медальон, в котором находилось изображение, крайне оскорбительное для христианства... Медальон этот был замечен престолонаследником.... который, открыв его... впал в серьезную болезнь и стал утверждать, что только тогда сумеет снова восстановить свое здоровье, когда Рибас Альтас будет сожжен. И Фердинанд исполнил волю своего сына [8, с. 143].

Л. ГИНЗБУРГ:

У нацистов существовало множество различных «табу»: они почти никогда не употребляли даже в строго секретных служебных инструкциях таких слов, как «расстрел», «удушение», «повешение», заменяя их другими терминами: «переселение», «особое обращение», «окончательное решение вопроса»... [59, 1969, № 10, с. 163].

Ф. БЛАХА:

...большое количество специальных выражений, относящихся к быту концентрационных лагерей, является чисто немецкими изобретениями, и для них не существует эквивалентов на других языках [3, т. 1, с.688].

М.-К. ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ:

...заклученных, занимавших определенные должности... называли «капо» [3, т. 1, с. 871].

Ю.ЮЗОВСКИЙ:

«Музулман» - термин, возникший в гитлеровских концлагерях... Музулман (по-русски его можно передать словом «факир») - обозначение крайней степени истощения, и когда через трубы освенцимских крематориев шел один дым без огня, все знали, что жгут музулман: обезжиренность не дает огня [59,1966, № 2, с. 182].

Из приговора Нюрнбергского Международного Трибунала:

...организация, известная под названием «Эйнзатцштаб Розенберга»... превратилась в систему, использовавшуюся для захвата культурных ценностей...

<...>

В отчете... начальника специального штаба изобразительного искусства говорилось:

«За период с марта 1941 года по июль 1944 года специальный штаб изобразительного искусства направил в империю 29 больших партий грузов, в том числе 137 товарных вагонов, груженых 4100 ящиками с произведениями искусства».

В отчете... упоминается 25 коллекций картин, содержавших наиболее ценные произведения искусства из художественной коллекции, захваченной на Западе, и врученных Гитлеру в качестве подарка [3,т.2,с.1009].

Р. РУДЕНКО:

«Никакие исторические или художественные ценности на Востоке, - указывал в своем приказе [гитлеровский] фельдмаршал Рейхенау, - не имеют значения».

<...>

Оккупанты разграбили и сожгли дом-музей Пушкина в поселке Полотняный Завод. Немцы уничтожили принадлежавшие Льву Толстому рукописи, книги, картины в Ясной Поляне. Могилу великого писателя немецкие варвары осквернили.

Оккупанты разграбили Белорусскую академию наук с хранившейся в ней редчайшей коллекцией исторических документов и книг...

Из Павловского дворца в городе Слуцке вывезена в Германию ценнейшая дворцовая мебель... ХУШ века. <...> Большой Петергофский дворец, заложенный еще при Петре Первом, после ограбления был варварски сожжен.

Немецкие вандалы уничтожили Одесскую государственную публичную библиотеку, насчитывающую более 2 000 000 томов.

В Чернигове расхищена знаменитая коллекция украинских древностей.

<...>

...заявление оберштурмфюрера 4-й роты батальона особого назначения войск СС доктора Нормана Ферстера... опубликовано в печати. <...> Ферстер указал:

«...Богатые трофеи нам достались в библиотеке Украинской академии наук, где хранились редчайшие рукописи персидской, абиссинской, китайской письменности, русские и украинские летописи, первые экземпляры книг, напечатанных русским первопечатником Иваном Федоровым, и редкие издания произведений Шевченко, Мицкевича, Ивана Франко».

...гитлеровцы... сожгли, разграбили, уничтожили и осквернили на советской территории 1670 церквей, 237 римско-католических костелов, 69 часовен, 532 синагоги и 258 других зданий, принадлежащих учреждениям религиозных культов [3, т. 1, с. 283-285].

ГИТЛЕР:

Мы - варвары, и мы хотим быть варварами. Это почетное звание [3, т. 1, с. 744].

Из материалов Нюрнбергского процесса; (оккупированные Польша и Чехословакия):

...архив в Пеплине с документами XII столетия был сожжен в печах сахарного завода.

<...>

...памятник... королю Болеславу Храброму... был сначала обмотан канатами и цепями с целью сбросить его с пьедестала. После безуспешной попытки был применен ацетилен: голова была отрезана, а пьедестал разбит на куски... [3, т. 1, с. 752].

<...>

К.Г. Франк [глава оккупационной власти в Чехословакии] ответил чешской делегации, которая просила в 1942 году о восстановлении чешских университетов и высших училищ, следующее: «...с вас будет достаточно элементарных школ с пятью классами» [3, т. 1, с. 748].

<...>

Целый ряд памятников в Праге... были расплавлены...

<...>

Собрания национального музея были разграблены.

<...>

Книги авторов еврейского происхождения и писателей, политически «неблагонадежных», были запрещены. Немцы изъяли произведения чешских классиков, труды Яна Гуса - реформатора XV столетия... [3, т.1, с.750].

С. ЛОЗИНСКИЙ:

[Инквизицией] сожжены в 1490 году около шести тысяч еврейских книг, среди которых были и библии на еврейском языке [8, с. 298].

А. КАСТАНЬО (*перевод В. ПАРНАХА*):

Из панегирика во славу доблестного
Авраама Нуньеса Берналя... заживо сожженного
в Кордове 3 мая 5415 (1655) года

Грохочут кандалы, гремит ограда,
Визжат затворы сих железных врат,
Уже потряс приговоренных стадо
Внезапный лязг, и некий смертный хлад
Оледенил в их жилах кровь, и рада
Та сволочь, что обслуживает ад [36, с. 69].

Из официального отчета инквизиции о торжественном аутодафе в честь женитьбы короля (Мадрид, 1680 год):

...казалось, небо и земля сговорились способствовать тому, чтобы шествие сие появилось во всем своем блеске, небо - даруя ясный день, без оскорбительной пыли, без изнурительной жары, а земля - почтительно предоставляя пространство столь великому стечению народа; ...поклонение и благочестие находили себе достойнейшее применение в созерцании всего величия Испании, считая для себя честью служить св. трибуналу и сопровождая хоругвь с достоинством и уважением, подобающим высокому званию столь важных особ и вместе с тем столь великому и столь согласованному множеству монахов и лиц духовных и светских, каковые, в количестве семисот, проходили со свечами в руках, со сдержанностью, в коей отражалась умеренность, соблюдаемая св. трибуналом во всех его действиях.

Венцом всей славы сей и в чем собственно заключается торжество генерального аутодафе, являлась величественная пышность, с коей выступил трибунал, появившись перед обвиняемыми, дабы судить их у светлейшего трона, на великолепнейшем театре, и сумев привлечь к себе людские взоры, дабы заставить бояться и почитать себя, ибо зрелище сие можно было сравнить с тем, каковое предстанет в великий день всеобщего страшного суда...

...преступники, кои раньше были размещены по домам добровольных помощников инквизиции, были уведены в тайные застенки... ...собрав всех их к десяти часам вечера, дав им сначала поужинать, сеньор дон Антонио Самбрана де Боланьос, старейший инквизитор двора... вошел в затворы, где содержались... преступники, и каждому в отдельности объявил приговор в следующей форме:

«Брат, ваше дело было рассмотрено лицами весьма учеными и великих познаний... решено и постановлено, что завтра вы должны умереть: вы предупреждены и приготовлены и, дабы вы могли исполнить сие, как подобает, здесь останутся два духовника», ...принимая же во внимание бессонницу и скорбь осужденных, а равно работу и усталость духовников и служителей, предусмотрительность трибунала приготовила запасы печений, шоколада, пирожных и прохладительных напитков для подкрепления и ободрения тех, кои в сем нуждались.

<...> Настал столь желанный для народа день 30 июня, и в три часа ночи осужденным начали раздавать одежду, с таким расчетом, чтобы до пяти часов утра закончить распределение завтраков. <...>

...в семь часов утра начали выходить солдаты веры, а за ними вынесли крест... одетый в черный покров, и вышли двенадцать священнослужителей в стихарях и вслед за ними сто двадцать осужденных, каждый - между двух служителей.

Тридцать четыре первых следовали в изображении, и мертвые и бежавшие [от суда и следствия]... ...у всех на груди начертаны были большими буквами имена тех, кого они представляли. <...>

Из осужденных, представших во плоти, следовали одиннадцать покаявшихся... ...некоторые с веревками на шее и столькими узлами, сколько сотен плетей они должны были получить по приговору, дабы лучше можно было дать отчет о каждом осужденном в отдельности.

За ними следовало пятьдесят четыре еретика, примиренные, все в санбенитах [позорящая одежда]...

Немедленно следовали двадцать один отпущенный, все с коронами на голове, в коротких плащах с пламенем, а упорствующие - с драконами среди пламени, и двенадцать из них с кляпами во рту и связанными руками. Все они шли в сопровождении монахов, увещевавших их, ободряя одних и приводя к вере других. <...>

Костер был шестидесяти футов в окружности и высотой - семи, и поднимались к нему по лестнице шириной в семь футов, сооруженной с таким расчетом, чтобы на соответственном расстоянии друг от друга можно было водрузить столбы и в то же время беспрепятственно отправлять правосудие, оставив соответственное место, дабы служители и священнослужители могли без затруднения пребывать при всех осужденных.

Костер увенчивали солдаты веры, коих часть стояла на лестнице, на страже, дабы не поднималось больше определенного необходимого числа лиц...

Засим приступлено было к казням: сначала удушены были гарротой возвращенные, засим преданы огню упорствующие, кои были сожжены заживо, с немалыми признаками нетерпения, досады и отчаяния. И, бросив все трупы в огонь, палачи поддерживали его дровами, пока окончательно не обратили трупы в пепел, что свершилось часам к девяти утра [36, с. 138-153].

В. БОНЧ-БРУЕВИЧ (*описание суда над евреем Бейлисом, ложно обвиненным в ритуальном убийстве христианского мальчика; Киев, 1913 г.*):

Публика съехалась как на премьеру в оперу. Бесконечный треск разговора, наряды, бинокли... радостные улыбки. А ведь на самом-то деле мы пришли на похороны нашей жизни, нашей культуры, нашего сознания [69, с. 26].

Л. ГИНЗБУРГ:

В 1938 году... в Нюрнберге, на «партайтаггеленде», от которого сегодня сохранились лишь обломки бетонных труб, на гигантском стадионе, состоялся митинг немецкой молодежи.

...под проливным холодным дождем двинулись из палаточного лагеря в город 60 тысяч человек... ...чем сильнее хлестал дождь, тем выше они поднимали свои знамена и старались петь как можно громче, потому что это шествие было, по существу, репетицией, тренировкой к другому походу, когда уже не под дождем, а под огнем пулеметов они пойдут на штурм всего мира; на их транспарантах было написано: «Сегодня нам принадлежит Германия, завтра будет принадлежать весь мир!»

Колонны вступили на стадион: слева - с черными знаменами - «юнгфольк», справа - с красно-белыми - «гитлерюгенд». У почетной трибуны знаменосцы встретились, цвета флагов смешались... Грянула песня... Затем с ближайшего аэродрома в небо поднялись самолеты и пролетели над головами собравшихся. Праздник начался. К «своему юношеству» прибыл Гитлер... [70, с. 175-176].

Л. ГИНЗБУРГ:

Шпеер [архитектор Гитлера, позднее министр вооружений] объяснял, что в партию его привела «эстетика» национал-социализма с его тягой к величию и грандиозности. Шпеер снискал широкую известность своими инсценировками нюрнбергских партайтагов с факельными шествиями, стеной подсвеченных прожекторами знамен, он же был автором проекта нюрнбергского стадиона... Кроме того, он... разработал план перестройки Берлина, превращения его в десятиллионный город с заменой старых домов новыми, гигантскими строениями, отвечающими «стилю эпохи».

Идея создания нового Берлина как столицы великой Германии возникла у Гитлера в 1936 году... Посреди города намечалось построить триумфальную арку, намного превосходящую величиной парижскую: Гитлер во что бы то ни стало стремился перещегоолять Париж и даже Унтер-ден-Линден приказал сделать на двадцать метров шире Елисейских полей... Главной же достопримечательностью Берлина должен был стать «Большой дворец», увенчанный куполом с изображением земного шара, на котором восседает германский орел. Когда-то, еще в двадцатых годах, Гитлер сам сделал наброски этих сооружений - несколько эскизов, хранившихся как строго секретный документ в особом сейфе...[59,1969, № 11, с. 100].

А. СУЦКЕВЕР (*оккупированный немцами Вильнюс*):

...нас увели в гетто. Когда шли по той улице, где я был... немцы привезли больных евреев из госпиталей. Они были еще в синих халатах. Их всех поставили, а впереди ехал немецкий фильм-оператор и снимал эту картину [3, т. 1, с. 853].

Сугубый реализм. Как и в прикладном искусстве: быт эсэсовцев скрашивали абажуры из татуированной человеческой кожи и потешные сувениры - мумии отрубленных голов. Экспонаты готовили (убивали и обрабатывали) бухенвальдские узники [3, т. 1, с.828; 61, с. 116].

Зато в живописи - поп-арт. «Они были повешены на крюках, точно картины на стенах», - это слова эсэсовца о повешенных им в погребке концлагеря Булленхаузендам двадцати еврейских детях в возрасте от 5 до 12 лет. До казни дети были подопытными - медики впрыскивали им туберкулезные бактерии [4, с. 211-212].

Еще любили фобианцы музицировать...

Э. РАССЕЛ (*концлагерь Нойенгамм*):

Осенью 1942 года санитар... загнал... 197 русских военнопленных в камеры и накачал туда газ... Все они умерли. Затем их вытащили, взвалили на грузовики и увезли. Всех заключенных согнали, чтобы они могли видеть эту ужасную картину, и заставили петь песню, первая строчка которой гласила: «Привет, любимый трубадур, будем веселиться и радоваться» [4, с. 211].

Ш. КАЧЕРГИНСКИЙ (*колыбельная песня еврейским детям оккупированного Вильнюса*):

Тише, сын мой, тише, милый,
Здесь страна гробов.
Враг рассеял их повсюду
И посетит вновь.
Все пути ведут в Понары,
И возврата нет.
Наш отец ушел в Понары,
С ним погас наш свет [5, с. 108].

Из материалов Нюрнбергского процесса (Яновский лагерь):

Пытки, истязания и расстрел немцы производили под музыку. Для этой цели они организовали специальный оркестр из заключенных... Композиторам немцы предложили сочинить особую мелодию, которую называли «Танго смерти». Незадолго до ликвидации лагеря немцы расстреляли всех оркестрантов... [3, т. 1, с. 521].

С. КУЗЬМИН (*последний концерт Яновского оркестра*):

В... серый ненастный день 40 человек из оркестра выстроили в круг, их окружила плотным кольцом вооруженная охрана лагеря. Раздалась команда «Музик!» - и дирижер оркестра Мунт, как обычно, взмахнул рукой. Над лагерем понеслись терзающие душу звуки. И тут же прогремел выстрел. Это первым зал от пули палачей дирижер львовской оперы Мунт. Но звуки «танго» продолжали звучать над бараками...

Истукленно кричал комендант лагеря: «Музик!». Все громче играли музыканты, понимая, что на сей раз они исполняют реквием самим себе... По приказу коменданта каждый оркестрант выходил в центр круга, бережно клал свой инструмент на землю, раздевался догола, после этого раздавался выстрел, человек падал мертвым. И его предсмертный стон сливался с мелодией «танго»... Один за другим уходят из жизни флейтисты, валторнисты, гобоисты. С каждым выстрелом все меньше оставалось... музыкантов, все тише становились звуки музыки, все слышнее были крики умирающих.

Последним из этого обреченного круга, в центре которого уже лежала гора инструментов, одежды и трупы музыкантов, был профессор Львовской консерватории, известный композитор и музыкант Штрикс...

Эсэсовцы весело смеялись, видя, как таяло живое кольцо музыкантов вокруг профессора, и еще громче гоготали, когда он остался один перед ними, продолжая в одиночестве исполнять «Танго смерти».

- Господин профессор, ваша очередь, - ухмыляясь, произнес комендант. - Командование благодарит вас за музицирование, оно доставило нам истинное удовольствие.

Но гордый старик не опустил скрипку на землю. Он изящным жестом виртуоза поднял смычок и, припав щекой к инструменту, мощно заиграл, а потом и запел на немецком языке польскую песню «Вам завтра будет хуже, чем нам сегодня». <...> Пуля оборвала его на полуслове [71, с. 70-71].

А. ПУШКИН:

...и новый Гайден меня восторгом дивно упоил [72, с. 393].

Мало ему было, городу Львову, затоптать могильное это место, прикрыть его казенными строениями.

Ворожкой луны на седых мостовых,
капризами кованых фонарей,
чернокаменным фасадом на рыночной площади,
торжеством купеческой усыпальницы,
и тенями алхимиков за узорчатыми стеклами старинной аптеки,

и подъездом, где за железными воротами в тусклом свете электричества квадратики плиток тоскуют по шинам карет,
и уютом кафе,
мощью соборов,
смутой женского взгляда -

чем только не напрягся город, лишь бы замести следы Яновского лагеря.

И - преуспел: заморочил аккордами барокко, опутал ренессансными изысками, повлек нас с тобой узкими улочками между глухих стен и навечно окованных дверей, загнал в конце концов в несуразный какой-то зал с наивным лепетом лепки, с яркой белизной сцены, где камерный оркестр, такой малочисленный, такой немудреный - и такой отдельный от алебастровой безвкусицы зала, от скрипа в партере, от заоконной тьмы, чреватой призраками лагерных смертей...

Над змеями грифов, над щетиной смычков простирается хрупкая старческая рука дирижера и с неожиданной силой вытягивает из струнных бесконечно длинные звуки, сплетает их в мягкий мотив, и в половодье мелодии растворяется уныние кресельных рядов, и восемнадцатый век блистает огнями гостиной, где лощеные кавалергарды замерли возле высоколобых красавиц в ажурных креслах. Пышные перья вееров, шелест кринолинов, вспархивание шепотков, таинство родинки в декольте, свечи над пюпитрами, белые чулки музыкантов, золото на камзолах, плавные взмахи капельмейстера...

Я скашиваю взгляд и вижу тонкую линию твоего носа и стремительные острия ресниц.

А музыка окутывает, обволакивает, и я - в боязни и надежде - жду, когда растает звук в этом зале, в той гостиной, и гости, шурша одеждами, сместятся из изящно изваянных поз в более свободные, регламентированные для светской куртуазной беседы, но мы ускользнем в дальний покой, где гобелен пылает наготой пастушки и ситцевые обои хранят оттенки вздохов, и в тумане сумрака сомкнем руки, и нарастающий блеск огромных твоих глаз, и бархатный шар груди... - а мелодия все еще выворачивает сердце.

Плечи, свечи, уютный альков... Ах, Амур, ты – охотник отменный! Но зачем же истомой альтов спекулировать столь откровенно? Эти звуки - надежный конвой: никуда нам не деться отныне...

Обернусь, поражусь: профиль твой нежен, как менюэт Боккерини...

ФОБИЯ. Любовь

В. БОНЧ-БРУЕВИЧ (*об инквизиторах*):

...эти хранители святости... распаленные страстью холостых людей... находили удовлетворение своим бушующим разнузданным помыслам в жестокости, мучениях и крови тех, на кого легче всего было поднять руку: сектанты, ведьмы, колдуны, евреи... <...> ...в застенке рукою палача срывались одежды с красавиц-девушек, с женщин, полных сил и чистоты, и они, эти служители алтаря, упивались редким зрелищем обнаженных женских тел. ...в терзаниях... женщин и девушек находили они чудовищное удовлетворение своих страстей и сатанинской похоти [69, с. 165].

Б. ЛЕКАШ (*украинские казаки, 1919 г.*):

Бриля Брейерс, восемнадцати лет, - «вы не можете себе представить, какая она была красавица!» [очевидец] - ...изнасилована пятнадцать раз подряд.

- Знаете, я это видел собственными глазами! — говорит со стоном отец Брейерс, у которого во рту не осталось ни единого зуба.

Он немного сумасшедший, этот отец Брейерс! Прямо хохотать можно, когда он сюсюкает:

- Я это видел своими глазами! А в это время они мне выламывали зубы, один за одним [10, с. 131].

Ж.-П. САРТР:

[Для антисемита] в словах «красавица еврейка» есть очень подчеркнутый сексуальный смысл, совершенно отличный от смысла понятий «красавица гречанка» или «красавица американка». Эти слова как бы пахнут насилием и кровью. Красавица еврейка - это та, которую царские казаки за волосы волокут по улицам пылающей деревни [16, с. 46].

Н. КОСТОМАРОВ (*украинские казаки, 1650 г.*):

...о двух [еврейках]... избавившихся от насилия, Ганновер [очевидец] сообщает известия. Одна уверила козака, что известным заклинанием умеет заговаривать себя от действия всякого оружия и предложила для пробы выстрелить в нее из ружья. Козак... выстрелил в нее — и она упала замертво. Другая, быв взята козаком, просила его, чтоб он венчался с нею именно в той церкви, которая стояла по той стороне реки. Он... повел ее туда... но как только они взошли на мост, она бросилась в воду и утонула [9, т. 3, с. 292].

БИБЛИЯ (*Второзаконие, 21:10-14; законы древних евреев*):

Когда выйдешь на войну против врагов твоих... и возьмешь их в плен, И увидишь между пленными женщину, красивую видом, и полюбишь ее, и захочешь взять ее себе в жены; То приведи ее в дом свой, и пусть она... снимет с себя пленническую одежду свою, и живет в доме твоём, и оплакивает отца своего и мать свою в продолжение месяца; и после того ты можешь войти к ней и сделаться ее мужем... если же она *после* не понравится тебе, то отпусти ее, куда она захочет, но не продавай ее за серебро и не обращай ее в рабство... [2, с. 190].

Из материалов Нюрнбергского процесса:

Пьяные немецкие солдаты затаскивали львовских девушек и молодых женщин в парк Костюшко и зверски насиловали их. Старика священника В.Л. Помазнева, который с крестом в руках пытался предотвратить насилия над девушками, фашисты избили, сорвали с него рясу, спалили бороду и закололи штыком [3, т. 1, с. 514].

Е. РАВИЧ (*быт коменданта Освенцима Гесса*):

...в его доме работала узница Элеонора Ходыс... После нескольких месяцев работы у Гессов эта узница была переведена в женскую штрафную команду, а затем в подземелье блока № 11, куда по ночам приходил к ней Гесс. Когда оказалось, что она беременна, ее бросили в стоячий карцер и морили голодом [49, с. 20].

ГЕСС:

...одна из надзирательниц [в женском лагере Освенцима] упала так низко, что имела половые сношения с узниками, в большинстве своем «зелеными» капо [уголовники, - как правило, немцы], и брала в качестве платы ювелирные изделия из золота. Для маскировки бесчестного поведения она стала любовницей одного штабсшарфюрера и в его доме припрятывала «заработанное тяжелым трудом». <...>

Если в мужском лагере распространенным явлением был гомосексуализм, то в женском лесбийская любовь не относилась к редкости.

<...> Бесперывно поступали донесения о половых отношениях между надзирательницами и узницами [49, с. 76].

М. НИЛЬСЕН (*концлагерь Штутгоф*):

За ограждение из колючей проволоки эсэсовцы загнали... около 20 тысяч еврейских женщин... Там не было ничего, кроме водопроводного крана, не было даже туалета. Им не давали пищи...

Они лежали на голой земле более двух месяцев. Отправляясь на работу, многие заключенные... проходили через этот «лагерь» под открытым небом. Женщины просили дать им немного хлеба.

- Возьми мою дочь, возьми мою дочь за кусочек хлеба! – крикнула однажды женщина одному моему другу-датчанину и толкнула к нему красивую четырнадцатилетнюю девочку. - Возьми ее, возьми ее здесь же за полкусочка хлеба!.. [54, с. 170-171].

В те же времена в ином оккупированном краю под сенью голландского добросердечия укрылись две еврейские семьи. Двадцать пять месяцев закупоренности, ожидание ада (концлагеря) или чуда (свободы).

В семьях росли дети: в одной - мальчик Петер, в другой - девочка Анна.

Двадцать пять месяцев, два с лишним года, одни и те же лица вокруг, одни предметы, один спертый воздух, один страх, одна надежда, одно отчаяние.

Ему семнадцать, ей - четырнадцать.

А. ФРАНК (*дневник*):

23.02.1944. <...> Каждое утро хожу дышать свежим воздухом на чердак, где Петер занимается. <...> Петер стоял, прислонившись к балке, я сидела рядом, и мы вдыхали чистый воздух, смотрели на улицу и чувствовали, как между нами возникает то, что не спугнуть словами.

<...>

28.02.1944. Это какое-то наваждение! Все время быть рядом с ним и не приближаться к нему, скрывать и стараться быть веселой и непринужденной, когда во мне угасает всякая надежда.

<...>

Я отчаялась, я потеряла голову...

<...>

6.03.1944. ...живу только от встречи до встречи. Мне так хочется узнать, ждет ли он меня, как я жду его! Меня умиляют его неловкие попытки поближе подойти ко мне.

<...>

7.03.1944. ...я поняла свою тоску по другу: не по девочке-подруге, а по *другу-мальчику*. Я открыла счастье внутри себя... Постепенно я стала спокойнее и почувствовала безграничную тягу к добру, к красоте,

<...>

19.03.1944.... После мытья посуды я... пошла к Петеру. <...> Гораздо лучше разговаривать в полутьме, чем при свете. По-моему, Петер тоже так думает.

<..-> Я рассказывала Петеру о папе с мамой, о Марго, о себе. И вдруг он спросил: «Вы всегда друг с другом целуетесь, когда говорите «спокойной ночи»?

«Конечно, целуемся, и не раз, а вы нет?» «Нет, я почти никогда ни с кем не целовался»...

<...>

Мы сознались друг другу в том, что и он рад, что мои родители тут с *детьми*, и мне очень радостно, что он тут и что я его так хорошо поняла теперь, поняла его обособленность, его отношения с родителями, и что мне так хочется ему помочь.

«А ты мне и так помогаешь!» - сказал он. «Чем же?» - удивилась я. «Тем, что ты веселая!»

Ничего прекраснее он мне сказать не мог! <...> Значит, он оценил во мне хорошего товарища, и пока мне больше ничего не надо.

<...> Теперь у меня такое чувство, что нас с Петером объединяет тайна. Когда он на меня смотрит, смеется или прищуривает глаз, во мне словно вспыхивает свет. Хочу, чтобы так и осталось, чтобы мы вместе провели много-много счастливых часов!

<...>

1.04.1944. <...> Я тоскую о поцелуе, о том поцелуе, которого так долго приходится ждать. Неужели он смотрит на меня только как на товарища?

<...> Надо оставаться сильной, надо терпеливо ждать - и все сбудется. Но... но вот что самое плохое: выходит так, будто я за ним бегаю, потому что всегда я хожу к нему наверх, а не он приходит ко мне. Но ведь это зависит только от расположения наших комнат, он должен это понять! Ох, многое, очень многое ему еще надо понять!

<...>

16.04.1944. <...> Вчера вечером... он обнял меня за плечи...

Я просунула руку под его рукой и обхватила его... <...> Он все больше притягивал меня к себе, пока моя голова не склонилась к нему на плечо, а его голова приникла к моей. А когда я минут через пять опять села прямо, он быстро взял мою голову обеими руками и снова привлек меня к себе. Мне было так хорошо, так чудесно, я не могла сказать ни слова, только наслаждаться этой минутой. Он немного неловко погладил меня по щеке, по плечу, играл моими локонами, и мы не шевелились... Я была счастлива, и он, мне кажется, тоже. В половине девятого мы встали, и Петер стал надевать гимнастические туфли, чтобы не топтать при обходе дома. Я стояла рядом. Как

это вдруг случилось, сама не знаю, но прежде, чем сойти вниз, он поцеловал мои волосы где-то между левой щекой и ухом. Я сбежала вниз без оглядки и... мечтаю о сегодняшнем вечере.

17.04.1944. ...не рассердятся ли мама и папа, что я сижу на диване и целуюсь с мальчиком, причем ему семнадцать лет, а мне еще нет пятнадцати? <...> И что сказали бы мои подружки, если бы узнали, что я лежала в объятиях Петера, у него на плече, мое сердце билось у него на груди, и его щека прижималась к моей?

...честно говоря, ничего стыдного я в этом не вижу. Мы сидим взаперти, отрезанные от всего мира, в страхе и тревоге... Почему же мы, любя друг друга, должны отдаляться? Зачем нам ждать?.. Почему же мне не послушаться своего сердца, не дать нам обоим счастья [73, с. 146-156, 164-176, 189-191].

В. ШЕКСПИР («Ромео и Джульетта», 3 акт, сад Капулетти):

Джульетта

О ночь любви, раскинь свой темный полог,
 Чтоб укрывающиеся могли
 Тайком переглянуться и Ромео
 Вошел ко мне неслышим и незрим.
 Ведь любящие видят все при свете
 Волненьем загорающихся лиц.
 Любовь и ночь живут чутьем слепого.
 Прабабка в черном, чопорная ночь,
 Приди и научи меня забаве,
 В которой проигравший в барыше,
 А ставка - непорочность двух созданий,
 Скрой, как горит стыдом и страхом кровь,
 Покамест вдруг она не осмелеет
 И не поймет, как чисто все в любви.
 Приди же, ночь! Приди, приди Ромео,
 Мой день, мой снег, светящийся во тьме,
 Как иней на вороньем оперенье! [74, с. 53].

...Ромео и Джульетту взяли 4 августа 1944 года.

Де ВИК (*Вестерборк - пересыльный лагерь на пути в смерть*):

Я видела Анну Франк и Петера ван Даана каждый день. Они были всегда вместе... Глаза Анны сияли... У нее были такие свободные движения, такой прямой и открытый взгляд, что я говорила себе: «Да ведь она счастлива здесь...» [73, с. 8].

Сад Капулетти в лагере.

Ф. ПИПЕР (*концлагерь Освенцим*):

В июле 1944 года немцы повесили в Бжезинке поляка Эдварда Галинского, пойманного при попытке к совместному бегству с еврейкой Малей Циметбаум, которую также убили [50, с. 111].

БИБЛИЯ (*Книга Песни песней Соломона, 8:6*):

Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь... [2, с. 629].

С. ЛОЗИНСКИЙ:

[В Швейцарии в 1392 году] еврея, поцеловавшего христианскую девушку, приговорили к позорному столбу в течение трех дней и к пожизненному тюремному заключению, девушку же к пяти годам тюрьмы; даже служанка последней, видевшая издали, как ее госпожа целовалась с евреем, была приговорена к двухлетнему заключению.

Еще суровее наказывалось половое общение между евреями и христианами. По Швабскому Зерцалу [свод немецких законов]... вступившие в половую связь должны быть положены друг на друга и сожжены... <...> По постановлению города Иглау преступников заживо хоронят [46, с. 65].

И. ЭРЕНБУРГ (*оккупированный немцами Киев*):

...офицер морской пехоты Семен Мазур. В битве под Киевом он был ранен, попал в окружение и, переодевшись, пришел в Киев, где жила его жена. <...> Когда он подходил к своему дому, жена его увидела и закричала «Держите жида!» [14, т. 9, с. 416].

* * *

«Держите жида!» - стоп-кадр. Крутнем пленку назад. Не мелькнет ли весенний Киев, тихий парк и - двое... Еще не семья. Еще только сирень - пена сирени, пение сирени, кипение сирени... Аллеи, пронзенные свежестью, солнце сквозь младенческие ладони старых кленов... Томление апреля в морщинах деревьев, томление прогулки, вроде бы случайной, и разговора, намеренно будничного, ни о чем разговора, вдруг обрубленного паузой, неумышленной и недолгой, но ее как раз хватит, чтобы прижать губы к губам и, отстраняясь, услышать отчетливый лязг капкана.

Чудо замкнувшейся клетки! Она может стать квартирой, прохладной посреди обожженного летом города, бархатно-теплой в зимние дни... Колдует на огне кофейник, шипит, поджариваясь, мясо, топорщится салат на тарелке. Смаковать еду, следить за пузырями в шампанском, забавляться мелким предательством ее улыбки, выдающей щербинку в ровном ряду зубов... Как мягок овал его губ, как обтекают ее шею черные спирали волос, как сгущается пространство, чтобы в сумраке спальни, в шуршании простынь разрядиться воркованием, трепетом, шепотом, стоном, перехватом дыхания, искрами пота и восторженной тихой слезой...

Клетка может обернуться и привокзальным ресторанчиком: чадное царство транзита, все наспех и взახлеб, а они - в углу за шатким столиком, вне пьяной сумятицы, друг в друге...

И загородной поездкой может оказаться клетка: деревенским домом с добела отмытым полом и жаркой печью-лежанкой, или рощей аристократичных берез, или стогом сена в осенней нищете полей, под трауром туч и вороньей тоской, - но неизменно легка подталкивающая их таинственная рука, даже когда швыряет его в больничную палату, которую той же западней делает ее украинское, выдохом, «коханий...» - целительнее лекарств, сильнее смертельного прогноза...

Ошеломленный постоянством удачи, он напишет ей: «Прекрасно, когда женщина права, когда внезапно встав с судьбою вровень, в лицо ей бросит верные слова, не убоявшись ни слезы, ни крови». Бог знает, какие еще испытания имеет он в виду, стихи - только развлечение, когда будущая чета Мазуров (или их подобий) бродит по городу, не замечая на счастливом своем пути памятника Богдану Хмельницкому.

А от него рукой подать до Бабьего Яра...

* * *

ФОБИЯ. Развлечения

А. КУЗНЕЦОВ (*Киев, концлагерь Бабий Яр*):

Заключенным велели влезть на дерево и привязать к верхушке веревку. Другим заключенным велели дерево пилить. Потом тянули за веревку, дерево рушилось, сидящие на нем убивались. Радомский [комендант лагеря] всегда лично выходил посмотреть и, говорят, очень смеялся [75, с. 38].

Л. ФЕЙХТВАНГЕР (*Иудейская война, взятие римлянами Магдалы*):

Когда римляне вошли в город, многие повстанцы бежали на огромное Генисаретское озеро. Они заняли весь маленький рыбачий флот, так что римлянам пришлось преследовать их на плотках. Это была трагическая пародия на морской бой, во время которого со стороны римлян было много смеха, со стороны евреев - много убитых. Римляне топили легкие челноки, и началась интересная охота неуклюжих плотов за утопающими. Солдаты... держали пари: предпочтет тот или иной утонуть или быть уничтоженным римлянами, и следовало ли их убивать стрелами или ждать, пока они не уцепятся за край плота, и тогда отрубать им руки? Чудесное озеро, прославившееся игрой своих красок, было в этот день окрашено только в красный цвет; его берега, известные своими благовонными ароматами, потом в течение многих недель воняли трупами, его прекрасная вода была испорчена, а его рыба стала в последующие месяцы необыкновенно жирной и римлянам очень нравилась. Наоборот, евреи... много лет потом не ели рыбы из Генисаретского озера [7, т. 7, с. 161].

А.СУЦКЕВЕР (*оккупированный Вильнюс, 17 июля 1941 г.*):

[Немцы] выгнали всех мужчин на улицу, приказали им расстегнуть брюки, а руки поднять на голову, ...всех евреев направили в тюрьму. Когда евреи стали идти, брюки опускались и люди не могли идти дальше. Кто хотел рукой поддержать брюки, того тут же на улице расстреливали... Ручьи крови лились вниз по улице, как будто бы сверху шел красный дождь.
<...>

<...> Немец сказал мне: «Идем со мной, ты будешь играть в цирке»... Я увидел, что второй какой-то немец ведет еврея, старого раввина... Третий немец уже держал молодого парня. Когда мы дошли до старой синагоги... я увидел, что там лежат дрова в форме пирамиды. Немец вытащил револьвер и сказал, что мы должны снять одежду. Когда мы разделись и остались голыми, немец... поджег дрова. Второй немец вынес из синагоги три свитка торы,

дал их нам и сказал, чтобы мы танцевали вокруг костра и пели русские песни. За нами стояли три немца, они штыками подгоняли нас к огню и смеялись.

<...>

[Начальник гетто] Мурер, когда заходил в гетто... давал распоряжение, чтобы все работники падали на землю и лаяли, как собаки [3, т. 1, с. 852,854].

В. МОЛЧАНОВ (*оккупированный Владимир-Волынский*):

[Немецкий окружной начальник Вестерхайде] часто приезжал в гетто вместе с Иоханной Альтфатер... чтобы дать своей любовнице немного поразвлечься. «Забава» заключалась в том, что Альтфатер разгуливала по гетто и убивала женщин и детей выстрелом в рот. Детей она подзывала к себе, уводила за угол дома и, показав конфету, приказывала открыть рот и закрыть глаза [57, с. 118].

Б. ЛЕКАШ (*еврейские погромы на Украине, 1919 г.*):

...погром 14 апреля...

Насиловали маленьких детей - 5 и 6 лет от роду, отрубали головы больным, лежащим в кроватях, расстреливали семьи... расставляя их живописными группами [10, с. 104].

Г. ГИНЗБУРГ (*нацистская Германия*):

...я вспомнил... альбом, где на черном ледериновом переплете — жестяной орел со свастикой... альбом... открывался портретом приличного немецкого юноши в аккуратном немецком мундирчике и в пилотке, с детски-чистым лицом и веселым взглядом. А затем один за другим шли снимки: он - около танка, он - у подзорной трубы... и наконец... совершенно раздетые догола женщины перед расстрелом, как перед купанием, на крутом берегу - на краю рва. Фотографируя, он заставлял их поворачиваться спиной, наклоняться до пояса, потом вновь смотреть в объектив, стоять в обнимку и порознь: одиннадцать фотографий... [59,1969, №11, с. 130].

Б. ЛЕКАШ (*еврейские погромы на Украине, 1919 г.*):

...28 евреев и евреек... расстреливают не без того, чтобы отказать себе при этом в удовольствии «сыграть в мяч» их головами [10, с. 104].

БРОАД (*концлагерь Освенцим*):

На телеге, на горе трупов, лежал какой-то русский. Жизнь едва теплилась в нем, голова бессильно свесилась через боковую перекладину. Один из эсэсовцев схватил палку и изо всех сил ударил его по голове. Русского отбросило, но через несколько секунд тело снова сползло... <...> ...несмотря на то, что несчастный был уже мертв, солдат продолжал бить до тех пор, пока голова не превратилась в бесформенную кровавую массу [49, с. 157].

По Э. РАССЕЛУ:

В концлагере Освенцим начальник блока Кранкенманн расставлял заключенных вдоль каменной стены и бил их в челюсть так, что головы разбивались о стены [4, с. 190].

Надзирательница концлагеря Равенсбрюк Бинц на велосипеде въезжала в группу узниц: слабые падали, Бинц, хохоча, переезжала через них. Другой любимой забавой Бинц было дразнить душевнобольных женщин и издеваться над ними [4, с. 229].

Ф. ПИПЕР (*Освенцим*):

...капо Альфонс Геттингер... развлекался тем, что ловил узников лассо. Он захлестывал петлей свою жертву и, раскрутив ее несколько раз, швырял в ящик для трупов, стоящий в углу двора.

<...>

...распространенным в лагере наказанием была муштра, получившая на лагерном жаргоне название «спорта», ...марш под пение, бег, ползание на локтях и на цыпочках, вращательные движения телом по земле, покрытой гравием и раздробленным кирпичом, кругообразные движения с поднятыми руками. <...> В придумывании этих упражнений изощрялся обершарфюрер СС Людвиг Плягге. Он часами мог муштровать заключенных с трубкой в зубах... Упавших помощники Плягге поднимали битьем... Упрямых добивали [50, с. 105-106].

Из материалов Нюрнбергского процесса (концлагерь Майданек):

Арсенал истязаний и мучений был необычайно разнообразен. Многие из них носили характер так называемых «шуток», которые очень часто кончались умерщвлением заключенных. К числу их можно отнести мнимый расстрел с оглушением жертвы ударом по голове доской...

<...>

Эсэсовские истязатели топили свои жертвы в грязной воде, вытекавшей по небольшой канаве из бани: голова жертвы погружалась в эту грязную воду и прижималась сапогом эсэсовца до тех пор, пока жертва не лишалась жизни [3, т. 1, с. 575-576].

Из материалов Нюрнбергского процесса (Яновский лагерь):

...одного молодого парня гестаповец Хайне поставил и резал от его тела куски мяса. И одному сделал в плечах 28 ран (ножевых).

<...> Возле кухни во время получения кофе палач Хайне... подходил к первому, который стоял в очереди, и спрашивал, почему он стоит впереди, и тут же его расстреливал, ...потом подходил к последнему в очереди и спрашивал его: «Почему ты стоишь последним?» и тут же расстреливал его.

<...>

...гауптштурмфюрер СС Фриц Гебауэр душил женщин и детей, а мужчин зимой замораживал в бочках с водой, ...жертвам связывали руки и ноги и опускали в воду.

<...>

...начальник следственной части <...> Гайне просверливал тела заключенных палкой или куском железа, плоскогубцами вырывал у женщин ногти, затем раздевал свои жертвы, подвешивал за волосы, раскачивал и стрелял по «движущейся мишени».

...оберштурмфюрер Вильгауз, ради спорта и удовольствия жены и дочери, систематически стрелял из автомата с балкона канцелярии лагеря в заключенных, работавших в мастерских, потом передавал автомат своей жене, и она также стреляла. Иногда, чтобы доставить удовольствие своей девятилетней дочери, Вильгауз заставлял подбрасывать в воздух 2-4-летних детей и стрелял в них. Дочь аплодировала и кричала: «Папа, еще, папа, еще!», и он стрелял.

...комиссар гестапо Вепке поспорил с другими палачами лагеря о том, что он одним ударом секиры разубит мальчика, ...он поймал на улице 10-летнего мальчика, поставил его на колени, заставил сложить руки ладонями вместе и пригнуть к ним голову, примерился, поправил голову мальчика и ударом секиры разубил его вдоль туловища. Гитлеровцы горячо поздравляли Вепке, крепко пожимали ему руки, хвалили [3, т. 1, с. 520-521].

ГАННОВЕР (восстание Хмельницкого, 1650-е годы):

Жители множества еврейских городов за Днепром... были умерщвлены за веру разными жестокими видами смерти. С некоторых сдирали кожу заживо, а тело бросали собакам; некоторым отрубали руки и ноги и бросали на дорогу, потом ехали по ним экипажами и растоптали их; некоторым нанесли множество несмертельных ран и бросили на площади, дабы они мучились в предсмертной агонии, пока не испустят дух; многих закопали живыми в

землю, резали детей на лоне матерей, множество детей разорвали в куски, беременным женщинам распарывали живот, вынимали недоношенный плод и бросали им же в лицо, а некоторым, распоровши живот, впускали туда живую кошку и живот зашивали, а им рубили пальцы, дабы не могли вынуть кошку; некоторых детей привязывали к сосцам матерей, некоторых насаживали на вертел, жарили их на огне, а потом заставляли матерей есть их. Иногда они брали еврейских детей, мостили ими улицы и ездили по ним... [9, т.3,с.286].

Из украинской народной думы 1648 года:

А пан Хмелницький житель чигиринский,
 Козак лейстровий писарь війсковий,
 До польского города прибував,
 Да старими жидами орав [пахал],
 А жидівками бороновав,
 А которі були малі діти, то він их кіньми

порозбивав [9, т. 3, с. 330].

* * *

Уже отыграло утренней зыбью море и, подавленное полднем, опало, дрожа в мареве...
 уже духотой распух ресторан, и столы, за которыми с десяти утра Сулико ублажал приезжих гостей, были выставлены наружу, а магнолии простерли надежную тень, поднимая на мочучие листья токи солнечного расплава...

уже легкую интродукцию - сыр и зелень – последовательно заместили вареные куры, затем хинкали и, наконец, шашлык - не ширпотреб из мороженого мяса, нет! - мускулы свежезаколотого барашка сочались спелостью горных трав, полыхали приправами...

«тааай-рай-ра-райра...»

уже взаимная любовь объяла пирующих, и узнав, что для тамады Сулико редкая удача встретить такого сильного и отважного и красивого Женю и Таню, прекрасную, как царица Тамар, и, к сожалению, недоступную, как горная вершина, - узнав об этом, Женя постарался объяснить, что Грузия - лучшая страна на свете, лучшая часть Грузии - Аджария и жители ее - украшение планеты, - так сказать, развернутое выступление на темы любви и дружбы, кавказский вариант «Ты меня уважаешь?», после которого замявшаяся было череда взаимно благодарственных тостов вновь воспрянула, струясь эпитетами и улыбками...

«тааай-рай-ра-райра, тирари-тира-райра...»

уже Сулико назвал Женю братом и освятил побратимство совместной, в обнимку, проходкой в уборную, где, не размыкая объятий, справили они малую, но категорически неотложную нужду...

а задумчивый баритон Гиви негромко выводил «тааай-рай-ра-райра, тирари-тира-райра...», и русский гость, чарующим звукам внимая, поражался прелестью этой аджарской или грузинской или еще какой-то знойной мелодии, «та-ай-рай-ра-райра, тирари-тира-райра...»

уже, взблеснув посреди пира плешью, пожилой Шалва единственным, но, конечно, орлиным глазом окинул стол и губы его искривились в укоризне: «Цх-х, посуда грязная, сменить надо»; и стал размеренно перебрасывать за спину рюмки со стола, одну за другой, одну за другой, со всех мест, куда дотягивалась его рука, и стекло, разбиваясь, звенело прощальной нежностью; следили за руками Шалвы гости, чуть оторопев, а хозяева снисходительно посмеивались и глазами останавливали порыв официанта с чистыми рюмками: не торопись, дорогой, дай пошутить... заслуженный, уважаемый человек Шалва...

...в ухо упорно тыкалось гивино «тааай-рай-ра-райра, тира-ри-тира-райра», и мотив, как журчащий ручей, думал красивыми образами гость, да, да, именно ручеек, ну правда же, из-под снега шалый ручеек где-нибудь на скале, в горах, белизна снега, его ледяной по краю карнизик над протаявшей желтоватой землей, и по земле, из-под карниза искрясь, поигрывая камушками, талая водица - «тааай-рай-ра-райра, тирари-тира-рай-ра» - сверху вниз от снежных вершин Кавказа, по камням, меж кустов и деревьев, по теснинам, ущельям, по горам, по долам, по долинам и по взгорьям, к морю, на простор, на волю - тааай-рай-ра-райра, тирари-тира-райра...

уже по ту сторону стола, где на зеленом фоне магнолий бурлил разврат соцветий и стыли усатые лица, лелеющие в улыбках мудрую пьяную печаль, - уже все вместе: фон, цветы, глаза, усы и печаль - вдруг, как в неисправном телевизоре, стронулось с места и поползло вверх, ускоряясь до мелькания, и даже встряхивая головой до выверта шеи, нельзя было дольше, чем на миг, задержать этот нестерпимый бег кадров...

«тааай-рай-ра-райра, тирари-тира-райра...» - ах, да что за красота, тревожился русский гость, какой талантливый народ, сыны природы, дети гор и моря, чистота первозданности, Пиромани... Тааай-рай-ра-райра, тирари-тира-райра... Ну наконец-то узнал! «Чер-вону руту нэ збырай вэ-чо-рамы» - тааай-рай-ра-райра, тирари-тира-райра...

...сладость украинской песни...

* * *

ФОБИЯ. Школа

Понары теперь называются Панеряй, Вильно - Вильнюс, а Ковно - Каунас. Но это неважно. Важно, что - Понары.

Я попал сюда уже околдованный Литвой. Предвечерняя тишина холмов, ухоженные поселки, бесхитростное течение Нямунаса, Чурленис... В костелах органы лелеяли гармонию, в лесах плескались птичьи голоса, ночные звезды горели любовью к миру, а присутствие десятилетнего сына и его успехи в плавании доводили до совершенства понятие «отпуск»: отпускалась прочь ерунда обыденности, отпускалось от всякой маеты сердце, отпущенными казались все грехи - легкость свободы...

И - Понары: безмолвие и безлюдие, сосны и песок, холмы и ямы. Ямы полуосыпались, заросли по склонам кустами и деревьями - больше тридцати лет с тех пор, когда стучали пулеметы и кровавое месиво тел заваливало ямы.

На возвышении - памятник: простейшая пирамидка. Возле ям надписи - черным на забеленных кусках жести с ножками-прутьями, врытыми в землю. Скупой текст, главным образом цифры с чередой нулей - число погибших. Вот и весь мемориал.

Сто тысяч человек под старыми соснами и молодыми березами, двести тысяч угасших глаз, упавших рук, остановившихся ног. Сто тысяч сердец, сто тысяч умов с их желаниями, радостями и бедами, сто тысяч неповторимостей, без лиц, без имен, без национальности...

Вдали в маленьком дощатом домике размеренно всхрапывает фуганок. Там намечается что-то вроде музея-памятника, и сейчас одинокий рабочий не спеша готовит деревянные рамы для стендов с фотографиями. Что ж, пускай хоть фотографии...

Сижу на краю ямы и думаю о тех, кто лег сюда вместо меня. Потом спускаюсь, на дне ямы подбираю обгорелую сосновую шишку (чей-то костер?) и возвращаюсь наверх, к сыну.

Мы медленно идем по песку между соснами, пока короткий оклик и призывный жест не привлекают нас на скамью возле домика, где грузный пожилой литовец в клетчатой рубахе, забрызганной опилками, жует булку, прихлебывает кефир и говорит русские слова, искореженные акцентом и жеванием. Постепенно из невнятицы проявляется смысл.

- Еврей? - спрашивает литовец.

- Да, еврей, - киваю я.

- А он? - литовец указывает на моего сына, который слегка озадачен несоответствием заурядности пейзажа и моей омраченности.

- Он наполовину русский.

- А... Все равно, - машет булкой литовец, — тоже там бы лежал.

Конечно, лежал бы, думаю я. Конференция в Гросс-Ванзее...

Т. БОРОВСКИЙ:

...Марию как помесь арийской и семитской крови вывезли с транспортом евреев в известный лагерь... загазовали в камере крематория, а тело ее, наверно, переработали на мыло [76, с. 75].

... - Я все это помню, - говорит литовец. - Я здесь рядом жил. - Он указывает через дорогу, на стеклянно-бетонные прямоугольники города, вытеснившие прежнее деревянное поселение. - Я помню: стреляли ваших. Вот скажите, почему можно? Ходил человек на работу: утром придет сюда, сядет за пулемет, весь день стреляет детей, калек, старушек, потом перерыв на обед, вроде меня, - он усмехается бутылке кефира, - потом опять стреляет, а вечером идет домой, ужин кушает, со своим ребенком играет, с собачкой - как можно? Откуда такой? Я литовец и он литовец. Я много это думал...

... Я думал о тех, кто лег, он - о тех, кто стрелял. Каждому свое.

Из отчета начальника оперативной группы «А» ШТАЛЕКЕРА, 15.10.1941 г.:

Во время первого погрома в ночь с 25 на 26 июля литовские добровольцы прикончили более 1500 евреев... и выжгли район, где жили евреи... [3, т.1, с.831]

... - Кто виноват, если человек стал зверем? – спрашивает литовец. - Я скажу: попы. Они тысячу лет говорили, что евреи хуже всех...

Говорили... Вдалбливали. Из века в век, из храма в храм перебрасывался огонь, души прихожан накаляющий. Глазу привычно: сатана по-еврейски горбонос и толстогуб, а иконный Иисус где голландец, где итальянец, где славянин чуть ли не с примесью татарина - кто угодно, только не еврей.

По С. ЛОЗИНСКОМУ:

Широкое развитие инквизиции сделалось возможным в Испании лишь благодаря долгой и упорной церковной пропаганде. Энергичные преследования еретиков и неустанная деятельность католических проповедников превратили испанцев, всегда относившихся с большой веротерпимостью к иноверцам, в народ фанатический, самый неверотерпимый.

Венцом всех клевет и инсинуаций по адресу евреев был инсценированный Великим инквизитором Торквемадой процесс святого дитяти из Ла-Гуардии.

В июне 1490 года крещеный еврей Бенито Гарсиа после неоднократных попыток в инквизиционном застенке показал, что вместе с пятью маранами и шестью евреями он замышлял заговор против христианства. Были арестованы еще 9 человек, в том числе 80-летний старик. Их обвинили в изуверском убийстве 3-летнего христианского ребенка и попытке сделать из его сердца волшебное средство для уничтожения христианства. В Ла-Гуардии и ее окрестностях в это время ни один ребенок не пропал, но под пытками обвиняемые подтвердили лживое обвинение. Все они были сожжены, а мнимая жертва мнимого убийства провозглашена святой.

Процесс этот вызвал в испанском обществе сильное негодование против евреев и маранов и сыграл без сомнения крупную роль в решении царственной четы раз навсегда освободить страну от еретической заразы [8, с. 56,143-145].

Скорей всего, литовец прав. Хотя не точен в терминах: фобианец с пулеметом - не зверь: куда зверю до него! Что же касается церкви...

Здесь же, в аккуратной, славной, вежливо-улыбчивой Литве, я видел, как интеллигентный священник беседовал со стайкой московских школьников. Подростки забрели в костел, их заинтриговал театр католичества: красочность икон, праздник витражей, подсветка в алтаре, величавость органа и хора... После службы священник, уже стряхнувший с себя торжественность обряда и опрошенный мирским костюмом, свой, земной, благожелательный, заговорил у выхода из костела с ребятами, пытался им объяснить смысл веры. Мягкие жесты, теплая улыбка, неторопливое течение рафинированно-русской речи литовца - все располагало подростков, они затихли, благодарно поглядывали... Священник сказал: «Подождите, я вам кое-что дам на память», скрылся внутри костела и вынес медальоны с изображением Девы Марии и небольшие карточки. Ребята расхватывали сувениры. Я попросил одну карточку: там были русские тексты молитв. В конце стояло: «Напечатано в Мюнхене, в 1944 году». Дымком запахло...

И все-таки не только попы.

Г. ФАСТ (*дохристианское время*):

...динамическое взаимодействие между евреями и неевреями в любой стране вызывало подъем антисемитизма. <...> Если евреи были... трепещущей от страха, униженной и

нищенской группой, этого могло не случиться; но если в своих тяжелейших обстоятельствах евреи замыкались в гордости и отчужденности, это раздражало неевреев [27, с. 243].

С. ЛОЗИНСКИЙ:

...языческий мир... выдвинул против евреев... их «варварский» и «отвратительный» обряд обрезания... ...поэт Марциал, описывая... неразборчивость римской кокотки Целии, говорит, что она... «не брезгует объятиями обрезанных жидов».

<...>

По-видимому, сами евреи стыдились своего обрезания... Воспитанная в духе эллинизма еврейская молодежь... выступая на ристалищах голой... стремилась замаскировать следы религиозной операции, подвергаясь с этой целью иногда очень болезненной контр-операции, известной под названием эписпазма. <...>

«Физически уродливые» евреи... были в глазах античного мира олицетворением и всяких духовных уродств: их стихийное сопротивление ассимиляции характеризовалось как «жидовское упрямство»; их сознание, купленное страшной ценой нескольких восстаний, что лбом стены не прошибешь и что маленькая Палестина беспомощна против всемогущего Рима, было окрещено «жидовской трусостью», а стремление обойти многочисленные рогатки, расставленные на их пути, было названо «жидовской пронырливостью».

Так создавался образ народа - отвратительного как в физическом, так и в нравственном отношении.

<...>

Христианство... окрасило древний антисемитизм... в религиозный цвет... [46, с. 22,23].

А потом сработали пружины экономики - и «...конкуренция между христианским и еврейским мещанством приняла... форму самого зверского человеконенавистничества...» [ЛОЗИНСКИЙ, 46, с. 15].

Надежная сложилась система. С детских лет приучали. Весьма авторитетными голосами.

Ч. ДИККЕНС (из «Оливер Твист» - популярнейшего у детей романа):

...старый сморщенный еврей с вклокоченными рыжими волосами, падавшими на его злобное, отталкивающее лицо.

<...>

...еврей... вышел из своей берлоги. <...> Пробираясь крадучись вперед, скользя под прикрытием стен и подъездов, отвратительный старик походил на какое-то омерзительное пресмыкающееся, рожденное в грязи и во тьме... он полз в ночи в поисках жирной падали себе на обед.

<...>

Он [еврей] сидел, сторбившись... закутанный в старое, рваное одеяло... Правую руку он держал у рта и, поглощенный своими мыслями, грыз длинные черные ногти, а меж беззубых десен виднелось несколько клыков, какие бывают у собаки или крысы [77, с. 77,168, 417-418].

Правда, спустя двадцать восемь лет Диккенс написал образ другого еврея - воплощение добродетели и мягкосердечия, которые автор подчеркивал как еврейские национальные черты[28,т.7,с.187].

Другой великий писатель XIX века был более принципиален: он своего представления об евреях не изменял никогда.

Н. ГОГОЛЬ (из повести «Тарас Бульба»):

<...> - Перевешать всю жидову! - раздалось из толпы. - <...> Перетопить их всех, поганцев, в Днепре!

...толпа ринулась... с желанием перерезать всех жидов.

Бедные сыны Израиля, растерявши все присутствие своего и без того мелкого духа, прятались в пустых горелочных бочках, в печках и даже заползвали под юбки своих жидовок; но козаки везде их находили.

<...> Жидов расхватили по рукам и начали швырять в волны.

Жалобный крик раздался со всех сторон, но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе...

<...>

[Описание еврея]: ...верхняя губа у него была просто страшилище; толщина ее, без сомнения, увеличилась от посторонних причин. В бороде у этого Соломона было только пятнадцать волосков, и то на левой стороне. На лице у Соломона было столько знаков побоев, полученных за удалство, что он, без сомнения, давно потерял счет им и привык их считать за родимые пятна.

<...>

Рыжий жид выпил небольшую чарочку какой-то настойки, скинул полукафтанье и, сделавшись в своих чулках и башмаках несколько похожим на цыпленка, отправился со своею жидовкою во что-то похожее на шкаф. Двое жиденков, как две домашние собачки, легли на полу возле шкафа [78, с. 65,67,137,138].

И. ТЕНЕРОМО уверял, что слышал от Л.Н. ТОЛСТОГО:

«Вы возьмите лучшего из писателей-юдофобов, который в других вопросах и трезв и способен связывать мысли и не повторяться; но как только доберется до евреев, то что ни строка, то слово «жид»... Как та срамница со сквернословием. Трудно подыскать другое сравнение для нашей (простите: мне даже противно выговорить это слово) жидоедской литературы» [20, с. 56]. Похоже на правду.

А вот несомненно подлинные слова другого писателя: «Когда я думаю о положении, созданном образами и стонами исконной легенды, преследующей еврея из века в век на всяком месте, - право, мне представляется, что я с ума схожу. Кажется, что за этой легендой зияет бездонная пропасть, наполненная кипящей смолой, и в этой пропасти безнадежно агонизирует целая масса людей, у которых отнято все, даже право на смерть.

<...>

И образ жизни еврея, и внешняя его складка, его манера говорить, ходить, одеваться - все дает пищу для неосмысленной досады, которая проявляет себя тем беспрепятственней, что выражение ее почти всегда сопровождается безнаказанностью. <...> Для темной массы... в еврее всегда готовый источник потех и издевок. <...> Еврей и ходит не так, как люди, и говорит не так, как люди, и смотрит не так, как люди. От еврея - пахнет; еврей не смотрит, а глаза у него бегают... А как смешно и даже гнусно он шепелявит!

...нельзя же, в самом деле, серьезно преследовать людей за то, что они носят пейсы и неправильно произносят русскую речь!.. [79, с. 253,256,258].

Это - М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН, классик русской литературы. Но в русской школе таких его слов не учат, в школе проходят «Тараса Бульбу».

Гоголь бессмертен. И вездесущ. Глаголом антисемитским жегшие сердца людей, вот они, гоголи, каждому народу свои:

египетский жрец Манефон (III век до н.э.);

александрийский грек Апион, с первого же века христианства запустивший в ход легенду о ритуальных убийствах греков иудеями;

учителя: Цицерона - Апполоний Молон и Нерона - философ Сенека;
 римские классики Тацит и Ювенал;
 вдохновители крестоносцев аббаты Петр Клунийский и Бертольд Майнцский;
 австрийский поэт Гельблинг;
 вождь Реформации Мартин Лютер;
 польские поэты Рей и Кленович, историк Длугош, писатель Болеслав Прус;
 гордость Франции - Вольтер и Наполеон; Дрюмон - писатель и редактор парижской газеты, основанной в 1892 году «в видах систематической пропаганды антисемитских идей»;
 в Германии Гете, Бисмарк, философ-гегельянец Бауэр, писатель Мейер, философ Дюринг;
 в России - вождь декабризма Пестель, ничтожный Булгарин и великий Пушкин, Тургенев, Достоевский, И. Аксаков, объявивший еврейские погромы «проявлением справедливого народного гнева», журналистская команда сувориных-бурениных...

Здесь только выборка из [27,28,29] - славных имен не перечить. Крупные и мелкие, умеренные и рьяные - разные люди, и антисемитизм всевозможных оттенков.

Дюринг, например, крыл евреев почему зря: Маркс - бездарность, Лассаль - интриган, Гейне - мерзавец, и вообще евреи - преступная раса, заслуживающая гибели уже за создание Евангелия и христианства.

Тацит возмущался тем, что евреи учат «презирать богов», «их обычаи мрачны и развратны», и в то же время (древнеримское благородство!) отмечал еврейскую солидарность, храбрость, презрение к смерти, верность слову.

Моравский, военный министр Польши, как известно, крайне чувствительной в вопросах чести, заявил, что польскому шляхтичу не приличествует сражаться рядом с евреем (это во время восстания 1830 года, когда польские евреи дрались заодно с поляками за независимость Польши).

Христианин Достоевский заверял, что сам он не питает к евреям ненависти, но во избежание экономического порабощения евреями коренного населения страны уравнивать их в правах не следует. Аналогично и ученый историк Костомаров чуть ли не признавался в любви к евреям («всякое нерасположение к иудеям... есть в наших глазах признак крайнего невежества и глупого фанатизма»), но! - весьма опасался грозной для украинского населения конкуренции энергичных евреев. (Мистическая боязнь собственной жертвы. Проклятие фобанца...)

Случались и казусы. Два композитора доказывали неспособность евреев создавать хорошую музыку. Почему? Первый: еврейская музыка имеет чересчур семитский характер. Второй,

наоборот: в еврейской музыке нет национального духа евреев. Обоих обвинить в некомпетентности никак невозможно: Рихард Вагнер и Ференц Лист. Но художественные натуры - заносит... [28, т. 2, с. 639-762].

Русский поэт и сановник Державин («...и в гроб сходя, благословил» - тот самый) ругал евреев за а) употребление христианской крови; б) голод белорусских крестьян в 1800 году и в) однообразии в именах и одежде - «сие должно отнести также к их хитрости», - простодушно заметил знаменитый стихотворец [38, с. 283-290].

Газета «Русское знамя» (накануне процесса Бейлиса):

Правительство обязано признать евреев народом столь же опасным для жизни человечества, сколь опасны волки, скорпионы, гадюки... Жидов надо поставить искусственно в такие условия, чтобы они постоянно вымирали... [80, с. 4].

Множество вариаций. Они особенно трогательны у представителей интеллигенции девятнадцатого века, как бы даже стыдившихся собственного антисемитизма. Но разноречивых высказываний не должен никого смущать. (Он и не смущал). Все они капали в одну точку, все давали совокупный эффект. И не только самоутверждающимся фобиям.

Ж.-П. САРТР:

Некоторые дети уже с шести лет... должны были драться с другими детьми, обзывавшими их «жидами». От иных детей долго скрывают тайну их происхождения. <...> Но так или иначе приходит день, когда они узнают правду... Чем позднее она открывается, тем сильнее шок... Они чувствуют себя одиночками, не такими, как остальные дети... которые не имеют особого прозвища. Они приходят домой, смотрят на отца, думают: «Неужели он тоже еврей?» и чувствуют, что навсегда утратили к нему уважение.

<...>

В глубине души еврей считает, что он ничем не отличается от других людей. <,,> Но ему дают понять, что это вовсе не так, что он все делает «по-еврейски»...

<...>

...даже если еврей станет министром, он будет министром-евреем, одновременно Ваше превосходительство и пария.

<...>

Еврей может выбрать отвагу или трусость, может выбрать радость или печаль, может выбрать любовь к христианам или ненависть. Не может только выбрать одно: не быть евреем. Точнее говоря, если выберет именно это... если пылко, отчаянно откажется от своих «еврейских» черт характера - это будет еще одно - наилучшее - доказательство того, что он еврей. Потому что, например, я, который евреем не являюсь, ничего не должен ни отвергать, ни доказывать.

<...>

Еврей дал себя убедить антисемитам, он - первая жертва их пропаганды. Вместе с ними он принял, что если еврей вообще существует как таковой, то имеет именно те черты характера, которые ему приписывает общая неприязнь... Беспокойство принимает у него весьма специфичные формы: оно становится боязнью, как бы случайно не поступить или не отреагировать как еврей. <...> Сколько знаем евреев нарочито щедрых... именно потому, что евреев принято считать людьми жадными и скупыми. Заметим, кстати, это вовсе не значит, что им приходится преодолевать в себе какую-то особую склонность к скупости. Нет никаких доказательств того, что еврей скупее христианина. <...> ...евреи в движении Сопротивления сыграли превосходную роль: они еще раньше коммунистов включились в движение, заняли руководящие посты в Сопротивлении; в течение четырех лет они продемонстрировали примеры потрясающей храбрости и точности действий, перед которыми мы сейчас с уважением склоняем головы. И все-таки многие из них долго колебались, прежде чем вступить в Сопротивление, которое казалось им слишком соответствующим еврейским интересам - они хотели быть полностью уверены, что идут в Сопротивление *не как евреи, а как французы*. <...>

...оттого, что все и всюду смотрят на него не как на человека вообще, а как на еврея - именно поэтому еврей не может ассимилироваться.

<...> Глубокая солидарность, связывающая евреев, покоится не на общности интересов, а на общности ситуации. Гораздо больше, чем два тысячелетия общих мук и преследований, объединяет их общая враждебность христиан.

<...> Когда евреи находятся среди своих, каждый из них для другого, а тем самым и для себя - *просто человек*. <...>

В доме француза еврей, встретив другого еврея, держится с последним как француз... боится его. И он, который за минуту до того не замечал этнических особенностей своего сына или племянника, начинает всматриваться в этого другого еврея глазами антисемита, начинает со страхом искать в нем... объективных признаков их общего происхождения.

<...> Известно, что враги евреев часто говорят: «Нет антисемитов больших, чем сами евреи». В действительности антисемитизм евреев вынужденный. Он основан, прежде всего, на болезненной страсти находить у своих близких, родственников и друзей черты, ненавидимые евреем в самом себе [16, с. 71-99].

Что там родственники и друзья! Большой ученый оперирует общими категориями: евреи в целом и в целом человечество. Глобальный уровень.

К. МАРКС (*потомок знаменитых еврейских раввинов*):

Какова мирская основа еврейства? *Практическая потребность, своекорыстие.*

Каков мирской культ еврея? *Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги.*

<...>

...через него и помимо него *деньги* стали мирской властью, а практический дух еврейства стал практическим духом христианских народов.

<...>

Христианство возникло из еврейства. Оно снова превратилось в еврейство [17, т. 1, с. 408,409,412].

Написано - врублено. Пускай потом отмываются от слов учителя марксисты:

К. КАУТСКИЙ:

Чтобы представить еврея прирожденным преступником, наши расовые антисемиты не знают ничего другого, более уничтожающего, как сногшибательное утверждение, будто еврей – прирожденный капиталист. Они объявляют, что вся подлость капиталистического мышления... заложена еврею издавна в кровь [21, с. 111].

С. ЛОЗИНСКИЙ:

Маркс совершенно не был знаком с жизнью [еврейских масс]... Маркс совершил, с точки зрения марксизма прежде всего, грубейшую ошибку, так как носителями той или иной... формы капитализма могут быть классы, а не «иудеи» или другие народности [51, с. 86].

С. БУЛГАКОВ (*русский ученый; о статьях Маркса по еврейскому вопросу*):

Сын поднял руку на мать, холодно отвернулся от ее вековых страданий, духовно отрекся от своего народа [51, с. 86].

Ж.-П. САРТР:

Отрекающийся от себя еврей никаким образом не может освободиться от сознания того, что он еврей. <...> Наиболее характерной чертой таких евреев является их постоянное колебание между чувством гордости и комплексом унижения, между страстным отрицанием признаков еврейской расы и мистическим и физическим соучастием в еврейской действительности [16, с. 102].

Г. ФАСТ:

...быть евреем - это особый вид жизненного опыта [27, с. 371].

Ж.-П. САРТР:

...наш антисемитизм, как и наш высокомерный либерализм отравили его [еврея] до мозга костей; это мы заставляем его определять себя как еврея... Мы создали этот тип людей... единственный смысл существования которого - служить предохранительным клапаном в общественном строе. Это тип людей, который говорит о Человеке больше, чем все остальные вместе взятые, ибо появился он в результате вторичных реакций в лоне человечества, это квинтэссенция человека, униженная, лишенная корней, бросаемая с места на место, изначально приговоренная к приспособленчеству или к мучениям. Нет среди нас таких, кто не виноват в этом, каждый из нас преступник: еврейская кровь, пролитая гитлеровцами, падает на все наши головы.

Но тем не менее, - может кто-нибудь сказать, - еврей ведь свободен: он может решить стать истинным неприспосабливающимся евреем. Это правда... узник всегда имеет право на побег, даже если известно, что он может заплатить жизнью, перерезая колючую проволоку, - однако, это нисколько не уменьшает вины и ответственности охранника [16, с. 132-133].

Сознание ущербности у жертвы, правоты у палача – почва Фобии, унавоженная пропагандой. В этой почве и проклюнулся национал-социализм. Уж он не вилял: свободный от шелухи обиняков и извинений, пер в рост голый наглый фаллос, рвущийся к насилию.

Де МЕНТОН (*обвинитель на Нюрнбергском процессе*):

Национал-социализм - завершение длительной эволюции, результат использования группой лиц самых мрачных и наиболее глубоких сторон немецкой души.

<...>

Нацистское воспитание вело к формированию новых поколений, у которых традиционная мораль была заменена культом расы и силы. Миф о расе становился подлинной национальной религией...

В середине XX века Германия добровольно возвратилась из сферы христианства и цивилизации к варварству... [3, т. 1, с. 207].

Э. РАССЕЛ:

Однажды в «Дер Штюрмер» [антисемитская газета в Германии 1930-х годов] появилась иллюстрация, изображавшая девушку в удушающих объятиях мужчины... с явно еврейскими чертами лица. Подпись к иллюстрации гласила: «Кастрировать осквернителей расы! Только такие наказания спасут наших женщин от отвратительных еврейских когтей».

Такими опасными доктринами кормили и молодежь. Вот выдержки из рассказа «Ядовитые пальцы», напечатанного в книге для детей:

«Инге сидит в приемной врача еврея, ...она вспоминает, что ей говорила мать, и в ушах звучат слова предупреждения, сказанные руководителем Союза немецких девушек. Немецкая девушка не должна обращаться к врачу еврею. Немало немецких девушек, лечившихся у врача еврея, познали болезнь и бесчестье, ...вот открывается дверь. Появляется еврей. Инге вскрикнула. <...> Расширенными зрачками смотрит она в лицо доктору, а лицо его - лицо дьявола. Посреди лица у дьявола большой горбатый нос. За стеклами очков сверкают два преступных глаза. На толстых губах играет улыбка: «Теперь, немецкая девушка, ты моя!»

И еврей подходит к ней. Он хватает ее своими толстыми пальцами. Но Инге приходит в себя. ...она бьет его по жирной физиономии [4, с. 250-251].

ГИТЛЕР:

Низость еврея беспредельна, и не приходится удивляться, что немецкий народ олицетворяет дьявола как воплощение зла в физическом облике еврея [7, т. 4, с. 455].

Р. РУДЕНКО:

Распоряжениями немецко-фашистских властей «расовое учение» введено было в учебные планы как важнейший и обязательный предмет. Школы и университеты были в руках

немецкого фашизма опаснейшими для цивилизации центрами умственного и морального уродования людей. <...>

«Мы идем к науке свободные от бремени знания и научного образования, - говорилось в фашистском журнале... - студент должен приходить в высшую школу с требованием, чтобы наука была такой же солдатской, как его собственная выправка, а профессор обладал качествами вождя и солдатской выправкой».

«Мы снова хотим оружия, - говорил Гитлер, - поэтому все, начиная от букваря ребенка и до последней газеты, каждый театр и каждое кино, каждый столб для плакатов и каждая свободная доска для объявлений должны быть поставлены на службу этой единственной большой миссии».

География служила орудием пропаганды «преимущественного» значения в мире немцев, их «права» на «господство»... Молодежи внушали чувство расового превосходства... человеконенавистничества, презрения и жестокости по отношению к другим народам [3, т. 1, с. 256].

А. ЭЙНШТЕЙН:

Я глубоко презираю тех, кто может с удовольствием маршировать в строю под музыку, эти люди получили мозги по ошибке... <...> Командный героизм, пути оглушения, отвратительный дух национализма - как я ненавижу все это [87, с. 167].

КЕЙТЕЛЬ (начальник верховного командования гитлеровской армии):

Национал-социалистские идеи необыкновенно способствовали солдатскому воспитанию [52, с. 380].

Из секретной инструкции гитлеровского командования:

...воспитывать у каждого офицера и солдата германской армии чувство личной материальной заинтересованности в войне... [3, т.1,с.741].

БРОАД (в лагере Освенцим-Бжезинка после разгрузки эшелона и отправки узников на уничтожение):

На платформе команда узников грузит на подъезжающие машины оставленные узниками чемоданы и другие вещи... Машинист, который уже давно мог бы отвести состав, старается задержаться, он медленно обстукивает молотком паровоз, ожидая возможности украсть что-

нибудь из лежащего на платформе, будь то вещи или продукты. <...> Каждый эсэсовец получает специальный талон за участие в разгрузке транспорта. На этот талон ему выдают продукты и водку, ...алкоголь плывет ручьями в штабе комендатуры [49, с. 167].

Из приговора Международного Трибунала в Нюрнберге:

...СС была ответственна за охрану концентрационных лагерей и управление ими. ...состав охраны... постоянно сменялся с тем, чтобы все члены СС прошли инструктаж по поводу тех методов, которые необходимо применять по отношению к представителям низших рас.

<...>

Было сделано все возможное для того, чтобы превратить СС в высокодисциплинированную организацию, составленную из цвета национал-социалистов. <...> ...СС были переданы инструкции... оказывать содействие нацистскому правительству в... уничтожении всех низших рас.

Эта мистическая и фанатическая вера в превосходство нордических немцев превратилась в заученное презрение и даже ненависть к другим расам, приведшие к преступной деятельности... что рассматривалось не только как само собой разумеющееся явление, но было даже предметом гордости [3, т. 2, с. 1036,1038].

С.СОЛОВЬЕВ (татаро-монголы XIXвека):

Нет ни одного народа в мире, который бы отличался таким послушанием и уважением к начальникам своим, как татары. <...> ...в них непомерная гордость, презрение ко всем другим народам. <...> Татары сколько обходительны друг с другом, столько же раздражительны, гневливы с чужими, лживы, коварны... свирепы: убить человека им ничего не стоит [24, кн. 2, с. 146-147].

С. ШМАГЛЕВСКА (Освенцим):

Эсэсовцы, проводящие селекцию, бывают пьяны, пьяны водкой - и еще больше чем-то иным. Ведь это не обычное дело: встать вот так на возвышении и жестом ладони раздавать смерть - смерть, смерть - жизнь - смерть, смерть - жизнь - идущим непрерывно толпам. Взгляд бегло скользит по проходящим, усталая ладонь автоматически движется направо,направо,налево,направо,направо,налево,а мозг тем временем развлекается расчетами. Столько золота для партии – это укрепит положение, ...выезд на фронт не грозит. И еще кое-

что для себя. Бриллианты, бриллианты! Гарантия спокойной старости и жизни в достатке. Для жены состояние на всю жизнь. И детям - на всю жизнь, на всю жизнь.

<...> Жизнь, жизнь - смерть, смерть, смерть, смерть, жизнь, направо, направо, направо, налево... [60, с. 291].

ГЕСС:

Я не мог позволить себе судить о том, является ли массовое уничтожение евреев необходимостью или нет... <...> «Фюрер приказывает, мы - повинемся» - этот лозунг не был для нас только фразой, мы понимали его очень глубоко и серьезно.

...при подготовке будущих членов СС обращали большое внимание на факт безграничного посвящения японцев своему государству и цезарю, являвшемуся для них одновременно и богом. <...>

Любой приказ фюрера, а для нас также и рейхсфюрера СС, всегда был правильным и справедливым [49, с. 83-84].

ГИТЛЕР:

Совесть - это еврейская выдумка [50, с. 100].

Ю. ЮЗОВСКИЙ:

Многотысячные гессы... действовали под влиянием сознания, а не одного только приказа, существует более основательный фундамент, подпиравший самый приказ. Какой же это был фундамент? Какая сила приводила в действие автомат? <...> *Идея*.

...«все позволено» и есть основа фашистской «идеи».

Идея командовала разумом. Эсэсовец, объясняющий сожжение трехсот девушек «необходимостью»... «не замечал» противоречия потому, что то, что «позволено» сжечь триста девушек, подразумевалось.

<...> Идея формировала свои «кадры», конструкция характера определялась «идеиной» установкой. Установка же была не на сознательность масс, а на их дисциплину. <...> Не дисциплина, опирающаяся на сознание, а сознание, установленное дисциплиной.

<...> Дисциплина обрела свою теорию и практику, свою романтику и пафос, свой разум и свою совесть. Гесс убивал, подчиняясь велениям этого разума, и испытывал угрызения этой совести, если не убивал.

Читая дневники Гесса... я наткнулся... на его заявление: «Я не испытывал чувства ненависти»...

...то, что гитлеровская машина уничтожения не испытывала в лице Гесса ненависти, ничуть не противоречит разгулу ненависти, которой предавалась кровавая бестия фашизма, когда, так сказать, «выпускались пары», ведь пары выпускала машина. Человек создает машину, тогда и машина кажется одухотворенной. Но и машина создает человека, и тогда человек оказывается бездушнее машины.

...автомат и бестия, зверь и машина - из этих синтетических материалов изготовлялся тип фашиста вообще. Такова, следовательно, была психология освенцимских палачей.

Какова же была психология жертв?

Ее формировали палачи. Они выбивали из человека человека, чтоб таким образом привести в соответствие с собой... и, следовательно, сводя концы с концами. <...> С того момента, как вас сбрасывали с вагона на освенцимском перроне, и до того, как вы превращались в дым, - весь этот путь сопровождался глумлением, регламентированным и предоставленным фантазии исполнителей.

<...> Шаг за шагом вели людей к запланированной цели - к автомату и бестии. Мужчины, таскавшие трупы, автоматически жевали при этом пищу, женщины, обслуживавшие уборные... ели там суп из горшка... иные, впрочем, ели «с видимым аппетитом».

<...> На что рассчитывали эсэсовские палачи? «Разве в каждом человеке, - говорится в... книге Голуя [освенцимский узник, автор книги «Конец нашего мира»], - не живет животное, жаждущее избавиться от человеческого? <...> Достаточно непрерывного битья, голода, отнятой надежды, достаточно жранья и берлоги, чтоб превратить человека в животное» ...

Наглядным выражением этого превращения были, можно сказать, естественные, как ни страшно это сказать, случаи людоедства. Кто не способен был переступить этот порог, кончал помешательством или самоубийством... [59, 1966, № 2, с. 178-183].

ГЕСС:

Польские узники делились на три политические группы, члены которых боролись между собой. Наиболее сильной была национал-шовинистическая группа. <...> Узник, которому удалось занять важную должность, быстро окружал себя узниками своей группы и старался отстранить от власти узников других групп, ...некоторые смертельные случаи... можно отнести на счет этой борьбы за власть. <...> [Трудовой] отдел и лагерная больница играли главную роль в жизни концентрационного лагеря; кто сумел в них устроиться, тот и правил и делал это, мягко говоря, без умеренности. <...>

<...> Политические антагонизмы существовали во всех концентрационных лагерях и среди узников всех национальностей. Даже среди красных испанцев в Маутхаузене существовали две группы, резко выступавшие одна против другой.

Руководство лагеря старательно поддерживало эти антагонизмы и даже разжигало их, чтобы не допустить... объединения всех узников.

<...>

<...> Люди убивали друг друга, чтобы добыть хоть что-нибудь съедобное... ..я видел однажды русского, тащившего пустой котел за блок комендатуры; узник с жадностью выскребывал стенки котла. Вдруг из-за угла показался другой русский, остановился на минуту, а потом вдруг бросился на выскребывавшего котел, толкнул его на колючую проволоку, по которой шел ток, и исчез вместе с котлом. <...> Это были уже не люди, а животные, ищущие пищу. <...>

<...> В Освенциме евреи не имели... никакой надежды. Все без исключения знали, что обречены на смерть и будут жить только до тех пор, пока смогут работать... Они были фаталистами: терпеливо и равнодушно переносили лагерную нищету и страдания. <...> Этот психический надлом ускорял физический конец; у них уже не было желания жить, все не имело для них никакого значения; самая легкая болезнь оканчивалась смертью. [«Уже перед своим прибытием в лагерь евреи были очень истощены и полны страха от всего того, что с ними произошло во время их жизни в гетто» - это *примечание редакторов записок Гесса*. Добавим: Гесс забыл и о том, что лагерное бытие евреев было не в пример страшнее, чем у остальных узников - см. Выше свидетельство М.-К. Вайян-Кутюрье и др.].

Сказанное мною касается большинства узников-евреев, однако иначе вели себя евреи из интеллигентных кругов. Психически они были сильнее, проявляли больше воли к жизни; чаще всего это были люди, привезенные с Запада... они рассчитывали на поражение Германии...

Самым главным для таких людей было получить какой-нибудь пост, какое-нибудь «теплое место»... позволяющее им улучшить их материальное положение и иметь разные выгоды.

<...> Чаще всего побеждал тот, чье поведение отличалось отсутствием какой-либо щепетильности. <...>

Нередко бывало так, что число узников, занимавших «безопасные» места, вдруг резко падало, хотя к тому не было видимых физических причин, например, болезней... Это происходило потому, что эти люди узнавали о гибели своих близких родственников. Для

евреев вообще характерны тесные родственные связи, и смерть близких приводит к тому, что оставшиеся в живых теряют волю к жизни [49, с. 52-53, 56, 67-69].

Из рассказа бывшей узницы концлагеря Равенсбрюк:

Вся система в этом лагере преследовала единственную цель - подавить наши человеческие чувства и наше человеческое достоинство... Даже более стойкие заключенные, оставшиеся в живых, приобрели черты, которые никогда не изгладятся: они потеряли всякую веру в добро и справедливость [4, с. 213].

И. НЕВЕРЛИ:

Климат гетто или Освенцима никто не может выдержать без ущерба для своей личности. Каждый, и жертва, и палач, имеет там, должен иметь психический изъян [82, с. 399].

По М. НИЛЬСЕНУ (*концлагерь Штутгоф*):

Гитлеровцы в 1941 году создали несколько специальных лагерей. Сюда были собраны самые закоренелые преступники из каторжных тюрем гитлеровского рейха: убийцы... насильники, воры, главари банд... приговоренные по меньшей мере к десяти годам тюремного заключения (а чаще пожизненно). Здесь их «воспитывали». Несколько месяцев они подвергались самому утонченному и научно обоснованному террору. Их избивали, они спали под открытым небом, работали до изнеможения, погибали... Их заставляли убивать своих товарищей. <...>

Из них выдрессировали настоящих садистов, как дрессируют охотничьих собак, а все необходимые задатки у них были с самого начала. С точки зрения нацистов, эксперимент блестяще удался, хотя более половины уголовников в процессе воспитания отправились на тот свет.

Таким образом в 1942 году в Штутгоф прибыло около пятисот высококвалифицированных садистов. Им было поручено под руководством СС захватить лагерь в свои руки и превратить его в человеческую бойню. При этом нацисты потребовали: пусть «зеленые» (уголовники носили зеленый треугольник на одежде) докажут, что они достойны доверия, пусть они завоюют свои привилегии в жестоком бою.

Все высшие лагерные должности принадлежали полякам, которых еще надо было вытеснить. <...> ...начался один из самых страшных периодов в истории Штутгофа. Война была невообразимо кровопролитной, ожесточенной и подлой. Бандиты убивали друг друга

на работе, умерщвляли в больнице или подкупали врачей, чтобы те умертвили того или иного заключенного; выдавали соперников гестапо...

Война продолжалась около полугода, а эсэсовцы потешались, наблюдая за ней. Обе враждующие стороны доказывали свое право на жизнь, ступая по трупам заключенных. Каждая рабочая команда отправлялась утром на работу с несколькими телегами, на которых вечером привозила трупы. Наибольшего расположения эсэсовцев добивался тот капо, который привозил больше трупов. Каждый староста блока тоже старался уложить побольше трупов у входа в барак перед утренней поверкой.

«Зеленые» победили, но дорогой ценой. От пятисот к концу войны осталось лишь сто пятьдесят человек.

«Зеленые» могли наслаждаться плодами своей победы. Но они все время боялись. Боялись, что их свергнут. Болели всевозможными сексуальными расстройствами, страдали от психозов. Они были почти душевнобольными [54, с. 91-93].

Р. ДЖЕКсон:

Заключенных принуждали казнить друг друга. В 1942 году им выплачивалось по пяти германских марок за каждую казнь, но 27 июня 1942 года генерал СС Глюке приказал... сократить этот гонорар до трех сигарет.

<...>

11 августа 1942 г. Гиммлер направил приказ... о том, что «только германским заключенным разрешается избивать других германских заключенных» [3, т. 1, с. 128].

Т. БОРОВСКИЙ *(возвращение узников с внешних работ в лагерь)*:

Как-то мы шли командами к лагерю. В такт идущим шеренгам играл оркестр. У ворот задержались... Десять тысяч мужчин. И тут проехали грузовики, полные нагих женщин. Женщины протягивали руки и кричали:

- Спасите! Едем в газ! Спасите нас!

И проехали рядом с нами при полном молчании десяти тысяч мужчин. Ни один не дрогнул, ни одна рука не поднялась.

Ибо живые всегда правы перед мертвыми [76, с. 102].

М. НИЛЬСЕН:

В феврале сорок второго года в Штутгоф прибыло фазу семьсот или восемьсот польских и русских детей. Им было от десяти до пятнадцати лет. Почти все они погибли за несколько

недель. Их убивали, они надрывались, умирали от непосильной работы, гибли от голода, гнили физически и морально. Но самое страшное ожидало тех, кто не умер. Как правило, уголовники превращали их в «мальчиков для радости». И что хуже всего, эсэсовцы и уголовники, потехи ради, дрессировали этих ребят, как дрессируют легавых собак. Негодяи натравливали их на больных и умирающих, и те, как стая волков, набрасывались на свои жертвы, отнимали у них еду, обувь, одежду [54, с. 119-120].

Из отчета командира полицейской роты, истребившей евреев в гетто г. Пинска:

...значительное количество лиц находится в малом пространстве подполья. Такие места следует взламывать снаружи или направлять туда служебных собак (в Пинске замечательно оправдала себя при этом служебная собака «Аста»)...

Рекомендуем привлекать малолетних к указанию этих укрытий, обещая им за это жизнь. Этот метод хорошо оправдал себя [3, т. 1, с. 850].

Воспитание малолетних - бесспорно, интересный вопрос. Но еще поучительней включение в педагогическую систему животных. Кинологи, внимание!

В. ГРОССМАН (концлагерь Трешлинка, путь в газовые камеры):

...эсэсовцы спускали натренированных собак, которые кидались в толпу и рвали зубами голые тела обреченных.

...появлялся один из комендантов Трешлинка, Курт Франц, ведя на поводку свою собаку Бари. Хозяин специально натренировал ее: бросаться на обреченных, вырывать им половые органы [83, с. 32-33].

Досадные, впрочем, случались промашки...

А. СУЦКЕВЕР (оккупированный Вильнюс):

Гестаповец] Швейхенберг начал стрелять в население гетто. Около него... стояла большая собака. И когда эта собака услышала стрельбу, она наскочила на Швейхенберга и начала грызть ему горло, как будто бы она взбесилась. Тогда Швейхенберг убил эту собаку и сказал, чтобы евреи похоронили эту собаку и плакали над гробом. Да, действительно, мы тогда плакали... [3, т. 1, с. 854].

Зато homo sapiens не плошал.

И. ЭРЕНБУРГ:

Один из узников рижского гетто писал в своих записках, что в том же бараке находился известный историк С.М. Дубнов, которому тогда исполнился семьдесят один год. Среди комендантов гетто был Зиберт, человек, когда-то учившийся в Гейдельбергском университете. Дубнов читал в Гейдельберге... лекции по истории Древнего Востока. Зиберт, узнав, что в гетто находится его бывший учитель, пришел к нему и долго смеялся: «В молодости я был настолько глуп, что ходил на ваши лекции. Какой вздор вы нам рассказывали! Хотели, чтобы мы размякли и поверили в торжество гуманизма. Смешно!». Зиберт не отказал себе в удовольствии лично присутствовать при убийстве Дубнова... [14, т. 9, с. 411-412].

Из дневника д-ра КРЕМЕРА, слушателя школы пропагандистов по вопросам расовой гигиены:

20.6.1943. ...выехал в Государственную школу расово-политического управления в Потсдаме-Бабельсберге... ...призвано около 50 участников из всех частей Германии. Жилье и питание хорошие, умственных способностей почти не требуется. Большинство времени посвящено оздоровительным упражнениям и ничему не обязывающим беседам. Директором курсов является... зоолог... Интерес вызвали лекции бывшего католического теолога из Эйхштадта, товарища по партии Фернкорна... Во время курсов по утрам проводили небольшие пробежки по лесу; ездили также все вместе пить пиво в Никольское, проходило это в очень хорошей атмосфере, а великолепный пейзаж напоминал Россию. Ездили все вместе на экскурсию в замок Бабельсберг, припоминающий о старом императоре Вильгельме и его временах, импонирующих скромностью и простотой. Достойной внимания была прежде всего палка Вильгельма I, которую он вырезал собственноручно... [49, с. 226-227].

А. СУЦКЕВЕР (*школа вильнюсского гетто*):

С каждым днем количество детей в школе уменьшалось. За день до ликвидации из 150 ребят в школе осталось всего лишь 17. А учительница Мирра [Бернштейн] продолжала с ними занятия, читала им книгу Шолом-Алейхема о мальчике Мотл, рассказывала чудесные истории о великом мире свободы [84, с. 55].

Д. МАНУСЕВИЧ (*бывший узник Яновского концлагеря*):

...на фабрике смерти были организованы специальные 10-дневные курсы по сжиганию трупов... На курсы были присланы из лагерей Люблина, Варшавы и других... Преподавателем

курсов был комендант сжигания полковник Шаллок, который на месте, где выкапывали и сжигали трупы, рассказывал, как практически это производить, разъяснял устройство машины по размолу костей [3, т. 1, с. 519].

...Тогда, в Понарах, в конце нашей беседы, литовец порылся в портфеле и вынул оттуда книжку с колючей проволокой на обложке: - Вот здесь про наш Панеряй. Купите в Вильнюсе, в центре.

...Мы с сыном обошли книжные магазины города. Потом искали книгу по всей Литве. Книжки нигде не было. Стоял август 1976 года. Воспитание продолжалось. На земле, где давным-давно не властвуют попы...

Ж.-П. САРТР:

Сейчас [в октябре 1944 года] те евреи, которым удалось избежать смерти, возвращаются. Многие из них были в Сопротивлении, другие имеют детей в армии Леклерка. Вся Франция радуется, танцует... газеты посвящают целые колонки военнопленным и беженцам. Но скажем ли наконец о трагедии евреев?.. Ни слова, ни строки в газетах. Потому что нельзя дразнить антисемитов. Полные наилучших намерений журналисты говорят нам: «В интересах самих евреев не следует говорить о них слишком много.» [16, с. 66-67].

* * *

- Музей для воспитания очень, - говорила экскурсовод, - полезен. Надо только с умом... Вот сейчас мода на божественное. - Ее группа, учителя из области, как раз к иконам подшаркала. - Крестики, образа и тому подобное... В церкви молодежь... Может получится религиозная пропаганда. А вы - педагоги, должны объяснить ученикам как положено. Древнерусская иконопись не имеет никакого отношения к церкви, а относится к человечеству...

Под маловразумительные эти слова глядели они на доску, такую, в общем, ничего особенного... Примерно квадрат, метра полтора по диагонали. Три фигуры за столом: средняя повыше, боковые пониже. Одинаковые лица в золотых кругах, за спинами - крылья. Три ангела-близнеца. Курчавые. На столе как бы вазочка, очень простенькая. Много синего. Золотистость... Зелень... Наверху слева вроде кусок дома - крыша, окно чердачное, колонны... Еще дерево, корявое, почему-то прямо из крыла ангельского торчит. Царапины, трещины

засохшей краски, кое-где облупилось... Ну, и все... Ах, да, еще внизу, для самих скользкоглазых, табличка: «Андрей Рублев. Троица, 1422-1427 гг.».

М. АЛПАТОВ:

В библейской легенде рассказывается о том, как к древнему старцу Аврааму явилось трое странников и как он вместе со своей супругой Саррой, которой они, несмотря на ее престарелый возраст, предрекли рождение сына, угощал их под дубом Мамврийским, втайне догадываясь, что к нему явилось само божество. <...>

<...> В византийских изображениях Троицы... всегда подробно передавались все обстоятельства появления ангелов перед Авраамом и перед его супругой Саррой, почтительно угощавшими гостей роскошными яствами, ...икона Рублева носит более умозрительный характер... Рублев... изобразил Троицу под видом трех ангелов... На библейское повествование намекают лишь чаша на столе с головой тельца, дерево и палаты Авраама.

<...>

Рублеву в своей «Троице» удалось... выразить в искусстве то представление о единстве и множественности, о преобладании одного над двумя и о равенстве трех, о спокойствии и о движении, то единство противоположностей, которое в христианское учение перешло из античной философии. В его «Троице» средний ангел, как у византийцев, возвышается над боковыми... и, вместе с тем, он не господствует над ними. Все равны по размерам и по своему отношению к целому образу... Все они так похожи друг на друга, словно это одно существо среди двух его зеркальных отражений. Три естества сливаются воедино, обрамленные незримым кругом, символом единства и нераздельности мира.

<...>

«Троица» Рублева... содержит в себе несколько смыслов: буквальный, как изображение гостеприимства Авраама, пророческий, как прообраз страстей Христа (чаша - жертвенная), моральный, как призыв к дружескому единению, и, наконец, аналогический, символический, как раскрытие истинной сущности вещей. <...>

<...>

...незримое присутствие круга делает его особенно действенным. Едва проступая в очертаниях фигур, он объемлет, замыкает их, как бы дает зрительное подтверждение тому, что три существа могут, не поступаясь своей самостоятельностью, составить одно неделимое целое. Круг служит здесь выражением единства и покоя. Этот традиционный символ неба,

света и божества воздействует как незримо присутствующее, возвышенно-духовное совершенство.

...в пределах круга возникает плавное, скользящее движение. Средний ангел задумчиво склоняет голову, его душевный порыв нарушает симметрию трех фигур в верхней части иконы. Равновесие восстанавливается лишь благодаря тому, что оба подножия ангелов отодвинуты в обратную сторону. Вместе с тем, это отступление от симметрии как бы выводит все из оцепенения, заставляет контуры мягко изгибаться, одни более податливо, другие более упруго, и вносит в композицию элементы движения.

<...>

...в «Троице» есть помимо всего непостижимое уму, невыразимое словами очарование... она говорит... и о том, что в ней изображено и что выражено, и утверждает собой художественное созерцание как источник радостного ощущения цельности, порядка, гармонии, каким одаряют человека совершеннейшие произведения искусства.

В «Троице» Рублева не изображены ни васильки, ни какие-либо другие цветы, она сама подобна цветам... В ней не представлен эффект солнечных лучей... сама она излучает свет, который, как верили тогда, «прогоняет тьму».

<...>

Для времени Рублева характерна, с одной стороны, «ненавистная раздельность» и, с другой стороны, наперекор ей, потребность в объединении, в «общем согласии», с одной стороны уход из мира в пустыню, в скит, в особную келью, отшельничество, с другой - попытки устроить «общее житие» на трудовых началах и прямо служить людям, с одной стороны, постничество, «удручение плоти», с другой стороны – приятие мира, с одной стороны, мистическое исступление в поисках бога, с другой - умиротворенное обретение его в себе самом. <...> Рублев должен был постоянно сталкиваться с подобными противоречиями, и он отвечал на них своим искусством. Он был великим примирителем и этим продолжал заветы Сергия [85, с. 98-110,124,149].

П. ФЛОРЕНСКИЙ:

Нас умиляет, поражает и почти ожигает в произведении Рублева вовсе не сюжет, не число три, не чаша за столом и не крила, а внезапно сдернутая перед нами завеса ноуменального мира... Среди мятущихся обстоятельств времени, среди раздоров, междоусобных распрей, всеобщего одичания и татарских набегов, среди этого глубокого безмирия, растлившего Русь, открылся духовному взору бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир... Вражде и

ненависти... противопоставилась взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном Единстве сфер горних. Вот этот-то неизъяснимый мир, струющийся широким потоком прямо в душу созерцающего от Троицы Рублева, эту ничему в мире не равную лазурь - более небесную, чем само земное небо... эту невыразимую грацию взаимных склонений, эту премирную тишину безглагольности, эту бесконечную друг перед другом покорность - мы считаем творческим содержанием Троицы. Человеческая культура, представленная палатами, мир жизни - деревом, и земля - скалою, - все мало и ничтожно перед этим общением неиссякаемой бесконечной любви: всё - лишь около нее и для нее, ибо она - своей голубизною, музыкой своей красоты, своим пребыванием выше пола, выше возраста, выше всех земных определений и разделений - есть само небо, есть сама безусловная реальность, есть то истинно лучшее, что выше всего сущего. Андрей Рублев воплотил столь же непостижимое, сколь и кристально твердое и непоколебимо верное видение мира [43, с. 19-20].

ПАВЕЛ (*апостол христианства*):

...любовь есть исполнение закона [*Послание к Римлянам*, 13:10; 2, с. 1240].

<...>

...пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше [*1 Послание к коринфянам*, 13:13; 2, с. 1256].

- Стоп, - говорят ученые со своими компьютерами [31, с. 165], - вот это, коринфянам, - не Павла, это приписано позднее. А Павел, он, видите ли...

* * *

ФОБИЯ. Кадры

Вожди

Греческий еврей Саул (Савл), римский гражданин Павел, выученик раввина Гамалиила, внука Гиллеля, творец христианской религии - жизнь этого человека, простроченная нитью «Иудея-Греция-Рим», показательно подобна пути христианства и самому его названию, где еврейское «мессия» («машиах»), переведенное греческим «Христос», вошло в обиход латинским словом «христианус» («христианин») [29, с. 235].

ПАВЕЛ (*Деяния апостолов, 22:3-7, 17-21*):

...я - иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе... Я даже до смерти гнал *последователей* сего [христианского] учения, связывая и предавая в темницу и мужчин и женщин... и письма взяв к братьям, живущим в Дамаске, я шел, чтобы тамошних [христиан] привести в оковах в Иерусалим на истязание. Когда же я был в пути... вдруг осиял меня великий свет с неба. Я упал на землю и услышал голос, говоривший мне: Савл, Савл! Что ты гонишь меня?... <...> Когда же я возвратился в Иерусалим и молился в храме, пришел я в исступление. И увидел Его... и Он сказал мне: иди, Я пошлю тебя далеко к язычникам [2, с. 1195].

3. КОСИДОВСКИЙ:

[Павел] был фарисей, а фарисеи... верили... в воскресение и приход предсказанного пророками мессии. От веры в мессию до убеждения, что Иисус и есть мессия, был всего один шаг. <...> ...это был не случайный выбор, а необходимость, вытекающая из его внутренних склонностей и феноменальной цепкости ума. [Эти] события приходятся примерно на 35-36 годы.

<...>

...эпоха непрерывных войн, экономических кризисов, падения стоимости денег и эпидемий голода [30, с. 98,242].

Свирепость римского заката. Как тут не соблазняться утешением христианской общины? Здесь изгой империи, любому: еврейское милосердие на земле и христианский рай на небе - только веруй в Иисуса, веруй смиренно и безоглядно, не по-еврейски веруй.

А Савл, по словам позднейших христианских исследователей был «еврей из евреев» [ФАРРАР, 29, с. 16], «отличался тем неукротимым фанатизмом, который характеризует палестинских евреев» [РЕНАН, 86, с. 154]. И он яростно воевал с отступниками, пока не сообразил, что христианский дух братской солидарности - спасение угнетенных. Сочтя этот дух божественным, Савл обратился в Павла, но по еврейской своей диалектике увязал новую мистику с точным политическим расчетом. Война с Римом, он понимал, самоубийственна, и Павел «решил проповедовать спиритуалистический мессианизм. <...> Он переместил царство божие из этого мира в загробный» [РОБЕРТСОН, 31, с. 150]. Кесарево оставалось кесарю, но для этого пришлось раздвоить иудаистского единого Бога на Бога-Отца и царящего на небе

Бога-Сына, Иисуса. «Естественно, раввины отвернулись от него [Павла] с гневом и презрением [ФАСТ, 27, с. 148]. Тогда «Павел отправился к массам и стал говорить их языком» [РОБЕРТСОН, 31, с. 150].

Г. ФАСТ:

Евреи верили, что человек добр, жизнь добра, Бог добр - вера, которая пронизывала еврейское существование и позволяла пережить все беды и гонения... <.,.> Исходя из логики своей религии, евреи стали противниками насилия, и последователи Иисуса исповедовали любовь и мир не потому, что они были христианами, а потому, что они были евреями.

Павел проповедовал фактически совершенно другую религию. В то время, как рабби Гиллель верил, что главная и истинная заповедь Бога это «люби ближнего, как самого себя», Павел проповедовал, что только вера в Иисуса, слепая или какая угодно, может дать человеку спасение...

Павел считал человека изначально дурным (исходя из первородного греха Адама и Евы). Павел проповедовал, что естественные здоровые желания плоти греховны, грязны, внушены дьяволом...

<...>

Павел осудил поиски смысла (логос Филона) как «безрассудство» и утвердил мировоззрение, основанное на метафизике и суеверии.

Павел назвал евреев «сосудами гнева, предназначенными для уничтожения» и тем самым наполнил христианскую религию ее неистовой манией - ненавидеть и уничтожать евреев...

Павел начал разрушение фарисейской концепции всеобщей терпимости, выраженной в кратком правиле Гиллеля: «Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы они сделали тебе», ...это правило было поставлено с ног на голову Павлом, прочитавшим его как «Делай другим так, как ты хочешь, чтобы они делали тебе», что стало христианским мерилom справедливости и оправданием насильственного крещения [27, с. 143-144].

3. КОСИДОВСКИЙ:

Павел ратовал за универсальный характер новой религии. Он хотел облегчить язычникам принятие ее, ликвидируя необходимость подчиняться бесконечным ритуальным правилам иудаизма, и прежде всего обряду обрезания.

<...>

Павел был не только религиозным идеологом, но и трезвым практиком, основателем многих очагов христианства. [Первоначальная] структура общины, основанная на общности имущества... лишь отталкивала прозелитов из ремесленных, купеческих и чиновничьих кругов, в которых Павел был очень заинтересован.

[Кроме того] у него был... классовый подход к вопросу. Павел вырос в богатой семье. ...идея бедности и общности имущества была Павлу совершенно чужда. <...>

Та же конформистская тенденция выступает у Павла в его отношении к власти и государству, ...с... гордостью он подчеркивал, что он римский гражданин, и... охотно пользовался привилегиями... этого звания [30, с. 93,125,126].

ПАВЕЛ (*Послание к Римлянам, 13:1*):

...нет власти не от Бога [2, с. 1240]

ПАВЕЛ (*Послание к Ефессянам, 6:5*):

Рабы, повинуйтесь господам своим... [2, с. 1284].

3. КОСИДОВСКИЙ:

Поддерживая... могущество Римской империи и его основанный на рабстве социальный строй, Павел, с одной стороны, облегчил христианству... шествие к окончательной победе и превращению в официальную государственную религию, но, с другой стороны, отошел от учения Иисуса... от всего того, что было в нем протестом против несправедливостей жизни. Он во всех отношениях сильно, так сказать, сдвинулся вправо [30, с. 128-129].

Э. РЕНАН:

Ясно, к какому полному разрыву с иудейством пришло христианство в руках Павла. Иисус так далеко не заходил. <...> ...у Иисуса поэзия, чувство, образы, слог по существу своему еврейские. Он по прямой линии происходит от Исаяи, псалмопевцев, пророков... [86, с. 198-199].

ИИСУС (*Евангелие от Матфея, 15:24*):

Я послан только к погибшим овцам дома Израилева [2, с. 1031].

ПАВЕЛ (*Послание к Галатам, 1:15-16*):

...Бог... благоволил... чтобы я благовествовал Его язычникам [2.С.1273].

Ф.В. ФАРРАР:

Он... был побит камнями простыми провинциалами Листры, был бит римскими колонистами в Филиппах, преследуем греческой толпой в Ефесе, схвачен расвирепевшими иудеями в Коринфе, оскорблен и оклеветан фарисейскими учителями в Иерусалиме. <...> ...все тяжкие заботы, утомление и бессонные ночи, среди трудов и опасностей, не спасли его от холода и наготы, и постоянного голода... ..постоянно бичуемый, оскорбляемый, встречаясь с дурным обращением и в то же время страдая от неоднократных приступов болезни и тоски... - апостол, однако, находил время для путешествий с целью основания и утверждения церквей и для написания... посланий, привлекавших внимание тысяч передовых умов в течение девятнадцати столетий, после того, как сам он был положен в неизвестную могилу, ...в самое время очевидного успеха он действовал среди глупости, слабости, позора... бездомный, преследуемый, оклеветанный, сделавшийся как бы сором или прахом для мира. ...его жизнь была постоянно приговорена к смерти; рассказ о ней - это надпись на кресте [29, с. 519-521].

3. КОСИДОВСКИЙ:

Павел был маленького роста, кривоногий, почти совсем лысый, с густыми бровями и крупным крючковатым носом.

<...>

...подвижный некрасивый еврей с горячечными мыслями, вечно мечущийся между эмоциональными крайностями. По отношению к противникам он бывал высокомерен и язвитель, а иногда воспламенялся гневом и проявлял попросту шокирующий фанатизм...

<...>

Зато к единоверцам, которые были ему послушны, Павел относился буквально с отеческой любовью [30, с. 130,133].

Ф.В. ФАРРАР:

Он одинаково способен был говорить с культурными и чувственными греками, как и с... иудейскими фарисеями [19, с. 545].

Г. ФАСТ:

Павел имел гигантский успех - в действительности, он самый удачливый из проповедников и миссионеров всех времен - благодаря его блестящему уму, огромной энергии и творчеству родилось христианство. Сотням и тысячам мужчин и женщин... он дал то, что он назвал

новым иудаизмом, легкий быстрый пуп. ко всему, о чем они мечтали. И... они ухватились за то, что он им предложил.

И вместе со всем тем, что он дал язычникам, Павел дал им удивительное дополнение - поистине нововведение. Впервые в истории человечества религия была построена на фундаменте ненависти, на освященном подстрекательстве к убийству и разрушению, названном антисемитизмом. Павел не изобретал антисемитизма. Он был стар, как сами евреи, и базой его были зависть и негодование из-за того, что выглядело еврейским превосходством... <...> Антисемитизм Павла был чем-то существенно иным: он был идеологическим и религиозным; он был вплетен в ту метафизическую ткань, которую соткал Павел.

Павел не проповедовал фантастического обвинения, будто евреи убили Иисуса... <...> [Но] он заложил основы того, что обрекло его собственный народ, народ Иисуса, на кошмар, длящийся почти две тысячи лет...

Конечно, Павел не знал этого. Он только знал, что те, кого он более всего любил и ценил, отвергли его, и поскольку они отвергли его, он в свою очередь отвергал и ненавидел их [27, с. 149-150].

ПАВЕЛ (*незадолго до смерти; Послание к Римлянам, 9:3*):

Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть, израильтян... [2, с. 1235].

Э. РЕНАН:

Что же такое Павел?... Господствующей чертой его характера не была доброта. Он был горд, суров, резок; ...он считал себя безусловно правым... ссорился с разными людьми. Не был он и ученым; можно даже сказать, что он много повредил науке своим парадоксальным презрением к разуму... И поэтому он не был. Писания его не очаровывают: форма их сурова и почти всегда лишена изящества. <...>

Он был выдающимся человеком дела... энтузиастом, завоевателем, миссионером, пропагандистом, тем более пылким, что сперва фанатизм его был направлен в прямо противоположную сторону.

<...>

Писание Павла было... причиной главных недостатков христианского богословия. Павел - отец хитроумного Августина, сурового Фомы Аквинского... свирепого богословия, осуждающего и предрекающего гибель [86, с. 241-242].

С. ЛОЗИНСКИЙ:

Первым Великим инквизитором был *Томас Торквемада*.

Еще юношей, поступивши в монастырь... Томас приобрел большую известность в Кастилии благодаря своему суровому образу жизни, непреклонному характеру, строгому благочестию и необыкновенному красноречию. <...> ...он... отказывался от всяких титулов и почестей, предпочитая оставаться простым проповедником-доминиканцем... Лишь в 1459 г., т.е. 39 лет отроду, Торквемада согласился, наконец, принять звание priora в монастыре св. Креста в Сеговии - с этого момента собственно и началась карьера этого необыкновенного человека, так как обитель эта была излюбленным местом паломничества всей кастильской аристократии, не исключая и королевской семьи... Томас... вскоре был назначен духовником инфанты Изабеллы, будущей королевы.

При вступлении Изабеллы на престол Торквемада, казалось, попрежнему оставался чужд всякого честолюбия, отказываясь от архиепископского звания и кардинальской шляпы. Это особенно выделяло его из массы жадного к почестям и титулам испанского духовенства... Однако под личиной скромности Торквемада таил смелый план: он опасался, как бы быстрое повышение по ступеням обычной церковной карьеры не нанесло удара задуманному им делу. <...> Торквемада... рассчитывал стать выше епископов... чтобы самостоятельно вести дело борьбы с ересью и неверием, ...он считал инквизиционные трибуналы тем магическим орудием, которое лишь одно способно с корнем вырвать жало ереси и нечестия.

<...> Торквемада попал в число тех семи инквизиторов, которые были впервые назначены папой Сикстом IV для борьбы с неверием в Испании. В качестве инквизитора Томас обнаружил необыкновенные организаторские способности, удивительную выдержку, не знавшую границ жестокость и поражавшее всех хладнокровие... никакой грешник не мог рассчитывать на снисхождение или милосердие, раз в судебном трибунале заседал Торквемада. ...одновременно с этими качествами Томас отличался глубокой преданностью царской семье...

С получением звания Великого инквизитора... прежний аскет, не евший никогда мяса и не носивший иного платья, кроме простой доминиканской рясы, стал жить в богатых хоромах, окруженный многочисленной челядью; в его распоряжении находилось 250 вооруженных

пехотинцев и 50 кавалеристов. <...> Бывший бессребренник... не брезгал теперь, несмотря на запрет доминиканского ордена обладать какой-либо собственностью, богатствами осужденных грешников и копил огромные суммы денег... Он далеко не был лишен человеческих слабостей, и непреклонность его натуры выражалась в суровости по отношению к другим, а не к собственной личности [8, с. 68-71].

114 511 человек осудили трибуналы Торквемады. Он умер в 1498 году, а пламя, снижаясь, унялось только в 1826-м, когда в Валенсии инквизиторы в последний раз сожгли еврея [8, с. 265].

Сто лет без костров - похолодало в Фобии. И новые включились печи.

ГИТЛЕР:

Мы хотим произвести отбор слоя новых господ, чуждого морали жалости, слоя, который будет сознавать, что он имеет право на основе своей лучшей расы господствовать... над широкой массой [3, т. 1, с. 255].

Из книги «Освенцим глазами СС»:

ЭЙХМАН Адольф, оберштурмбанфюрер [подполковник] СС (род. 19.3.1906 г.).

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 899895) и СС (№ 45326). В сентябре 1933 г. начал свою службу в СС и через год был переведен... в штаб рейсхфюрера СС Гимmlера, в главное управление имперской безопасности (РСХА). <...> В 1937 г. он отвечал за эмиграцию евреев из Германии. В 1938 г. после аннексии Австрии он был откомандирован в Вену на пост начальника центрального управления по делам эмиграции евреев. После захвата Гитлером Чехословакии Эйхман, как специалист по делам эмиграции евреев, был послан туда во второй половине 1939 г. <...> В середине 1941 г. гитлеровское руководство решило приступить к... «окончательному решению еврейского вопроса». Организация этого мероприятия была поручена... реферату "IV В4", руководимому Эйхманом [49, с. 295-296].

ЭЙХМАН:

...я был несказанно рад, так как меня увлекала эта проблема, ...моему шефу - Гейдриху - я обязан тем, что мне были предоставлены широкие возможности для ознакомления с богословием, которое я изучал на протяжении двух лет. Это он послал меня на Ближний

Восток, что больше всего помогло мне в пополнении моих знаний. Я изучил, хотя и неважно, древнееврейский язык [48, № 8, с. 115].

По 3. ЭЙНШТЕЙНУ и Г. ХАУЗНЕРУ:

Кривоногий, среднего роста, худощавый и светловолосый... По характеру – педантичный чиновник, ждущий указаний сверху. После каждого разговора он составлял официальную записку. Всегда норовил спрятаться за спину начальства. В 1934 г. его привлекли в качестве второстепенного служащего к составлению одной из гестаповских картотек. Он сам печатал карточки на пишущей машинке – без помарок...

В 1939 г. Эйхману была выдана нижеследующая характеристика:

«... Расовый тип: нордически-динарский»

Личные особенности: самоуверен

Поведение на службе и вне ее: безупречно корректен...»

Из рассказа свидетеля:

«... в то время я жил в Праге. <...> Я пошел на собрание, на котором выступал Эйхман. <...> Один из организаторов собрания представил меня Эйхману в качестве «влиятельного члена еврейской общины»...

Прошло много лет. Однажды утром в 1943 году я услышал шум на улице... Перед домом стояла машина, около которой суеилось множество немцев в форме СС. <...> Через минуту раздался стук в дверь. Там стоял эсэсовец, он схватил меня за руку и потащил на улицу.

<...> В кабине, развалившись, сидел сравнительно молодой офицер...

- Кажется, вы меня не узнаете... влиятельный еврей! - сказал он. Я признался, что забыл его имя... Офицер... приказал эсэсовцу забрать меня... Мне сказали, что офицера зовут Адольф Эйхман.

Примерно через полчаса мы подъехали к большому зданию... Я очутился в громадном зале. Это был кабинет Эйхмана. Эйхман сидел за гигантским письменным столом красного дерева, позади него на стене висел большой портрет Гитлера. У каждой двери в зале стояло по два солдата, кроме того перед Эйхманом толпилось множество эсэсовцев...

Эйхман крикнул что-то конвойному. Дверь распахнулась, пятеро солдат ввели двух мальчиков. Одному было лет тринадцать, другому лет восемь. Из другой двери появился еще

один солдат с плачущим восьмимесячным ребенком. Видно было, что детей долго морили голодом».

«...Материальное положение: удовлетворительное

Отношение к семейным обязанностям: хорошее...»

«...- С сегодняшнего дня вы меня будете помнить, - сказал Эйхман, обращаясь ко мне.

Потом он приказал ээсовцу «прочитать еврею лекцию».

Я не имел понятия, в чем провинились мальчики, только потом я узнал, что они бросились на ээсовца, избивавшего прикладом старуху.

Дети молча ждали решения своей судьбы. Ээсовец вынул изо рта сигарету и подошел к восьмилетнему мальчику. Два других ээсовца схватили несчастного и положили его руку на стол.

Ээсовец прижал горящую сигарету к руке мальчика, в комнате запахло горелым мясом. Мальчик закричал, но садист продолжал вдавливать сигарету в его руку. Мальчик отчаянно вертел головой, лицо его свело от боли. Минуты через три он потерял сознание. <...> Кто-то из солдат вынес мальчика.

Второй мальчик пытался вырваться из рук охранника, но тот держал его крепко. Один из ээсовцев включил на столе Эйхмана электрическую настольную зажигалку и поднес к ней длинную иглу. Он держал иглу над зажигалкой до тех пор, пока она не раскалилась. Затем он подошел к старшему мальчику и воткнул ему иглу в глаз. Мальчик не потерял сознания, крики несчастного были слышны даже после того, как ээсовцы увели его из комнаты.

Эйхман с довольной улыбкой откинулся на спинку большого кожаного кресла».

«...Черты характера: весьма активен, общителен, целеустремлен; обладает сильной волей твердостью; восприятие - острое, сообразительность - отличная.

Знание и образование: отличные, особенно в специальных областях...»

«...- Да, теперь вы меня не забудете, - произнес он негромко. - <...> Евреи - бич человечества. Их нужно уничтожить. А единственный способ их уничтожить - это истребить молодежь... Старики погибнут сами».

«Особые достоинства и способности: умеет вести переговоры, хороший организатор...»

Когда метод расстрела, - говорит ХАУЗНЕР, - был признан неудовлетворительным, возникла идея истреблять евреев газом. Первые опыты провел Глобоцник в Польше. Убедившись в эффективности нового метода, Эйхман лично съездил к Глобоцнику и сообщил ему, что его эксперименты будут отныне использованы в широком масштабе. Вместе с Гессом Эйхман выбрал подходящее место для строительства газовых установок в Освенциме и посетил также лагеря смерти в Трешлинке и Хелмно, чтобы проверить их работоспособность. Он был доволен новым методом... Он и его подчиненные занялись заготовкой газа синильной кислоты.

В начале 1945 года, незадолго до окончания войны, Эйхман еще проектировал истребление остатка евреев в газовых камерах Терезиенштадта, которые предполагалось устроить там по его инициативе, - хотя к тому времени в других местах они уже перестали действовать.

«... Особые недостатки и слабости: нет...»

«... Эйхман кивком подозвал к себе еще кого-то из эсэсовцев и показал ему на плачущего младенца. Эсэсовец подошел к ребенку, нерешительно взглянул на него и, запинаясь, пробормотал:

- Мне очень жаль... Но я не могу... Ведь он еще совсем маленький...

Лицо Эйхмана побагровело от ярости:

- <...> Я дам вам урок: нельзя быть таким мягкотелым - ведь в конце концов речь идет о еврейском ребенке. - Он встал с кресла, вынул из кобуры пистолет и с улыбкой направился к ребенку. Потом он повернулся ко мне и сказал: - Смотрите внимательно... Теперь вы меня никогда не забудете, влиятельный еврей. - Он прижал дуло к голове ребенка и... спустил курок. - Вот как нужно делать такие вещи. - После этого он обратился к провинившемуся эсэсовцу. - А теперь идите к своему начальнику. Я дам вам такую работу, от которой ваши нервы придут в порядок».

«... Мировоззрение:

а) Степень убежденности: глубокая.

б) Ораторские данные: отличные.

в) Отношение к национал-социалистической идеологии:

принимает безоговорочно.

<...> Имеет все данные для роста.»

« <...> Пистолет был так близко от головы ребенка, что капли крови попали на дуло.

Эйхман... бросил пистолет стоявшему рядом эсэсовцу.

- Почистите, - сказал он и добавил, указывая на пол, залитый кровью. - Пусть уберут эту гадость. - Потом он повернулся ко мне и сказал: - Мясо этого ребенка бросят моим псам, а кости будут перемолоты и использованы на мыло и удобрения».

«...Общий вывод: великолепный и энергичный работник, обладающий большими способностями для руководящих должностей в специальной области, особенно ценен как организатор... В своей области признанный авторитет...»

«Вырвавшись из рук охранников, я бросился на Эйхмана. Ловко отскочив, он схватил второй пистолет, лежавший на письменном столе, и ударил меня по голове».

«...имеет спортивные значки СА, имперскую спортивную грамоту».

«Меня втокнули в машину и привезли в Освенцим.

- Добро пожаловать на вашу новую родину, - насмешливо приветствовал меня эсэсовец. - Здесь вы не будете одиноким... Ваши жена и дети прибыли уже час назад.

...он сказал правду, ...моя жена, сын и дочь были сожжены в крематории Освенцима [5, с. 151; 87,1962, № 12, с. 223-224,232-233].

ЭЙХМАН:

В Освенциме Гесс показал мне все, и в заключение - ров, где... лежали трупы удушенных евреев; их затем обливали легковоспламеняющейся жидкостью и поджигали - они жарились словно жаркое... [48, № 9, с. 124].

ВИСЛИЦЕНИ (*сотрудник и приятель Эйхмана*):

...я видел Эйхмана в конце февраля 1945 года... Он сказал тогда, что если война будет проиграна, то он покончит жизнь самоубийством. <...> Он сказал, что он с улыбкой прыгнет в могилу, так как он с особым удовлетворением сознает, что на его совести около 5 млн. человек [3, т. 1, с. 848].

Из книги «Освенцим глазами СС»:

Эйхман... после капитуляции Германии скрывался..... ему удалось выехать в Италию и на Ближний Восток, а оттуда в Аргентину. 11 мая 1960 года он был схвачен в Буэнос-Айресе членами... организации Израиля, которая давно разыскивала Эйхмана и тайком перевезла в Иерусалим. Там состоялся судебный процесс над Эйхманом, он длился с 11 апреля по 15 декабря 1961 г. [49, с. 296].

ЭЙХМАН (в 1961 г., на судебном процессе):

Я считаю уничтожение евреев одним из наичудовищнейших злодейств в истории человечества [88, с. 273].

ЭЙХМАН (в 1957 г., на свободе):

...если бы из 10,3 миллиона евреев было убито 10,3 миллиона, то я был бы счастлив [48, № 8, с. 116].

ЭЙХМАН (в 1961 г.):

...группа людей, к которой я принадлежал, отдавала приказы. Она заслуживает, по моему мнению, наказания за чудовищные преступления, за страдания жертв. Такой жертвой являюсь я [88, с. 338].

ЭЙХМАН (в 1957 г.):

...я не чувствую вины, так как для меня... было первейшей обязанностью выполнить свой долг перед народом и отчизной [48, № 10, с. 122].

ЭЙХМАН (в 1961 г.):

Я прошу прощения у еврейского народа... я чувствую стыд, когда вспоминаю ущерб, нанесенный евреям, и преступления, совершенные против них [88, с. 339].

Из книги «Освенцим глазами СС»:

Эйхман был приговорен к смерти через повешение... Труп Эйхмана был сожжен, а пепел рассыпан в открытом море [49, с. 296].

МЮЛЛЕР (начальник гестапо, шеф Эйхмана):

Если бы у нас было 50 Эйхманов, мы наверняка выиграли бы войну [48, №8, с.115].

Сподвижники

А. РУДНИЦКИЙ:

«Старик», «король Хаим Первый», «кайзер» - по-разному его называли в гетто. <...> Сразу после захвата Лодзи в 1939 году немцы, собрав [еврейскую] общину, назначают семидесятилетнего старика ее руководителем. <...> До войны он был мелким фабрикантом, правым сионистом, филантропом. Происходил, по-видимому, из Литвы... по-польски говорил не очень хорошо, по-немецки - не лучше.

После назначения в старика словно другой дух вселился. Он становится диктатором ста шестидесяти тысяч людей, скученных в самом грязном, самом нищенском районе... Его портреты висят в школах, учреждениях, магазинах. Дети пишут ему льстивые послания, то же делают и взрослые. Открытие каждого нового места работы начинается с традиционной формулы, что своим основанием оно обязано Румковскому. Он посещает школы и фабрики, позирует среди детей, добивается славы их благодетеля, появляется на свадьбах и благословляет новобрачных. Открывает общественные кухни, за счет кухонь и подачек обеспечивает себе поддержку политических группировок. Отдавая предпочтение одной кухне перед другой, он разжигает соперничество, разделяя людей, укрепляя себя. Это ему удается без труда: лодзинским гетто правит единственный бог - картофель. Уже даже не хлеб, хлеб слишком дорог, а картофель, его шелуха становятся рыночным товаром. <...> Румковский собирает специалистов... Его приближенные берут в тиски все, что живет и движется в гетто. Возникает государство в государстве, фашистское государство в миниатюре и карикатуре. Внешне благополучные организационные формы имеют сердцевину, распухшую от голода. Немецкие коммерсанты выкупили тот город и тех людей у гестапо, чтобы выжать из них все за ничтожное количество брюквы и картошки. <...> Из-за голода город теряет всякую способность сопротивляться, голод убивает людей, и Румковский может делать все, что угодно. С первой минуты город предоставлен сам себе, им никто не интересуется, ни одна политическая партия снаружи не ищет контакта, никто не помогает. <...> Это место вымирает с первой минуты. Из-за отсутствия связей с внешним миром даже золото здесь как нигде теряет цену, его нельзя откусить, нельзя поменять на хлеб...

Вот такой страной правит «цезарь» Румковский... Летом он является в белой карете, зимой в черной. Женится на молоденькой девушке, устраивает родственников и друзей. Гениально понимает немцев, создает для них карикатуру их любимой системы фюрерства. ...среди

людей, опухших от голода, замерзающих насмерть... - рождается карикатурный вождь. Румковский приказывает чеканить монеты, выпускает значки со своим изображением... [56, с. 6-7].

Д. СИЕРАКОВЬЯК (*из дневника; запись о высылке в лагеря смерти детей и стариков*):

...на пожарной площади выступали Румковский и Варшавский... Они сказали, что «надо пожертвовать детьми и стариками, ничего не удалось сделать, они просят не мешать проведению выселения» [56,с.144].

А. РУДНИЦКИЙ:

Требую стариков и детей, посылая их на казнь, сохранял ли он еще иллюзию, что ему удастся кого-нибудь спасти из лодзинского гетто? Из его деятельности был только один выход: самоубийство. Он самоубийством не покончил. Летом 1944-го гетто было опустошено, и Румковский тоже поехал в Освенцим. Ганс Бибов [немецкий хозяин лодзинского гетто], который его всегда поддерживал, дал ему вагон для скота, отдельный, оборудованный... и - охранную грамоту на дорогу. С грамотой в руке Румковский появился на перроне в Освенциме. <...> Там его уже ждали его политические противники, которых в свое время он выдал немцам. По слухам, они бросили его живым в огонь [56, с. 7,10].

Как тут не вспомнить крещеного еврея Месу, который в 1481 году одарил Севилью роскошным эшафотом для сожжения маранов - вскоре сам на нем испепелился [8, с. 50].

Элита

По Ю. ЮЗОВСКОМУ:

Профессор Кенигсбергского университета Карл Клауберг прославился лечением женского бесплодия. Гиммлер предложил профессору взяться за решение обратной проблемы, имеющей исключительно важное государственное значение: массовая стерилизация славянок помогла бы освободить восточные территории рейха от славянского балласта и заселить их бодрыми арийцами.

Талант профессора блистательно развернулся в Освенциме, в блоке № 10, где проводились медицинские исследования. Экспериментальным материалом служили 20-30-летние женщины, в каждой опытной партии от двухсот до почти четырехсот человек. Те, кто не умер от боли, - превращались в старух. В 1943 году доктор медицины Клауберг обнадежил

рейхсфюрера СС: научные труды дают прекрасные результаты - скоро один врач с группой помощников сможет обесплодить за один день сотни женщин, а при сверхурочной работе - и тысячи.

Т. БОРОВСКИЙ, бывший узник Освенцима, возле блока № 10 «мимолетно видел того, кто ведет там работу: в зеленом охотничьем костюме, в тирольской шляпе с нашитыми спортивными значками, с лицом добродушного сатира» [59,1966, № 2, с. 171-172].

Думается, не меньше ласкал глаз и облик другого освенцимского интеллигента, профессора Мюнстерского университета Иоганна Кремера.

23 марта 1942 года на доктора Кремера обрушилась трагедия: умерла его любимая канарейка Геншен (Гансик).

Из дневника д-ра КРЕМЕРА:

23.3.1942. Геншен издох в муках в 14.00. Мне было очень больно, потому что я был глубоко привязан к этому бедному, маленькому и всегда веселому товарищу. Кремация...

4.8.1942. Сегодня под проливным дождем два часа я стоял за двумя селедками...

29.8.1942. Откомандирование... в концентрационный лагерь Аушвиц [Освенцим]...

30.8.1942. Прибыл в Аушвиц в 17.36. В лагере карантин из-за многочисленных заразных болезней...

31.8.1942. Климат тропический, 28° в тени, пыль и тучи мух. Казино снабжено превосходно. Сегодня вечером, например, была острая печенка за 0,40 м, к тому же фаршированные помидоры... Вода заразная, поэтому пью минеральную воду, которую выдают бесплатно...

2.9.1942. В 3 часа утра я первый раз лично участвовал в специальной операции. [В этот день в лагерь было привезено... 957 евреев, из которых только 12 мужчин и 27 женщин осталось в лагере, остальные погибли в газовых камерах. - *Примечание редакторов дневника Кремера*]. В сравнении с ней ад Данте показался мне почти комедией...

20.9.1942. ...слушал концерт капеллы узников, была великолепная солнечная погода; капельмейстер является дирижером государственной варшавской оперы. 80 музыкантов. На обед была свинина, вечером жареный линь.

7.10.1942. Я присутствовал при девятой специальной операции [...были привезены евреи; в лагерь было направлено... 40 мужчин и 58 женщин. Остальные (общее количество неизвестно) были уничтожены газом. - *Примечание редакторов*].

11.10.1942. ...на обед был кролик - большая толстая ножка – с галушками и красная капуста за 1,25 марки.

12.10.1942. ...присутствовал на еще одной специальной акции... (1600 человек). Ужасающая сцена перед последним бункером!..

14.10.1942. Получил из Берлина защитный плащ (52 размер), цена 50 марок.

15.10.1942. Взял абсолютно свежий материал из печени, селезенки и поджелудочной железы от желтушечного больного...

18.10.1942. ...присутствовал при одиннадцатой специальной операции; холодная влажная погода... Отвратительная сцена с тремя женщинами, просившими не убивать их.

19.10.1942. Поехал... купить погоны для защитного плаща...

31.10.1942. Почти 17 дней чудесной осенней погоды, вызывающей желание принимать солнечные ванны в саду дома войск СС...

13.11.1942. Сегодня взял очень свежий материал (печень, селезенка и поджелудочная железа) из трупа заранее сфотографированного очень атрофичного еврейского узника...(номер узника 68030).

14.11.1942. ...концерт в клубе (великолепный!). Особенное удовольствие доставили танцевавшие собаки, два петуха-лилипута, кипятившиеся по команде, запакованный человек и группа велосипедистов.

15.11.1942. До обеда присутствовал при наказании.

16.11.1942. Послал Мии и Гретхен посылку с мылом (около 12 фунтов) с указанием стоимости в 300 марок [49, с. 197-217].

Рядовые будни Иоганна Пауля Кремера, доктора медицины и философии...

А вот корифей промышленности смерти...

А. ПОЛТОРАК:

...под его руководством было уничтожено около трех миллионов человек. <...> Это, наверно, столько, сколько уголовные преступники во всех странах мира не убили за многовековую историю человечества [52, с. 405].

Ю. ЮЗОВСКИЙ:

Он был хорошим семьянином, любящим мужем и заботливым отцом. О своей жене, с которой он прижил пятерых детей, он говорил с неизменным уважением... Он познакомился с ней в 1929 году в Союзе молодежи, среди юношей и девушек, которые предпочитали

«развращающей» жизни города «здоровую, трудную, но естественную жизнь в деревне» [в кавычках собственные слова героя], они «чуждались алкоголя, и никотина, и вообще всего того, что мешает здоровому развитию духа и тела». В своей будущей жене он, по его словам, нашел женщину, о которой «мечтал», и был с ней счастлив: «...между нами царил внутренняя гармония»... Он... вообще «всегда испытывал чувство уважения к женщине»... он не в состоянии вообразить себе «интимной близости без душевной симпатии». Был ласков со своими детьми, для каждого находил нежное слово, а младшую называл «мышкой». В предсмертном письме, обращенном к ним, он завещал им любить и почитать мать: «Любовь и забота матери есть самое прекрасное и ценное из всего, что только существует на земле». Он учит детей быть честными и слушать голос сердца. <...> У себя дома он завел трудовую обстановку, придавая трудовому воспитанию решающее значение для сохранения нравственного и психического здоровья. Вместе с женой, например, они работали в поле и детей к этому приучали. После войны он намеревался бросить службу и завести деревенскую ферму; он сожалеет, что покинул сельский труд, но «увы, - добавляет он, - пути господни неисповедимы». Труд он называет «благословенным».

...палач... в прощальном письме жене спрашивает: «Как же это трагично: я, по натуре своей мягкий, добродушный и всегда отзывчивый, стал чудовищным человекоубийцей, который хладнокровно и со всей последовательностью выполнял приказ об умерщвлениях» [59, 1966, № 2, с. 175-176].

Он стал прототипом Ланга - героя книги Р. МЕРЛЯ «Смерть - мое ремесло».

ЛАНГ:

...неделю я провел в большой тревоге. Производительность Треблинки достигала пятисот единиц в сутки, а производительность Освенцима, согласно приказу, должна будет достичь трех тысяч единиц.

Меньше чем через месяц я обязан представить рейхсфюреру разработанный мною план.

<...>

Запершись в своем кабинете, я проводил там целые дни, пытаюсь сосредоточиться... Но все было тщетно... <...> ...меня охватывало чувство стыда и бессилия.

<...>

...само провидение указало мне выход. <...> ...в одной комнате я обнаружил... «Циклон Б» - остаток препарата... для дезинсектации... Это были килограммовые герметически закрытые

коробки. В них... находились зеленые кристаллы, которые при соприкосновении с воздухом сразу же превращались в газ...

У меня тотчас же родилась мысль испытать эти кристаллы. <...>

Успех опыта превзошел все ожидания. Достаточно оказалось килограммовой коробки, чтобы за десять минут уничтожить двести единиц... В Треблинке [там в камеры со смертниками закачивали выхлопные газы от грузовиков] на это ушло бы полчаса...

Я понял, что наконец решил проблему... Теперь можно отказаться от использования небольших камер по двести человек, как это делали в Треблинке. Столь ничтожные по вместимости камеры оправдывались незначительным количеством выхлопного газа, который мог подать мотор одного грузовика. <...> Теперь... можно будет сразу же подвергать обработке в одном большом помещении всех непригодных эшелона.

...я впервые по-настоящему поднялся до уровня той исторической задачи, которая выпала на мою долю.

И здесь нужно было не только быстро действовать, но и обладать широким кругозором и большим размахом... помещение должно было быть подземным, из железобетона, ...необходимо предусмотреть систему вентиляции, ...перед входом в зал сделать хорошую раздевалку...

<...>

Газовая камера должна быть связана с железнодорожной станцией. Надо подвести к ней железнодорожную ветку. <...>

Так мало-помалу у меня в голове возникала и постепенно принимала какие-то конкретные формы... мысль об огромном промышленном комбинате... Над подземными залами вставляли корпуса зданий с жилыми помещениями и столовыми для обслуживающего персонала, складом для трофейных вещей, анатомическими исследовательскими лабораториями... [89, с. 188-192].

...Зецлер попросил принять его... Вид у него был озабоченный и усталый... Я чувствовал, что он хочет сообщить мне что-то... важное... И вдруг меня охватило чувство тревоги...

- Я должен с сожалением доложить, господин штурмбанфюрер, что производительность у нас не выше, чем в Треблинке. <...> ...убивать - это чепуха. Больше всего времени отнимает захоронение.

Я заметил, что руки у меня дрожат, и спрятал их за спину.

- Удвойте количество людей в особой команде.

- ...это ничего не даст. Нельзя одновременно вытаскивать через дверь больше двух-трех трупов. Что касается людей, укладывающих трупы в ямы, то и тут нельзя превышать известного количества. Иначе они будут мешать друг другу.

- А зачем нужно, чтобы люди спускались в ямы?

- Чтобы выиграть время, надо укладывать трупы очень тщательно. Как говорит унтерштурмфюрер Пик, «как сардинки в банке». <...> И еще одно: ямы занимают очень много места.

Я сухо отрезал:

- ... В земле у нас недостатка нет.

- Это, конечно, так, господин штурмбанфюрер, но нужно иметь в виду, что по мере того, как мы будем рыть новые ямы, мы, естественно, отдалимся от газовых камер, и в конце концов перед нами встанет новая проблема - перевозка трупов, и производительность уменьшится.

<...>

...он вышел. Я сел... сжал руками голову... Грандиозный план, который я отправил рейхсфюреру, оказался пустой бумажкой. Проблема, как была, так и осталась нерешенной. Полный провал.

Последующие два дня были для меня жуткими [89, с. 196-199].

Поиски, неудачи, озарения... И - торжество вдохновения и труда.

ЛАНГ:

Времени исканий вслепую и постоянных тревог пришел конец. Отныне я мог быть спокоен за будущее...

<...>

...система рвов меня не очень привлекала. Этот способ казался мне грубым, примитивным, недостойным великой индустриальной державы. Я предпочел бы печи - это более современно. Помимо того... кремация производилась не на открытом воздухе, как в этих рвах, а в помещении, подальше от лишних глаз. <...>

...было что-то успокаивающее в самой мысли, что с того момента, как двери раздевалки захлопнутся за партией в две тысячи евреев, и до момента, когда эти евреи превратятся в пепел, вся операция будет проходить бесперебойно, в одном и том же помещении.

Углубляя эту мысль, я понял, что необходимо, как на заводе, оборудовать непрерывный конвейер, чтобы люди, подвергающиеся обработке, из раздевалки переходили в газовую камеру, а из газовой камеры сразу же подавались прямо в печи. Поскольку газовая камера будет находиться глубоко под землей, а печи - этажом выше... я решил... предусмотреть установку четырех мощных подъемников, трупов на двадцать пять каждый, ...таким образом, понадобится всего двадцать рейсов, чтобы эвакуировать из газовой камеры две тысячи трупов. Кроме того, наверху должны находиться тележки, на которые выгрузят трупы из подъемников и отвезут в печи.

<...>

Два больших крематория были закончены до срока, ...рейхсфюрер лично прибыл на их открытие.

<...>

Двенадцать дней спустя... я получил из Берлина следующее письмо: «...рейхсфюрер СС в результате посещения КЛ Освенцим 18 июля 1942 года, присваивает начальнику лагеря штурмбанфюреру СС Рудольфу Лангу звание оберштурмфюрера СС» [89, с. 206-207, 225, 227].

Настоящего Ланга звали Рудольф Гесс.

Е. РАВИЧ:

Рудольф Франц Фердинанд Гесс родился в 1900 году в семье отставного полковника... Воспитывали его сурово, в католическом духе: отец хотел, чтобы его сын стал ксендзом. Когда Гессу было 16 лет, он добровольцем пошел в армию, и во время первой мировой войны он принимал участие в боях... В 17 лет стал младшим командиром... После поражения Германии Гесс... вступил в ряды восточно-прусского добровольческого корпуса...
...в 1922 году Гесс познакомился с Гитлером и вступил в ряды национал-социалистской немецкой рабочей партии (НСДАП); номер его партийного билета 3240 останется для Гесса на всю жизнь предметом его гордости. В 1923 году Гесс... приговорен к 10 годам тюрьмы за участие в групповом убийстве... ...освобожден в 1929 году... занимается сельским хозяйством и женится. Он прожил в деревне пять лет, там же родились трое его детей (четвертый ребенок родился в Дахау, пятый - в Освенциме).

В 1934 году Гесс соглашается на предложения Гиммлера, которого знал давно, оставить сельское хозяйство и перейти на действительную службу в СС. Его посылают на переподготовку в Дахау...

В мае 1940 года Гесс был направлен в Польшу для организации концентрационного лагеря в Освенциме; он пребывал там до ноября 1943 года. Позже... его переводят в Берлин, на пост шефа управления Д1 в инспекторате концентрационных лагерей... Будучи уже на этой работе, он возвращается в Освенцим для проведения так называемой «Акции Гесс», т.е. массового уничтожения венгерских евреев...

После капитуляции Германии Гесс скрывается под фамилией боцмана Франца Ланга, работает на ферме... ..распознан и арестован 11 февраля 1946 года. Во время Нюрнбергского процесса, когда судили главных военных преступников, Гесс давал показания в качестве свидетеля защиты, а после окончания этого процесса он был передан Польше. Именно в польской тюрьме он пишет свои воспоминания. 2 апреля 1947 года Верховный народный трибунал приговорил Гесса к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение на территории бывшего концентрационного лагеря в Освенциме [49, с. 5-6].

ГЕСС (*воспоминания об Освенциме*):

Я обязан был спокойно смотреть на то, как матери с плачущими или смеющимися детьми шли в газовые камеры.

Однажды двое малышей так увлеклись игрой, что мать не могла их оторвать от нее... Никогда не забуду взгляда этой матери, молящего о пощаде... Евреи, находившиеся в газовой камере, начинали уже волноваться, и я должен был действовать, ...я сделал знак одному из офицеров. Он взял на руки упирающихся детей и под душераздирающие рыдания матери, идущей сзади, отнес малышей в газовую камеру...

<...>

...моей семье было хорошо в Освенциме. Выполнялось каждое желание моей жены и детей. Дети могли играть, сколько хотели, у жены было столько любимых цветов, что она чувствовала себя как в раю... Каждое воскресенье я ездил с женой и детьми по полям, ходили по конюшням, невозможно было обойти и псарни. Больше всего мы любили двух наших лошадей и жеребенка. У детей в саду всегда были... черепахи, куницы, кошки, маленькие ящерицы. Летом дети плескались в садовом бассейне или в реке Соле. Самой большой радостью для них было, когда и я купался вместе с ними. Но у меня было слишком мало времени для моих детей (49, с. 94-95, 97-98].

ЭЙХМАН:

Гесс был хорошим коллегой и другом. <...> Гесс был примерным семьянином, воплощением скромности, пунктуальности и аккуратности. <...> О том, что самому Гессу, как человеку, работа его, составной частью которой было уничтожение врага, причиняла страдания, я знаю от него самого...

У него не было никаких пристрастий, пил он очень мало, только для формы, курил в общем-то лишь за компанию [48, № 9, с. 123,124].

ГЕСС:

...я ничего не видел, кроме работы и задач, возложенных на меня. Это вытеснило из меня все человеческое. <...>

...я сделался в какой-то степени мизантропом. Часто бывало так, что на вечерах среди близких знакомых я становился вдруг молчаливым и отталкивающим; охотнее всего я бы ушел, чтобы быть в одиночестве... Усилием воли я брал себя в руки и с помощью алкоголя старался избавиться от подступающего плохого настроения...

<...>

Бывало и так, что находясь дома, я вдруг обращался к своим мыслям, к каким-то деталям экстерминации [уничтожения], и тогда я вынужден был уйти: я не мог выдержать в сердечной семейной обстановке. <...> Моя жена никогда не могла объяснить себе, почему я так часто бываю угрюмым...

Присутствуя ночью при разгрузке эшелонов с людьми, находясь рядом с газовыми камерами и кострами, на которых горели трупы, я часто думал о своей жене и детях, не связывая однако этих мыслей со всем происходящим вокруг. <...> Когда видишь женщин с детьми, которые идут в газовые камеры, невозможно избавиться от мыслей о собственной семье.

Я забыл, что такое счастье с того момента, когда в Освенциме приступили к массовому уничтожению евреев [49, с. 41, 96].

Е. РАВИЧ:

Гиммлер сказал о Гейдрихе, что тот «бесконечно страдал, никогда не знал покоя и разрядки», а Пауль Блобель, командовавший одним из оперативных отделов СС, которые вели резню... показал во время следствия: «...наши, которые участвовали в этом, потеряли больше нервов, чем те, которые должны были быть расстреляны...» [49, с. 22].

Сколько же их, страдальцев!.. Согласно данным [3, т. 2] в СС - «охранных отрядах» нацистской партии - служило около 800 тысяч человек [с. 827], в «штурмовых отрядах» СА - миллионы [с. 815]. Кроме того, были 600 тысяч политических руководителей различного ранга [с. 794], «гитлерюгенд», охвативший практически всю германскую молодежь [с. 1084], и просто солдаты, просто партийцы, просто крестьяне, просто искренние патриоты Фобии - десятки миллионов,

Рядовые

КАЦМАН (*группенфюрер [генерал-лейтенант] СС; из отчета об уничтожении 434329 евреев Восточной Галиции*):

Несмотря на исключительно тяжелое бремя, возложенное на каждого члена СС и полиции, дух наших людей остался силен и достоин похвалы... Только благодаря преданности долгу, проявленной каждым командиром и рядовым, было возможно в столь краткий срок покончить с этой нечистью [5, с. 88-89].

И. ВАССО (*свидетельница на Нюрнбергском процессе*):

Зверствами над... населением Львова занимались не только взрослые немцы и старые нацисты, но и юная немецкая молодежь в лице представителей организованной во Львове фашистско-молодежной организации «гитлерюгенд». Эти молодчики, одетые в униформу и вооруженные охотничьими ножами, палашами и часто пистолетами, целыми отрядами рыскали по городу, врвались в еврейские квартиры... убивая всех застигнутых ими в квартирах, включая и детей. ни часто останавливали на улицах города показавшихся им подозрительными детей и с криками убивали их на месте. Эта гитлеровская молодежь.. выискивала скрывавшихся евреев, устраивала засады и нападения на проходивших, убивая одних на месте как евреев, а других волокла за собой и сдавала гестапо, причем часто их жертвами были поляки, русские, украинцы. <...> Это особенно было заметно при проведении «акции гетто», когда систематически и планомерно истреблялись дети различных возрастов, находившиеся в специально созданных детских еврейских домах, куда, как только собиралось в них достаточное количество детей, врвались гестаповцы, сопровождаемые «гитлерюгендовцами» [3, т. 2, с. 440].

ГИТЛЕР:

Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир, молодежь резкую, требовательную, жестокую. <...> В ней не должно быть ни слабости, ни нежности. Я хочу видеть в ее взоре блеск хищного зверя [3, т.2, с.435].

ЛЕКУРТ (*обер-ефрейтор немецкой армии, фотолаборант; показания в военном трибунале*):

...я занимался в свободное от работы время, ради своего интереса, расстрелом военнопленных бойцов Красной Армии и мирных граждан... Мной делались отметки в особой книге, сколько я расстрелял военнопленных и мирных граждан.

<...>

Я в составе карательной экспедиции приходил в деревню... Я поджигал дом, а если кто пытался спастись из домов, то я их загонял обратно в дом или расстреливал. Таким образом мною было сожжено 30 домов и 70 человек мирного населения, в основном старики, женщины и дети...

Всего мною лично было расстреляно 1200 человек...

<...> За хорошую работу и службу... выразившуюся в том, что расстреливал военнопленных и советских граждан, мне досрочно... присвоили очередное звание обер-ефрейтора... и наградили «Восточной медалью»... [3, т. 1, с. 521-522].

Г. ХАУЗНЕР (*лагерь в Треблинке*):

...сбрасывали трупы в ямы. <...> Был случай, когда одного человека бросили в яму еще живым. Ему удалось бежать, но крестьяне, у которых он хотел укрыться, привели его обратно и передали властям лагеря.

Эсэсовец Курт Франц зверски издевался над ним и в конце концов палкой забил насмерть [5, с. 155].

Э. РАССЕЛ (*концлагерь Равенсбрюк*):

Доротея Бинц... работала до войны судомойкой, ...когда ей не было еще 20 лет, поступила добровольцем в СС. Ее немедленно направили в... лагерь в Равенсбрюке. Здесь Бинц, к ее возмущению, назначили на работу в лагерную кухню, учитывая, несомненно, работу в прошлом.

<...> Не прошло и нескольких месяцев, как ее назначили надзирательницей.

Жестокое существо с садистскими наклонностями, она с этого дня стала неотъемлемой частью лагерной системы... Женская разновидность животных была даже еще свирепее мужской.

Бинц изо дня в день избивала... всех, кто попадался ей под руку... Она пользовалась палкой, хлыстом, ремнем, а иной раз пресс-папье, стоявшим на столе в ее кабинете... Ее появление наводило ужас на весь лагерь.

<...>

По свидетельству одной из жертв Бинц, пощечина, нанесенная ее рукой, была делом нешуточным: «Это равнялось удару, нанесенному мне сильным мужчиной, - их этому специально обучали...» [4, с. 229].

<...>

Начальник «политического отдела» лагеря Рамдор был офицер уголовной полиции, а не СС. Однако... Рамдор никому не уступал в жестокости.

<...> Во время допроса одной польки... Рамдор назначил ей «шесть водяных душей» - пытку, изобретенную им самим.

Жертву ставили под специальный душ высокого давления из ледяной воды, которая подавалась из пожарного крана.

<...> Рамдор подвергал людей самым жестоким физическим и моральным пыткам. <...> Он связывал заключенным руки за спиной и заставлял их ложиться на стол животом вниз, так чтобы голова свисала над краем стола. Около этого края ставили стул с тазом, наполненным водой. Рамдор хватал женщин за волосы и окунал лицом в воду.

<..-> Когда в 1947 году в Гамбурге трибунал по делам о военных преступлениях приговорил Рамдора к смертной казни через повешение, многие его родственники и друзья прислали письма, в которых указывали, что «дорогой добрый Людвиг был неспособен обидеть даже животное»; что это человек, «любящий природу», «защитник бедных и угнетенных»; что «во время прогулок за городом он иногда делал странные маленькие прыжки, дабы не раздавить попавшую ему под ногу улитку или ящерицу», а однажды, когда он хоронил канарейку своей тещи, то «бережно положил птичку в коробку, прикрыл ее розой и зарыл под розовым кустом» [4, с. 224-226].

Рамдор - это что!.. Мелкота...

ГИММЛЕР (речь перед руководителями СС в 1943 г.):

Мне совершенно безразлична судьба русских или чехов. <...> Живут другие народы в достатке или подымают с голоду - меня это интересует лишь постольку, поскольку они нам нужны в качестве рабов. <...>

...уничтожение еврейского народа. <...> Это лучшая страница нашей истории [67, с. 194].

ГИММЛЕР (*в беседе со своим врачом, любителем охоты*):

Как вы можете находить удовольствие в стрельбе из засады по бедным зверюшкам, которые пасутся на опушке леса, невинные, безоружные, не ожидающие никакого зла? Ведь это по сути дела обычное убийство... Природа так прекрасна, и каждый зверь имеет право на жизнь. <...> Я недавно узнал, что буддийские монахи, идя вечером через лес, берут с собой звоночек, чтобы предостеречь лесных зверят, которых можно затоптать, чтобы сошли с дороги. У нас же давят каждого червяка, каждую козявку... [67, с. 204].

Торквемада был вегетарианец. И Гитлер...

ЮНГЕ (*бывшая секретарша Гитлера*):

Тех, кто ел мясо, Гитлер называл «вурдалаками». «Знаете, что вы едите? - говорил он. - В Польше я однажды посетил скотобойню, страшно было смотреть, как волокли несчастных коров, как мычали телята, как текла кровь...»

<...> Со своими ближайшими сотрудницами он был неизменно любезен, ни разу не повышал голоса и называл нас не иначе, как «дитя мое», «моя прелесть» и так далее. У него был неповторимый австрийский шарм. Не было случая, чтобы он не поцеловал мне руку. Он мог подойти к любой из нас, погладить по голове или потрепать за ухо [59, 1969, № 10, с. 162-163].

Г. СМОЛЯР (*уничтожение минского гетто, 2 марта 1942 г.*):

...приезжает обер-палач Белоруссии Кубе. Он бросает конфеты детям, которых живыми бросают в могилу... [90, с. 54].

Э. РАССЕЛ:

Существовал концентрационный лагерь, который в 1945 году, после того, как из него убрали все следы смерти, мог посещать народ. Лагерь находился в Дахау, недалеко от Мюнхена, и посетитель уходил оттуда с незабываемым впечатлением.

Единственные заключенные, которых он там видел, были немцы, обвиняемые в военных преступлениях и ожидавшие суда или освобождения. Каждый из них жил с комфортом в

светлой удобной камере, пользовался электрическим освещением, а зимой - центральным отоплением, имел кровать, стол, стул и книги. Вид у них был упитанный и холеный, а лица выражали легкое удивление. <...>

...посетитель отправлялся на другой конец лагеря, где находился крематорий. Там еще полностью сохранился весь механизм смерти, которым так долго пользовались...

Исчезли трупы, которые когда-то лежали в пристройке, ожидая сожжения, потому что в газовых камерах умерщвляли больше, чем пропускали печи; исчезли и несчастные человеческие существа, ожидавшие своей очереди, чтобы войти в камеру смерти. Они исчезли навсегда, но призраки их остались, и все напоминало о них.

А дальше можно было видеть чистым и прибранным помещением, где жертвы раздевались, газовую камеру с глазком, в который смотрел оператор... примыкающее здание крематория и носилки на железных колесиках, сбрасывавшие трупы в пасть печи, небольшую комнату, где трупы были навалены до потолка и где на оштукатуренных стенах еще оставались отпечатки их ног, машину, перемалывающую кости...

Проходя по этим помещениям и обозревая сцену столь многих страданий и трагедий, посетитель еще ощущал смрад разлагавшихся трупов и запах горелого мяса, но что же он видел, когда, выйдя на чистый свежий воздух, поднимал глаза к небу, чтобы освободиться от этого кошмара? К шести на крыше крематория была прибита маленькая грубо сколоченная скворешня, которую устроил здесь какой-то страдавший раздвоением личности ээсовец.

Тогда и только тогда можно было понять, почему нация, давшая миру Гете и Бетховена, Шиллера и Шуберта, дала ему также Освенцим и Бельзен, Равенсбрюк и Дахау [4, с. 273-274].

Х. ШОУКРОСС:

Много лет тому назад Гете сказал про германский народ, что однажды судьба его накажет...

«Накажет его, потому что он предал самого себя и не хотел оставаться тем, что он есть. Грустно, что он не знает прелестей истины; отвратительно, что ему так дороги туман, дым и отвратительная неумеренность; достойно сожаления, что он искренне подчиняется любому безумному негодяю, который обращается к его самым низменным инстинктам, который поощряет его пороки и поучает его понимать национализм как разобложение и жестокость» [3, т. 2, с. 584-585].

Л. АШКЕНАЗИ:

Никто и не заметил, что в прошлую войну

Среди пропавших без вести был мальчик по имени

Давид.

Его последний вопрос был: - Скажите, господин учитель,

от чего происходит слово «гетто»? Не от

Гёте?

[91,с. 48]

* * *

Откуда отсчитывать начало инакомыслия?

От Прометея?..

Моисея?

Сократа?

Индийского царя Ашоки?..

По С. ГРИГУЛЕВИЧУ:

В III веке в Иране казнили перса Мани за то, что учил: смысл жизни - в Добре и бескорыстии. Православная церковь в IV-V веках изводила ариан и несториан, выискавших в Боге человеческую суть, в X-XI веках жгла богомилов - противников стяжательства. Парижский богослов XII века Петр Абеляр поставил разум выше веры – папа Иннокентий II приговорил его к «вечному молчанию» в монастыре. Ученика Абеляра Арнольда Брешианского осмысливание догматов христианства навело на идею передать собственность духовенства беднякам, объединенным в коммуны. Арнольда повесили, труп сожгли, пепел бросили в Тибр.

Тогда же во Франции объявились катары, они отрицали собственность, церковную обрядность, отказывались лгать и убивать. Зато их убивали усердно и «по-христиански» жалостливо: без пролития крови, на кострах [47,с. 57, 71-74]

Диссиденты, вольнодумцы - топливо Истории, живые свечи ее...

Церковь воевала огнем и мечом, еретики – библейскими текстами. В 1231 году папа Григорий IX запретил мирянам читать и толковать Библию [47, с. 65].

На Руси чтение Библии не запрещали - уповали, видимо, на общую неграмотность да на беспутство духовных поводырей.

Из документов Стоглавого собора 1551 г.:

Ставленники, хотящие в дьяконы и в попы ставитися, грамоте мало умеют... Попы и церковные причетники в церквах всегда пьяны и без страха стоят и бранятся... бьются и дерутся промежь себя.

<...> Во всех монастырях - пьянственное питие безмерное... Архимандриты и игумены власти докупаются... А братия - бедны, алчны, жадны... По кельям инде женки и девки небрежно [не скрываясь] приходят... [1, с. 190].

О чем «умствовать» таким пастырям? 150 лет, например, ярились в спорах: два или три раза произносить «аллилуйя» при богослужении; даже ездили за разъяснением в Константинополь. Низкий умственный и нравственный уровень, пишет А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, привел к отождествлению веры с обрядом, породил религиозную мыслебоязнь и нетерпимость. Одна крайность вызвала другую: возникло религиозное брожение [1, с. 245,254].

С. СОЛОВЬЕВ:

В половине XV века... ...жид Схария приехал из Киева в Новгород... ...он с помощью пятерых сообщников, также жидов, насадил в Новгороде свою ересь. <...> Еретики отличались ученостию, имели книги... Слава благочестивой жизни и мудрости двух главных еретиков новгородских [священников] Дионисия и Алексея достигла до того, что обратила на них внимание великого князя, когда он приехал в Новгород в 1480 году, и оба они были взяты в Москву: один был сделан протопопом в Успенский, другой священником в Архангельский соборы; здесь они скоро распространили свое учение и между людьми известными, могущественными по своему влиянию; в числе принявших это учение были: симоновский архимандрит Зосима, славный своею грамотностью и способностями дьяк Федор Курицын с братом Иваном Волком, невестка великого князя Елена, мать наследника престола [Димитрия]; Иоанн знал, что эти люди держат новое учение, но по характеру своему не спешил принять решительных мер... особенно видя приверженность к новому учению людей, которых не мог не уважать в том или другом отношении [24, кн. 3, с. 185].

Воевали долго и хитро. Еретики стояли за упразднение церковной иерархии («пастыри не достойны суть, хриstopродавци суть... по мзде ставлены... имения взимают у хрестьян»), призывали каждого верующего быть самому себе пастырем, пытались рационалистически объяснить Троицу как сочетание Отца, Духа и Слова и вообще, как писал их главный враг Иосиф Волоцкий, «посмели много веществовати умолчанная [в священном писании]», вся погибель произошла «от умного развращения и мыслей благих оставления» [1, с. 254, 274]. Он же, Иосиф Волоцкий, вслед за новгородским архиепископом Геннадием обозвал ересь «жидовской». Некоторые историки усомнились в правомерности названия и даже в существовании «жида Схариин»: «Основная причина... кроется... в обычной манере средневековой религиозной полемики - обвинять... противников в наиболее зловредных с христианской точки зрения взглядах: в «поганстве» (язычестве), «бесерменстве» (мусульманстве) или «жидовстве». Но была и другая причина. ...Иосифу... необходимо было добиться наиболее радикальной и жестокой расправы над еретиками» [92, с. 215]. Однако жажда высветления смысла и сокрушения канонов, вознесение логики над мистикой и поиски духовной высоты внутри человека, наконец, просто ход против общего тока - не есть ли все это «оттенки прямого жидовства» по выражению А. АРХАНГЕЛЬСКОГО [1, с. 254]?

Иван III не вынес бы, конечно, остро пахнущую еврейством ересь. Но любезны были ему еретики книжной мудростью, столь полезной для устройства государских дел. Всего же пуше его радовало их требование воздержания и бедности пастырей: давно уже зарился великий князь московский на монастырские земли, да греха перед Богом боялся, а тут подспорье от людей, сведущих в Божьем писании. Свои-то доброты только задом крепки, слова толком не сладят. Писал Геннадий-архиепископ собору отцов русской церкви в 1490 году, чтобы с умниками-еретиками спорить ни-ни - побьют: «...люди у нас простые, не умеют по обычным книгам говорить, таки бы вы о вере никаких речей с ними не плодили, токмо того для учинити собор, что их казнити - жечи да вешати» [1, с. 245].

Но собор 1490 года на удивление мягко обошелся с еретиками. А «жидовствующий» Зосима даже воспарил, на малое, правда, время, в московские митрополиты. И все же кончила виться веревочка. В 1504 году, с изменением политических соображений Ивана III, инакомыслящие получили свое: одних сожгли, другим языки вырезали, били батогами, ссылали... Еврейский дух ереси неотвратимо проявился страданием. Жечи да вешати... Пригодился прометеев огонь.

Инакомыслие - печень титана: как ни терзай – отрастает заново.

* * *

* * *

ФОБИЯ. Люди**Слово****Л. ТОЛСТОЙ:**

Жизнь, по моему мнению, состоит в увеличении любви.

<...>

...на насилии, казнях, мести ничего не может быть основано, кроме таких же насилий, жестокости, мести... [11, т. 73, с. 100,230].

Ненависть к евреям вытекает из народной гордости, из признания, что мой народ избранный, а тот народ проклятый.

...надо всеми силами воздерживаться от всякого недоброжелательства к людям, а в особенности от недоброжелательства сословного, народного, которые породили так много зол. ...ненависть к целому народу нарушает главную основу христианского мировоззрения [93,с.61].

АМВРОСИЙ (*архиепископ русской православной церкви*):

Надо помнить все то великое, чем подарил нас еврейский мир; что сам Христос был из евреев, что первыми носителями христианства были те же евреи [94, с. 46].

Э. Де ЛАВЕЛЕ (*историк, экономист; бельгиец, XIX век*):

Вера евреев принадлежит несомненно к самым возвышенным и чистейшим религиям в мире, а их раса самая интеллигентная и самая деятельная из всех рас на земле [94, с. 48].

А. МИЦКЕВИЧ (*польский поэт, 1842 г.*):

Наиболее духовный из всех, еврейский народ способен проникнуться наиболее возвышенным в человечестве... [28, т. 11, с. 121].

Б. СЕНТ-ИЛЕР (*профессор философии, в 1880-1881 гг. министр иностранных дел Франции*):

Нет ни одного народа, который бы оказывал такое могучее влияние на человечество в религиозном отношении, как Израиль. <...> Библия... - это поистине величайшая среди священных книг всех народов. <...> Тот день, когда евреи изменили бы своей вере, был бы злополучнейшим днем в истории, а пропасть, которую создала бы такая измена, никогда ничем бы не заполнилась. <...> Человеческому разуму не доставало бы тогда несравненного

образца... Совесть человечества нуждается и в вечно-живом протесте Израиля, и в той незыблемой опоре, которую она находит в недрах этого народа среди собственных слабостей и сомнений... [94, с. 49].

Ф. ЭНГЕЛЬС (*один из основателей марксизма; немец*):

...мы евреям очень многим обязаны. Не говоря уже о Гейне и Берне, Маркс был чистокровным евреем; евреем был Лассаль. <...> Журнал

"Gartenlaube" даже и меня сделал евреем... [17, т. 22, с. 55].

Н. ЛЕСКОВ (*русский писатель XIX века; был антисемит и очнулся*):

...о евреях-социалистах, ...евреи сего последнего закала обрекают себя на верную погибель не ради своего еврейского племени... а как им думается, ради *всего человечества*, то-есть в числе прочих и за людей тех стран, где не признавали и не хотят признать за евреями равных человеческих прав...

Больше этой жертвы трудно выдумать [95, с. 90].

П. КАПИЦА (*русский физик, 1941 г.*):

Мировая наука и искусство в своем развитии многим обязаны еврейскому народу.

...их [евреев] работа тесно связана с той страной, в которой они живут. Это увеличивает интернациональный характер их творческой деятельности и их влияние на мировой прогресс. Но именно такое положение часто ставит их под угрозу жестоких репрессий [96, с. 19].

ИОАНН-ПАВЕЛ П (*римский папа; богослужение на территории лагеря смерти Освенцим-Бжезинка 7.06.1979 г.*):

...преклоняю колени здесь, на этой Голгофе нашего времени... Преклоняю колени перед... плитами Бжезинки, на которых начертано напоминание о жертвах Освенцима на языках: польском, английском, болгарском, цыганском, чешском, датском, французском, греческом, древнееврейском, идиш, испанском, фламандском, сербско-хорватском, немецком, норвежском, русском, румынском, венгерском, итальянском. <...>

Остановимся... возле плиты с надписью на древнееврейском. Эта надпись вызывает воспоминание о народе, сыновья и дочери которого были обречены на полное уничтожение. <...> Это тот народ, который воспринял от Бога Ягве завет «Не убий» и который в особенной мере испытал убийство на себе.

Мимо этой плиты никто не имеет права пройти равнодушно.

Находясь здесь, надо со страхом подумать о том, где лежат границы ненависти [97, с. 237-238].

Е. ЕВТУШЕНКО (*русский поэт; 1960-ые годы, через двадцать лет после массовых расстрелов евреев в Киеве*):

Над Бабьим Яром памятников нет.

Крутой обрыв, как грубое надгробье.

Мне страшно. Мне сегодня столько лет,

Как самому еврейскому народу.

Мне кажется сейчас - я иудей.
 Вот я бреду по древнему Египту.
 А вот я на кресте, распятый, гибну,
 И до сих пор на мне следы гвоздей.

<...>

Мне кажется, - я мальчик в Белостоке.
 Кровь льется, растекаясь по полам,
 Бесчинствуют вожди трактирной стойки
 И пахнут водкой с луком пополам.
 Я, сапогом отброшенный, бессилен,
 Напрасно я погромщиков молю.
 Под гогот «Бей жидов, спасай Россию!»
 Насилует лабазник мать мою...

<...>

Мне кажется, я - это Анна Франк,
 Прозрачная, как веточка в апреле,
 И я люблю,
 и мне не надо фраз.
 Мне надо, чтоб друг в друга
 мы смотрели...

<...>

Над Бабьим Яром шелест диких трав,
 Деревья смотрят грозно по-судейски.
 Все молча здесь кричит,
 И шапку сняв,
 Я чувствую,
 Как медленно седею.
 Я сам стою здесь как беззвучный крик
 Над тысячами тысяч погребенных.
 Я - каждый здесь расстрелянный старик.
 Я - каждый здесь расстрелянный ребенок.

[98].

М. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН:

История никогда не начертывала на своих страницах вопроса более тяжелого, более чуждого человечности, более мучительного, нежели вопрос еврейский. <...> Нет более надрывающей сердце повести, как повесть этого бесконечного истязания человека человеком...

<...>

Ни один человек в целом мире не найдет в себе столько творческой силы, чтобы вообразить себя в положении этой неумирающей агонии, а еврей родится в ней и для нее.

<...> Нет выхода из кипящей смолы... Можно ли представить себе мучительство более безумное, более бессовестное? [79, с. 253].

Французская революция провозгласила равноправие евреев. А в 1894 году во Франции несправедливо осудили А. Дрейфуса якобы за измену, а по сути за то, что - еврей. В бой с антисемитами бросился Э. Золя, за ним Жорес, Марк Твен, Верхарн, А. Франс, Метерлинк, Клод Моне, Жюль Ренар, Синьяк, Малларме и - Лев Толстой [14, т. 9, с. 569].

Л.ТОЛСТОЙ:

Отношение мое к евреям не может быть иным, как отношение к братьям, которых я люблю... за то, что мы и они, как и все люди, сыны одного отца - бога [11, т. 74, с. 107].

Л.Н. Толстой организовал издательство «Посредник» для пропаганды добра, братства, ненасилия. Кому как не «Посреднику» было выпустить в 1909 году учебник международного языка - эсперанто?

Л. ЗАМЕНГОФ:

Эсперанто - это язык, служащий для взаимных сношений между людьми разных национальностей. <...> Эсперанто имеет целью сблизить между собой народы в одну братскую семью... [99, с. 3].

Л.Л. Заменгоф - изобретатель эсперанто, еврей из города Белостока [28, т. 7, с. 666].

Ж.-П. САРТР:

Евреи - самые кроткие из людей. Страстно, самозабвенно выступают они против всякого насилия... Эта их тихая, упрямая и наивная кротость, которая сумела сохраниться среди наихудших преследований, их глубокое чувство справедливости и благоразумия, которые являются их единственной защитой во враждебном грубом и несправедливом мире, - это, может быть, и есть их самый ценный вклад в нашу общую культуру, это несомненно истинный признак их величия [16, с. 113].

Дело

В. КОРОЛЕНКО (66 год, Рим душил завоеванную Иудею; непокорная часть евреев уходит в горы готовить восстание):

...Гамалиот тронулся в путь со своим отрядом, как уходит лев между собаками... <...> И когда они проходили мимо римских шатров, старый Авл Катулл (римский воин) крикнул:
- Привет смелым!.. [12, т. 2, с. 224].

Какие давние года! Гамалиот был или не был - не доискаться.

Но звезда

блеснула в фобианском небе.

Погожий выдался, наверно, день, когда французы городка Бодюэн собрались на площади. Согнали местных евреев, приготовили костер, неподалеку зажгли свечку. И сказали евреям:

«Креститесь. Или - гореть живьем. Выбирайте, пока свеча горит». (Четырнадцатый век, времена «Декамерона»).

Потрескивая, оплывал воск, рядом весело ждал огня хворост. Евреи Бодюэна предпочли сожжение. Самый сильный из них изловчился схватить городского голову и с ним вместе броситься в пламя [28, т. 4, с. 767].

С. ЛОЗИНСКИЙ *(19 марта 1497 г. португальский король приказал отнять у евреев детей для насильственного крещения):*

...отцы и матери бросали детей в колодцы и реки, убивали их и себя... крики и стоны наполняли города ужасом, и христиане из сострадания к несчастным евреям скрывали многих у себя... [8, с. 229].

Сострадание - понимание. Понимание - размышление. Размышление -... Путь далек и чреват.

По С. ЛОЗИНСКОМУ:

Ученый францисканский монах Диего да Ассунсано, потрясенный стойкостью евреев, уверовал: «Нет истины вне закона Моисея» - и принял еврейство. С тем и сожжен португальской инквизицией в 1603 году.

Профессор Саламанкского университета Лопе-де-Вера, чистейшей крови дворянин, изучал еврейский язык, историю и религию и в конце концов стал иудеем, о чем его студент донес инквизиции. В тюремной камере профессор острой костью сделал себе обрезание. Шесть лет инквизиторы не приводили в исполнение смертный приговор в тщетной надежде переломить известного ученого. Даже инквизитор Москосо восхитился им: «Никогда не была проявлена такая стойкость, как этим молодым человеком. Он был человек благовоспитанный, ученый и во всех отношениях безупречный». Лопе-де-Вера сожгли 25 июля 1644 года.

Судьбе по плечу и выверты покруче. Некий еврей, рабби Соломон Леви, крестившись, стал епископом Пабло де Санта Мария. Усердный на новом поприще епископ написал книгу, прославляющую католицизм. В далеком Перу книга попала в руки Франсиско Мальдонадо да Сильва (18 лет, из хорошей семьи - португальцы, честные католики). Увлечшись книгой, Франсиско углубился в предания Библии и выбрался из них убежденным иудеем. Втайне от матери, сестер и жены он исхитрился обрезать себя. Потом занялся агитацией любимой сестры, которая добросовестно донесла на брата инквизиции. Ни застенки, ни старания ученых монахов не смогли вернуть в стадо заблудшую овцу. Врач по профессии, Франсиско в тюрьме стал ученым теологом, написал для сестры - той, которая предала, - комментарий к Библии. В 1633 году приговор: сжечь заживо. Казнь отложили из-за болезни осужденного. Он выздоровел, сплел веревку из кукурузных стеблей (их давали вместо хлеба) и по ней

спустился в камеры других иудействующих. Там он убеждал узников смело идти на муки во имя еврейства. Франсиско Мальдонадо да Сильва умер на костре 23 января 1639 года. До сожжения он успел написать еще два трактата во славу иудаизму. Писал куриной костью, чернила изготовил из угля. В одном трактате 100 листов, в другом - 103. А лет ему было двадцать восемь [8, с. 267-268,399].

А. ХИРЬЯКОВ (*изгнание евреев из Испании, 1492 г.*):

Из всех европейских государей один только Фердинанд I, неаполитанский король... оказал им [изгнанникам] самое широкое гостеприимство, снабдив их всем необходимым. <...> Когда среди измученных долгими страданиями переселенцев распространились заразные болезни и народ и дворянство, возбуждаемые монахами, стали требовать удаления иноплеменников, то Фердинанд объявил, что скорее откажется от короны, чем нарушит долг человеколюбия и гостеприимства и на свой счет выстроил госпитали для больных и пригласил врачей.

Весьма радушный прием встретили евреи и в Турции, где султан не боялся за целостность своей религии... [34. с. 52].

Г.ХАУЗНЕР (*Германия*):

В конце октября 1938 года нацистское правительство постановило выселить всех евреев, бывших польских граждан. <...> Их втолкнули в переполненные товарные вагоны и доставили на границу, велели выйти и погнали по полям на польскую сторону. Мужчины и женщины спотыкались, падали... Преследователи пинками заставляли их вставать... Несколько человек скончалось на месте.

Среди этих несчастных изгнанников был сапожник Мендель Гриншпан с женой и детьми, ...семья послала открытку сыну Гершелю Гриншпану, который находился тогда в Париже. ...7 ноября утром он купил револьвер и в тот же день явился в германское посольство в Париже. В его мыслях созрело решение убить немецкого посла, но его направили к советнику Эрнсту фон Рату... Дважды прогремел выстрел, и фон Рат упал... В парижской полиции Гершель Гриншпан заявил: «... Я должен был отомстить за евреев, чтобы обратить внимание мира на то, что происходит в Германии».

...его жертва была напрасной. Отчаянный поступок еврейского юноши не потряс мира. Он сам был заключен в парижскую тюрьму. После занятия Парижа, два года спустя, он попал в руки к немцам... С тех пор следы его затерялись [5, с. 45-47].

Все-таки он выстрелил, семнадцатилетний Гершель Гриншпан. От его пистолета - мерцающей трассой сквозь черные годы - многие пули.

Из книги «Освенцим глазами СС»:

...24 октября 1943 г. В этот день из концентрационного лагеря Берген-Бельзен... было привезено 1700 евреев из разных стран. Им говорили, что они поедут в Швейцарию, но на платформе железнодорожной ветки в Бжезинке они поняли, что были обмануты и находятся теперь в лагере уничтожения. Тогда одна из женщин вырвала у эсэсовца револьвер и застрелила обершарфюрера СС Шиллингера, ранив одновременно унтершарфюрера СС Эммериха. Другие женщины бросились на эсэсовцев с голыми руками, те потребовали помощи. После этого часть узников расстреляли, других уничтожили гранатами, а остальных уничтожили в газовой камере [49, с. 167-168].

Ф. ПИПЕР (Освенцим):

...извлечение золотых зубов, выгрузку тел из газовых камер, стрижку волос, сжигание трупов выполняла специальная рабочая группа из заключенных, называемая *зондеркоммандо*. ...22 июля 1944 года за отказ работать в зондеркомманде в газовой камере было убито 435 молодых евреев из Греции [50, с. 118].

Б. ЯРОШ (движение Сопротивления в Освенциме):

Была и еврейская группа в зондеркомманде... <...> Лагерное начальство время от времени ликвидировало членов зондеркоманды, чтобы избавиться от свидетелей своих преступлений. В надежде на спасение группа подняла 7 октября 1944 года бунт, во время которого был уничтожен один крематорий. Однако бунт закончился кровавой расправой над участниками [50, с. 143-144].

В. ГРОССМАН (лагерь уничтожения евреев в Треблинке):

У заключенных родился план восстания. <...> Все они были смертниками. <...> Лишь несколько десятков человек жили не дни и часы, а недели и месяцы - квалифицированные мастера, плотники, каменщики, обслуживавшие немцев пекари, портные, парикмахеры. Они-то и создали комитет восстания. <...> Они не хотели бежать до того, как не уничтожат Треблинку. И они уничтожили ее. В рабочих бараках стало появляться оружие, топоры, ножи, дубины. Какой ценой, с каким безумным риском было сопряжено добывание каждого топора и ножа! Сколько изумительного терпения, хитрости и ловкости понадобилось, чтобы укрыть все это от обыска и спрятать в бараке! Были созданы запасы бензина, чтобы облить и поджечь лагерные постройки, ...понадобились сверхчеловеческие усилия, напряжение ума,

воли, страшная дерзость. Наконец был произведен подкоп под немецкий барак-арсенал. <...> бог смелости стоял за них. Из арсенала были вынесены двадцать ручных гранат, пулемет, карабины, пистолеты. Все это исчезло в тайниках... Участники заговора разбились на пятерки. <...> каждая пятерка имела точное задание. И каждое математически точное задание было безумством. Одним поручался штурм башен, на которых сидели вахманы с пулеметами. Вторые должны были внезапно атаковать часовых, ходивших у проходов между лагерными площадями. Третьи должны были атаковать бронемашины. Четвертые резали телефонную связь. Пятые нападали на здание казарм. Шестые делали проходы в колючей проволоке. Седьмые устраивали мост через противотанковые рвы. <...> Было предусмотрено даже снабжение повстанцев деньгами [83, с. 54-56].

Г. ХАУЗНЕР:

Вдохновителем [восстания] был д-р Хоронжецкий. Немцы при обыске нашли у него сумму денег, предназначенную для нужд восстания. Доктор... немедленно проглотил яд. Убийцы приложили отчаянные усилия вернуть его к жизни... [Комендант] Франц ножом открыл ему рот, лил воду в горло, потом вскочил сапогами на живот и стал топтать... но д-р Хоронжецкий был уже мертв [5, с. 155].

В. ГРОССМАН:

...никогда в Треблинке не старались с таким рвением спасти человеку жизнь. Видно, Франц чутьем понимал, что умирающий врач уносит важную тайну. <...>

Восстание было назначено на 2 августа. Сигналом ему послужил револьверный выстрел. Знамя успеха осенило святое дело. В небо поднялось новое пламя, не тяжелое, полное жирного дыма пламя горящих трупов, а яркий знойный и буйный огонь пожара. Запылали лагерные постройки, и восставшим казалось, что само солнце, разорвав свое тело, горит над Треблинкой, правит праздником свободы и чести. Загремели выстрелы, захлебываясь, затараторили пулеметы на захваченных восставшими башнях. Торжественно, как колокола правды, загудели взрывы ручных гранат. Воздух всколыхнулся от грохота и треска, рушились постройки, свист пуль заглушил гудение трупных мух. В ясном и чистом воздухе мелькали красные от крови топоры. В день 2 августа на землю треблинского ада полилась злая кровь эсэсовцев, и пышущее светом голубое небо торжествовало и праздновало миг возмездия.

<...> Треблинка перестала существовать [83, с. 57-59].

БИБЛИЯ (1 Книга царств, 17:3-7, 32, 40, 42, 49):

И стали Филистимляне на горе с одной стороны, и Израильтяне на горе с другой стороны, а между ними была долина. И выступил из стана Филистимского единоборец по имени Голиаф... ростом он - шести локтей и пяди [около трех метров], ...и одет он был в чешуйчатую броню, и вес брони его - пять тысяч сиклей меди [80 килограммов]. ...копье его в шестьсот сиклей железа [10 килограммов]. И пред ним шел оруженосец. <...> И сказал Давид Саулу: ...раб твой пойдет и сразится с этим Филистимлянином. <...> ...и выбрал себе пять гладких камней из ручья, и положил их в пастушескую сумку... и с сумкою и с пращею в руке своей выступил против Филистимлянина. <...> И взглянул Филистимлянин и, увидев Давида, с презрением посмотрел на него; ибо он был молод, белокур и красив лицом. <...> И опустил Давид руку свою в сумку, и взял оттуда камень, и бросил из пращи, и поразил Филистимлянина в лоб... и он упал лицом на землю [2, с. 273-275].

Из книги «Освенцим глазами СС» (*лагерь уничтожения евреев в Собиборе, Польша*):

14 октября 1943 года узники в лагере взбунтовались, во главе стояла тайная организация, которую возглавлял советский военнопленный, капитан Александр Печерский, а также еврейский узник Леон Фельдгандлер... В эту организацию входило около 150 евреев из Голландии, Польши и Советского Союза. <...> Узники убили несколько эсэсовцев и украинских националистов из лагерной стражи, ...небольшому количеству узников удалось сбежать: тем, кто смог пройти через заминированные поля, окружавшие лагерь... Остальные были перебиты эсэсовцами; однако после этих событий этот центр уничтожения не возобновил своей деятельности [49, с. 81].

Г. ХАУЗНЕР:

...были вооруженные выступления [евреев] в Ченстохове, Вильне, Кракове, Бендзине, Белостоке и многих Других местах. <...> Были также сотни единичных героических актов сопротивления и бунта. Всюду и везде пытались евреи противостоять своим мучителям... Им запрещали молиться - они собирались на потайные богослужения... даже в лагерях смерти и на пороге газовых камер. Нацисты запретили все виды общественной деятельности и взаимопомощи - евреи создавали сотни организаций помощи. Запретили обучение еврейских детей - евреи находили способ воспитывать своих детей втайне. Оккупанты назначили смертную казнь за слушание заграничных радиостанций - евреи издавали подпольные бюллетени, где печатались сообщения союзников. Десятки тысяч евреев присоединялись к

партизанам и боролись против немцев в боевых отрядах. И надо считать великим чудом, что после стольких лет гнета, унижений, беззакония и голода евреи все же нашли в себе душевную силу для проявления бунта, борьбы и сопротивления мощному аппарату гестапо с его смертоносными средствами разрушения с одной стороны, - и всем соблазнам, обманам и попыткам маскировки губительных замыслов с другой стороны [5, с. 96-97].

И. ЭРЕНБУРГ (24.08.1941):

Я вырос в русском городе. Мой родной язык русский. Я русский писатель. Сейчас я, как все русские, защищаю мою родину. Но наци мне напомнили и другое: мою мать звали Ханой. Я - еврей. Я говорю это с гордостью [96, с. 30].

Б. ЛЕКАШ (Украина, 1919 г., петлюровские погромы):

Он жил в маленьком местечке... Он был смирным, скромным и послушным мальчиком.

Началась война, потом война гражданская, потом погромы. И рабочий слесарь Шмидт видел эти погромы...

<...> Он поставил себе... цель: покарать виновных. Он вступил в Красную армию. Сам еврей, он пошел в казаки. И постепенно Шмидт сделался легендарным.

<...> [он] обрушивался на злодеев со всей тяжестью ветхозаветного возмездия.

<...> Шмидт - генерал в 28 лет, который шел навстречу смерти как на бал - еврей, который не сгибает спины и который на удар отвечает ударом... [10, с. 69].

А. БРИНСКИЙ (русский партизанский командир в 1942-44 гг. Герой Советского Союза):

Хочется мне рассказать еще об одном нашем замечательном партизане - лунинецком раввине Липе Тодресовиче Йоселевиче. <...> Один из товарищей метко сказал о нем: «Это еврейский бог мести».

Среднего роста, широкоплечий, с лицом, обросшим темной бородой, в овчинном тулупе, в бараньей шапке, с автоматом на груди и гранатами на поясе он, вероятно, очень мало походил на раввина. Он хорошо владел русским, польским, немецким языками. К началу войны ему было лет тридцать пять.

В Лунинецком гетто Липе Йоселевич призывал евреев к сопротивлению. Ни связей с внешним миром, ни оружия у лунинецких евреев не было. Раввину удалось вырваться из гетто. После долгих скитаний он связался с партизанами и с их помощью освободил много заключенных. Свою семью он не успел вывести из гетто, так как в первую очередь спасал других: его жену и детей уничтожили немцы.

В отряде Липе Иоселевич скоро приобрел авторитет своим мужеством, умом, благородством. Я назначил его командиром взвода [100, с. 75-77].

ШЕФЕР (начальник мюнхенского гестапо; донесение по делу БСВ):

Возникновение БСВ связано с деятельностью еврея Иосифа Фельдмана, род. 24.8.1900 г. в Запорожье, который до июня 1941 года был начальником отдела в НКВД... ..до пленения, происшедшего якобы 7.8.1941 г. близ Умани, служил батальонным комиссаром. Он сумел скрыть свое происхождение и представился немцам украинцем. Учитывая знание Фельдманом немецкого языка, он был назначен переводчиком лагеря военнопленных вблизи Умани... ..ему удалось вскоре бежать из лагеря.

25.5.1942 г. он якобы получил от уполномоченного Центрального комитета партии Орлова задание поехать на работу в Германию для того, чтобы создавать там среди военнопленных и восточных рабочих группы Сопротивления...

Имея фальшивые документы, выданные на имя Георгия Фесенко... Фельдман 1.6.1942 г. в качестве восточного рабочего прибыл в Мюнхен, где он первоначально использовался как переводчик транзитного лагеря восточных рабочих на Шванзеештрассе.

Начиная с ноября 1942 г. в этом лагере содержались русские военнопленные... Фельдман... немедленно стал вести среди военнопленных враждебную немцам устную пропаганду. <...>

Вскоре в лице бывшего майора авиации Карла Озолина, род. 7.11.1902 г. в Риге, он нашел весьма подходящего и деятельного сотрудника для создания тайной организации. <...> ...решили именовать создаваемую организацию «Братское сотрудничество военнопленных», сокращенно БСВ.

<...> по инициативе Фельдмана... создали в середине марта 1943 г. лагерный комитет, в состав которого первоначально входили следующие военнопленные:

Руководитель - майор Карл Озолин.

1. Член комитета - Иосиф Фельдман.

2. Член комитета - лейтенант Владимир Моисеев [в действительности был студентом Одесского кредитно-экономического института Борисом Львовичем Гройсманом]...

3. Член комитета - капитан Михаил Зингер...

4. Член комитета - капитан Георгий Старовойтов...

По заданию лагерного комитета и при его поддержке до 18.5.1943г. из плена бежало по меньшей мере 5 русских офицеров, получивших категорический приказ вести среди

находящихся в Германии гражданских рабочих всех наций большевистскую пропаганду в духе программы БСВ. <...>

...уполномоченные барачников вербовали членов организации... Озолин по инициативе Фельдмана начал сбор военной информации...

<...> Озолин разработал план и схему наиболее целесообразных действий военнопленных их лагеря, ...подполковник Шихерт должен был со своими людьми напасть на зенитную батарею, расположенную вблизи лагеря... ...капитан Зингер должен был напасть на лагерную охрану и разоружить ее; в то же время лейтенант Владимир Моисеев должен был немедленно отпереть 6, 7, и 8-й бараки. Русские военнопленные, занятые на работах по ликвидации последствий террористических налетов на Мюнхен... раздобыли по меньшей мере десять пистолетов, принесли их с собой в лагерь и распределили среди особо доверенных людей.

<...> По предложению Фельдмана после подавления лагерной охраны и захвата позиций зенитной обороны Озолин и Шихерт должны были с вооружившимися к тому времени военнопленными вырваться из лагеря в город и захватить важнейшие здания, и прежде всего здание главного телеграфа и главной почты...

Время выступления Фельдман должен был согласовать с руководителями сильной нелегальной коммунистической группы в Мюнхене.

<...> Фельдман... переправил сведения военного характера... за границу. Точных данных получить об этом, однако, не удалось, так как несмотря на неоднократные и жесточайшие допросы, Фельдман никаких показаний не дал.

<...> [член БСВ] Петрушель... прибыл в лазарет в Раштатт по поводу операции слепой кишки. В этом лазарете... Петрушель сблизился с различными русскими военнопленными и восточными рабочими и, передавая им программу БСВ, вербовал их в организацию. <...>

Вследствие большой текучести больных в лазарете... организация очень быстро распространилась во всех направлениях...

...нити организации протянулись в Гейдельберг, Мангейм, Эппинген, Виллинген, Баден-Баден, Людвигсбург...

<...> В начале августа 1943 г. [в Мюнхене] ...был создан Временный совет БСВ среди восточных рабочих...

<...>

<...> Эмма Гутцельман и Корбуков [член мюнхенского совета БСВ] работали на одном и том же предприятии. Исходя из своих враждебных государству настроений Гутцельман доброжелательно относилась к восточным рабочим. <...> Корбуков... приходил к Гутцельман и узнавал при этом не только последние новости московской и других радиостанций, но также и то, что не только Эмма Гутцельман, но и ее муж, механик Ганс Гутцельман... ведут

нелегальную работу против государства. Через Гутцельмана Корбуков установил связь со слесарем Карлом Цимметом...

После того... Циммет... в согласии с супругами Гутцельман и Георгом Яресом, решил основать нелегальную организацию, которой они дали название «Антинацистский немецкий народный фронт», сокращенно АНФ. <...>

Владимир Моисеев, который был избран вторым членом лагерного комитета в Мюнхенском лагере военнопленных на Шванзеештрассе, оказался включенным в состав рабочей команды, которая была тогда занята на работах вблизи общественной уборной на Штигльмаерплац. <...> Моисеев, который относительно хорошо говорил по-немецки, познакомился с работавшей там уборщицей Марией Баллейс... Примерно шесть раз Баллейс угощала Моисеева хлебом и кофе, из чего Моисеев сделал вывод, что она является противницей национал-социализма. ...Моисеев привел к ней Фельдмана, который потом многократно слушал у Баллейс московские радиопередачи, распространяя затем их содержание в лагере для военнопленных.

<...>

Иосиф Фельдман 8.3.1944 г. умер в лазарете концлагеря Дахау от закупорки вен... [59,1964, № 6, с. 258-276].

Кровью залитое, погасло БСВ. Но - искрило в Фобии, пахло гарью.

Г. РОЗАНОВ:

...к лету 1944 года число немецких рабочих, организованных в подпольных антифашистских группах, достигло 125 тыс. [101, с. 5].

Г. ХАУЗНЕР:

...в Германии были десятки тысяч ученых, священников, политических деятелей, писателей и простых людей, которые осмелились помогать евреям поднять голову против этого злодейского режима и даже восставать против него. <...> Мы знаем примеры личного мужества: один священник, например, был посажен Эйхманом в концлагерь за свое открытое вмешательство в пользу евреев.

<...>

...в Голландии нацисты впервые столкнулись с реакцией местного нееврейского населения... После облавы на евреев в феврале 1941 года в Амстердаме вспыхнула всеобщая забастовка, распространившаяся... на другие местности. <...> Вспыхнул бунт. Немцы спешно вызвали из Германии части СС... ...был дан приказ стрелять в толпу... Вождей сопротивления арестовали... Некоторые были казнены... Забастовка была сокрушена беспощадными мерами... <...> ...введение «желтого знака» не прошло гладко. Тысячи неевреев начали, в знак

солидарности с гонимыми соотечественниками, демонстративно носить желтую шестиконечную еврейскую звезду [5, с. 14,111].

А. ФРАНК (*из дневника*):

Такие организации, как «Свободные Нидерланды», подделывают удостоверения личности, находят надежные убежища, снабжают своих подопечных деньгами и продуктами... Просто поразительно, сколько добра делают эти благородные бескорыстные люди: рискуя собственной жизнью, они помогают спасать людей. Лучший пример – наши покровители... Никогда ни единым словом они не намекнули нам, какая мы обуза...

...мы вечно будем помнить самоотверженную жертву наших друзей *тут*, каждодневные доказательства их дружбы, их любви!

Самые невероятные истории передаются из уст в уста... Коопхойс рассказывал про футбольный матч... где с одной стороны играли исключительно «подпольщики», а с другой <...> команда местной полиции!

В Хильверзуме выдавали новые продовольственные карточки. Чтобы не лишиться пайков тех, кто скрывался, местные чиновники вызвали в определенное время всех «покровителей», чтобы они получили карточки для своих подопечных. Тут нужна невероятная осторожность... [73, с. 136-137].

Г. ХАУЗНЕР:

В Норвегии проживала горсточка евреев - 1750 человек. Половина их бежала в Швецию... Норвежская подпольная организация Сопротивления сделала все возможное, чтобы провезти евреев украдкой через границу. Норвежцы восстали против компании истребления и за это подверглись кровавому террору.

В Дании... король лично вступился за датских евреев. <...> Облава на евреев была наконец проведена в первые два дня октября 1943 года. <...> ...почти все еврейские дома оказались пустыми, так как датчане, узнав своевременно о губительном замысле, организовали... замечательную спасательную операцию... В гаванях были втайне собраны рыбачьи суда, экскурсионные пароходы и все, что более или менее было пригодно для морского судоходства. Бойскауты, студенты и другие добровольцы сопровождали евреев к берегу... и отвозили в Швецию, ...было спасено около 6000 датских евреев...

[В Италии] Муссолини был готов сотрудничать с немцами в деле истребления, но часть его администрации... саботировала планы немцев. <...> ...облавы не имели большого успеха

благодаря итальянцам, помогавшим евреям и укрывавшим их, рискуя собственной жизнью. Также и католическое духовенство спасало евреев и укрывало их в монастырях. <...>

В разных слоях болгарской общественности антиеврейская компания вызвала сопротивление, в том числе и самого царя Бориса. <...> Болгария не хотела выдать своих евреев [немцам были выданы евреи захваченных Болгарией областей Греции и Югославии].[5, с. 117,118, 123-124,131].

Э. РАССЕЛ:

...уцелело 90 процентов французских евреев. <...> В большой мере это связано с присущим французскому народу чувством справедливости [88.С.158].

ГЕСС:

Эйхман ожидал, что из Венгрии будет доставлено в Освенцим около трех миллионов евреев. <...> ...венгерская армия, высший командный состав, был против передачи евреев в руки немецких властей... Общая цифра евреев, вывезенных из Венгрии, скорее всего, не превышает полмиллиона [49, с. 124].

Похоже, Гесс вздыхает: не выполняются четкие указания конференции в Ванзее. Тогда, в 1942 году, специалисты по еврейскому вопросу аккуратно расписали по странам количество обреченных, не проморгали даже испанскую малость - 6 тысяч евреев. Но и здесь «Франко и его сторонники были противниками этой идеи» [ГЕСС, 49, с. 125].

Всего же сложнее пришлось фобианцам в эпицентре уничтожения - там,
 где террор достиг рекордных пиков;
 где высокоумная техника смерти пожрала две трети всех погибших в тюрьмах, гетто и лагерях Европы;
 где 644 тысячи граждан полегли в военных действиях против захватчиков;
 где после войны не досчитались двадцати процентов населения страны;
 где исчезло 2 700 000 местных евреев, а сверх того умерщвлено полтора миллиона евреев-иностранцев;
 где за каждый обнаруженный немцами случай помощи евреям помогающие платили в среднем три собственные жизни и все-таки триста тысяч человек участвовали в спасении обреченных и действовала единственная в Европе подпольная организация «Жегота» - Совет помощи евреям - и десятки тысяч евреев были вытянуты из могильной тьмы;

где исходили трупным запахом Освенцим (4 миллиона погибших), Майданек (1,5 миллиона), Хелмно-на-Нере (340 тысяч), Собибор (250 тысяч) и Трешлинка (800 тысяч) и Белжец (600 тысяч) и Штутгоф, и Плапов, Лодзь, Белосток, Ченстохова, Сосновец, Келце - не счесть точек смерти

- там, в Польше [3, т. 1, с. 586,632; 49, с. 120-121; 64, с. 28-30].

Израильский Институт Памяти Мучеников и Героев «Яд Вашем» специальной медалью Справедливости отмечает выдающихся неевреев, которые оказали спасительную помощь евреям в годы гитлеровского убийства. «Кто спасает одну жизнь - спасает весь мир» - выбито на медали.

К 1993 году медаль получили 11 023 человека, из них около 4000-поляки.

Из личного дела заключенной Освенцима Станиславы Олейник (погибла в лагере 21.4.1944 г.):

...задержанная своим поведением создает угрозу существованию и безопасности государства, так как она предоставила убежище многим еврейским беглецам и воспрепятствовала их задержанию полицией [50, с. 48].

Из книги «Тот с отчизны моей»:

А. СЛОНИМСКИЙ (польский поэт):

Тот, кто может отчизну свою позабыть,
Если чешскую землю в крови топил враг,
Кто брат сербу, который в гестапо забит,
Брат норвежцу, когда над Норвегией мрак.
Кто с еврейскою матерью, чей сын убит,
В горе руки ломает и падает в ад,
Кто сраженному русскому - русский собрат,
Кто с украинцем по Украине грустит.
Тот, кто каждому сердце свое отдает,
Кто француз, когда Франция стонет, кто грек,
Когда в Греции голодом косит народ, -
Тот с отчизны моей. Мой земляк. Человек.

1943 [102, с. 5].

А. БЕРМАН:

Особые заслуги в деле спасения евреев имел д-р Ян Жабинский, известный зоолог, тогдашний директор варшавского зоопарка, и его жена, литератор Антонина Жабинска. ...зоопарк... превратился в убежище для евреев. В клетках для зверей прятались евреи, которым Жабинские доставляли питание и заботились о них, рискуя жизнью [102, с. 82].

Р. АУЭРБАХ:

...можно ли забыть и умолчать о том польском инженерере, который много времени скрывал в своей квартире группу из 16 евреев, содержал их, полностью снабжал и каждую ночь выносил - в глубочайшей тайне от соседей - полные ведра нечистот!

<...> Конечно, знаем много, очень много других фактов. Фактов, выросших на почве ненависти, преступных инстинктов и алчности, усиленной фашистской агитацией. Но на этом фоне еще выразительней поступки тех поляков, которые... нашли в себе силы для актов солидарности и братства [102, с. 173-174].

И. ЗИСМАН-ЗЕМИАН:

Ее звали Ева Бжуска, но все, кто с нею сталкивался, называли ее просто «бабушка», ...в начале 1942 года ей было больше 65 лет. Она была низкой, приземистой, но подвижной и полной юмора. А ругалась сочно, по-варшавски. <...> «Бабушка» содержала маленький магазинчик овощей в поселке Сташица... Длина этого помещения достигала

почти 5 метров, но ширина не превышала 1 м.

<...>

...много евреев, бежавших из гетто, нашло у нее убежище. <...> Делала она это от чистого сердца, без какой-либо мысли о вознаграждении.

Осенью 1942 г. появились в поселке Сташица 5 бездомных истощенных еврейских детей. Младшему мальчику было меньше 4 лет, старшей девочке около 10 лет. Эти дети ночевали в развалинах. <...> Начались заморозки. Оборванные босые дети мерзли в руинах. «Бабушка» предложила им ночевать в своем складике. ...в начале 1943 года кто-то донес на «бабушку», что она прячет евреев. Немецкая жандармерия и польская уголовная полиция окружили поселок Сташица. Началась облава на еврейских детей. Магазинчик обыскали, но детей там уже не было. <...> «Бабушку» арестовали... Ее обругали, пригрозили... и в конце концов выпустили... Но «бабушка» не переставала помогать преследуемым.

<...> В магазине «бабушки» я устроил контору, связной пункт подпольного Еврейского Комитета. <...> Магазинчик Е. Бжуской служил складом всякого рода «запретного» товара,

такого, как фальшивые удостоверения личности, незаполненные бланки метрик, карточки на хлеб. За каждую из этих бумаг грозила одна кара - смерть. Но в то же время каждая, из этих бумаг могла спасти жизнь прячущегося еврея.

<...>'

«Бабушка» верила в свое предназначение и в то, что с ней ничего не может случиться. Делала свое дело - спокойная, веселая, отважная [102, с. 320-232].

М. АНТОПОЛЬСКИЙ:

...свидетельствую нижеследующее: г. Элиаш Петрушка, прож. В Варшаве, ул. Оссовска 36, известен мне с 1941 г. <...> Исполняя обязанности уголовного полицейского, вышеупомянутый был одновременно членом подпольной организации ППС [социалистическая партия] и Армии Людовой. Его отношение к евреям во время оккупации было исключительно лояльным. Сколько бы раз я ни обращался к нему с просьбами о помощи в передаче известий с «арийской» стороны в гетто или посылок еврейским узникам, он всегда бескорыстно исполнял эти трудные задания.

Особой заслугой г. Петрушки является вывод детей из гетто и бесплатное помещение их в безопасных местах. Мне лично известны 4 случая такого рода. <...>

Лично мне г. Петрушка помог особенно исключительно, рискуя собой и своей семьей. Когда в период восстания в варшавском гетто я был вывезен в Трешлинку, мне удалось по дороге сбежать. Я прибыл в дом г. Петрушки со сломанной ногой и ранами на голове. Супруги Петрушка лечили меня, кормили и прятали бескорыстно... [102, с. 391-392].

С. ВРОНСКИЙ:

Владислава Хомсова, руководительница Совета помощи евреям на Львовщине, занесена Израилем в число «Справедливых» и в знак заслуг в 1964 году приглашена в эту страну на постоянное жительство (скончалась там в 1966 г.) [64, с. 16].

В оккупированной немцами Варшаве на территории еврейского гетто оказался костел Всех Святых. Ксендзы М. Годлевский и А. Чарнецкий добровольно остались в гетто, чтобы создать в костеле прибежище для погибающих евреев - «оазис покоя, закоулков тишины и радушия в аду» (Л. ГИРШФЕЛЬД).

77-летний М. Годлевский, по словам руководителя еврейского самоуправления гетто А. ЧЕРНЯКОВА, отдал евреям больше сердца, чем иудейское духовенство [68, с. 84-85].

До войны ксендз М. Годлевский активно проповедовал антисемитизм [103, с. 403].

И Ян Мосдорф. Вождь польского молодежного антисемитизма, став заключенным Освенцима, переродился: рискуя жизнью, он помогал изо всех сил тем, на дне ада, еврейским узникам. В Освенциме же и расстрелян [102, с. 134-135].

Там это было, в антисемитской Польше, в благородной Польше, в захлебнувшейся кровью Польше.

Чем темнее ночь, тем ярче звезды.

По Б. ЯРОШ:

Уже осенью 1940 года в концлагере Освенцим появилась первая подпольная организация - группа Польской социалистической партии. Она установила контакт с подпольщиками Кракова и Варшавы.

<...>

С конца 1942 года стали возникать национальные группы Сопротивления, мужские и женские: австрийская, французская, бельгийская, советская, немецкая, чешская, югославская, еврейская...

В мае 1943 года группы объединились в общую международную организацию «Боевая группа Освенцима» (ГБО).

<...>

Одним из каналов связи подпольщиков Освенцима с движением Сопротивления «на воле» служила австрийка Мария Штромбергер, медсестра лагерной больницы для эсэсовцев. Через нее шли: из лагеря - информация, в лагерь - пресса, лекарства, взрывчатка [50, с. 139-144,153].

Г.ХАУЗНЕР:

[Эйхман] жаловался на шведское и швейцарское посольства, которые снабжают евреев документами, дающими возможность выехать из Венгрии, ...он обрушился на молодого шведского дипломата Рауля Валленберга, архитектора по профессии... всецело посвятившего себя делу спасения евреев. Для этой цели Валленберг мобилизовал целый штаб сотрудников, выдавал свидетельства о праве проживания в Швеции и, постоянно рискуя своим

положением дипломата и даже своей жизнью, развил широкую спасательную деятельность. Он арендовал и покупал дома, в которых евреи могли жить под охраной шведского флага, и одно время под его защитой собралось 40000 человек. Когда начался «марш смерти» [в ноябре 1944 года немцы погнали пешком в лагерь истребления за 200 километров колонну стариков, женщин и детей: ночи в хлебах, днем - 1 кусок хлеба на душу, избиения и стрельба конвоя - в пути погибло до десяти тысяч евреев], Валленберг сопровождал идущих, имея в своем распоряжении грузовики с продовольствием, лекарствами и одеждой. <...> Он привлек к работе других дипломатов в Будапеште и Красный Крест. Так ему удалось спасти десятки тысяч людей.

<...> Как много жизней можно было спасти и в других странах, если бы нашлись подобные ему люди... [5, с. 145,149-150].

Находились.

И. ЭРЕНБУРГ:

Есть в Днепропетровской области село Благодатное, в нем бухгалтер колхоза П.С. Зиренко [П.С. Зинченко; в цитируемой книге опечатка] скрывал тридцать две души - семь еврейских семейств [14, т. 9, с. 416].

Т. ЗАДЕРЕЦКИЙ;

...все рекорды побил художник, директор одной из львовских библиотек О-В. Маслак. <...> В 1942 году Маслак спрятал и скрыл от немцев 108 человек... Правда, из-за предательства были арестованы несколько из них и сам Маслак; чудом вырвавшись... и получив при этом нервное потрясение, - он тем не менее не пал духом. Отправив своих питомцев в Венгрию, он принял к себе 8 новых человек. Были это, за единственным исключением, бедняки без гроша в кармане, вся тяжесть их содержания пала на его слабые плечи, но мало того - судьба еще суровее его испытала: был период, когда четверо из них заболело тифом и всех их пришлось лечить. Вся та группа до сегодняшнего дня жива...

<...> Когда у Маслака скрывались евреи, на след одного из них напал служитель библиотеки, немного заурядный вор, немного бандит, немного, может быть, доносчик гестапо... <...> ...потребовалось дать взятку. <...> Цена молчания была установлена в 20 000 злотых. На это ушли разные вещи, в том числе новый английский костюм.

Однажды подкупленный, тот тип счел вопросом своей чести не только молчать, но и способствовать делу собственными услугами. Дошло до того, что он очень полюбил

скрывавшегося... И когда с течением времени у гостя Маслака вовсе прохудились карманы и тяжкое начиналось время, решил наш посвященный, что для него наступила пора действовать. Верный призванию, он начал работать по своей специальности: воровал и приносил мясо, грабил немецкие автомашины - лишь бы только помочь другу, ...воистину добрый Господь Бог должен был снисходительно улыбнуться, видя эти проявления своеобразного гуманизма у типичного львовского жулика [102, с. 400-401].

Выше страха, выше смерти - Человек. Выше себя.

Из книги «Тот с отчизны моей»:

Франтишек Вроновский вместе со своей женой Розалией в деревне Завоз, волость Волковья, Лесского уезда, оказали помощь еврейской семье Нусбаума... выкопав в навозной куче большую яму и обив ее досками, оставив только маленькое отверстие, через которое подавали еду. Поскольку украинские националисты ставили целью уничтожить не только евреев, но вместе с ними и польское население, за домом Ф. Вроновского постоянно следили, особенно ночами; однажды ночью было замечено, как открывалось отверстие и подавалась пища для Нусбаумов, после чего немедленно было сделано донесение в гестапо Волковьи, откуда приехали палачи и украинская полиция, они забрали Франтишека и Розалию Вроновских вместе с евреями, так что всякий след их исчез по сей день [102, с. 355].

Предельный вариант: с петлей на шее - в омут, спасти утопающего.

Э. ПОЛАК *(из бухенвальдского дневника)*:

4 августа [1944 г.]. ...с транспортом узников-евреев... прибыл Ежи Цвейг, родившийся 28.01.1941 в Кракове. Он получил номер 67509. В Липске он был отделен от матери и сестры, которых позднее газировали в Бжезинке. Лагерный Международный комитет постановил спасти этого трехлетнего мальчика, ...ребенка спрятали немецкие коммунисты [61, с. 257].

И. ЭРЕНБУРГ:

В местечке Сорочинцы жила врач-гинеколог Любовь Михайловна Лангман; она пользовалась любовью населения и крестьянки ее прятали от немцев. С нею была дочь одиннадцати лет. Однажды к ней пришли и сказали, что у жены старосты трудные роды. Любовь Михайловна... спасла роженицу и младенца. Староста ее поблагодарили донес

немцам. Когда ее с дочкой вели на расстрел, она сказала: «Не убивайте ребенка...» А потом прижала дочь к себе: «Стреляйте! Не хочу, чтобы она жила с вами...» [14, т. 9, с. 418].

Сплетение добра и зла... Досадно здесь сбиваться на старосту, на Кадры. Но раз уж так вышло, стоит, пожалуй, обернуться к недоговоренному в конце главки «Фобия. Любовь» рассказу о советском офицере-еврее С. Мазуре, которого предала его жена. Вот завершение цитаты:

И. ЭРЕНБУРГ:

...Мазуру удалось скрыться. Он побрел на восток, дошел до Таганрога. Там его спрятала русская женщина - К.Е. Кравченко. Русский врач Упрямец снабдил его паспортом одного из умерших [14, т. 9, с. 416].

Г. ФАСТ (1939-41 гг.):

...русские переместили евреев с путей наступления немецких армий и из той части Польши, которую Россия оккупировала. ...Советы транспортировали почти миллион евреев из Польши и Украины на юго-восток России. Разумеется, эти евреи претерпели множество лишений. ...но... *они выжили*. А это, в конце концов, главное [27, с. 352].

Русские люди... Горами трупов навалясь, раздавили гитлеризм (как некогда плотиной поперек татарского потока в Европу).

Ш. АПШ (американско-еврейский писатель):

...да будут благословенны русские люди, которые не обжирались, подобно нам [американцам]... но зато спасли человечество от гибели и позора [84, с. 27].

Остатки освенцимских узников на пороге смерти перехватила 60-я армия 1-го Украинского фронта. В мерзлую землю лег 231 солдат-освободитель. За три месяца до конца войны. Ради глотка вольного воздуха для семи с половиной тысяч почти мертвых лагерников [50, с. 43].

Солдаты. Присяга... Выше присяги - добровольность - добрая воля.

Б. ЯРОШ (*Освенцим*):.

Витольд Пилецкий, доставленный в лагерь 22 сентября 1940 года вместе с группой лиц, задержанных во время одной из облав гестапо в Варшаве, к которой он добровольно присоединился... совершил побег из лагеря. А целью побега было не спасти собственную жизнь, а вынести документы о гитлеровских преступлениях, рассказать миру правду о лагере устами очевидца, а также подготовить с помощью подпольных организаций план нападения на лагерь и его освобождения [50, с. 140].

ГЕСС:

Одна молодая женщина обратила на себя мое внимание еще во время селекции на платформе: она была очень взволнована и не похожа на еврейку. Около нее было двое детей. Теперь же [возле газовых камер] она... очень охотно, то тут, то там, помогала раздеваться детям и старым женщинам. Детей с ней уже не было. До самого конца она была среди многодетных женщин, сердечно разговаривала с детьми и успокаивала их. Одной из последних вошла в газовую камеру, в дверях задержалась и сказала: «Я с самого начала знала, что в Освенциме нас ждет смерть. Я не хотела быть причисленной к трудоспособным и поэтому взяла себе чужих детей...» [49, с. 90].

У А. ГАЛИЧА есть стихи с таким сюжетом: во дворе приюта еврейских сирот на глазах у детей польская полиция расстреливает сторожа приютского дома - поляка, инвалида первой мировой войны:

Они спросили: - Ты поляк?
 И он сказал: - Поляк.
 Они спросили: - Как же так?
 И он сказал: - Вот так...
 - Но ты, культяпый, хочешь жить,
 Зачем же, черт возьми,
 Ты в гетто, нянчишься, как жид,
 С жидовскими детьми?
 К чему, - сказали - трам-пам-пам,
 К чему такая спесь?
 Пойми, - сказали, - Польша - там!
 А он ответил: - Здесь.
 И здесь она, и там она,
 Она везде одна,
 Моя несчастная страна,
 Прекрасная страна.

И вновь спросили: - Ты поляк?
 И он сказал: - Поляк.
 - Ну что ж, - сказали, - значит, так!
 И он ответил: - Так...
 - Ну что ж, - сказали, - кончен бал.
 Скомандовали: - Пли!
 И прежде, чем он сам упал,
 Упали костыли,
 И прежде, чем пришли покой
 И сон, и тишина,
 Он помахать успел рукой
 Глядевшим из окна... [104].

Б. ЯРОШ (*подпольное движение в Освенциме*):

Летом 1944 года к сотрудничеству был привлечен эсэсовец Франк, начальник блока № 5. Вначале он информировал узников о количестве охраны, вооружении СС, новых приказах начальства лагеря. Потом ему была поручена функция связного [50, с. 153].

Э. РАССЕЛ:

После войны оказалось, что из 85 000 евреев в Бельгии уцелело около 60 000. В большой мере этому способствовал немецкий военный губернатор Бельгии генерал фон Фалькенхаузен, который делал все, что мог, чтобы затруднить работу гестапо... [88, с. 170].

<...>

...в сентябре 1942 года полковник СС доктор Курт Герстейн подробно информировал барона фон Оттера, первого секретаря шведского посольства в Берлине, о том, что происходит в концентрационных лагерях на польской территории...

<...> Герстейн был... начальником дезинфекционной службы Ваффен СС [войска СС]...

[Герстейн позднее вспоминал]; «Под свежим впечатлением только что увиденных ужасов я все рассказал ему [Оттеру] и просил, чтобы он осведомил об этом свое правительство и - через дипломатические каналы - союзников, поскольку каждый день может стоить жизни тысячам новых жертв». <...> Герстейн пытался также информировать обо всем папского нунция в Берлине. <...>

...доктор Дибелиус, протестантский епископ Берлина [в 1961 г.], знал Герстейна еще до войны... Это был глубоко религиозный молодой человек и христианин. Однажды он явился к нему одетым в мундир СС. На вопрос удивленного Дибелиуса, в здравом ли он уме, Герстейн объяснил, что может быть в это и трудно сейчас поверить, но он вступил в СС из

«внутренних убеждений». Попросту пришел к выводу, что необычайно важно, чтобы «кто-нибудь, знающий дело изнутри» мог свидетельствовать правду.

<...> Он писал жене незадолго до смерти: «Моя деятельность в управлении гестапо с самого начала напоминала работу шпиона» [88, с. 70-72].

<...>

Доктор Грубер до 1939 года был пастором в одном из предместий Берлина. С момента прихода Гитлера к власти он поддерживал тесные контакты с Обществом евреев Германии, ...он считал своей обязанностью сделать все, чтобы им помочь.

Д-р Грубер подавал в министерства прошения от имени Общества евреев...

Перед пасхой 1940 года... д-ру Груберу удалось убедить министра продовольствия дать разрешение на ввоз [из Венгрии] достаточного количества муки для выпечки мацы.

Из показаний д-ра Грубера на процессе Эйхмана: «...я был под постоянным надзором гестапо. Я встречался также с несколькими служащими... Некоторые из них оказывали помощь... Одним из этих служащих был [высший правительственный чиновник] фон Рат, отец убитого в ноябре 1938 года Гершелем Гриншпаном советника немецкого посольства в Париже. Его назначили на эту должность, поскольку считалось, что он будет мстить евреям за убийство сына и будет обходиться с ними особенно плохо. Но это был человек иного покроя. Наши отношения были почти дружескими, и он неоднократно тайно помогал мне... [88, с. 219-221].

И.В. Гете:

Так должен вести себя германский народ, даря миру и принимая от него дары, держа свои сердца открытыми для всех плодотворных чудесных источников, будучи великим, благодаря своему пониманию других и любви, благодаря общению и духовной близости с людьми - таким он должен быть, таково его предназначение [3, т. 2, с. 585].

Самое время поставить точку. С надеждой...

4. У КОСТРА

1

- Ничего, в общем, книжка получилась. Наворочено фактов, довольно занимательно... Труда, конечно, много, но скажем прямо: это не творчество. Так, литературный обзор. Чужие слова, чужие мысли... А где сам автор? Надо ему больше от себя дать...

2

- От себя у автора что? Ни сюжета, ни композиции, затянутые описания, грузины какие-то не очень к делу, стихи ни с того, ни с сего... А главное: собственной мысли свежей - нет! Я считаю, авторские вставки следует сократить предельно. Еще лучше - совсем убрать. Документы - они куда сильнее авторских потуг...

3 и 4

- Кого автор особенно охотно цитирует? На какие источники опирается? Во-первых, буржуазные историки Соловьев, Костомаров и прочие. Во-вторых, отброшенное на свалку истории толстовство. Затем изменившие марксизму Каутский и Сергей Булгаков, путаник Сартр, церковник Павел Флоренский... А чего стоит циничный подбор цитат, обвиняющих Маркса в антисемитизме? Тут откровенная враждебность, тут подрыв самых основ... Куда это может завести? Только в объятия реакционеров. Не удивительно, что у автора не находится более прогрессивных идей, чем обветшалые библейские догмы.

Возмущает и вольное обращение автора с фактами. Бездоказательно зачислен в антисемиты великий Пушкин. Страдания евреев представлены вечными, при этом странным образом забыто благоденствие в мире капитала его еврейских лидеров, всяких Ротшильдов и Дизраэли. Возвеличивая любезный ему еврейский народ, автор избегает упоминать такие отвратительные фигуры, как сионист Кастнер, сотрудничавший с гестапо...

Писания автора являются типичным образцом лживой буржуазной пропаганды.

- Кого автор особенно охотно цитирует? На какие источники опирается? Во-первых, коммунисты Маркс, Ленин, Каутский и прочие. Во-вторых, отброшенное на свалку истории толстовство. Затем изменившие западным идеалам свободы Эренбург и Вайян-Кутюрье, путаник Сартр, безбожник Горький... А чего стоит циничный подбор цитат, обвиняющий

западные страны в антисемитизме? Тут откровенная враждебность, тут подрыв самых основ... Куда это может завести? Только в объятия коммунистов. Не удивительно, что у автора не находится более прогрессивных идей, чем обветшалые догмы вооруженной борьбы.

Возмущает и вольное обращение автора с фактами. Бездоказательно зачислен в антисемиты великий Вольтер. Страдания евреев представлены вечными, при этом странным образом забыто благоденствие в послереволюционной России ее еврейских лидеров, всяких Троцких и Кагановичей. Возвеличивая любезный ему русский народ, автор избегает упоминать такие отвратительные фигуры, как эсэовец русский Каминский, отличившийся зверством при подавлении немцами варшавского восстания в 1944 году...

Писания автора являются типичным образцом лживой красной пропаганды.

5

- ...сперва ничего: север, церкви - интересно... А потом евреи эти пошли, кошмары - то есть боже упаси! Муж говорит: «Там еще про любовь». Полистала, нашла. Опять лагерь, насильничанье, смерть... Вот те и книга - культурный досуг. То есть я думаю, для кого это? Старики хотят забыть старое, а их опять мордой в кровь? Молодым тоже - подумать о себе, одеться прилично, в кино сходить - мало ли интересов, а то война, фашисты... И детям - может, им еще всякое достанется, чего их прежде времени стращать? То есть не зря говорят: меньше знаешь - лучше спишь. Ну ее совсем, эту книгу!

6 и АВТОР

- Сомневаюсь я очень... Очень я сомневаюсь, что еврей или бывший лагерник не подвирает. Такому свое страдание дороже правды. А вот немецкий министр Риббентроп сказал на Нюрнбергском процессе про лагерь в чешском городе Терезине, что он никакой не концлагерь был, а вроде пансионата для престарелых евреев. Поди теперь разбери, кто врет...

(Автор вспоминает старинное еврейское кладбище Праги. Из-за тесноты в гетто евреи громоздили могилы одну на другую; захоронения, двадцатикратно за четыреста лет наслось, вспучились буграми, ощерились в траурное осеннее небо кривыми клыками двенадцати тысяч надгробий. Бродят одиночные посетители между голыми деревьями,

между разно вросшими в землю памятниками, тихо развлекаются рельефами изображений, кто понимает - читает тексты о былом могуществе покойников...

У ворот кладбища - трехэтажный дом: изломы углов слажены с круглой башней сбоку и тоскливая мелодия Востока сквозит в арочных проемах окон, в таинственности входа под шестиконечной звездой, где крутая лестница поднимает посетителя в маленькие залы второго этажа - в музей концентрационного лагеря Терезин.

Там на картинах Фритты, Унгара, Гааса, Флайшмана издыхают сто сорок тысяч узников, там на колючей проволоке, натянутой по стенам, висят рисунки детей Терезина: кошки и собаки, солнце и деревья, и похороны и школа и тюрьма и яркие бабочки, барачные нары, катание на санках, и полицей с дубинкой и распутившийся цветок, миска с картошкой или пирожками, больница, где больные девочки читают книги и улыбается добрый доктор, а еще здесь детские стихи («я стал уже взрослым, узнал, что такое страх, кровавое слово и убитый день», - Гануш Гахенбург, пятнадцать лет), и самодельный тряпочный щенок и фотография освободителя - майора Кузьмина с иностранным крестом на груди...

Детские экспонаты подписаны: имя и фамилия автора, даты рождения и смерти, в конце одно и то же слово «Освенцим» - тупик пятнадцати тысяч детей Терезина...

На стенах Пинкасовой синагоги в Праге начертаны семьдесят семь тысяч двести девяносто семь имен - это веками процветавшая еврейская община прекрасного города Праги, чешскими королями жалованная, роскошные синагоги строившая, мудрецов и поэтов растившая, богатая и сильная община – через Терезин водой в песок ушедшая).

7

- Я - еврей. Но, представьте, мне не жалко баранов, покорно идущих на бойню. Да, да! И не надо меня уверять, будто их обманули, будто им в голову не приходило, что лагерная баня окажется газовой камерой, а «переселение» - это переселение в могилу. Давайте не будем! Не в сороковые даже годы – в двадцать первом еще было сказано: «В недалеком будущем состоятся торжественные сеансы уничтожения еврейского племени в Будапеште, Киеве, Яффе, Алжире и во многих других местах. В программу войдут... реставрированные в духе эпохи: сожжение евреев, закапывание их живьем в землю, опрыскивание полей еврейской кровью, а также новые приемы «эвакуации», «очистки от подозрительных элементов» и пр., пр...». Знаете, что это? Отрывок из романа Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито». Не философ, не историк - поэт! Все предсказал! Кроме разве что

циклона-Б и что на полях не кровь, а пепел... Скажете, не читали евреи Эренбурга? Интеллигенты, во всяком случае, читали.. Посмеивались: забавная фантастика. Кто-нибудь из читавших, может быть, вспомнил эти пророчества подпулей или в газе...

А когда все завертелось, засмердело, как можно было не узнать? Уж на что был засекречен концлагерь в Хелмно, но и там нашелся Моше Подхлебник, недостреленный, недожженный. С пулевой дыркой в голове он выполз из костра для трупов, пока часовым дым застилал глаза. По декабрьскому мокрому полю провололся сотню метров и свалился в лагерную сточную канаву. У него сквозь обугленную кожу белели кости. Чтобы заглушить боль, он окунал раны в жижу канавы, представляете? В канаве дождался ночи, каким-то чудом миновал охрану и ограду лагеря и еще полз километра два по слякоти и по снегу... Ехал мимо еврей на саях, подобрал его, отвез в деревню. Полумертвый Моше сумел не потерять сознание и рассказать местному раввину про газирование евреев, чтобы сообщили всем окрестным гетто. Подхлебнику было восемнадцать лет. Между прочим, он выжил - вот судьба бойца, а не жертвы.

Еще говорят, мол, в оккупированных местностях боеспособные евреи были на войне, а немцы в основном убивали немощных: стариков, женщин, детей. Допустим. Но даже и в малом числе мужчины могли бы проявить себя мужчинами? Ну, не воевать, не драться, но хотя бы не помогать. Не копать самим могилы, не раздевать аккуратно дочь на краю рва... Кто построил крематории? Сами узники! У евреев зондеркоманды Освенцима было все, даже водка. Но разве они не знали, что их срок - три месяца, потом смерть - почему же они соглашались обслуживать печи? Трусость? Вряд ли. Им хватало духа снабжать лекарствами тех, кто умирал в бараках, они даже рисковали прятать рукописи погибших - геройство, но не поддерживай они сам механизм убийства - зачем бы тогда эти подвиги?

А если бы сразу, с самого начала? С момента, когда раввина заставляли плясать над горячей Торой, а профессора – чистить зубной щеткой мостовую - отказаться. Не строить своими руками стену гетто, не шить на фабрике обмундирование для немецкого солдата... Решиться: умру, но на тебя не работаю - ведь не было бы лагеря, газа, крематория - не управились бы палачи своими силами! Почему же не нашли умные евреи простой этот путь? Да, понимаю: вот умирает твой ребенок, вот его глаз, дикий от голода, режет твое сердце, а сшитая врагу шинель - это лишняя горсть гнилой брюквы... Понимаю - но не соглашаюсь! Шинель согреет убийцу, а брюква – не спасет. Спасает только мужество. Как у Майера Гольдштейна, четырнадцатилетнего еврея из Польши.

Он не был похож на еврея и жил в деревне под видом поляка, работал на мельнице. Воровал хлеб и таскал в гетто, своей семье. Его забрали в гестапо, били, он наврал следователю про якобы закопанное в лесу золото, поехал с гестаповцем в лес, там пробил ему лопатой голову и сбежал.

Вот о чем писать, бойцов воспитывать. Как сказал поэт: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!» Бой! А не сопли-вопли и руки вверх. Бой!..

8 и АВТОР

- Сочувствуя безмерным страданиям жертв, не забудем однако, что не дано нам от Бога права на осуждение мучителей. Ибо греховны и мы сами... Ибо изменчив человек: вы осуждаете его за прошлое, а он уже не тот...

Наш взрывоопасный век особенно нуждается в доброте. Прощайте врагов ваших - так велит Христос, так велела и древняя еврейская мудрость. «Побежденному даруйте жизнь», - сказано в Библии. Милосердие лежало в основе решений великого иудейского царя Соломона, чей суд и сегодня почитаем мы за образец справедливости. Воспоследуем же заветам отцов, освободим сердца свои от тягот печальной памяти и злокозненной жажды мести. Прощая, воздадим за зло добром, чтобы свет любви рассеял адский мрак мстительности и озарил нам путь ко всемирному братству.

(«Дорогие! Мучают меня страшно... Но не предам. <...> Отомстите за всех и за мою кровь», - писал из гестаповского застенка полесский мальчик-партизан Шолом Пиолун, кровью писал;

«Отомстите за нас! - от узниц Каунаса осталось надписью на стене. - Пускай весь мир знает и поймет, как зверски уничтожали наших детей... Пусть... не забудет отомстить...»;

«Да будет проклят тот, кто ограничится пролитием слез о нас... К мести вас призываем... К мести без жалости...» - из дневника Ципоры Бирман, героини восстания в белостоцком гетто.

А шестнадцатилетняя еврейка из Венгрии не говорила о мести. Она просила пощады, когда ее привели в чувство узники из зондеркоманды Освенцима, найдя живой при разгрузке газовой камеры: под горой трупов, лицом в луже, и газ не добрался, не сработал, даже начальника крематория Мусфельда изумило это чудо... Ее убили повторно, уже выстрелом, уже наверняка.

Ту девочку и еще многих других, не успевших призвать к отмщению, хотел бы вытряхнуть из себя Автор, столь многих, что о возмездии уже и речи быть не может, где там «око за око», - но наглость ненаказанного зла...

...и боязнь заражения крови заставляет нас язву прижечь...)

9

- Тут один разошелся. Про этих. Мол, бараны на бойню. Автор туда же: вроде овечек жалеет. Я - против. Я лично служил в штабах. По кадрам. Ясно?.. Докладываю обстановку. Воевали евреи как положено. Под Минском еврейский отряд имени Кутузова, в районе Барановичей отряд Атласа, в одесских катакомбах отряд Фурмана. В ленинградской области отряд Новаковского к лету сорок второго года очистил от немцев больше двух тысяч деревень, так?.. Имеются донесения командиров партизанских соединений Героев Советского Союза Бринского, Федорова и Ошкална. У Бринского воевала еврейская бригада, семьсот человек, в лесном лагере Федорова дислоцировалось пять тысяч евреев. И прочие. Ясно?

Берем отдельные эпизоды. Цвибель Володя с гранатами бросился под немецкий эшелон. Перельштейн Анна в бою под Городищами двенадцать раненных вынесла, убита при спасении командира, так?.. Лев Кассель из Латышской бригады Ошкална первого мая сорок четвертого с отрядом из ста человек выиграл бой у тысячи двухсот немцев, так?.. Кассель в немецкой форме проник в Ригу. Его опознали. Он убил немца, так? вскочил в проезжавшую немецкую машину, шоферу пистолет в ухо и «Гони!». Выбрался... Другой командир, Герчик Григорий, тоже переоделся, проник, застрелил немецкого генерала. Герчик лично убил шестьдесят немцев, двести взял в плен, взорвал двадцать танков и четыреста автомашин. Все - за десять месяцев, ясно?.. Немцы за его голову обещали сорок литров водки. Овечки...

В лесу - не на фронте. Партизанская награда большой крови стоит. Но - получали. Кеймах Давид, командир части – ордена Ленина и Отечественной войны первой степени, так?.. Эйхенбаум Геня, девушка, в бою смертью храбрых, представлена к Золотой Звезде...

Молодые - вообще... После гетто, лагерей - отчаянные. У Атласа лучшие Кригер Абрам, Карповский Григорий и другие - всем по шестнадцать лет. И прочие. Рабинович Исаак, разведчик, подрывник - пятнадцать лет, Левин Беня - четырнадцать... Бидерман Шлема, тринадцати лет, подорвался при изготовлении боеприпасов. Ясно?..

Берем действующие армии. У нас наций - сто три. Евреи - нация малая, а воевало полмиллиона и по боевым наградам - сразу после русских, украинцев и белорусов. Десятки

тысяч, так?.. Больше ста евреев - Герои Советского Союза. И прочие: в Югославии воевала половина ихних евреев - тридцать тысяч. В американской армии— пятьсот пятьдесят тысяч, в английской - сто тысяч. Овечки...

Теперь после войны. Эйхмана нашли, взяли... У Франции корабли угнали, в Ираке реактор разбомбили... На Израиль пять стран напали, а он стоит. Два миллиона против ста – комар против быка. А земли арабские держит... Агрессия империализма, ясно?.. Овечки... Их - жалеть? Москва слезам не верит, так?..

10 и АВТОР

- ...оголтелый национализм автора. Общечеловеческие проблемы экономики, политики, социологии он свел к так называемому еврейскому вопросу. Тут автора крепко подвели отсутствие классового подхода и политическая безграмотность. Какие основные признаки нации? Общность территории и языка. Где они у евреев? Две тысячи лет они разбросаны по разным странам, их язык практически умер, их культура, традиции, моральные нормы и прочие особенности давно поглощены национальной средой коренных местных народов. Говорить об евреях как об отдельной нации - архинелепость! Владимир Ильич Ленин прямо указывал, что идея об особом еврейском народе совершенно несостоятельна и реакционна. А если нет евреев как нации, следовательно, не может быть пресловутого еврейского вопроса. Нет, стало быть, и предмета авторского исследования, то бишь обсасывания. Попросту говоря, не о чем толковать. Загляни автор вовремя на 73 и 74 страницы восьмого тома ленинского полного собрания сочинений, не пришлось бы зря марать бумагу.

(О том ли мы? Ладно, пусть не евреи, пусть кампучийцы или цыгане или зверье «Красной книги» или лазерно-ядерный общепланетный крематорий...).

11 и АВТОР

- Мне кажется, автор как-то чересчур заостряет... Нельзя одних сплошь черным, а других - голубым. Есть переходные цвета, есть оттенки. Я сам еврейской национальности, но положила руку на сердце...

Вот, скажем, Вильнюс, это самое гетто. Были евреи-подпольщики, были евреи-жертвы, но были ведь и евреи-полицейские. Когда немцы потребовали выдать им Ицхака Виттенберга, руководителя подпольщиков, те стали, что называется, насмерть, зато остальные... Люди есть

люди, своя спина дороже - и предадут, и продадут... Толпа евреев озверела от страха, бросалась на подпольщиков, женщины кричали им: «Убийцы наших детей!» И чем все кончилось? Виттенберг запретил своим драться с евреями, и сам пошел к немцам. Довольно показательная история...

С другой стороны тоже не все однозначно. Вильнюсским евреям доставляли оружие католические монахи. А как помогал немецкий унтер-офицер Антон Шмидт? От него, между прочим, впервые узнали имена Эйхмана и других эсэсовских палачей. Шмидт связывал виленское еврейское подполье с другими гетто. Его схватили гестаповцы, пытали зверски, он никого не выдал и был расстрелян у ворот гетто.

Выходит, важно, не какая нация, а какой человек. У меня, например, масса русских товарищей, прекрасные люди, работаем вместе, дружим... И жена русская, и дети - живем, не жалуемся..

Впрочем, если говорить об интернационализме, я бы вспомнил еще раз Вильнюс, гетто. Был там еврей по фамилии Баран, работал в бригаде на немецких военных складах. Баран вступил в польскую подпольную Армию Крайову, и под его руководством бригада из гетто стала снабжать поляков ворованной на складах взрывчаткой. Мало того, в другой бригаде из гетто, обслуживающей здание гестапо, Баран нашел подходящего еврея, который стал ни больше ни меньше польским агентом в гестапо. Баран был удивительный человек! Он устроил для своей семьи за территорией гетто убежище с подземным ходом из гетто, с вентиляцией, электричеством, даже радио было – и уступил это убежище другим... Когда его бригаду немцы отправили в эстонские каменоломни, Баран по дороге выпрыгнул на ходу из поезда и пешком вернулся в гетто, к жене. Во время уничтожения гетто Баран с семьей сбежали, спрятались в деревне. Но отсидеться - это не для Барана. Высокий, голубоглазый, светловолосый, он решил сойти за славянина. Поляки ему организовали документы, он устроился на работу и одновременно участвовал в боевых операциях польского подполья. Поистине братство по оружию. Вот чему автор должен бы уделить побольше места...

(Места не жалко. Да и много ли потребуется места, чтобы завершить историю Ильи Овсеевича Барана из города Вильно? Ночью 24 октября 1943 года литовская полиция столкнулась на шоссе с группой подпольщиков из польского отряда Кшижановского. Они возвращались после налета на немецкий склад боеприпасов. В группе был Баран. Его одного литовцы и схватили. Вооруженные польские собратья Барана почему-то не выручили - об этом сокрушался после войны сам Кшижановский, когда восторженно писал о Баране.

Тут Автору приходят на ум и воспоминания о нелегальных организациях польских школьников - боевые, честные ребята не хотели в своих «Серых Шеренгах» видеть ровесников-евреев - блюли чистоту. Это - лучшие. А худшие... «Пойдем, поглядим, как жидки жарятся», - говорил кое-кто в Варшаве, когда немцы выжигали восставшее гетто. 120 тысяч евреев воевали в польской армии в 1939 году. 36 тысяч из них погибли в боях за Польшу, 61 тысяча канула в немецкий плен... «Пойдем, поглядим, как жидки жарятся»...).

12

- Чего в прятки-то играть? Я прямо в глаза скажу, по-нашему: не любим мы еврея, будь какой ни распрекрасный. Не любим. Может они, бедолаги, и не виноваты, но это уж обычаем наш такой стал, народный. Вон даже Лев Николаич наш, Толстой, в молодые лета в дневничок занес: «Еврея любить трудно. Надо стараться». Он-то с годами постарался. Лев Николаич, ну а ежели кто попроще? Традиция, она в крови, ее умом не перешибешь. К примеру, говорят в народе: еврей жадный, деньги любит. Ясное дело, навет. Немчура всякая или там япошка не меньше жмоты. В России вроде бы мужик размахист, а вон экие поговорки-то сладил: «После бога деньги первые», «Не молодца любят, денежку». Да в любом краю: ежели ты из малоимущих, так сызмальства обучен гроши считать. И еврей таков же - ихние-то предки большинство голь перекатная. Есть и поглубже зацепка. Деньги не пахнут нацией, они еврея вроде в один ряд со всеми становятся. При деньгах Панфил всем людям мил. Опять же, антисемитизм. Он, чего греха таить, сроду не помирал, только на время заснет, да спит вполуха - евреям ли того не ведать? Вот и ждут над собой разбоя. А деньги и при погроме схоронить проще иной ценности, и после с голоду не помрешь. Резон еврею деньги особо почитать? Выходит, резон. Но не любим мы этого в них, не любим - и весь сказ. Наше право...

Теперь с автором этим. Еврей он и есть еврей, ему что всего главное? Расизм, фашизм, угнетение наций - он и вправду более иных от этого терпит. А мы? За чужой щекой зуб не болит. Негры, индейцы - мы им сочувствуем, но живой человек - он живой: сегодня ему, к примеру, футбольный матч душу беребит, завтра - кино про шпиона или просто выпить охота - хулить его за то? Ему - свое, еврею - свое. Сколь прекраснотушно ни твердить о человеке вообще - нет такого человека: есть православные и буддисты, ненцы и немцы, желтые и черные... И есть, известное дело, евреи. Может, в будущем люди и сольются в однородность, но это когда еще рак свистнет? Оно, думаю, и лучше. Мне лично по сердцу старина моя и

мои земляки, мои сродственники по душе, по крови, по обычаям... А чужие – бог с ними, зла не желаю, но любить - нет уж, увольте...

13

- Мне не хотелось бы обижать кого-нибудь, но есть, знаете ли, в евреях одна поразительная особенность - это прямо-таки патологическое упрямство. Когда еврейские матери, противясь крещению, убивают своих детей, такой фанатизм своей дикостью наверно превосходит жестокость христиан?

Великие, знаете ли, народы, и те не гнушались ради самосохранения покориться победителям. Уживались как-то и древние греки с римлянами, и русские с татарами. История же евреев, согласитесь, изобилует противоположными примерами.

Если верить Библии, при исходе из египетского рабства они бунтовали даже против собственного спасителя Моисея. Что же касается иноземцев... Посмотрите, как мудрые римляне ладили с побежденными народами. Они даже включали в свою государственную религию культы местных богов, привлекая в союзники их жрецов и тем обессиливая возможные бунты. Так было с греками, египтянами, с народами Малой Азии - со многими, только не с евреями. Малочисленные против могучей империи, евреи не знали удержу: восстание за восстанием. Из кровавого опыта поражений еврейская неукротимость вылепила христианство - религию сопротивления. Обласканные боги покоренных язычников служили Риму, а новый Бог, еврейский Иисус, возвещал неправедность римской власти. Когда же христиане под руководством апостола Павла устремились к сотрудничеству с Римом, евреи отвергли христианскую практичность. Они продолжали безнадежные мятежи. Только в 132-135 годах римлянам пришлось дать больше пятидесяти сражений, чтобы подавить сотни тысяч повстанцев и, наконец, смести Иерусалим с лица земли. На его месте поставили римский город Элию Капитолийскую, евреям запретили под страхом смерти появляться даже поблизости... И что же? Взгляните сегодня – живет Иерусалим и заседает в нем правительство еврейского государства. Как не бывало разорений, рассеяния по всему земному шару, массового уничтожения, нынешней арабской враждебности! Две тысячи лет евреи противостоят миру - это, на мой взгляд, само по себе достаточное основание для отрицательного отношения к ним. Будь евреи покладистее, антисемитизм мог бы смягчиться, поверьте...

Этот психологический момент, мне кажется, автору не следовало бы исключать, когда он ищет корни всеобщего юдофобства в экономике или истории.

14 и 15

- Часто пытаются найти разумное обоснование антисемитизма. Между тем, логическое мышление - как раз характерная черта евреев. Они и нас заражают своим рационализмом.

А кто возьмет на себя смелость логически объяснить такой факт? В белорусском городе Мозырь во время немецкой оккупации евреи выпускали подпольную антигитлеровскую газету. Евреев уничтожили - газета на еврейском языке продолжала выходить. Мистика?

А как таинственно, как непостижимо человеческому разуму обращаются на пользу евреям наложенные на них запреты? В четырнадцатом веке в Авиньоне евреям закрыли вход в дома терпимости - спустя двести лет это уберегло их от сифилиса, поразившего христиан. Царская Россия ограничила евреев чертой оседлости - нищенствуя в местечках, они избегли алкоголизма промышленных центров. Да вся двухтысячелетняя судьба народа, пережившего многих своих гонителей от древних египтян и римлян до нацистов - эта судьба, разве не наводит она на мысль о чуде?

Почему же и такая существенная сторона жизни евреев, как антисемитизм, не может нести в себе нечто мистическое? Заметим, геноцид любого народа обусловлен экономически: турки у армян отбирали землю, конкистадоры у индейцев - золото, цыган гитлеровцы уничтожали, избавляясь от бесполезных ртов... А евреи, работающие, безземельные, бесправные, в массе своей безденежные, - кому и чем мешают? Антисемитизм, по крупному счету, бескорыстен. Более того, он часто бьет по своим: Испания потеряла могущество, Гитлер остался без науки - примеров без числа. Но тем не менее антисемитизм живет дольше всех других идеологий. Почему?

Расхожая логика ничего не объясняет. Потому что здесь являет себя высший смысл, лежащий за пределами пошлой рассудительности.

- Постулат трансцендентальности антисемитизма есть не что иное, как идеалистическое кваканье из прогнившего болота мистицизма и агностицизма. Словесная эквилибристика адептов метафизики, контрабандно протаскивающих идейку непознаваемости объективного мира, демонстрирует лишь их интеллектуальную импотентность перед реалиями опыта, данного нам в конкретных ощущениях.

Антитезой фантастической зауми псевдомыслителей выступают единственно верные положения всесильного материалистического учения, формулируемые как результат комплексного анализа многофакторных исторических ситуаций и подтверждаемые практикой общественного бытия.

В нашем частном случае диалектико-материалистический метод, априори признавая временное наличие тайн в природе, апостериори констатирует многовековое наличие антисемитизма. Следовательно, антисемитизм действителен. А все действительное разумно, - говорит Гегель. Но если существование антисемитизма исторически оправдано, то наш автор оказывается не чем иным, как смехотворной разновидностью Дон-Кихота, воюющего с ветряными мельницами.

16 и АВТОР

- Ну, даете вы все! Схлестнулись мозгарики - без бутылки не разберешь. Тут еще женский специалист вылупилась – ну вообще... А мне жиды эти до гладкого места. Честно. Ну, про лагерь или войну - почитал бы, вдруг пригодится... Другой вопрос: когда? С работы да на работу. Ну, после смены с мужиками по чуть-чуть. Или там пивка. А домой придешь: кастрюля эта, жена то-есть, туда-сюда, телик - и то не помню, когда весь матч смотрел. Время нету. Честно. Все эти истории-пистории листать - и то рука заболит. Вот если б покороче... И пошустрей, попроще.... Я понятно говорю, нет? Один какой-нибудь случай взять, ну хоть про евреев - шут с ним, один случай, но чтоб разом все: смерть, бой, зверство, спасение - все сюда настрогать. В общем коротко и ежу понятно: один случай, но самая вся суть.

(А требуемый «случай» уже давно являл себя книгой, где на суперобложке исходят дымом черные скелеты домов, в закопченном небе коричневатым призраком витает германский орел со свастикой в когтях и почетным караулом стыннут ровные буквы: наверху "Bernard Mark" [Бернард Марк], внизу "Walka i zagłada warszawskiego getta" [«Борьба и гибель варшавского гетто»]).

Из книги той - Голос).

5. ФОТО

Теплый день, голубой размах неба, лепет ветра, запахи прозрачного городского сентября: цветов, яблок, асфальта, духов - и на живописном фоне старинного особняка, возле стены, желтой, с белыми полуколоннами, с изысканной лепкой орнамента, девушка позирует молодому человеку с фотоаппаратом.

Милая жанровая сценка. Довольно обычная. Ей бы еще какую-нибудь незатейливую подробность, вроде мужской кепки, лихо венчающей девичьи локоны. А рядом с фотографом поставим его приятеля, пускай добродушно острит по поводу кепки: девушка весело засмеется, и затвор, щелкая, будет вгонять в камеру ее улыбку на долгую добрую память о мимолетной этой юной радости. Трое вольных людей в распеve молодости, безмятежность, утро жизни и, быть может, любви...

Теперь тот же сюжет в несколько ином виде. Роскошное барокко особняка замещено разрушенной стеной грязного закопченного дома, от живой природы - одинокое дерево в стороне, бывшее дерево, искривленный обгоревший ствол. Детали: небо темнит струя дыма, у стены - груда битого кирпича, осколки, штукатурка кусками, ветер клубит известковую пыль... Пахнет не цветами - из темного отверстия подвала, уходящего под стену, тянет затхлостью подzemелья, гарью, порохом... Еще пахнет - напряжемся вообразить! - женщиной, которая месяцами не мылась...

А действующие лица те же, трое молодых людей. Но... Фотограф - коренастый, голубоглазый, с ямочками на круглых щеках, с ясными веселыми зубами, его скульптурная грудь облита эсэсовским мундиром, поблескивает геройский значок на кителе, серебрятся нашивки на воротнике, на белесой голове пилотка набекрень - сверкающий жизнью молодец, простая арийская душа. Черноволосый его приятель - в такой же форме, под мышками у него большие пятна пота: может быть, ему жарче, оттого он выглядит мрачнее и улыбается без особого задора. В руках у него автомат, он и автомат в три черных глаза глядят на девушку, стоящую у стены, развороченной взрывом.

Итак, стена, девушка и два веселых эсэсовца. От первоначальной картины сохраняются сентябрь, фотоаппарат и кепка. Возможно, именно мужская кепка на девушке смешит ладных парней, возможно, именно она и вызвала фотопорыв блондина: в самый раз, там, в его милой Германии, мама и папа, и Эльза, и Гретхен, и Ганс, и соседская крепкогрудая Магда повеселятся, разглядывая снимок своего дорогого солдата, присланный прямо с поля брани.

А через десятки лет он сам будет рассказывать задастеньким внучатам о подвигах воинов великого фюрера и показывать семейные реликвии - фотографии славной военной поры; детям, конечно, будет интересно и поучительно. Поэтому он не спешит - стоит дожидаться, пока осядет пыль и прояснится небо. Еще надо тщательно установить расстояние, диафрагму и выдержку и поймать интересное выражение лица - что ж, у него хватит терпения, он работает добросовестно, для вечности, он запечатлевает неповторимое: евреев, которых больше не будет, и подвиги гитлеровской армии, которым нет примера в истории. Он запечатлевает варшавское гетто в тысяча девятьсот сорок третьем году.

И стою перед ним я, девятнадцатилетняя. Когда он шелкнет затвором, я вот какой получусь на снимке: распахнутое пальто с полуоторванными пуговицами, крупные дешевые бусы и та самая мужская кепка. Из-под кепки выбиваются черные волосы, глаза у меня темно-карие, рост средний, лицо круглое, нос прямой, рот не мал и не велик, - в общем, кроме родинки на шее и целых, несмотря ни на что, зубов, ничего примечательного, хотя Тот, которого уже нет в живых, называл меня красивой.

Он не поцеловал меня ни разу, он только дважды брал меня за руку. Надеюсь, ему тогда было хорошо, как мне. Вот и все. Большого нам не досталось. Потому что мы - из гетто.

Мы из варшавского гетто. Из черной, из светлой легенды. Мы оттуда, где пределы муки и лжи, героизма и подлости, слабости и силы. Концентрат...

Когда кошмар шести миллионов убийств погонит тебя по перекресткам Истории, смердящие дороги Зла неуклонно приведут сюда, в середину двадцатого века, в середину Европы, в Варшаву, к евреям.

Я говорю сейчас их голосами, голосом Эммануэля Рингельблюма и Поли Эльстер, Абрама Левина и Мордехая Шварцбарда, Арона Каплана и Ноэми Шац-Вайнкранц и многих, многих других, чьи свидетельства когда-нибудь соберет историк Бернард Марк в книге «Борьба и гибель варшавского гетто». Голосом Марка я тоже буду говорить. Я не выдумаю ни одного факта, ничего не прибавлю, не украшу для занимательности - я не совру, не имею права, да у меня просто нет времени на сочинительство, даже поправить сбившуюся кепку мне некогда. Только бы успеть, пока этот тип возится с фотоаппаратом, успеть рассказать о том, что было.

Не могло быть, но - было.

Прикинь: 4,5 процента площади города и 37 процентов его населения - более 500 тысяч человек с еврейской кровью. 1100 человек на 1 гектар. 16 километров кирпичной стены высотой в 3 метра с битым стеклом и колючей проволокой наверху, чтобы ни шагу на

«арийскую» сторону, к полякам. Лихорадка бесчисленных распоряжений: о принудительном труде, о ношении отличительных повязок, о запрете езды в трамвае, о конфискации имущества, о вселении, выселении, переселении – людей гнали сюда из других городов, а территорию сокращали, так что в 1942 году в среднем на одну комнату в гетто приходилось 13 человек. Капитально организованный грабеж: немцы вывезли из гетто еврейского имущества в январе 1942 года на 3,7 миллиона злотых, в феврале - на 4,7 миллиона, в марте - на 6 миллионов, в апреле - почти на 7 миллионов.

Я знаю, вид одного тела, корежимого жаром крематория, бьет по нервам сильнее, чем статистика миллионов смертей: цифры безлики, бесстрастны - скучны. Но вот:

4800,1750,1000.634,515,184.

Бессмысленный, кажется, ряд. А если это - дневные количества калорий и если

4800 - необходимы человеку при тяжелой работе, иначе - истощение и смерть;

1750 - то же при полном покое;

1000 - рацион узника концлагеря Майданек;

634 - немецкая норма питания поляков в оккупированной Варшаве в 1941 году;

515 - рацион советского военнопленного в Освенциме (Т. Голуй позднее напишет: «русские и евреи – пролетариат концлагеря»).

184 - немецкая норма для варшавского еврея в 1941 году, -

если цифры выстраиваются в такой столбец - он ошеломляет. И ты, кто слушает меня через годы, уже прочтя про апокалиптические картины Майданека, живые скелеты лагерников, людоедствующих военнопленных, уже о ленинградской блокаде зная, ты согласишься: неужели возможно, чтобы еще жутче?

Да, нам выдавали в день около 70 граммов мокрого, с опилками, хлеба. В блокадном Ленинграде рабочий получал в 3,6 раза больше, ребенок почти в два раза больше, а в дневнике ленинградской девочки Тани Савичевой: «Все умерли», а на одном только Пискаревском кладбище Ленинграда - 800 тысяч трупов блокадников. Как же было в гетто?

И ответит тебе книга Бернарда Марка:

«Полное вымаривание гетто голодом было одной из основных задач немецких оккупационных властей... Эта тактика имела две формы: косвенно - путем лишения подавляющего большинства жителей гетто способов заработка, и прямо - лишением их продовольствия.

30 июня 1941 г. в гетто было «профессионально занятых» 27 тысяч человек... на 550 тысяч жителей гетто.

<...>

За десяти- или одиннадцатичасовой день тяжелого труда высококвалифицированный рабочий получал от 4 до 7 злотых, а фактически, после вычета из этой суммы стоимости двух порций водянистого супа (питание на работе), оставалось ему от 2,5 до 5 злотых. Работникам низшей категории доставалось от 1,5 до 2 злотых. О реальной стоимости этого заработка свидетельствуют цены «свободного» рынка гетто: 1 килограмм ржаного хлеба стоил 8-12 злотых, 1 килограмм жира - 250 злотых.

<...>

Условия работы по свидетельству очевидца: «В страшнейших условиях, в темных комнатах, в тесных погребках они сидят, скорчившись на табуретках, на скамьях, над столами, машинами, станками. Они шьют одежду и белье, кофты и шапки, матрацы, делают обувь, игрушки, щетки... Щеточные станки: вручную режется щетина, натягивается острая, колющая, как спицы, проволока. Израненные до крови, всегда гноящиеся пальцы женщин и детей, налитые от напряжения глаза, сгорбленные спины... Вот современная колония рабов...»

<...>

Нужда в гетто была неопишуемая. На каждом шагу встречались люди без одежды, в рваных пальто или плащах, наглухо застегнутых булавками, чтобы скрыть отсутствие на теле рубахи. <...> Люди ходили почти голыми.

<...>

Последствия голода были страшными. Зафиксирован случай людоедства - сошедшая с ума от голода женщина съела часть тела умершего ребенка.

По данным подпольной прессы гетто от апреля 1942 г. 50% жителей гетто умирают от голода, 30% голодают «нормально», 15% недоедают и только 10 тысяч избранных живут в достатке, некоторые даже лучше, чем до войны.

<...>

Враг атаковал гетто не только голодом, но и эпидемиями, главным образом, брюшного и сыпного тифа и паратифа.

Улицы гетто представляли страшную картину. Перед воротами домов валялись трупы, накрытые газетами... По свидетельствам очевидцев: «На улицах - опухшие бедняки, дети, выглядящие, как скелеты, лежащие без сил... Наиболее смелые, в основном, женщины и дети, пробираются на «арийскую» сторону и просят милостыню или получают помощь от поляков,

ищут случайной работы и заработка. На улицах Варшавы полно нищенствующих еврейских детей, их вылавливает польская полиция... В комиссариатах еврейских беглецов, не исключая детей, зачастую избивают до потери сознания». Так наказывали в середине 1941 года. 8 октября 1941 года за самовольный выход из гетто приговорены к смертной казни первые два еврея. 10 октября губернатор Фишер опубликовал объявление, что «еврей, который покинет без разрешения указанное ему место жительства, будет покаран смертью... такому же наказанию подлежит поляк, который укрывает еврея или другим способом помогает ему». 17 октября повешено за выход из гетто 8 человек, среди них несколько матерей и одна беременная. <...> В конце 1941 г. за нелегальный выход из гетто в заключении ожидали специального суда 1300 человек.

<...>

В июле 1941 года умерло в гетто 5500 человек. В августе «рекорд» - 5560... <...> До лета 1942 года, т.е. за 2,5 года существования гетто, в нем умерло более 100 тысяч человек.

Голодом враг добивался намеченной цели: устрашающего роста смертности евреев. Но что еще хуже, он при этом... ослаблял или полностью уничтожал у определенной части людей волю к жизни... «Жизнь без хлеба, без ложки еды в течение долгих лет, - пишет один из летописцев гетто, - потрясающе действовала на психику. Множество людей погрузилось в крайнюю апатию. Они лежали на своих подстилках так долго, что уже не хватало сил встать. <...> Были семьи из 10-12 человек, лежавшие вповалку, без движения, с бледными лицами и полыхающими глазами. Они сглатывали слюну. Равнодушные ко всему. Мучило их постоянно одно желание: найти крошку хлеба!».

В описании умирающего гетто тебя, наверно, заинтригует упоминание о 10 тысячах «избранных», которым сытно среди трупов:кто?

Руководители немецких фабрик в гетто, спекулянты и шантажисты вроде бывшего доносчика Кона и Геллера, которые создали «трест» из 30 предприятий, работавших на немецкие госпитали. Другие сколачивали огромные состояния на контрабанде, на крови и труде подчиненных агентов, одолевающих стену в погоне за едой или медикаментами на «арийской» стороне. Война и смерть оказались подходящей возможностью всплыть на поверхность жизни. Пена штормового моря...

Они были опорой Еврейского Совета, Юденрата, созданного распоряжением генерального губернатора Франка в ноябре 1939 года. Пятый параграф распоряжения вменял Юденрату в

обязанность «добросовестно проводить в жизнь в полном объеме приказы немецких властей».

Добросовестно... Юденрат давил, евреи отвечали презрением и ненавистью.

Особенно ненавистной была Служба Порядка Юденрата - еврейская полиция. Здесь блистали свои умельцы, такие, как Ган, который палкой забил насмерть врача Зусмана. (Ган по профессии был юрист. И Кальтенбруннер был юрист. И Франк).

Третья удавка для евреев - вдруг не хватит Юденрата и Службы Порядка? - отделение гитлеровской полиции безопасности в гетто под невинным названием «Служба борьбы со спекуляцией и мошенничеством». Руководил отделением старый немецкий шпион А. Ганцвайх.

Подонков хватало. Не зря боевое движение сопротивления в гетто, едва зародившись, первый удар направило не на гитлеровцев - на командира еврейской полиции гетто. Заведующий хозяйственным отделом Юденрата Фирст, офицеры Службы Порядка Лейкин, Бжезинский и Фирстенберг, агенты гестапо Андерс, Пиня, отец и сын Пружанские, Шайн - многих сотрудничество с немцами хоть и в разное время, но верно приводило под пулю еврейских подпольщиков. Предатель Скосовский, раненный боевиками, бежал на «арийскую» сторону - его настигли и там.

Стоп! О настоящей стрельбе, о бое - позже.

Пока - об одном только выстреле. Его еще нет, он зреет в кабинете председателя Юденрата, инженера Адама Чернякова.

Черняков - белка в колесе компромисса. «Недочеловек» у немцев - хозяин в гетто. Еда - от него, от Юденрата, работа - от него, жизнь и смерть - от него. И не смей немцам перечить, не злить зверя. Пересидим...

А гетто рвалось из-под контроля. Дух иудейского бунта в климате польской непокорности. Резонанс традиций двух народов. Просверки жизни в могиле гетто.

Полулегальное Общество еврейской взаимопомощи подкармливало нищих, опекало сирот и бездомных, боролось с эпидемиями. Сотни нелегальных пекарен и тайных мастерских вырабатывали продукцию, бесстрашные дети гетто несли ее через стену под пулями охранников, меняли на «арийской» стороне на продукты, одежду, лекарства. Контрабанда стала оружием сопротивления.

Таким же оружием было тайное обучение - курсы разного уровня вплоть до высшего образования. Истрепанные учебники, шаткие от голода учителя, заморенные ученики, но учеба живила миражами прежней воли, гимназических звонков, шума аудиторий, и свидетельство об окончании обучения становилось знаком человеческого бытия в нечеловеческих условиях.

Это Чернякова не слишком беспокоило. Немцы запрещали учебу, но если педагога Розу Симхович, или поэта Ицхака Каценельсона, или прославленных медиков Людвика Гиршфельда и Юлиана Цвейбаума, или других преподавателей устраивал такой гонорар, как смертная казнь - что ж, пускай учат... Евреи - народ книжный. Учеба - форма жизни, и довольно безобидная. Когда интеллигент Самуэль Винтер провозглашал: «Культура важнее борьбы», - Черняков соглашался. Лишь бы не совались евреи под немецкий огонь.

Промахнулся Адам Черняков! В болоте гетто трудность всякого движения часто оборачивалась выплеском неожиданного итога. Среда школы на месте отчаяния и депрессии растила самосознание и мужество. Чего стоили одни только уроки истории! Не случайно позднее многие ученики подпольных школ взяли за оружие. Миротлюбивый Винтер, и тот влез в борьбу. Подпольная система образования стала системой образования Человека.

Может быть, умному Чернякову просто некогда было об этом подумать. Его тогда, в сороковом-сорок первом годах, занимало другое. Немцы победно шагали по Европе, капитулировала Франция. Гетто теряло надежды на помощь извне, многие ломались. Волна самоубийств страшила Чернякова: евреям не хотелось жить.

Но еще ужаснее казались ему бунтари. Тоже самоубийцы, только хуже: они тащили в могилу все гетто, они одним махом рушили его кропотливую работу: добывание пищи, распределение жилья, уборку улиц, борьбу с болезнями, устройство столовых, организацию рабочих мест... Все было зыбким, зависящим от каприза оккупантов, ненадежным: улицы оставались грязными, работало пять процентов населения, эпидемии косили людей, бездомные шатались по мостовым... Но он же ухитрялся выдавать по продовольственным карточкам 229 калорий на душу вместо положенных немцами ста восьмидесяти четырех, но кто-то все же выздоравливал от тифа!

Он был сильным человеком, он мог вынести пресмыкательство перед немцами, судороги унижения, плевки и мордобой до крови, он мог хитрить, лгать, он был готов лизать гестаповский сапог, лишь бы не дать этому сапогу растоптать гетто. Десять тысяч своих

«избранных», конечно, сволочи, но их деньги - залог спасения гетто, за деньги можно выторговать толику милости у оккупантов, и он поддерживал богачей: ему нужны живые люди в гетто, а не мертвые герои.

Он мог смотреть сквозь пальцы на недовольство каких-нибудь домовых комитетов жителей гетто - это гитлеровцев не касалось, а он умел управляться со скандалистами, на крайний случай есть Служба Порядка. Вот забастовщиков он не мог терпеть, не мог заставлять Великую Германию ждать продукции - Черняков кулаками своих полицейских вдавливал эту простейшую истину в головы ревнителей милых буржуазных свобод.

Но постепенно заваривались проблемы покруче забастовок. Ему доносили: активизировался Бунд, еврейская социалистическая партия, у них подпольная организация, военные инструкторы, нелегальная пресса, у них свои люди в полиции. Он знал: уже не раз боевые группы бундовцев отбивали атаки варшавской шпаны, охочей до налетов на безоружное гетто. Впрочем, драки с погромщиками - в русле давних традиций. Куда серьезнее известия о левых сионистских группах, особенно среди молодежи. Воспитанные на принципах бой-скаутизма, закаленные еще довоенными потасовками с польскими антисемитами, они берегли и в гетто свои коллективистские привычки: жили в общих комнатах, одной семьей, спорили о способах борьбы, дружно не сомневаясь в ее необходимости, искали оружия... Этой взрывчатке - только искру. А искра - Черняков знал - в гетто таилась: коммунисты.

Коммунистам здесь приходилось хуже всех. Они были трижды вне закона: как евреи, как подпольщики гетто, как члены партии, запрещенной в Польше с 1938 года. Многолетняя тайная жизнь приучила их к дисциплине и твердости, к высокой технике конспирации. Идеино однородные, самоотверженные - их как раз нехватало пылким сионистам.

Один из видных социалистов-сионистов Юзеф Сак вспомнит позднее: «Канун весны 1942 года. Положение тяжелое, почти безнадежное. Подпольные политические организации... пытались что-то сделать, но царили разобщенность, раскол... Боль и горечь, бессилие и безволие мучали каждого. <...> Именно тогда появились среди нас фигуры Юзефа Левартовского и Анджея Шмидта».

Их прислал в гетто из Советского Союза Центральный Комитет Польской рабочей партии (ПРП). Пинкусу Картину (псевдоним «Анджей Шмидт»), бывшему капитану интернациональной бригады в Испании, было поручено создать в гетто отряды Гвардии Людовой (ГЛ) - вооруженных сил польских коммунистов.

Черняков мог бы еще уповать на давнишние разногласия сионистов и коммунистов. Но на встрече с лидером левых сионистов Шахно Саганом тихий, спокойный, почти вялый Левартовский сказал бесцветным голосом: «Нас разделяет прошлое и, если доживем, разделит будущее; а сегодня у нас общая судьба - гибель и общая цель - борьба», - и Саган, а за ним молодые сионисты, согласились. В марте сорок второго года возник в гетто Антифашистский Блок левосионистских групп и ПРП.

Покатилось. Спустя неполные два месяца (Черняков опомниться не успел) у Блока появились полтысячи бойцов, обученных стрельбе, обращению со взрывчаткой, медицинской помощи. Они изучали опыт самообороны в годы царских погромов. Их героями стали революционеры прошлых лет, их авторитетами - собственные боевые командиры «Шмидт», Анелевич, Тененбаум, Фишельзон.

За эти два месяца Блок наладил контакты с еврейским подпольем в разных городах, с русскими военнопленными в гестаповской тюрьме Павьяк на территории гетто, с польским сопротивлением на «арийской» стороне.

Связи с поляками отыскивал не только Блок, но и отдельные группы - сионисты, коммунисты, бундовцы - по своим каналам. Сложное дело в стране многовекового антисемитизма. По Варшаве шныряли охотники за евреями, выскользнувшими из-за стены гетто, грабили их, сдавали на смерть гестаповцам. Остряки складывали антиеврейские песенки с хвалой Гитлеру. Разномастное польское подполье издавало прессу на все вкусы - бюллетень правого Антикоммунистического Агенства жаловался:

«Немцы обходятся с евреями слишком мягко». Но подпольщики гетто упорно нащупывали другую Польшу, и уже просочился в гетто с «арийской» стороны ручеек переписки, и уже полька Ирена Адамович («Ядзя»), помогая евреям наладить связи, бесстрашно отправилась в гетто Белостока, Ковно, Вильно, Шауляя... Еврейские ветераны Войска Польского отыскивали бывших товарищей по оружию в Корпусе Безопасности Армии Крайовой (АК - подпольные вооруженные силы, подчиненные польскому правительству, эмигрировавшему в Лондон) - в результате возникла польская группа капитана Генрика Иванского («Быстрого»), которая помогала гетто.

Подпитываясь из разных источников, разгорался огонь, и Черняков, даже не зная подробностей и имен, все сильнее ощущал жар. Подпольщики уже успели попробовать свои силы: дважды организовали побеги польских и советских офицеров из тюрьмы Павьяк.

Чернякову - только руками разводиться. 15 мая сорок второго года из недр подполья Блок выплеснул свою газету «Призыв». Черняков читал: «Еврейские массы должны занять

почетное место в антифашистской борьбе... Есть такие, которые ждут чуда. Они не отдают себе отчета в том, что только путь борьбы ведет к освобождению».

- Кретины! - кричал Черняков. - Грязный вонючий листок! Мусор! Демагоги! Я доберусь до них! Головы поотрываем!

Он кричал - про себя и публично - он грозил, ругался... Он вспомнил, как пыталась расшевелить гетто «Молодая гвардия» - организация левых сионистов: то уличная демонстрация с лозунгами борьбы, то тайный смотр боевиков, собрания, речи... Провокации, конечно, но терпимо: дешевые спектакли, почти без публики... Другое дело - газета. Газету читают все. Газета - мина... Нашему стаду да таких умников в пастухи!..

Он их ненавидел.

Не только за то, что они увлекали в пропасть все гетто. Он их ненавидел еще и за чистоту их непримиримости, за безоглядность юной лихости; их боеспособность была высшей формой жизнеспособности, и кому как не им следовало сохранить, пронести в себе сквозь погибель гетто живую силу народа.

Они были такими же, как его сын, который сначала счастливо оказался вдали отсюда, в Советском Союзе, а теперь затерялся в невообразимой какой-то Киргизии, со всеми своими талантами затерялся, может быть, навсегда, - думая о своем мальчике, Председатель Юденрата сразу становился просто несчастным стариком, но он был Председатель, на нем лежала Ответственность, и он не позволял своему лицу смягчиться слезой; он управлял тоской о сыне, разворачивая ее в мысли о молодежи, об евреях, о мифической их судьбе, и любовь к сыну распространялась на умирающий и нетленный его народ, он любил его и спасал, как любил и спасал и этих дураков, слепо прущих под колеса гитлеровской машины; и любя, и спасая, он надрывался: - Они погубят всех! Наша сила - в терпении! Немцы передают нас, как блох! Одумайтесь, евреи, оглянитесь: пока эти ослы не злили немцев, в гетто еще можно было дышать. А сейчас?

Разве он не был прав? Террор свирепел - немцы душили сопротивление. Их агенты легко прорвали слабую завесу конспирации, и в ночь на 18 апреля гестапо сокрушительно ударило по Антифашистскому Блоку - утром потрясенное гетто увидело на улицах пятьдесят два трупа с черепами, развороченными выстрелами в затылок. Погибли активисты подполья и, для дезориентации уцелевших, несколько незначительных немецких шпииков.

Дальше - больше. Репрессии косят почти без разбора. В мае осуждены на смерть 187 евреев. Казнят и без суда. Стариков сбрасывают с верхних этажей на мостовую. У ворот гетто под видом борьбы с контрабандой убивают безоружных людей. Жандармские посты на

крышах, в подъездах... Управляющие домами под угрозой расстрела их семей обязаны выслеживать деятелей сопротивления. Облавы. Служба Порядка помогает гестаповцам и польской полиции. Ночами повторяется апрельская резня - «усмирение» идет круглосуточно. Ширится и сопротивление. Толпа женщин вырвала во время облавы из рук Службы Порядка нескольких молодых людей... Убит жандарм у ворот гетто... Третьего июня сто десять евреев, среди них женщины и полицейские, уничтожены «за неповиновение властям». В мае и июне полиция гетто регистрирует ежедневно в среднем 142 случая сопротивления - такое раньше и не снилось...

В разгар террора евреи гетто дарят польским коммунистам типографское оборудование. 30 мая «Шмидт», «Меретик» (Самуэль Циммерман) и Давид Влоско при передаче подарка на «арийскую» сторону схвачены немцами с помощью провокатора Киселева, бывшего белогвардейца. «Шмидт» зверски замучен в Павьяке, «Меретик» и Влоско расстреляны. Киселева казнила Гвардия Людова. Война как война, только пули все больше в одну сторону... Прав был Черняков.

Он не был прав. Заманчивый обман - увидеть в действиях оккупантов месть за сопротивление, привычную массовую экзекуцию. Гитлеровцы замахнулись много шире. Здесь, в Варшаве, окончательное решение еврейского вопроса сулило им похода выгадать и освобождение от хлопот с полумиллионным гетто, и усмирение города, чреватого бунтом в тылу Восточного фронта, и воздание почести Рейнхарду Гейдриху, только что убитому чешскими патриотами. В июне рейхсфюрер СС Гиммлер отдал приказ провести «операцию Рейнхардт»: выселить евреев из Варшавы. «Выселить» означало: перевезти в Трешлинку и умертвить. Их язык...

Готовились по-немецки обстоятельно: довели трешлинский концлагерь до совершенства лагеря смерти; похлопотали насчет транспорта; отработали маршруты выселяемых по улицам Варшавы; сформировали «группы уничтожения» из эсэсовцев, польских уголовников, украинских, латвийских и литовских карателей. Назначили в Варшаву нового начальника СС и полиции СС-оберфюрера (командир бригады) и доктора права (!) фон Саммерн-Франкенегга и передали в его подчинение гетто. По приказу командующего операцией СС-группенфюрера (генерал-лейтенант) Глобонника из Люблина прибыли «специалисты по ликвидации» во главе с СС-штурмбанфюрером (майор) Гефле. Позаботились, как обычно, о маскировке: в гетто вдруг разрешили открыть школы, стали публично хвалить еврейских рабочих. Предусмотрели даже выдавать евреям на дорогу хлеб и мармелад - успокоительная забота и для голодных приманка.

Мог ли Черняков догадываться об истинных намерениях немцев? Вряд ли. Слухи о полном уничтожении евреев ползли по Варшаве и достигали гетто, но поверить в это не решались даже такие люди, как Левартовский и Саган.

Немецкий комиссар гетто Ауэрсвальд на тревожные вопросы Чернякова отвечал благодушием и торжественными заверениями в безопасности евреев. «Заметьте, Черняков, - говорил Ауэрсвальд, - мы даже перестали казнить приговоренных». Чернякову сообразить бы, что немцы просто решили не возиться со смертниками, - они получают свое в Трешлинке. Но это значило принять невероятную правду о гибели сотен тысяч людей не за вину какую-нибудь - только за не те глаза, не те волосы, не тот нос, - а он не мог и не хотел верить, что в центре цивилизованной Европы, в гуманном двадцатом веке можно организованно и хладнокровно, без всякой видимой нужды, истреблять целый народ. Не психопаты же они в конце концов, эти немцы?

Так думал не он один. При первом известии о выселении евреев руководство Антифашистского Блока собрало представителей всех действующих в гетто политических и общественных групп и предложило: организовать отпор, напасть на полицию гетто, штурмовать ворота и пробиваться на «арийскую» сторону. «Нет! - сказала большинство. - Народ переживет (Фридман, делегат правых). Активное выступление даст немцам повод уничтожить всех (Шипер, мелкобуржуазный сионист)». Наверно, каждый из них был готов рискнуть собой, но другими? всеми?..

18 июля с «арийской» стороны дошло: готовится катастрофа, обещанное переселение станет смертью по крайней мере трехсот тысяч евреев. Чернякова накрыла тьма сомнения, но он не дал себе расслабиться: «Провокация! Не паниковать!» Так и сказал. И сослался на слова Ауэрсвальда, зная: верить немцам нельзя.

Они начали через четыре дня, двадцать второго. «Группы уничтожения» вошли в гетто и погнали евреев, по 6000 ежедневно. Они начали с заключенных в тюрьме, нищих, бездомных, за ними последовали дети-сироты, потом переселенцы из Германии, потом все, не занятые на фабриках...

О чем Черняков мог думать, глядя, как послушная немцам его Служба Порядка выгоняет людей из квартир во дворы и на улицы, отбирает обреченных и теснит их в строй, в поход к товарным вагонам у Гданьского вокзала?

О чем он мог думать, видя колонны скрученных страхом стариков, истерзанных женщин, позорно покорных мужчин и безжизненных детей на спичечных ножках?

О чем он мог думать, когда толпа евреев шалела под выстрелами развлекающихся немцев?

Он видел, как еврей-полицейский настигает сбежавшего пятилетнего ребенка и тащит его, визжащего, нелепо дергающегося, к телеге, где истошно вопит женщина, и зло швыряет ребенка в кучу людей на телеге и страшной руганью кроет и мать, и дитя, и телегу, и бога, и слезы текут по зверскому лицу полицейского, - о чем тогда думал Черняков?

О чем он мог думать, когда гетто выворачивалось наизнанку и к вечеру являло на опустошенных улицах жалкие потроха нищенского быта: узлы, кружки, миски, чемоданы, костыль, драный тапок, куклу с разможенной головой, пустую оправу очков, отрепья книги, ржавый детский горшок?..

Прошли сутки в безбрежии ужаса. На мостовых кровь застаивалась в лужах - ее сток тормозили трупы. О чем он мог думать? Вспоминать еврейские погромы доброго старого времени? Их страсти - игрушки рядом с этим избиением.

Он подписал первый список на выселение шести тысяч. Тогда все в нем тряслось, но он удерживал свою совесть в шорах немецкой лжи: это только переселение, на новом месте евреев ждет работа и пища, - и он поставил свою подпись.

...Их ждет одна работа - умереть. Их всех: отцов, матерей, детей, старых и молодых, слесарей и профессоров, врачей и музыкантов, и портных, и раввинов, и христиан с еврейской кровью, и чиновников, и нищих - всех! - немцы не остановятся на калеках и безработных... Он, Черняков, начал этот поток. Он собственной рукой убил первых шесть тысяч...

До последнего дыхания он дрался за свой народ. До последнего человека он их всех отдал на заклатие. До последнего мгновения он надеялся. До последнего дня не оставлял своего поста. До последнего предела напрягался против судьбы. До последнего края дошла беда. И дело его дошло до последнего письма, до клочка, на котором он хотел все объяснить, но вывел только два слова: «До последнего...»

И выстрел, который столько времени зрел в его револьвере, вырвался, наконец, наружу, и Председатель Юденрата инженер Адам Черняков присоединился к восьмерым евреям из Службы Порядка, догадавшимся еще при начале «выселения» покончить с собой, чтобы не помогать немцам.

Его выстрел был шансом на последнюю удачу, и он не упустил ее. Не всякому Председателю еврейского самоуправления везло самому распорядиться своей смертью.

Но большей удачей Чернякова можно считать то, что ему не пришлось видеть всей «операции Рейнхардт», ее почти двухмесячного разворота. Она, конечно же, промолотила гетто всеохватно, не забыв благодарно включить в конце часть Службы Порядка: двести старательных евреев-полицейских со своими семьями дополнили итоговую цифру уничтоженных людей до 300 000. ТРИСТА ТЫСЯЧ...

Повезло Чернякову не узнать про триста тысяч, не увидеть гетто в сентябре сорок второго года: выморенные дома, забитые колючей проволокой улицы, пустые, как не бывало и в чумные годы. Кое-где украдкой под стенами движутся живые лохмотья, краснеют кровью камни мостовых, дымят, догорая, костры на улицах, остро воняет паленым и воют в глухое пространство бродячие псы, - миновало их еврейское счастье, выжили...

Повезло Чернякову, псам повезло...

А уж мне-то как роскошно выпало!

Я могла бы ехать в концлагерь: товарный вагон - битком, я вжата в трупы, влиплена в их и мои испражнения, я схожу с ума от жажды или захлебываюсь кровью, когда охрана полосует по вагону автоматной очередью... Я могла бы извиваться в лагерном борделе под надзирателем. Я могла бы замерзнуть в очереди: голые темные тела, босые синие ступни, толпа, бесформенная масса, старики и дети, женщины-калеки, откровение обнаженного уродства - очередь в газовую камеру... свистит поземка... скулит сердце... ветер колет грудь... уже не колет, замерзшая обезболена кожа, и под ногами снег больше не тает, скрипит... пар изо рта... изморозь на ресницах... холод по позвоночнику... а очередь стоит... что-то там впереди не ладится - газа нехватит? зондеркоманда замешкалась? - господи, когда же?! Там тепло, в камере, там тепло, скорее бы... Нет, не было этого со мной, и не попала я на пытку в гестапо, и не грызла от голода собственные пальцы, и не стала мылом, и ученый доктор двух университетов Вебер в освенцимском «Институте СС», экономя конину, не приготовил из меня питательный бульон для своих бактерий... Мне повезло, я счастлива: я стою сейчас у стены, ранняя осень заликает меня светом и теплом, я стою и думаю о бесплодности честного выстрела Чернякова.

Наша правда грянула из другого револьвера. Антифашистский Блок, не поддержанный почти никем, обескровленный, в общей агонии теряющий лидеров и бойцов, не оставлял попыток драться. Деятель Блока Иосиф Каплан перед смертью передал из тюрьмы Павьяк записку на

волю: «Если мы должны умереть, то умрем с честью. Сопровитляйтесь немцам повсюду, поднимайте молодежь, вооружайтесь, не идите в вагоны».

Они вооружились одним револьвером - подарком военного комитета ПРП. Второй подарок коммунистов, 9 револьверов и 5 гранат, связанная Регина Юстман не донесла - попала в гестапо. Но и той огнестрельной единицы хватило, чтобы боевик Блока Израиль Канал 25 августа пустил пулю в командира полиции гетто Шеринского.

Немцы в ту пору стреляли много: в конце июля убивали в среднем 163 человека в день, в августе 146, от 6 до 12 сентября 378 - производительность росла, и где им было расслышать в суতোлке убийства звук каналовского револьвера, а он-то был - сигналом.

Гетто пробудилось. Горели подожженные боевиками магазины и склады, заборы возмущали людей листовками, конструировался огнемет для самозащиты, кто-то прорывался на «арийскую» сторону и дальше к партизанам, другие били полицейских, Северин Майда бросился на жандармов, певица Мария Айзенштадт дралась с немцами возле вагона... Медики и педагоги шли на смерть со своими малолетними и хворыми подопечными, чтобы облегчить их последний час, - гибель подвижников питала дух борьбы. И в ночь на 3 августа учитель Израиль Лихтенштейн с рабочими Нахумом Гривачем и Давидом Грабером закопали десять жестяных коробок и два молочных бидона, в которых находился Подпольный Архив гетто - материалы, собранные огромным, смертельно опасным трудом историка Эммануэля Рингельблюма и его сотрудников, чтобы потом, через годы, можно было разглядеть гетто и узнать, что Черняков стрелял и Канал стрелял, и что выстрел выстрелу рознь,

Канал не убил Шеринского, только ранил (добили позднее), но отдача его пистолета явила себя новой сущностью гетто. Рингельблюм записал в октябре 1942 г.: «С кем ни разговариваешь, каждый повторяет одно и то же: «Нельзя было допускать выселения... Покорность ничего нам не дала...» Сейчас поняли, что если бы тогда все поднялись, бросились на немцев с ножами, лопатами, тесаками, если бы обливали немцев, украинцев, латышей и еврейскую Службу Порядка соляной кислотой, горячей смолой, кипятком и т.д., не было бы 350 тысяч замученных в Трешлинке, а только 50 тысяч расстрелянных на улицах столицы. <...> Люди громко клялись: никогда больше немец не тронет нас безнаказанно...»

Прозрению способствовала общая обстановка: немцы завязли на фронтах, союзники участвовали налеты, оживились партизаны и подполье вплоть до самой Германии, где между антифашистов проявилась еврейская группа Баума, наконец, стало известно о самообороне евреев Кобрин, Несвежа, Клецка и других городов.

К тому же немцы сами подняли боеспособность гетто: после опустошительного летнего отбора в гетто остались самые сильные и молодые, примерно 70 тысяч человек, в основном рабочие, больше половины - мужчины, детей младше 14 лет до трех процентов (перед «выселением» 26-27 процентов), легальных лиц старше 50 лет - 701.

Легальных - это тех, кому было дано официальное право жить. Их было 35 тысяч - еврейские руки, необходимые для нужд германской армии, поэтому Гиммлеру пришлось на время обратить гетто в концлагерь и, сочетая полезное с полезным же, в ловушку для беглецов из гетто: рейхсфюрер СС никогда не упускал в текущих заботах конечную цель - поголовное уничтожение евреев. Приманкой бежавшим должны были служить: 1) амнистия в случае возвращения до 31 октября; 2) требование от Юденрата плана работ для гетто на срок до мая 1943 года; 3) открытие в гетто кафе, кино и театра. Однако доверчивых уже не находилось. И как-то не до театра евреям было...

Усовершенствованное немцами гетто выглядело так: резко сокращенная территория, блоки и участки для жилья и работы, между ними «ничья земля», «дикое» пространство, за появление там без пропуска - смерть. Отдельно, в нескольких варшавских домах, другое гетто, «малое» - текстильная фабрика немца Тоббенса.

Легальные тридцать пять тысяч подчинялись Юденрату, возглавленному после Чернякова Лихтенбаумом, а Юденрат шага не мог ступить без СС, которая правила с помощью полиции и фабричной охраны из немцев, украинцев и поляков. Службу Порядка Юденрата, и ту ужали до 240 человек вместо прежних двух тысяч.

Легальные рабочие жили в блоках на казарменном положении, отдельно от семей, имущество их было конфисковано. Работали они сверх сил, принося казне СС ежемесячно 1,5 миллиона злотых, а надзиратели, охрана и немецкие фабриканты зверски их избивали - новые рабовладельцы, в отличие от древних, о выживании невольников не заботились.

Нелегальные - половина населения - прятались на «дикой» территории или в мастерских и никому, не подчинялись, поскольку как бы не жили.

Таким было гетто, «обновленное» немцами. Обновленное духом гетто выглядело иначе: в аду мастерских рабочие создавали кассы взаимопомощи, многие рвались к оружию, голоса осторожных и шкурников тонули в общем порыве: «Если умереть, то как люди, в борьбе!» В конце октября представители организаций прежнего Антифашистского Блока создали БОЕ.

БОЕ:

это несколько сот человек, сказавших «Мы не собираемся спасать себя. Из нас никто не выживет. Мы хотим спасти честь народа» (слова Арии Вильнера - «Юрека»);

это ответ семнадцатилетней девочки на просьбу отца бежать с ним из гетто: «Не могу... Я уже себе не принадлежу» (Галина Рохман), это напутствие старого мастерового Фримера сыну: «Пусть вам повезет. Был бы я моложе, пошел бы той же дорогой»;

это устав, в котором записано: «Организационной единицей является боевая «шестерка» во главе с командиром.... При назначении командиров следует руководствоваться только квалификацией кандидатов»;

это штаб: Мордехай Анелевич (командир), Герш Берлинский, Ицхак Цукерман («Антек»), Абрам Шнайдемил (сменен позднее Марком Эдельманом), Михал Ройзенфельд;

это политическое руководство: Анелевич и Иоханан Моргенштерн от левых сионистов, Абрам Блюм (Бунд) и секретарь отделения ПРП в гетто Эфраим (Эдвард) Фондаминский;

это девочки и мальчики, которые предпочли утешительному теплу семьи жестокую солидарность смертников, жизнь в комнате-казарме, с общим котлом, с оружием под рукой, с условным стуком в дверь, с круглосуточным дежурством в ожидании боя;

это бежавшие из Трешлипки Абрам Крепицкий, Давид Новодворский, Толя Рабинович и другие, их рассказы о концлагере прерывали дыхание жутью уничтожения и заразной героикой бунта: варшавянин Берлинер убил ножом эсэсовца, какой-то еврей из Кельц, защищая мать, прирезал украинского охранника, пятьсот евреев казнены за попытку восстания, поезд из Седлец во время селекции всем скопом бросился на немцев...

это пропагандистские воззвания: «Кем бы ты ни был и как бы ни мыслил - если душа твоя горда и сердце не отравлено ядом улицы - иди к нам, станем плечом к плечу для борьбы за жизнь беззащитных, обреченных на смерть...»,

это конспиративные квартиры на «арийской» стороне;

это связные, проникающие сквозь стену гетто;

это спасение немощных, это авторский вечер поэта Владислава Шленгла в пользу бездомных сирот;

это оборона гетто от обычных бандитов, пришедших с «арийской» стороны, и от собственной шпаны;

это агентура в Службе Порядка: Гжибовский, Энгельман и Люксембург, трое полицейских, ловцы предателей;

это - Организация.

БОЕ:

это требование устава: «В случае дальнейших выселений оказывать сопротивление под лозунгом: «Не отдадим ни одного еврея!»;

это жадный поиск союзников: «Являемся одним звеном в общей цепи борьбы... Самим фактом своего существования становимся частью общего антигитлеровского фронта...» (заявление группы членов БОЕ);

это каменная неподатливость принципов, и правого толка группа бывших военных со всей своей боеспособностью остается вне БОЕ, они - самостоятельный Еврейский Военный Союз, ЕВС;

это сиротство: БОЕ не входила в военные формирования подпольной Польши, связи с ГЛ и АК налаживались трудно и поток просьб о помощи оружием (жизненно важным, нет - досмерти нужным) оборачивался ничтожными каплями: несколько неисправных пистолетов или инструкция по проведению диверсий или просто уведомление о солидарности; даже после вооруженных схваток БОЕ с немцами в январе сорок третьего года прошло два месяца, пока польские соратники поверили в эффективность еврейских выстрелов и АК взялась, наконец, дельно помочь евреям, но тут же одна за другой стали обнаруживаться помехи: то связной БОЕ «Юрек» (Вильнер) попадает в полицию и, несмотря на его молчание под пытками, АК, опасаясь провалов, осторожностью замещает сотрудничество; то офицер АК явился инструктировать неопытных бойцов БОЕ пьяным в стельку - «Еврейские повстанцы так и не получили обучения», - доложил начальству чиновник АК; то командир отряда АК объявил, что в случае связи БОЕ с коммунистами он, невзирая на любые приказы, будет вместе с немцами уничтожать евреев; а вокруг гетто бурлил антисемитизм, и одна из нелегальных газет, «Политика», опасалась, что содействие поляков евреям «могло бы стать исходным пунктом какого-нибудь еврейско-немецкого сговора», и незамысловатые патриоты, особенно из полиции и пожарных частей, усердно вылавливали беглецов из гетто, и отряды польских фашистов истребляли партизан-евреев, и набожные польские крестьяне, убедившись, что гром небесный не карает даже за кровь еврейских младенцев, поставляли немцам скрывающихся евреев за три литра водки;

это манок высокой душе, магнитное поле подвига, в его иловых линиях: первые организаторы тайной помощи евреям Зофья Коссак, Чеслава и Теофил Военские, Ванда Крахельска-Филипович; созданный в октябре сорок второго года Совет Помощи Евреям во главе с Юлианом Гробельным; польские харцеры под деятельным руководством Александра Каминского; «Ворчливый Янек» - «король» проводников через подземные каналы, который

вынес на своих плечах не одного еврея, врач Рашейя, ушедший в гетто спасать больного Абу Гутнайера - немцы убили обоих; майор АК Ольгерд Осткевич-Рудницкий, казненный по приговору подполья двух доносчиков; железнодорожник Теодор Пайевский, он вырывал из концлагеря и укрывал многих евреев, в том числе Э. Рингельблюма; ксендз и викарий из Шумова, убитые за помощь евреям; извозчики и шоферы столичного района Пованжки, защитники коллег, сбежавших из гетто; партизаны, под Челестиновым освободившие смертников из поезда в Треблинку; варшавские монахини сестры Мария Юзефа, Попиел и Бернарда (спасение детей и женщин, помощь оружием); и среди пожарных, привлеченных немцами к добыванию евреев, нашлись такие, как Владислав Свентоховский, связной между БОЕ и польским сопротивлением; и ученые, актеры, торговцы, журналисты, даже полицейские – было их не слишком в многомиллионной стране, но достаточно, чтобы в тупике обреченности услышала БОЕ сочувственное чье-то дыхание, чтобы тысячи евреев укрылись под щит сострадания, чтобы в кромешной тьме - зарницы;

это пересуды, слухи, невероятность правды и достоверность вымысла: говорят, в крушинском лагере евреи схватились с немцами, часть погибла, зато кое-кто сбежал, а в Крынках, говорят, евреи немцев перестреляли и подались в лес все до одного, от старухи до младенца; говорят, в Мехове бургомистр стал расстреливать еврейских детей и тут их отец ножом - представляете? - ножом перерезал ему горло; говорят, в ченстоховском гетто Мендель Фишлевич и Айзик Файнер тоже пытались ножом убить эсэсовца; говорят, по дороге в концлагерь некоторые выпрыгивают на ходу из вагона; говорят, возле Парчева партизанский отряд, больше тысячи евреев, все вооружены, колотят немцев, а в районе Люблина отряды Самуэля Эгера, Кагановича, Вольфа Глайхера, а возле Ядова Моше Зеленец, ему двадцать пять лет, собрал евреев, бывших солдат, крепкие ребята, дай им бог здоровья; говорят, в грубешовских лесах был бой, убиты семьдесят наших, варшавских, только один уцелел, а Зося Ямайка, - вы знали Зося Ямайку из группы «Спартак»? - она погибла в бою как герой, и Людка Арbeitсман тоже, и Малгося Залштейн, Ида Малкин, о, чтобы всех вспомнить, надо вот такую голову иметь; говорят, в Кракове еврейские боевики и с ними один наш, «Антек» его кличка, устроили налет на «Цыганерию», знаменитый ресторан, коньяк, девочки, любимое место немецких офицеров, из них гранатами такой фарш сделали, лучше вашей бабушки, сейчас вся Польша ахает; и действительно, польской гордости пришла пора изумленно оглянуться на презренных евреев, их первыми оглушил нацизм и они первыми опомнились драться: «Героизм евреев

да послужит нам примером», - писала подпольная польская пресса;

это отречься от матери-спекулянтки, чья нажива – нужда нищих, презреть отца, который холопствует в Юденрате, расправиться с братом, тиранящим подневольных рабочих в угоду немцу-фабриканту, прикончить друга, если он агент гестапо или якобы тайной «Антикоммунистической лиги» (затея провокатора Ганцвайха: воюя с коммунистами, изнутри подорвать БОЕ); это кулаками заткнуть продажные еврейские глотки, по указке нацистов чередующие скулеж безнадежности и вранье о благополучии переселенных людей; это ударить листовкой: «...имеются полные списки всех тех, кто служа немцам, забыли, что они евреи и люди! <...> если они не прекратят своей гнусной деятельности, будут все расстреляны»;

это для боевиков бесплатно хлеб от пекарей, обувь от сапожников;

это сверхмуравьиное (не сверхчеловеческое!) упорство в создании подземного города: вырыть логово, укрепить железобетоном стены, в потолки замуровать рельсы, соорудить бойницы, склады, жилые пещеры и места лязжетов, связать их системой лазов и переходов под землей, по чердакам, крышам, сквозь проломы в стенах, сообщить с «арийской» стороной, с выходом к рекам и отстойникам стоков через канализационные туннели - вот чем на глазах у оккупантов тайно, почти без техники и материалов, месяцами занимались Моисей Ягодзинский, Гольдман и многие другие инженеры и строители; а чтобы сточные каналы стали дорогами, следовало вычленив из лабиринта канализации нужные трассы, изучить их составить схемы, планы, карты, и разведчики - часто дети, щуплые, пронырливые, - погружались в подземную мразь, выворачивали ноги на выбоинах, оскользались на округлостях стен, проваливались в ямы, захлебывались в отходах и пробивались к просветам канализационных люков, а иногда теряли путь, сходили с ума в вонючей темноте или застревали на повороте трубы и новые лазутчики отправлялись вытаскивать труп, чтобы заблокированный канал не выпер жижу на улицу и не привлек враждебное внимание, они выволакивали наверх тело - случалось, любимой девушки, случалось, ребенка, - облепленное экскрементами, с лицом, обглоданным крысами, и находили мужество вернуться в черный смрад канала, чтобы впоследствии ничтожное, дециметрами измеряемое, пространство между кирпичным сводом и потоком грязи стало артерией, питающей гетто помощью «арийской» стороны, чтобы брели по каналам, спотыкаясь о трупы утопленников, беглецы и боевики, чтобы остряки гетто назвали крестный тот путь «еврейской автострадой спасения»;

это дети на улице играют, разделясь на «немцев» и «евреев»: «немцы» бьют «евреев», гонят на «переселение» - игра без смеха, без баловства игра, отдых от работы лазать через стену гетто на «волю» и обратно, с едой, с лекарством, с запиской, с патронами на хилом тельце под лохмотьями одежды;

это песня с примерно таким текстом: «Кто без оружия битву ведет, того легкой смертью судьба не обидит. Но не напрасно кровавый льем пот: утро стучится у наших ворот, утро, которое нам не увидеть»;

это слова Анелевича в начале сорок третьего года: «Вижу, что благодаря нашей работе пробуждается новый гордый сильный еврейский человек, который сумеет бороться за свою жизнь»; «Помню разговор с Анелевичем, - напишет позднее Рингельблюм. - Он был уверен, что ни он, ни его бойцы не переживут ликвидации гетто, что сгинут как бездомные псы... <...> ...но национальное достоинство заставляло евреев сопротивляться и не дать вести себя на бойню»;

это лозунг - извечная формула: «Выжить свободными или свободными умереть!»

это - Организация Евреев.

БОЕ: это мне, благовоспитанной девочке, научиться стрелять, швырять гранату, таиться в развалинах, ползать в грязи, рвать ножом горло, перевязать товарища - к январю сорок третьего года нас, обученных боевиков, стало пятьдесят групп;

это устав: «Оружием считаются огнестрельное оружие, топоры, ножи, кастеты, едкие вещества, горючие материалы и прочее»; среди прочего: «гранаты гетто» - кусок трубы с динамитом внутри или жестянка с железками и болтами, обернутая в пропитанную взрывчаткой бумагу, «коктейль Молотова» - бутылка с жидкой смесью, загорающейся при ударе, мина из двух металлических пластин с динамитом посередине и детонатором (при снаряжении иногда взрывалась, калечила); в тайных мастерских Эфраим Фондаминский, Моисей Ягодзинский, Мордехай Тененбаум и их товарищи трудились над самодельным этим оружием и ремонтировали присланное с «арийской» стороны;

это устав: «Каждый член «шестерки» должен быть вооружен. Каждый участок должен быть обеспечен оружием...», нет задачи важнее вооружения, о том крики ближним полякам и дальним нью-йоркским евреям, но отклик скуден, можно на «арийской» стороне изловчиться купить у частных лиц или итальянских солдат пистолет, патроны, даже пулемет, да денег мало: с бедняков гетто взять нечего, а богачу раскошелиться, что в кипятки нырнуть, - и тогда приходит пора праведного грабежа, сюжеты детективного кино: 30 января в два часа

ночи в квартиру кассира Юденрата Меламуда стучат еврей-полицейские, у них письмо Председателя Юденрата Лихтенбаума, он требует немедленно явиться в кассу и выдать деньги представителю гестапо, кассир добросовестно исполняет приказ - только бланк письма Юденрата краденый, подпись Лихтенбаума поддельная, полицейские шапки гостей Меламуда сняты с охранников Юденрата (их связали и рты им заткнули), а деньги, сто тысяч злотых, вместо представителя гестапо получил Герш Берлинский, командир операции; кассир Меламуд с мешком на голове был возвращен домой невредимым, что вряд ли утешило Лихтенбаума, как и протокол, составленный наутро гитлеровцами, которых он вызвал, - в драку с БОЕ немцы не рвались; навел боевиков на кассу печатник Юденрата Шимон Маюфес, член БОЕ, он затем занялся разведкой банка гетто; банк взяли под командованием Израиля Канала десять лучших бойцов, в гриме и масках, с несколькими гранатами и единственным револьвером, взяли посреди белого февральского дня, в районе, нашпигованном охраной и немцами, и телефон, имевшийся в банке, не выручил - Давид Новодворский выстрелил в воздух, случившийся вблизи народ послушно рухнул на землю, дежурные полицейские в герои не рядились и девушки Това и Мирка понесли в котелке для еды 100 тысяч злотых, а Герш Берлинский, Павел Брыскин и «Стах» прикрыли отход; еще БОЕ отняла 710 тысяч злотых у богатого Отдела Снабжения Юденрата; и сам Лихтенбаум частично оплатил ненависть гетто к себе, отдал 50 тысяч, правда, после того, как БОЕ подержала одну ночь заложником его сына, вослед папе дружившего с немцами;

это устав: «Проводить террористические акты в отношении еврейской полиции, еврейского самоуправления и фабричной охраны» - 29 октября убит заместитель начальника Службы Порядка, на следующий день воззвания на улицах гетто объявляют войну предателям и всесильная охрана боится сорвать листовку; и тринадцать казненных подонков - скорая наука многим евреям-полицейским, они снимают форменные шапки и прячутся; и фабричный охранник облит кислотой, и 21 февраля убиты четверо агентов гестапо, и подозрительно близкий к гестапо А. Носсиг уничтожен в собственной квартире;

это Гиммлеру, озабоченному польским сопротивлением, приходится лично посетить гетто - «гнездо разложения и бунта», и на мертвых улицах рейхсфюрера в его автомобиле берегут офицеры СС, а спереди и сзади едут танкетки в боевой готовности;

это в преддверии полного уничтожения гетто (немцами решено, евреями - понято) бросок во встречный бой: на 22 января БОЕ планирует поминание трехсот тысяч, погибших полгода

назад, костром на площади, венками, транспарантами и избиением Службы Порядка на улицах гетто;

это опережающий удар нацистов: восемнадцатого января в семь тридцать утра двести немецких жандармов, восемьсот литовских и латвийских фашистов, усиленных польской полицией, ворвались в гетто выселять евреев в концлагерь; вспыхнула листовка БОЕ: «Евреи! Боритесь!», рванула гранатой немцев и себя семнадцатилетняя Эмилия Ландау, и снег на улицах гетто расцвел кровью боя; «Евреи стреляют!» - изумились оккупанты и взялись за дело основательно: легкие танки, артиллерия, пулеметы, полевые кухни, автомобили с боеприпасами, штаб на Мурановской площади, оперативные карты на столах, вестовые на мотоциклах - достаточно, чтобы совладать с группой грузчиков Моисея Чемпеля, чтобы прикончить портного Яшу Гринштейна, поднявшего нож на эсэсовца, или чтобы перестрелять шестьдесят евреев, которые взбунтовались перед погрузкой в вагоны, - достаточно для отдельных боевых успехов, но остались не добытыми до конца группы Вениамина Лейбгота, Бронислава Яворского и Израиля Канала, хотя в каждой было лишь два револьвера и одна граната, к тому же у Канала граната не взорвалась, боевики отступили в другой дом и, умирая один за другим в отчаянном бою, заставили все-таки немцев откатиться; не все погибли и на центральном участке гетто, где Захария Артштейн, Ицхак Цукерман, Сильвия Любеткин и их товарищи, засев в домах, пропускали гитлеровцев внутрь, а потом, отрезая выход, атаковали со всех сторон; и в группе Анелевича кое-кто уцелел после того, как они со своими пятью револьверами, пятью гранатами, бутылками, ломami и палками сначала заставили эсэсовцев бежать, бросая оружие и каски, потом, под напором свежих немцев, забаррикадировались в доме на Низкой улице, а когда осаждающие прорвались в дом, подожгли лестницы и отстреливались до последнего патрона; сам Анелевич (он убил несколько фашистов, отобрал у жандарма карабин и парабеллум, попал в окружение) – тоже выжил, его выручил Ицхак Сукенник;

это нехватило немцев на то, чтобы ходить за евреями в огрызающиеся огнем дома, а на улицах да взрывая подвалы, набрали они только шесть с половиной тысяч смертников вместо предписанных Гиммлером шестнадцати тысяч; неостало им техники и штабных талантов и тысячи воинов, чтобы одолеть гетто - 22 января они отступили, потеряв около двадцати убитых и полсотни раненых и имея в перспективе дальнейшее сопротивление евреев, нападения на эсэсовские патрули, поджоги немецких грузовиков, обезоруживание евреями украинских охранников, убийство группой грузчиков немецкого летчика, явившегося в гетто побаловаться грабежом, схватки БОЕ с польской полицией (в конце марта полицейские

отобрали у группы Артштейна деньги и патроны и засели в банке Юденрата, боевики Артштейна осадили банк, оборвали телефон и вынудили полицейских все вернуть) - и хотя немцы неоднократно «усмиряли» гетто, только 13 марта за два часа убили около двухсот человек, вытасненных из убежищ и просто прохожих, в том числе четырнадцать детей - все-таки Анелевич мог в тот же день заявить: «...с 18 января еврейское население Варшавы находится в состоянии постоянной борьбы с оккупантом и его прислужниками», и Лихтенбаум честно ныл немцам: «Власть в гетто уже мне не принадлежит. Тут правит другое правительство»;

это - Боевая Организация Евреев, БОЕ.

Я - из БОЕ.

Я стою у стены, исковерканной взрывом. Блондин еще возится с фотоаппаратом, брюнет, скучая, раскуривает сигарету. Солнце прыгает в объективе и ласкает ствол автомата. Мне бы тот автомат!.. Я - из БОЕ.

БОЕ и СС - раненая девчонка и два вооруженных эсэсовца...

БОЕ и СС - букашка против танка, а вот поди ж ты...

Сам генерал-губернатор Франк, обеспокоясь, 23 января прибыл в Варшаву - лично разобраться... Время для немцев хлопотное: под Сталинградом кончается армия Паулюса, англичане жмут в Северной Африке, бомбы молотят немецкие города, всполошилась партизанами Европа... И Польша бурлит: диверсии, саботаж, покушения... В гетто от новостей - подъем: БОЕ реорганизуется, изживает промахи, пополняет ряды, не упуская случая прикончить немца или предателя, сближается с ЕВС, организацией евреев-фронтовиков, те тоже не дремлют: 11 февраля убили эсэсовца, 18 февраля - двух жандармов... Евреи рвутся умереть в бою. Генерал-губернатору было о чем поговорить с варшавскими властями: в геройском теле Великой Германии докучной занозой этот город и его гетто.

Волнение достигло вершин: Борман доложил о Варшаве Гитлеру. Гитлер, по словам очевидца, подумал...

...о чем подумал? Не Вену ли вспомнил, свой нищенский 1909 год и еврея Неймана, соседа по ночлежке для бедняков, который подарил ему, еще не Гитлеру, еще не фюреру, длинный, до колен сюртук, - но нет, чушь сентиментов, паутина под железной пятой Истории... Пожалуй, об Истории он и подумал, об исторической своей миссии...

...подумал, - заканчивает очевидец, камердинер Гитлера, - и сказал, что нужны репрессии.

Стандартный ход их мысли. И стандартно раскатывается отлаженная машина: 16 февраля сорок третьего года Гиммлер приказывает ликвидировать варшавское гетто. «Иначе никогда не добьемся умиротворения Варшавы», - наставляет рейхсфюрер СС главного эсэсовца Генеральной губернии генерала Крюгера.

Они приняли радикальное решение: уничтожить гетто, а заодно и близлежащие польские кварталы. Варшаве быть урезанной, с концлагерем для поляков на месте еврейского района, с «усмиренными» жителями - город с переломанным хребтом.

Варшавский начальник СС фон Саммерн стал готовиться к операции. Он не оставил попыток «мирно» переманить евреев в лагеря смерти: им обманно сулили новую жизнь, одновременно подталкивая запугиванием, облавами и расстрелами. Но БОЕ развернула контрпропаганду, поджигала вывозимые станки и сырье, отбивала у конвоя «переселенцев». В щеточных мастерских из четырех тысяч человек согласились на выезд лишь двадцать - и тех пришлось вести к вокзалу «арийскими» улицами, подальше от боевиков. Нет, не хотели евреи «добром» умирать, и семнадцатого апреля незадачливого Саммерна сменил заслуженный генерал СС Струп. (Он, впрочем, предоставил Саммерну честь начать войну с гетто).

Пришел наш момент истины.

Стоять бы мне сейчас не под изодранной стеной, а возле классной доски, - я такую бы для наглядности расписала таблицу:

н е м ц ы	е в р е и
Ц е л ь	
Уничтожение евреев Варшавы - 70 тысяч человек.	Умереть борясь.
С р о к и	
3 дня	«Немцам придется воевать в гетто» (Анелевич) месяцами
П л а н ы о п е р а ц и и	
План Саммерна: усилить изоляцию гетто дополнительной охраной и сокращением движения снаружи стены; внутри гетто облавы и расстрелы.	Первая фаза: уличные бои. Баррикады против танков и авиации бессмысленны. Поэтому - обстрел из укрытий: с крыш, верхних этажей, чердаков. Боевые силы делятся по четырем участкам гетто: центр, щеточные мастерские, Мурановская

План Струпа: не расплывать силы на облавы, а колоннами двигаться по двум основным улицам гетто, Налевки и Заменгофа, последовательно подавляя огневые точки и сужая территорию повстанцев, в конце массированным ударом прикончить их.

фабрики. Основные узлы сопротивления - входы в гетто и перекрестки улиц.

Вторая фаза: базы для нападения переносятся под землю, в бункеры и подвалы. При обороне бункеров - «партизанская тактика»: одна группа прикрывает вход, другая запасным выходом выбирается наружу и атакует осаждающих с тыла.

В о о р у ж е н и е

Автоматы, пулеметы ручные и станковые, две артиллерийские батареи, огнеметы, 6 танков, самолеты, газы.

Несколько винтовок, автоматов, пулеметов, около 70 пистолетов (половина неисправна), гранаты, самодельные мины и бомбы, зажигательные бутылки, топоры, ломы, ножи, кипяток, кислота.

Ж и в а я с и л а

Войска СС, армейские части (артиллерия, саперы); полиция СС, гестапо, полиция польская, пожарные части, группа технического обеспечения, вспомогательные отряды украинцев и латышей - всего 2038 человек (в том числе 29 офицеров), многие с фронтовым опытом и специальной подготовкой к действиям в гетто.

Члены БОЕ, отряды ЕВС, профессиональные, домовые и подвальные группы, группа религиозных евреев, одиночки - всего организованных бойцов менее 1000, обученных офицеров - ни одного. Возраст большинства бойцов 18-25 лет.

К о м а н д и р ы

Юрген Струп, 48 лет, член СС и нацистской партии с 1932 г., генерал СС, опытный военачальник и каратель: участвовал в двух мировых войнах, подавлял немецких, чешских и польских антифашистов, советских партизан, уничтожал евреев во Львове. Образцовый фашист, отличался в СС исполнительностью и жестокостью. В Варшаве мог дополнительно консультироваться с военным комендантом генералом Россумом и губернатором Фишером.

Мордехай Анелевич, 22 года, член левосионистской организации «Молодая гвардия», с 17 лет активный антифашист, руководитель молодежных отрядов по борьбе с погромщиками. В варшавском гетто - один из создателей боевого подполья. Выделялся организаторскими и военными способностями, личной отвагой, скромностью и обаянием.

Таблица жаждет продлиться: выразительно сопоставились бы, например, санитарные машины и полевые кухни немцев с еврейскими бумажными бинтами и травянистой похлебкой в чаду подземелья... Но некогда мне, и тема гонит: уже 18 апреля, воскресенье...

А какое воскресенье на войне? Начальство СС и полиции совещается о последних деталях, в 18 часов польская полиция окружает гетто, в 19 часов на пунктах БОЕ узнают об окружении, на квартире Анелевича сходятся командиры. Последние приготовления, оружие давно роздано, осталось распределить продукты и цианистый калий - лекарство от крайней беды. Всем группам передано: пароль «Ян - Варшава» - боевая готовность.

Мы заняли позиции в укрытиях, ворота домов забаррикадировали мебелью и телегами, окна-бойницы заложили мешками и подушками, работали споро, пощучивали - тягостная длительность ожидания сменилась, наконец, делом.

В два часа ночи снаружи стены гетто к польским полицейским присоединились немецкие жандармы и украинско-латвийские части с крупнокалиберными пулеметами: посты через каждые двадцать пять метров - обложили... Внутри, по улицам гетто, прошлись разведывательные патрули латышей и полиции.

У БОЕ на улицах свои заботы: предупредить жителей, расклеить листовки: «К оружию! Женщины с детьми - в укрытия!», поднять бело-красные, красные и бело-голубые флаги, вывесить на стену, наружу, призыв к полякам о солидарности, - мы все успели к рассвету девятнадцатого апреля, когда на пустые улицы гетто полковник фон Саммерн ввел свои силы.

Силы недурно выглядели, силы пели песни. Спереди они прикрылись от пуль евреями из Службы Порядка (их собрали ночью по тревоге и погнали головной колонной, отказавшихся тут же расстреляли). За Службой Порядка - увешанные оружием немцы, латыши и украинцы: мотоциклисты, следом танки и броневтомобиль, грузовики с пехотой и станковыми пулеметами, в замыкании - санитарная машина, полевая кухня, автомобиль связи и другие вспомогательные средства, среди них громкоговоритель, зовущий евреев добровольно явиться на отправку. Однако евреи не выходили из убежищ, и в немецкой колонне томились без дела специалисты по приемке живого груза, такие, как комендант концлагеря в Травниках обершарфюрер СС Бартошек, он же Бартечко, славный участием в киевской резне евреев.

Но время - иное, Варшава - не Киев и улица Налевки – не Бабий Яр. «При первом вторжении в гетто евреям и польским бандитам удалось... отбросить наши атакующие силы

вместе с танками и броневедомобилями», - так отчитывался потом начальству генерал Струп, сгоряча обнаружив «польских бандитов» там, где их не было. Били немцев расово неполноценные евреи, но признать это арийской душе стеснительно...

Итак, они идут по улице Налевки к центру гетто, где их бронированная мощь сметет основные силы повстанцев, после чего разрозненным шайкам останется поднять руки или лечь под пули, они идут по улице Налевки и бодрая солдатская песня трясет вонючие стены вонючих домов, и вонючие наклейки с дурацким воплем «Погибнем с честью!» смешат непобедимых солдат, они идут, веселясь, до угла Гусиной улицы, здесь дом номер 33 плюет в них гранатой, соседние окна и балконы изрыгают огненосные бутылки, свист пуль, пистолеты и прочерк автомата, пламя... кровь... бежать!.. крики... пальба... Курт убит... Ганс в корчах... плевать на Ганса... «Назад!» - вопит офицер... «Вперед!» - вопит офицер... в задницу!.. спрятаться!.. за столб... в ворота... из ворот - бомба... проклятые жида!.. взрывы... хрип... смерть... - о. Mein Gott, как испортилась песня!..

Они бежали, в спину им восторженно трещали пистолеты и голосила девчонка в иступлении счастья: «Смотрите все! Настала расплата!».

Они вскоре пришли в себя, подкрепились свежим отрядом вермахта, уже опасливо, издали, полили огнеметами дома Налевок, а потом атаковали – за два часа боя они не убили ни одного еврея и отступили, оставив трупы, а на них мундиры, каски и оружие - трофеи, дозарезу необходимые нищим победителям.

Впрочем, день только начинался, и в запасе у немцев был полководческий гений Струпа. Генерал уже в восемь утра сменил Саммерна - тот успел за это время после Налевок доконать свою боевую карьеру на улице Заменгофа, где вторая его колонна, тоже с евреями-полицейскими впереди, угодила в котел, устроенный повстанцами: пропустив шеренги Службы Порядка, они с трех сторон ударили по немцам гранатами, бутылками и имевшимся здесь пулеметом, один танк сгорел с экипажем, два другие отступили вместе с пехотой, украинцы и латыши бросились в укрытия, немцы прикладами гнали их в бой, иные эсэсовцы при этом сами прятались, и было от чего: полсуют пули, полыхают бутылки, прибыл новый танк – и его подожгли, кто-то в горящем шлеме мечется, другой, обеспамятев, орет «Юден... Ваффен! Юден... Ваффен!», - полчаса это длилось, немцев погибло двенадцать, евреев - один, и в семь тридцать утра, держа в уме еще и проигранный первый бой на Налевках, Саммерн явился в гостиницу к Струпу, чтобы доложить: «Все погибло, нас больше нет в гетто». «Дорогой Саммерн, ты еще не дорос до таких задач», - сказал Струп, и оберфюрер СС фон

Саммерн-Франкенегт выпал из дела, из Варшавы, а вскоре, подстреленный партизанами в Хорватии, из жизни вообще. Еврейские козни...

Генерал же Струп отправился в гетто - лично торить себе тропу в бессмертие. Правда, вскоре преданные подчиненные упростили его перенести свою ставку на «арийскую» сторону, поскольку в гетто генерала дважды обстреляли, приходилось передвигаться под заслоном автоматчиков, да на улицах располагалась охрана, да на крышах - и все равно боязно было от евреев.

Первое дело генерала - улица Заменгофа, основная артерия гетто. Струп ввел в бой артиллерию и, потеряв несколько человек от гранат боевиков, заставил все же повстанцев отступить.

В полдень он приступил ко второму штурму перекрестка Налевок и Гусиной. Никаких маршировок и песен, фронт как фронт: «Батарея, к бою! Огонь!», наступать цепью под стенами домов, противника - в клещи, охват с запада по Гусиной и с севера, от Мурановской площади, а с третьей стороны, на Налевках, ставить баррикаду из тюфяков - бить оттуда по перекрестку, артиллерии прикрыть стройку огнем, «Что, эти болваны с «коктейлями» против пушек еще живы?! Танки - вперед, автоматчики - за танками!», евреи последними гранатами разносят баррикаду и переходят чердаками на новые позиции, «Вызвать авиацию!» - командует Струп, вой пикирования, взрывы, дым, пыль...

Израсходовав боеприпасы, группы БОЕ отступили. Отходя, подожгли большой склад - немцам ничего не должно достаться. Бой длился шесть часов. Погибло несколько евреев. Маловато Струпу для победной репортажа - что ж, итоги можно улучшить больницей на Гусиной 6, откуда медсестры носили воду раненым повстанцам. От бомбы больница загорелась. Солдаты Струпа ворвались внутрь. Здесь они воевали умело: медиков и больных в пламя, новорожденных - головками о стену, роженицам - вспороть животы...

Развивая успех, отряды Струпа прошли по Налевкам до упора улицы в Мурановскую площадь, и здесь их встретила Мечь. (Она, как часто бывает, могла спутать адрес, вершась, например, на том солдате вермахта, который дал возможность спрятаться еврею Гольдману, но таких среди покорителей гетто было ничтожно мало, поэтому тут вряд ли следует опасаться несправедливости).

Первая группа фашистов, приблизившись к площади и хоронясь от пуль, не нашла себе укрытия лучше подворотни, занятой боевиками: немцев немедленно перебили, сняли с трупов одежду и оружие.

А в 16 часов, завершив ратные труды на Налевках и Гусиной, на угол Мурановской площади, где развевались флаги восстания, явилась большая колонна немцев под охраной танкеток: СС, жандармы, батальон полиции-площадь потемнела от мундиров.

Бой был злым. Евреи подожгли танк и захватили два пулемета. Санитарные машины немцев не останавливались – было кого возить. «Евреи и бандиты, - рапортовал потом Струп, - оборонялись, переходя с одного пункта на другой, и в конце концов ушли через чердаки или подземные проходы».

«Бандиты» - бойцы БОЕ и двух групп ЕВС под командованием Павла Френкеля и Леона Родала. Это они заняли блок домов и атаковали, меняя позиции. Их главный опорный пункт, бетонный дом номер 7, имел вдоволь боеприпасов, а сверх того, получал оружие от союзных поляков через добротный туннель, который вел к противоположному дому на «арийской» стороне (стена гетто делила площадь).

Немцы наседали много раз. Дом 7 отвечал гранатами, из-под его крыши исправно строчил пулемет, соседние дома тоже не поддавались, и к восьми вечера Струп устал воевать на Мурановской площади, где всех убитых евреев за многочасовой бой на-

бралось только девять, - и немцы

ушли

из гетто.

...Бойцы подняли головы. Мгла разбитых домов. Кровь на мостовых. Пустые улицы. Ребенок выползает из подвала, старик выглядывает из развалин. Они живы, они не в поезде смертников, они дома и - нет немцев, нет украинцев, нет полиции... Евреи победили.

Они победили, выжив на Налевках и выстояв на Мурановской площади. Они победили в схватках на Смочьей улице и на улице Счастливой, на Низкой и на Ставках, где теперь грузчики щеголяют оружием, снятым с убитых врагов, и на Францишканской, где немецкий танк запнулся возле еврейской баррикады. Победили раненые, которые стреляли до последнего вздоха, победили дети, метавшие бутылки с горючей смесью. Победили 4800 работников фабрики Брауэра, которые безоружными так сопротивлялись в своих подземных бункерах выселению, что после штурма и уничтожения укрытий немцы захватили меньше 380 человек. Победили два парня с винтовками и девушка со знаменем, они с балкона дома, уже захваченного фашистами, стреляли вниз, в эсэсовский отряд, пока не полегли. Победила неизвестная шестнадцатилетняя девочка, когда обвязалась бутылками с «коктейлем», облилась бензином, подожглась и с балкона бросилась на проезжающий внизу танк, уничтожив его собой.

Победили мертвые и живые: тот, кто поднял оружие, и тот, кто захлебнулся в канализации, когда Струп, отрезая пути, велел заполнить каналы водой, и тот, кто не поддавался провокации гестаповского агента Ганцвайха - его фальшиво-тайная «Польская Боевая Организация» тщетно звала евреев к уличным боям, выманивая их из укрытий под немецкие автоматы.

Поляк, случайно уцелевший в гетто вопреки немецкому старанию уничтожить свидетелей, напишет позднее: «В течение двух войн я побывал во многих сражениях, но ни одно не производило такого потрясающего впечатления... В пламени беснующихся пожаров, в грохоте противотанковых и полевых орудий, минометов и пулеметов пробирались немецкие саперы под еврейские гнезда сопротивления, чтобы заложить взрывчатку. Использовались и огнеметы. После всей этой подготовки немецкая пехота приступала к штурму и раз за разом отбрасывалась евреями. Только на одном участке я насчитал 15 убитых и 38 раненых немцев. Евреи... обороняются яростно и решительно».

Мы наконец увидели страх непобедимых «сверхлюдей», мы наблюдали, как эсэсовцы боятся войти в уже умерщвленный дом, мы слышали музыку вражеской агонии - мы упивались правдой борьбы и в жажде продлить упоение ночью развешивали плакаты «Воюем до конца!» и швыряли из-за стены гетто гранаты в полицейский патруль на «арийской» стороне.

Это мы, мы заставили генерал-губернатора Франка 20 апреля сообщить в канцелярию Гитлера: «Со вчерашнего дня имеем в Варшаве хорошо организованное восстание в гетто, которое уже необходимо подавлять с помощью артиллерии». А Мордехай Анелевич написал на «арийскую» сторону: «Мы атаковали немцев, которые бежали. Наши потери невелики. <...> Мечта моей жизни сбылась. Самозащита евреев в гетто стала фактом, и месть евреев обрела реальные формы. Я свидетель прекрасной героической борьбы еврейских повстанцев».

Мы победили. Впереди у нас - смерть. А сегодня - праздник. Праздник свободы. Пасха!

Пасха - евреи вырвались из рабства. Пасха - воскрес Христос. Пасха - праздник Жизни.

В этот, 1943-й, год еврейская и католическая пасха совпали на одну и ту же неделю. Подоспело и фашистам: 20 апреля - день рождения фюрера. Всякому своя радость. И свой обряд.

В гетто пасхальную молитву возносило оружие.

Струп взял заложниками членов Юденрата и, грозя стереть гетто с лица земли, предложил евреям сдаться. Мы предпочли бой.

Пробитые пулями знамена групп ЕВС на Мурановской площади долго портили праздник немцам: неустанные их атаки захлебывались, повстанцы сидели прочно в домах, пуповина туннеля питала их оружием дружественных поляков, евреи и сами в дерзких вылазках добывали у врагов автоматы и патроны - они держались больше суток, день рождения фюрера обернулся смертями его солдат и даже одного офицера, Струп в отместку велел расстрелять на месте несколько сот евреев, но торжество все-таки было омрачено, поскольку боевики с Мурановской в конце концов ускользнули. Большинство с помощью отряда капитана АК Иванского вышло через туннель на «арийскую» сторону. Праздник бы им, пусть израненным и обессиленным, да свой праздник у других поляков: двадцать повстанцев уже за городом, в лесу, настигла и после перестрелки захватила полиция, семеро остальных укрылись в доме на «арийской» стороне, но их выдал немцам польский фашист - отстреливаясь, почти все погибли...

Комбинация торжеств одарила радостью и наши пять групп на цветочной фабрике. Нам двадцатого апреля выпал главный бой.

Накануне ночью командир Марк Эдельман преподнес бойцам пасхальный подарок: по 1-2 патрона каждому - их купили вечером, пополнив оснащение, которое позволяло предвкушать толковую схватку: у нас были револьверы, карабины, гранаты, бутылки-бомбы, даже мину мы заложили перед воротами фабрики. Люсик Блонес, самый младший из почти сотни бойцов, сиял: в четырнадцать лет – собственный немецкий револьвер! А сорокалетний Абрам Диамант, ветеран войны, бывший сержант, имел и пистолет, и винтовку... Мы гордились своей готовностью и восторженно кричали со стены гетто проходим на «арийской» стороне: «Поберегитесь, братья-поляки, будем стрелять в немцев» и «Воюйте вместе с нами!» и «Да здравствует Польша!». А когда в четыре утра к фабрике двинулись триста немецких солдат и одних мотоциклистов набралось около ста пятидесяти и слышался лязг танков, мы ощутили настоящее счастье: немцы признали нашу силу.

Праздник разгорелся в три часа дня. Струп скомандовал штурм, триста немцев бросились к фабрике и взрыв нашей мины их трупами салютовал именинам фюрера. Панической волной отхлынули немцы, чтобы через полтора часа вернуться и снова откатиться под уханье гранат и «коктейлей Молотова». Их кровь - наше вдохновение, под густым огнем мы непрерывно

меняем позиции и обстреливаем скопления фашистов: на малые цели тратить патроны запрещено - экономия.

Экономия! Люсик Блонес на лету перехватывает немецкую гранату и швыряет обратно в эсэсовцев... Без промаха стреляет семнадцатилетний Шладек Шустер... Они берегут боеприпасы, они только себя не экономят, и гибнут Михал Клепфиш, Реня Немецка, Якуб Прашкер... Тот, который считал меня красивой, тоже погиб здесь после того, как на крыше два часа из-за трубы обстреливал нападавших. А опытный Абрам Диамант сумел и себя сберечь за баррикадой из матрасов и шестерых немцев уложить.

Мы так рвались утопить праздник фюрера в арийской крови, что Струп, смилив тевтонскую гордость, выслал парламентаров к «недочеловекам». Он предлагал евреям четверть часа перемирия и сдачу. (Отряды эсэсовцев тем временем поджигали дома, в домах горели люди). Но почти все остались на местах и противопоставляли артиллерийскому урагану Струпа свои взрывчатые самоделки, пока не кончились и они.

Мы сумели сменить позиции в ночь на двадцать второе, перешли сами и эвакуировали часть жителей: наш Романович метким выстрелом разбил эсэсовский прожектор и темнота уберегла нас. Все-таки мы немного отступили, а это уже был для немцев какой ни есть праздник - особенно если рапортовать начальству торжественным слогом Струпа: «Брошенная в бой 100-миллиметровая гаубица выбила банды из сильных укреплений».

Крутился праздник в эти дни - гулянка в гетто!

В центре, на улице Милой, где наши базы и штаб, торжествуют немцы: захвачен красный флаг повстанцев. А рядом, на улице Заменгофа, радуются боевики: освободили, разогнав конвой, колонну захваченных евреев. Еще успех - бой на территории немецких фабрик Тоббенса и Шульца. Он длился несколько дней, начавшись в шесть утра двадцатого апреля, когда наши, желая отвлечь силы немцев от центра гетто, сами атаковали немецкую колонну на подходе к гетто. Фашисты шли по «арийской» стороне улицы Лешно под веселье оркестра и успокоительный рык танка - и тут из-за стены гетто полетели пули, гранаты, бутылки, петарды... А по соседству, внутри гетто, на улице Смочей отозвались огнем другие группы БОЕ.

На Смочей немцам - подарок судьбы: не сработала мина, заложенная группами Адама Шварцфуса и Льва Рудницкого. Впрочем, боевики, не растерявшись, схватились за бутылки с «коктейлями» и сами себе подарили горящий немецкий танк.

Так и чередовались стоны и восторги, только не всегда разобрать, кому удача. Тому еврею, что вышел с поднятыми руками из дома и крикнул «Смочая пять сдается»? Немцы,

поверив, ринулись к дому, где их встретила засада. Он, правда, погиб, тот везучий... Или эсэсовцам на улице Лешно, которые 20 апреля в затяжных боях уничтожили сорок два боевика из пятидесяти шести? Или евреям, выжившим после того, как Струп начал взрывать подвалы и поджигать дома?

Замечательным фейерверком украсило горящее гетто праздник варшавских христиан.

Светлое Воскресение Христово! Весна, солнце, полузабытой волей овеяло сердца и прояснились улыбками лица. В домах, еще стылых от зимы, воспарили ароматы пасхальной снеди, накопленной загодя голодным городом - хоть в эти дни вдосталь еды, кое-где и ветчина розовела, и яйца блистали, и корнишоны, вывалясь рядком на расписное блюдо, благоухали маринадом, и свежий салат невесть откуда, и детская ручонка шелестит конфетной оберткой, и тортик, и галаретка, а уж выпивка - что за радость без вина?! Христос воскрес! На улицах свет чистого неба, гуляют нежные облака, туго гнутся деревья под легким ветром, на голых ветвях отточия почек - обещание жизни. Первые цветы, свежесть травы, заря восходит в усталых глазах, гаснут заботы, тихое благочестие заполняет душу и можно лелеять розовые бутоны надежды, да мешает тяжелое уханье пушек в районе гетто и отдаленный стрекот пулеметов и тянет оттуда гарью и слухи ползут страшные, но «тс-ссс, нас это, слава Богу, не касается», - говорили одни и «поделом им, наверно, - думали другие, - Господь все милостивый зря карать не станет», а третьим просто надоели ужасы, хоть бы в праздник отдохнуть от кошмара, гори оно все огнем, и оно горело на радость четвертым, тем, кто неподалеку плясал в праздничных хороводах, крутился на каруселях с покорителями гетто, отдыхающими после доблестного труда, кто с упоением охотился на беглецов из гетто, кто не ленился с окраины добратся сюда, чтобы позабавиться корчами еврейских повстанцев, висящих на балконах.

К четвергу двадцать второго отдельные пожары в гетто слились в море пламени; блок за блоком, улица за улицей погружались в огонь, из него вопили тысячи горящих людей. Гигантским крематорием в тучах дыма вздыбилось гетто, и любознательной публике представился невиданный аттракцион: живые факелы выбрасываются с этажей поодиночке и семьями...

...плавный лет стоймя мужчины, на голове - костер волос...

...мать, завязав глаза ребенку, в обнимку с ним пронзает желтое жерло балкона, пламя, охватывая обоих, распускается за ними красноогненным хвостом жар-птицы, миг спустя оборачиваясь лужей крови на мостовой...

...грохотом разломанный воздух, треск стекол, черная метель сажи...

...падающую старуху подцепил гвоздь карниза, она повисла вниз головой, горящее платье накрыло лицо, белая бессильная нога, драные панталоны, звериный крик, и «выстрел жалости» нестойкого солдата обрывает феерический цирк этот -

- захватывающее зрелище, его бы еще интереснее поглядеть не издали, а внутри гетто, вот где открылись бы презанимательнейшие картины! В одном из подвалов, где собирали раненых и обожженных, можно было видеть семнадцатилетнюю девочку с ногами, обгоревшими дочерна. Она лежала вповалку с другими, и в общей тесноте проходящие мимо не могли ее не толкать. Она нечеловечески выла от боли, не забыть ее крик «Добейте меня!»... А рядом - изуродованные тела, обгоревшие безглазые лица, стонущие провалы ртов... В углу - годовалый ребенок, ручки и ножки обгорели, уже не стонет - обессилел, на личике - нечеловеческая боль. И матери не взять его на руки - сожжены; губами, опаленными, в волдырях и струпьях, она молит убить ее и ребенка...

Я вспоминаю тот ад со стыдом за свое благополучие, за то, что мне не пришлось просить спасительной смерти, за то, что моя раненая ступня онемела и я могу воспринимать ласковый свет дня после черноты подвала, в который они швырнули гранату, а затем, победно приблизясь, для страховки прошлись автоматной очередью по трупам, разметанным взрывом, и пуля, попав мне в ногу, вырвала меня из беспамятства - тогда они выволокли меня наружу, к стене, облитой солнцем, чтобы позировать этому кретину, который наконец-то справился со своей техникой и дождался освещения.

Щелчок затвора. Стрекот переводимой пленки. Щелчок. Перевод. Щелчок. Перевод. Что-то не так - сникла улыбка моего фотографа. Он показывает мне рукой: поверни лицо к солнцу. Как же, дождешься!

Брюнет вешает автомат на грудь, подходит ко мне, обдает запахом пота и табака, хватая мой подбородок и брезгливо (я тоже не благоухаю!) отклоняет мне голову. «Так?» - спрашивает блондина. Тот кивает. Брюнет возвращается. Треск затвора, и опять остановка. Идиш похож на немецкий, и я понимаю, когда блондин говорит брюнету: «Плохо, Отто. Плохое лицо. Невыразительное. Надо расшевелить нашу красоточку».

Отто (в его черноте, в длинном вислом носе, в темных глазах что-то восточное, смягчись злой взгляд печалью и я бы сказала: еврейское, - смешно!), Отто вытаскивает сигарету, закуривает, идет ко мне. «У цыпочки болит ножка, - объясняет он на ходу блондину. - Но сейчас мы ее развеселим. Мы сделаем в ее черненьких глазках две маленькие пепельницы». Блондин хохочет: «Ты остряк, Отто. Но - в другой раз. Лучше поправь ей кепку. Посмешней». Ладонь Отто бьет меня по голове, еще больше сдвигая кепку на одно ухо

и разворачивая ее козырьком набок, наверно, это достаточно забавно, потому что Отто, воротясь на место, криво ухмыляется, блондин тоже расцветает радостью и нажимает кнопку фотоаппарата. Кадр, другой, третий...

«Нет, Отто, - снова вздыхает блондин. - Оживить надо». Оба задумываются. Муки творчества.

Они стоят шагах в десяти от меня, почти рядом друг с другом. Роскошная цель! Я смотрю на автомат Отто. Спусковой крючок под мой бы палец! Как сладостно смердели бы трупами эти фотолюбители из СС...

Отто замечает мой взгляд, он снимает с себя автомат и медленно разворачивает в мою сторону. Я слежу за каплей солнца на мушке. Блондин вдруг хлопает себя по ляжке: «Слушай, Отто, я придумал!» Дальше не слышу, но вижу: брюнет понимающе кивает, опускает автомат и смотрит на блондина. Тот наводит объектив и командует: «Давай!» Отто поднимает оружие, кружок дула застывает против моих глаз, я жду удара и ударяет тихий щелчок фотозатвора. Еще раз, еще... Отто целит мне в лицо, блондин снимает. Потом поворачивается к приятелю: «Давай сначала. Должно получиться. Мы выберем потом кадр».

Все повторяется. Отто направляет на меня автомат - блондин снимает. Фотоохота. Они ловят во мне ожидание выстрела. Автомат вверх... вниз... в лицо... вниз... в сторону... в живот... в грудь... вниз... вверх... Фотоаппарат: щелк, щелк... Дело идет, блондин меняет выдержку, сверкает зубами: славные отщелкиваются дубли. «Хватит, Фридрих?» - спрашивает Отто. «Погоди, - говорит Фридрих, - она что-то слишком веселая. Так не умирают. Снимем еще».

Он вытаскивает коробочку с пленкой и начинает перезаряжать аппарат. А я продолжаю гнать свою память вслед умирающему гетто, и его правда требует не забыть ни тех, кто убивал или способствовал убийству или отворачивался, храня себя, ни тех поляков, кто сочувствовал нам тогда.

Они нашлись! Они громко презирали немцев: «Вояки! Не могут сладить с горсткой евреев!», они из уст в уста передавали подробности боев, и слухи распускались легендами, в которых немцы и украинцы тысячами гибли в гетто, группа евреев, захватив немецкий танк, выезжала на нем из гетто в город, на территории щеточных фабрик являлась восемнадцатилетняя красавица в белом, еврейская Жанна д'Арк, она косила немцев из пулемета, а ее саму не брала никакая пуля, наверно, благодаря кольчуге.

В эти дни националистические польские газеты писали: «судьба евреев стократ ими заслужена» («Борьба», 25.04.43 и май 43 г.), «борьба евреев не имеет ничего общего с

Польшей» («Великая Польша», 5.05.43), «ликвидация евреев – позитивное явление для Польши» («Польское государство», 12.05.43). Газеты более умеренные стеснялись обычного антисемитизма – уж больно ярко горели евреи! - но все же не забывали напомнить полякам о разногласиях между «нами» и «ими» («День Варшавы», 23.04.43).

А другие поляки, которых, правда, было гораздо меньше, писали о борющихся евреях: «...их почин не останется без эха. Войдет он в легенду сражающейся Польши, станет общим достоянием польского народа» («СРН - Свобода, Равенство, Независимость», 7.05.43) и «Сводку с поля боя [в гетто] следует читать на фронтах сражающегося человечества, чтобы каждый солдат мог гордиться боевым братством с теми, кто с оружием в руках погибает в домах и на улицах варшавского гетто» («Польша борется», 30.04.43).

Националисты убили на улице бундовца Цвиллиха, связанного с подпольем гетто. 22 апреля группа еврейских рабочих подкупила немца-конвоира и выбралась на «арийскую» сторону - тут же банды погромщиков загнали их обратно в горящее гетто.

А другие поляки, презрев смертную казнь, которую немцы сулили за помощь евреям, вывели из гетто и укрыли группу из шестидесяти человек. Другие поляки могли перебросить через стену гетто камень, завернутый в записку: «Из больницы Яна Божьего. У нас есть два свободных места. Товарищ из ПРП». Они, другие поляки, решились на вооруженную помощь евреям.

Левые подпольные организации ПРП и Гвардии Людовой, едва началось восстание, расклеили листовку «Поляки! Немцы приговорили к смерти последние тридцать тысяч евреев в гетто. Выстрелы слышны в ваших домах. Женщины и дети обороняются голыми руками. Спешите на помощь!». Они передали в гетто 25 винтовок и несколько тысяч патронов, они закупили для БОЕ оружие на «арийской» стороне, они внедряли своих людей в дома по соседству с гетто, чтобы помочь беженцам оттуда, они, наконец, 20 апреля убили четверых немецких пулеметчиков из оцепления гетто, а двадцать второго диверсиями на железной дороге на два дня затормозили вывоз евреев, схваченных в гетто. Не обошлось без жертв: 21 апреля при попытке переправить в гетто оружие немецкий патруль застрелил Эдварда Бониславского, 22 апреля двадцать пять гвардистов, атаковавших немцев снаружи гетто, были все схвачены и расстреляны.

Ввязалась в дело и АК (Армия Крайова), хотя хватало в ней антисемитских настроений, хотя верховное ее руководство - польское эмигрантское правительство в Лондоне и его варшавская Делегатура - не торопилось воевать. БОЕ просила помощи оружием у Делегатуры

еще 21 апреля. 27 апреля - новый призыв: «Уже восемь дней варшавское гетто в огне борьбы. Героическая и одновременно трагическая борьба варшавского гетто вызывает уважение и изумление всего сознательного польского общества... Но до сих пор со стороны военных деятелей подпольной Польши выражения симпатии к борющемуся гетто не нашли конкретного воплощения... никакой, даже самой минимальной помощи боеприпасами или боевой техникой гетто до сих пор не получило. Сейчас, в последние минуты, в огне неугасающих пожаров, при канонадах ночных атак, снова обращаемся к вам с горячей просьбой немедленной военной помощи...». Чем ответила Делегатура?

Я стою у стены, искореженной взрывом, мне отсюда не заглянуть в Архив Делегатуры, в папку номер 458, не прочесть на страницах 302 и 353-5: «в период восстания в гетто командующий военными силами варшавского округа послал воюющему гетто солдатский привет» и «премьер Сикорский и представитель правительства в стране выразили свою солидарность». Я этого не читала, зато я читала в подпольных газетах Делегатуры, что помощь евреям «сейчас невозможна» («Борьба народа», 1.05.43), что Варшава хотела бы помочь евреям, но «холодный разум удерживает нас... Наш час еще не настал» («Голос труда», 6.05.43).

Но был в АК генерал Антони Хрусцель по кличке «Монтер», были командиры Иозеф Рыбицкий («Анджей») и Франтишек Непокочичский, они решились включить отряды АК в восстание евреев как только оно начнется. 19 или 20 апреля люди капитана Иозефа Пшенны, поддержанные евреями-гранатометчиками из-за стены гетто, ведя бой с немцами и польской полицией, взорвали мину на улице Бонифратерской в нескольких метрах от стены, раскупорив ее проломом. Иозеф Вилк и Эугениуш Моравский оплатили своими жизнями этот лаз для евреев.

22 апреля бойцы офицера АК Венчковского («Рышарда») напали в одном месте на немцев, в другом - на литовский конвой схваченных евреев, которые, пользуясь суматохой боя, сбежали на «арийскую» сторону.

Сообщения о гетто ушли по тайным польским радиоканалам в Англию, чтобы вернуться в Польшу 22 апреля передачей польской эмигрантской радиостанции «Свит» («Рассвет»): «Героическая борьба гетто продолжается... Еврейские боевые группы проявляют великое умение воевать и огромную отвагу, ...инженер Михал Клепфиш пал героической смертью на поле славы».

Как мы были благодарны и за дело и за слово! Анелевич двадцать третьего писал на «арийскую» сторону нашему представителю Цукерману о своих «чувствах признательности и удовлетворения».

В том же письме: «Не имею известий о положении на фабриках Шульца и Тоббенса... Фабрика щеток горит третий день. Нет связи с группами».

Война. С двадцать первого апреля бои охватили почти все гетто.

Дом 30 на Заменгофа, пока его не подожгли, несколько часов убивал осаждающих. Не поддавались дома 23 и 36 на Свентоерской. Вооруженные извозчики отбивались на Вальной. Громыхала стрельба на Ниской, Милой, Волынской, Счастливой, Покорной, Францишканской... У стены гетто гитлеровские заслоны яростно косили тех, кто раз за разом пробовал вырваться наружу.

Щеточная фабрика особенно огорчила Струпа. Боевые группы, которые выжили после бомбардировки в полыхающих огнем мастерских, выбили со своей территории вторгшихся немцев. Пришлось усилить наступающие войска саперами и тяжелым оружием. Но: «Изъято около 60 евреев, - рапортовал Струп. - Несмотря на все старания не удалось схватить 700-800 евреев, которые находились в блоке. Они скрылись... через подземные переходы, отстреливаясь...».

Мы меняли укрытия по мере их разрушения. Ночами уводили жителей гетто из опасных мест: огромная луна, отсветы пожаров, ночь как день, - все видно: люди ползут по крыше, боевики поддерживают старух, переносят детей, балансируя на качающихся досках. Крыши, слуховые окна, разрушенные лестницы, наощупь по коридору и в подвал, через подземный переход в бункер - трасса временного спасения. Оборонительные бункеры БОЕ становились убежищами. Боевики снабжали бункеры едой, следили за порядком и честностью дележа провизии. Пятнадцать бункеров опекал поляк Конарский; позднее его убили немцы.

Струп приказал взрывать бункеры. Боевики, спасая людей, стали насмерть. 150 их, по данным Струпа, погибло в боях за бункеры, 80 - при взрывах. Командование БОЕ сообщало вечером двадцать первого на «арийскую» сторону: «Бойцы дерутся прекрасно. Моральное состояние боевых отрядов великолепное. Наши потери относительно невелики. Нет боеприпасов. Будем биться до последнего вздоха».

А нам, женщинам, двадцать первого апреля свой праздник: в рапорте Струпа отмечено «участие членов еврейской женской боевой организации». Со страху, что ли, привиделась генералу организация - не было такой, просто не зря испокон веку у евреев женщина в почете, мы дрались с мужчинами рядом и даже, кажется, чуть-чуть впереди, и будь сейчас у

меня револьвер хотя бы с одним патроном, честное слово, наша фотосъемка давно бы окончилась.

Но пока она длится, я вернусь в тот гулкий день, под немецкие самолеты, которые низко летели над гетто и сбрасывали вперемежку бомбы и листовки. «Евреи, сдавайтесь, - писалось в листовках, - вам ничего не угрожает, только выезд на работу на восток».

Сколько веков евреям врут! Радуга обещаний - радуга мыльных пузырей... Когда научимся не верить? Хотя бы на пороге смерти...

На фабриках Тоббенса и Шульца научились. Хозяева, спасая фабричное добро от сумятицы боя, выпросили у Струпа сутки, чтобы уговорить своих рабочих на эвакуацию. «Евреи, даем слово чести, вас ждет новое место работы». Но почти никто из пяти тысяч человек не тронулся с места.

Тогда фабрику Шульца окружили войска. Шулец снова призывал евреев добровольно ехать, объяснял, что иначе пощады не будет, а виноваты в таком ужасном положении вещей их воюющие единоверцы, эти подлые разбойники. «Вранье! - кричали в толпе рабочих. - Везете нас на смерть!» Ворвались солдаты. Рабочие бросились в укрытия, а боевики взялись за гранаты, и четверых немцев не стало.

Фашисты приступили к взрыву бункеров. Повстанцы отвечали поджогом фабричных складов. Обороняясь в домах, боевики отступали с нижних этажей на верхние. Когда немцы поджигали здание, повстанцы с верхних этажей спускались в соседние дворы и следующий дом становился рубежом боя.

Они уже приспособились и к пламени. «Пожары, - сообщала БОЕ на «арийскую» сторону, - не сломили духа еврейских бойцов, которые продолжают героически сопротивляться». «Огонь был поражением только для неорганизованных, - будут потом

вспоминать участники боев,- а мы все из него выскочили». Они вспомнят и такую сцену в районе фабрик: «Наше убежище было опорным пунктом Якова и его людей. <...> Они выходили пятерками. Возвращались всегда в меньшем числе и всегда с горящими глазами и всегда только на пару минут отдыха и всегда спокойные, собранные, уверенные... Бой был отчаянным и безнадежным. Яков, который четверо суток не смыкал глаз, стойко держался на ногах. <...> Он все рассчитывал и решал. Его люди говорили мало. Слышались только короткие приказы Якова...».

22 апреля Струп уничтожил взрывами пятнадцать таких бункеров. Людей, захваченных в бункерах, обычно убивали на месте.

Часть мирных жителей пыталась спастись в подземных каналах. Струп велел перекрыть сток, чтобы затопить каналы. Евреи пробили заслонку. Тогда генерал приказал пустить в каналы газ. В борьбе с евреями все средства оказывались хороши

и - недостаточны. По ночам боевые группы возвращались в разбитые и сожженные дома, и пространство, очищенное огнем, как считали немцы, дотла, не успев остыть, наутро оживало новой стрельбой. Повстанцы, которым давно полагалось быть убитыми на местах прежних боев, пробивались в центральное гетто, объявлялись перед прорвавшимися сюда фашистами, чтобы заслонить собой ядро БОЕ, чтобы 22 апреля штаб восстания мог передать своим представителям на «арийской» стороне: «Мы здоровы. Послали ли нам продуктовые посылки (читай: оружие)? Помните о яйцах (гранатах) и конфетах (пулях) и о том, что для тети самое важное (винтовки)... Может, еще увидимся. Пусть Т. (связной «Тадек» Шейнгут) идет на кладбище помолиться за души умерших (держать связь через кладбище)».

Шли четвертые сутки. Револьвер против пушки, самопал против танка, нож и лопата против газа и авиации. «Невероятно! Немецкий престиж поражен!» - напишет позднее полька Мария Канн.

Пятый день восстания Струп, теряя терпение, уверенно объявил последним. «Любой ценой акция должна быть сегодня закончена», - написал генерал. Но какой там, к дьяволу, последний, если тут же пришлось ему рапортовать: «Сегодня, в пятый день борьбы, по-видимому, вступили в бой самые крупные террористы и активисты», а завтра, двадцать четвертого: «Евреи всегда, до самого конца операции, так отстреливались, что на исходе дня группа саперов под прикрытием пулемета должна была штурмовать укрепленное бетонное здание».

Бои шли на Милой, Лешно, Новолипках, на Бонифратерской, на Мурановской площади.

В районе фабрик доносчики выдали немцам несколько бункеров и раздували слухи, что все дома будут сожжены. Паника и предательство совокупно с огнем и взрывами заставили тысячи мирных жителей выйти с поднятыми руками к эсэсовцам, упивающимся победой. Но боевики не гнулись. Фашисты жгли дома, евреи - в ответ - воинские склады на Смочей улице. Струп лично прибыл сюда и дал приказ палить все подряд. Но сопротивление продолжалось, евреи с крыш бросали гранаты, переходя с дома на дом.

На Милой пожары и взрывы подбирались к бункерам с мирными жителями. Боевики изловчились между боями организовать эвакуацию. Группы Арона Брыскина и Лейба Ротблата перевели в более безопасное место колонну беженцев в образцовом порядке, под

вооруженной охраной. Три дня спустя такую операцию повторили группы Лейба Грузальца и Давида Хохберга. Немцы атаковали их; спасая женщин и детей, покидавших убежище, восемнадцатилетний Хохберг собственным телом закрыл узкий вход в бункер. Немцы застрелили его - труп намертво перекрыл им путь.

(Было: Матросов бросился в бою на амбразуру. Было: солдат собой заслонял от пули командира. Герои! А где твоя Золотая Звезда, Давид Хохберг? Золотая звезда - желтая звезда – твоя звезда...)

И на улице Ниской боевики после перестрелки с немцами, отступая, уводили из горящих домов мирных жителей, и Вальдорф из группы Захарии Артштейна погиб, помогая беженцам.

Мы воевали днем и ночами. Потери вынудили нас к «партизанщине»: группами до десяти человек, в трофейных мундирах и касках, для бесшумности обернув ноги тряпками, мы выходили по ночам на охоту за немецкими патрулями, на разведку, на добычу оружия и питания.

Мы дрались - нападали, отступали, убивали, умирали... Не сдавались.

А ведь еще двадцать третьего апреля сам рейхсфюрер СС Гиммлер, обозлясь проволочкой, скомандовал Струп: «Очистить гетто со всей беспощадностью!» И Струп - не какой-нибудь тыловой разгильдяй. Струп старался. «Я решил полностью уничтожить еврейский жилой район путем сожжения всех жилых блоков», - расскажет он сам позднее. Гетто вздыбилось огнем и взрывами. Самолеты сыпали зажигательные бомбы, динамит рушил стены, погребая заживо тысячи людей.

«Со всей беспощадностью!» Расстрелян президиум Еврейского Совета во главе с Лихтенбаумом, за ним - остатки Службы Порядка.

«Со всей беспощадностью!» Вооруженных евреев убивали на месте. И безоружных убивали тысячами, если на станции не хватало вагонов для отправки.

«Со всей беспощадностью!» Они жгли дома с весельем, с песнями. Струп любил наблюдать корчи горящих людей. Еще ему нравилось выстраивать схваченных евреев в ряд, отбирать юношей с длинными волосами, желательно рыжих, и сразу расстреливать их как «большевиков». А кузен варшавского губернатора Фишера Дюрфельд ежедневно ездил в гетто - охотился на евреев. Начальник тюрьмы Павьяк Зандлер лично сопровождал в тюрьму пленных, чтобы по дороге поиздеваться, потравить собаками... Гауптштурмфюрер СС Ковальский услаждал себя расстрелом женщин и детей и подчиненным приказывал улыбаться.

«Со всей беспощадностью!» Они достигли серьезных успехов: к 27 апреля из 26 улиц гетто пылало 20. Накануне, загоревшись, взорвался склад боеприпасов БОЕ. А еще днем раньше, двадцать пятого, немецкий патруль уничтожил разведгруппу штаба БОЕ, направленную с заданием проложить путь через каналы на «арийскую» сторону, чтобы улучшить связь и организовать помощь гетто.

26 апреля на «арийскую» сторону пришло последнее сообщение штаба восстания: «Уже восьмой день мы находимся в состоянии смертельной борьбы... Численность наших потерь... огромна. Близятся наши последние дни. Но пока оружие в наших руках, будем бороться. Немецкий ультиматум о капитуляции мы отвергли. <...> Требуем от вас: помните, как нас предали. <...> Помогите тем, кто в последний час вырвется из вражеских рук, - для того, чтобы продолжать борьбу».

В рапорте Струпа того же дня: «все без исключения подразделения доложили о встреченном сопротивлении... <...> ...теперь пришла очередь наиболее упрямых и непокорных евреев и бандитов». 362 еврея в этот день погибло в боях.

Не стихало гетто, не могло стихнуть, не хотело.

Новолипки, бункер дома 40. На предложение сдаться боевики, имея лишь три револьвера, долго отвечали стрельбой; кончились патроны, и бойцы - кто успел - приняли цианистый калий; тридцатилетняя Елена Стерлинг до того, как немцы ее застрелили, успела полоснуть одного из них нагайкой по лицу.

Лешно, дом 74. Фашисты затопили бункер водой; боевики сменили позицию и дрались до конца; Галина Рохман погибла, своим телом закрыв активистку Розу Розенфельд; командир Лев Рудницкий, уже оставшись один среди трупов товарищей, уже полумертвый от ран, бился с многочисленными врагами, пока дышал.

Лешно 76 и 78 - мастерские Шульца. Усиленные отряды СС и армии не управились с бункерами - пришлось вызвать самолеты, но и после бомбежки сопротивление продолжалось еще сутки.

Улица Ниская - ее Струп завоевывал лично, во главе 320 солдат. Евреи упорно предпочитали смерть плену. По словам Струпа «с проклятиями и бранью в адрес Германии, фюрера и немецких солдат выбрасывались они из горящих окон и с балконов».

Мурановская площадь. Группа повстанцев, вооруженная лучше других, пробилась на «арийскую» сторону и объединилась с подоспевшими польскими патриотами. Сто двадцать бойцов с тремя винтовками, двенадцатью револьверами, сотней гранат и даже с пулеметом грозили выплеском восстания за стены гетто, и Струп немедленно уничтожил заразу. В бою

с немцами двадцать четыре человека погибли, часть попала в плен, часть сумела разбежаться. Но не раз еще искры еврейского бунта вспыхнут на улицах Варшавы: то «пятерки» БОЕ по ночам покоряют стену, чтобы снаружи гетто прикончить фашистский патруль, то еврей, выловленный в толпе варшавян, отстреливается такого прежде, до восстания, не бывало.

28 апреля с территории немецких фабрик на Лешно, нестихаемо горящей несколько суток, польские коммунисты по согласованию с местным командованием БОЕ вывели в город сорок повстанцев. Они в муках одолели залитую водой канализацию, после чего двое, Регина Фюден и Соломон Барчинский, вызвались вернуться за оставшимися в гетто товарищами. Они канули под землю и пропали навсегда. Боевик Леа Корн тоже пошла обратно в пылающее гетто, чтобы спасти семерых раненых.

Струп, разъярясь утечкой повстанцев, приказал взорвать обнаруженные выходы из гетто и несколько канализационных отсеков. Следующую эвакуируемую группу боевиков у выхода из канала уже ждали немцы. Схватка, стрельба, последний патрон, последний труп...

Так, за днями дни, набралось двенадцать суток, а восстание продолжалось и штаб командовал, хотя связь между пунктами боев ослабела, и бункеры организованно оборонялись, и на улицах, днем немецких, ночами властвовала БОЕ.

30 апреля повстанцы, среди которых отличились Вайншток, Гольдштейн и Ламберт, подожгли немецкие военные склады. Почуть бы нам в том пламени предвкушение костра, которым ровно два года спустя возгорится труп издохшего фюрера!

Праздник - да не нам.

Нам - Красный Первомай, день всемирного братства тружеников. Пойдем, мой слушатель, я покажу наше Первое мая.

Спустимся в бункер к боевикам, они ночью начали отмечать праздник, атакуя гитлеровские патрули. Сейчас у них торжественное собрание. Смотри, как забавно они принарядили свои лохмотья цветами из красных тряпок, у маленького Пини, утонувшего в трофейном кителе, красный лоскут на груди соседствует со значками СС - смешно, да? Только некогда смеяться, надо успеть выловить в радиоприемнике московскую передачу, а потом выслушать доклад Шахно Файнгольда. «Наша борьба несомненно будет иметь огромное историческое значение не только для еврейского народа», - скажет нам старый коммунист, после чего мы споем «Интернационал» и привычные слова «это есть наш последний и решительный бой» откроют здесь тебе свой точный смысл.

Чем завершить наше гуляние? Конечно, боем. Первого мая боевики подожгли вражеские склады и конюшни, убили трех немцев на Налевках, ни один бункер в тот день не сдался Струпу, при погрузке схваченных евреев один из них трижды выстрелил в полицейского офицера, еще какой-то еврей на глазах у немцев выкрал из канализационного люка заложенную ими взрывчатку.

В стране, которая зовется страной рабочих и крестьян, пролетарский праздник Первого Мая отмечают два дня. На Францишканской улице, в доме номер 30, мы праздновали три дня. Три дня - в дыму и крови.

Я была в числе боевиков, отступивших сюда с других участков гетто. Большой бункер вместил остатки групп Герша Берлинского, Юрека Блонеса, Марка Эдельмана, Юрека Гриншпана, Эноха Гутмана и несколько сотен мирных жителей – нам выпало их защищать.

Немцы начали гранатами, мы ответили пулями, отвлекая немцев от другого выхода из бункера: оттуда за спины нападающих вылезли наши и Дебора Баранувна метнула гранату. В первой схватке немцы потеряли двоих, но завалили взрывами вход в бункер. Мы выбрались через второй лаз и начали бой снаружи. Немцы отступили, потом явились снова. Они поливали огнем разрушенные дома, развалины огрызались выстрелами. На верхнем этаже сгоревшего здания Абрам Эйгер занял выгодную позицию, его окружили, кричали «Сдавайся!», он отвечал руганью и пулями до последнего дыхания. Геройски дрались Сташек Брилянштейн и подросток Люсек Блонес. Загорелся дом, где засел ветеран Абрам Диамант, но не изменяли ему ни глаз, ни рука, он бил без промаха, пока раненый не рухнул в пламенеющие руины.

Первое мая окончилось отступлением немцев. Наутро они вернулись с большими силами. Мы их снова отбросили ценой многих потерь, погиб Юрек Гриншпан, тяжело ранило Эноха Гутмана. А третьего мая они применили газы. Мы забаррикадировали вход камнями - они прорвались. Мы все, Зигмунд Папиер и Дебора Баранувна и четырнадцатилетний Шанан Лент и Ципора Лерер и остальные боевики - все бились до конца, дрались врукопашную, гранатами, ножами, камнями, зубами, обессилевшие стреляли, держа пистолет обеими руками, ярость женщин поразила самого Струпа. Немцы не вывезли отсюда никого. Половина боевиков погибла, остальные перебрались кто в бункер поблизости, кто в центральный бункер БОЕ на Милую, 18.

Милая, 18. Малованчик, Кулас, Исер-Сруль и другие аристократы еврейских низов приложили здесь свои вольные руки, соорудив большое подземелье, которое теперь

заполнили четыреста человек. Здесь находились примерно сто бойцов, испытанных прежними боями, - цвет еврейского подполья, здесь разместился штаб восстания во главе с Мордехаем Анелевичем, здесь были ближайшие его друзья и любимая Мира Фухрер, он питался их поддержкой и питал их своей выдержкой.

Повстанцы разделили бункер на части, названные в память о местах смерти «Треблинка», «Травники», «Понятов», «Пяски», «Гетто». Жили дружно, в образцовом порядке, свободные минуты занимала политика, иногда - споры, часто - песни. Коммунисты пели свое, сионисты свое, а вместе пели «Эс брент» («Горит») - гимн гетто на слова краковского поэта Якуба Гебиртига.

Центральная база. Отсюда тянулись нити к боевым позициям восстания. Тут докладывали связники, тут совещались командиры, сюда шли донесения, отсюда - боевые приказы и письма на «арийскую» сторону, к руководству польского подполья и за границу.

С первых минут восстания Струп охотился за руководством евреев. Не раз в своих ежедневных рапортах он докладывал, что захватил «главарей», но то ли ошибался, то ли врал – бункер штаба никак обнаружить не удавалось, захваченные евреи не помогали, даже попытка использовать группу бездомных детей не получилась: дети бункер не выдавали, пытались убежать и погибли как бойцы.

Струп стирал с лица земли улицу за улицей. А евреи не унимались. «Вскрытие бункеров, - писал Струп 4 мая, - натывается на все большие трудности». Однако генерал не пасовал: огонь и газы неуклонно ужимали территорию восстания. 7 мая немцы взяли последний бункер на улице Лешно, где было сто пятьдесят мирных жителей и сильно поредевшая после четырехдневного боя группа боевиков. У них остались только бутылки с серной кислотой, но они еще надеялись пробиться на «арийскую» сторону, а тут - газ, и дежурная у входа Ита Гейман, отравясь, пустила в себя последнюю пулю, чтобы не стать обузой товарищам, которые и после газирования сопротивлялись ворвавшимся в бункер фашистам, и Роза Розенфельд, героический командир, пробилась, скрылась, отстреливаясь, в развалинах домов.

7 мая Струп взял сорок девять бункеров. Еще одна непокоренная улица, Смочая, была сожжена дотла. Польские полицейские доносили: «Гетто похоже на сплошную могилу. Патрули, вооруженные автоматами, осматривают тлеющие груды развалин... Эсэсовцы робко выглядывают из тени обломков, опасаясь выстрелов... Из дымящихся домов, из бункеров выходят, как привидения, евреи; они уничтожают более слабые немецкие патрули или пробираются в направлении арийского района... Немецкие посты на выходах из улиц,

окружающих гетто, обыскивают и проверяют прохожих, зачастую натываются на вооруженного еврея, платя жизнью...».

Да, в тот же день 7 мая, обыскивая загазованный бункер, немцы напоролась на пожилого еврея Старовойского, который застрелил гитлеровца и сумел скрыться. Пульс восстания слабел, 1, но бился, и продолжало жить борьбой сердце восстания в подземелье на Милой 18, где сто лучших боевиков были готовы стоять насмерть и где вместе с ними ожидали конца триста мирных жителей гетто: больные и бессильные, старики и калеки, осиротевшие дети и дети с мамами...

Мама... Начало жизни, Ладони Добра, Радостное Рабство Любви.

Мама: Щит, Опора, Спасение...

Мама вечно во мне своей кровью, умом, жизнью, сердцем, и пока я дышу, я питаюсь всесильем ее.

Мама, благослови в трудный миг в твою совесть взглянуться, чтобы всякую мглу осветило мне имя Твое...

Имя Матери - Мария.

Мария Ротблат находилась в бункере на Милой 18. В гетто она взвалила на себя заботу о сиротах, и сейчас, вырываясь на миг из бездны хлопот над горькими еврейскими заморышами, она печально и гордо думала о собственном сыне, командире «Лютেকে», прославленном с первого победного боя на Налевках и до сих пор неустанно сражавшемся, о Лейбе, двадцатичетырехлетнем мужчине, пахнущем потом и порохом, о ее Лейбеле, мальчике ее, кровинке. Лейб Ротблат, «Лютек», тоже оказался в центральном бункере, и его жена, полька Галина, вместе с ним до конца испытывала еврейское счастье, так что Мария Ротблат могла бы наслаждаться семейным единством, если бы не обитали они в подземелье, беспросветно обложенном смертью, и если бы не колотилась в материнскую душу потаенная тоска ее боевого сына, никому другому не видимая, только ей, маме.

Мама, жизнь моя пролегла морщинами на лице твоём, проступила сединой в волосах твоих, мама. Радость моя веселила твое сердце, грустью моей печалились твои глаза и мука моя исходила твоими слезами, мама. Чем отблагодарить тебя?

Скажи, чем отплатить за безмерную нежную силу? Бесконечность бессонниц твоих как смогу отплатить? Умереть за тебя - лишь вернуть жизнь, что ты подарила...

Нет, сполна заплатить - это не умереть, а убить.

Лейб Ротблат застрелил свою мать восьмого мая тысяча девятьсот сорок третьего года.

В этот день гитлеровцы вышли, наконец, на штаб евреев. Бункер окружили, заблокировали все пять выходов: не выскользнуть, не выслать, как повелось, группу немцам в тыл. Чудес быть не могло - оставалось отстреливаться. Это боевики умели: как Струпу ни мечталось взять их живыми, немцы не могли даже приблизиться к бункеру. Тогда был пущен газ - одновременно во все пять входов. Тьма, удушье, хрипы... Последнее совещание боевиков, последнее решение: самоубийство. Начал Лейб Ротблат. Он застрелил мать, потом - себя.

Подождать бы Ротблату ровно два года - увидеть майское утро сорок пятого года, когда придет черед стреляться нацистам (ох, немногие будут стреляться). Но дым уже выворачивает глаза, желудок - у горла, скрежещут бронхи и смерть раздирает сердце и мать корчится в муках и в тяжелой тьме бункера вспыхивают зарницы древней Иудейской войны, крепость Масада, осажденные режут себя, чтобы не достаться римлянам...

Не дано Лейбу Ротблату подождать, не отпущено ему двух лет, ни даже двух часов, пока обнаружится еще один запасной выход и несколько человек, последние, кто оставался жив, успеют выбраться наружу и потерять сознание. Из подберут опоздавшие спасатели из Гвардии Людовой, которых приведет член БОЕ Симха Ратайзер с помощью поляков-рабочих канализационной сети Вацлава Следзневского и Чеслава Войцеховского. Они тридцать часов будут нести каналами отравленных Михала Ройзенфельда, Тосю Альтман, Иегуду Венгровера, Менахема Бейгельмана, чтобы дать им возможность позднее, в партизанской войне, погибнуть от рук немецких и польских фашистов.

А Ротблату не дожидаться спасения.

Как не дождался Мордехай Анелевич.

Он родился в 1920 году в Варшаве. Обедневшая мелкобуржуазная семья, булыжники серого детства... Отрочество: частная гимназия - и левосионистская «Молодая гвардия», стипендия за школьные успехи - и в семнадцать лет командование отрядом в схватках с погромщиками. Блистание отваги, умение драться руками и словом, дар вести за собой... 1939 год: оккупанты задавили Польшу. Анелевич пытается через Вильно бежать в Палестину, но возвращается в Варшаву, в гетто, где становится членом руководства «Молодой гвардии». Ему все по плечу: сколачивать подпольную боевую организацию, выжить в тайной

поездке по оккупированной стране, написать зажигательную листовку, внять доверию друга, сообразить тактику боя в гетто и любить Миру Фухрер и во главе налетчиков в масках отбить у полиции арестованного товарища - и в 22 года взять на себя командование БОЕ, в двадцать два года!

«Мариан», «Ангелок», «Малахи» - подпольные клички. А еще его называли душой БОЕ.

И вот душа вытряхнута из тела БОЕ, и лежит он, застрелившийся, несдавшийся, со всей своей молодостью, смелостью, твердостью, умом и обаянием лежит среди трупов в протравленном немцами подвале, уже бесконечно далеко от разожженного им огня, от верных его бойцов, от любимого его, погибающего его народа. Последним салютом ему взрываются бункера, поминальными свечами полыхают улицы и сказочной птицей из пепла гетто возносится в будущую жизнь имя его - Мордехай Анелевич, чтобы аукнуться в польских лесах именем еврейскогопартизанского отряда, чтобы откликнуться после войны названием улицы в родной его Варшаве.

Она, Варшава, не слишком охотно наградит место бывшего гетто еврейскими фамилиями, но все же придется ей, управляемой коммунистами, неподалеку от улицы Анелевича протянуть улицу Фондаминского, руководителя коммунистов гетто.

Незаурядное сочетание талантов Фондаминского - революционера, ученого, инженера - обеспечило ему возможность укрыться вместе с женой на «арийской» стороне. Фондаминские предпочли вести гетто в бой, воевать и погибнуть в тридцать три года - возраст Христа настиг Эфраима Фондаминского здесь же, на Милой 18. Он тоже не спасся отсюда, как не спаслись Ария Вильнер, Шия Шпанцер, Ривка Пасманик, Хаим Анкерман, Лейб Грузальц, как Мира Фухрер, Бер Браудо, Сара Загель, как почти все защитники штабного бункера.

Двадцать суток жгли они себя, воспламеняя гетто. Двадцать дней раб, с колен выпрямившись в рост, глядел в лицо мощнейшему врагу, и Голиаф содрогался от жалкой пращи Давида. Их короткие жизни стекли в эти двадцать суток, сгустились кроваво и застыли вечной памятью.

«Еврейский народ своим сопротивлением поражает мир. <...> Героические повстанцы варшавского гетто войдут в историю освободительных войн как пример неустрашимого мужества и отваги», - чтобы эти слова появились в польской нелегальной газете «Гвардеец» в мае сорок третьего года, им потребовалось двадцать суток.

Тем, кто погиб прежде, - и того меньше. А иным путь в легенду пролег длиннее.

Радостный рапорт начальству об уничтожении штаба БОЕ Струп закончил обещанием «продолжать большую акцию до уничтожения последнего еврея». Бессмертная программа! Но где он, *последний* еврей? Сладчайших грез коварность роковая...

Мы жили. Обезглавленное, распыленное среди руин, забитое в черные провалы подвалов, восстание продолжалось. 8 и 9 мая усиленные отряды СС и украинские батальоны продолжали штурмовать гетто, 10-го польская полиция доносит, что евреи выползают из бункеров и открывают огонь. Но - надломилось: отмечен первый случай сдачи отряда из 59 человек.

А полсотни боевиков на Францишканской улице, узнав о гибели штаба, бросились искать выхода в новый бой, к партизанам. Две их разведгруппы пропали бесследно, наконец, третьей группе повезло связаться со спасателями, которые каналами возвращались от штабного бункера на Милой, неся на себе немногих уцелевших. Экспедиция свернула в сторону Франциш канской, горечь опоздания на Милую, наверно, подхлестывала их. Каналами шириной меньше метра повели они с Францишканской пятьдесят человек. На шее - оружие, на спинах - раненые. Шли...

...шли...

...местами нечистоты по пояс...

...сверху, сбоку - вонючая слизь...

...брели...

...«Каждая минута длилась час, каждый час - день», - вспомнит потом Герш Берлинский...

...они

шли

тридцать

часов.

Утром десятого мая они вышли на «арийской» стороне из люка на улице Простой. Их встречали бойцы Гвардии Людовой. Сотни варшавян из окон и подъездов наблюдали, как они, грязные, обессиленные, полуослепшие от света, ковыляли к грузовику. Шофер Станислав Тарчинский дал газ, и тридцать четыре боевика, среди них члены штаба БОЕ Берлинский, Эдельман и Ройзенфельд, отправились продолжать войну.

Пятнадцать человек выйти из люка не успели, потому что из-за окон следили за улицей разные глаза и как было не найтись охотнику сообщить немцам об еврейских фокусах на Простой. Немецкие солдаты и отряд латышей примчались немедля. Они заминировали люк и окружили его. Попытки гвардистов выручить осажденных не удавались. Терпение боевиков

иссякло, они вышли сами. Не сдаваться - умирать в бою: но чего стоили последние пули горстки изможденных людей? Фашисты забросали выходящих гранатами. Были убиты Юрек Блонес, Адольф Хохберг, Шладек Шустер, Пнина Зандман - все пятнадцать...

В организации спасения евреев из гетто участвовали связные БОЕ. Двое, Юрек Золотов и Рысек Мосельман, погибли в этот же день на «арийской» стороне после боя с полицией в момент получения от польских подпольщиков оружия для гетто.

Гетто жаждало воевать, хотя почти все бункеры уже захлебнулись газами. После уличных боев, после борьбы под землей наступал третий и последний акт драмы: схватки среди развалин.

Огромное пепелище, разлом, разор, развал, остовы домов, обугленные деревья, зола, трупы - мертвое пространство. И ночами, едва немцы покидают гетто, - странная какая-то, призрачная жизнь.

...шевелится глыба в углу двора, открывает нору подвала, оттуда выскакивают оборванцы. Черные лица, щетина, блеск глаз, негромкий говор... В руках - оружие. Боевики. Их еще хватало после десятого мая, только в развалинах Валовой и Свентоерской бродило около пятисот повстанцев...

...базар среди руин, луна, тени, сделки: свечи за пистолет, объедки за патроны, спички на соль - товар, добытый в бесхозных кладовых...

...сарай, земляной пол, коптилки на кирпичах. Всклокоченные женщины готовят еду, дети хищно следят за варкой - звереныши, голодные птенцы. Но заглянет чужой - и ему место, площадка горячего варева, слово доброе, а то и улыбка... Люди еще держатся, еще - люди...

...в проеме разбитой стены - трое. Прослеживают улицу... Увидели: подросток с винтовкой. Хромает к проему. Прыжок в обхват того, с оружием. «Отдай винтовку!» - «Нет!» Удар ногой в живот и сзади в спину, жертва рушится, выхватили винтовку, канули в тишину... Нет, не все уже люди...

Люди - воюют. Без штаба, без связи с «арийской» стороной, без постоянных баз. Уцелевшие боевые группы, разрозненные, скитающиеся, действовали каждая на свой страх и риск.

Страх - ничтожен, риск - безмерен, риск смертника: умереть без толка.

11 мая в боях на Гусиной улице погибли пятьдесят три повстанца из групп Шимона Кауфмана и Арона Хаима Каплана, на следующий день - сто тридцать три. То были трудные

для немцев дни: нехватало отравляющих газов, приходилось опасно перестреливаться с евреями.

13 мая Струп доносил: «При ликвидации бункера... одна из женщин - как уже часто бывало - молниеносным движением выхватила из-за пазухи гранату и метнула в солдат, тут же спрятавшись в укрытия». Это Сара Розенблум, она погибла вместе с остальными, когда немцы, безуспешно потеряв часть солдат, взорвали бункер.

Описывая другой бой, за бункер пекарей на Валовой 6, генерал досадовал: «От схваченных евреев получить сведения о положении известных им бункеров невозможно». Наверно, Струпу доложили о Билауэре: на вопрос «Где еврей?» тот ответил офицеру СС оплеухой и словами: «Вот тебе еврей, убийца!». Билауэра тут же прикончили.

На исходе тринадцатого мая, около полуночи, выпала нам последняя радость: два часа советская авиация бомбила Варшаву. Евреи под грохот бомб пытались прорваться за стены гетто, мало кому удалось, но - ободрились, много ли еврею надо для надежды? «Русские мстят за нас, они теперь будут часто бомбить, конец страданиям, нас выручат», - чего только не говорили в убежищах гетто, забыв, что о налете в помощь восставшим евреям поляки из ППР просили Москву еще 21 апреля и только спустя двадцать два дня прилетели самолеты с бомбами, которые не всегда падали в нужные места, и с листовками, не содержащими ни единого слова об евреях. Но как бы там ни было, две тысячи немцев, говорят, убиты, горели казармы СС, склады, повреждена железная дорога. Спасибо вам, русские, за два часа немецкого страха.

Усугубляя панику, польские подпольщики утром четырнадцатого мая обстреливали с «арийской» стороны немецкое оцепление у стены гетто. Вспыхивали схватки с фашистами и в других местах Варшавы - эхом продолжающейся у евреев стрельбы: там боевики днем и ночью пробивались к стене, наружу из гетто. Но Струп отсекал выход и наверху и под землей – не пожалел генерал газа, в сто восемьдесят три канализационных люка вогнал.

В операциях 14 мая участвовал высокий гость из Берлина, генерал-полковник СС фон Херф. Инспектирование было неслучайным: искры восстания залетали высоко. Беспокоился начальник имперского управления безопасности Кальтенбруннер, Гиммлер не раз вызывал Струпа к телефону. Начальник полиции и СС генерал-губернаторства Крюгер требовал от Струпа два отчета в день, а в верховном командовании армии генерал-полковник Йодль, наоборот, злился, что «эта свинья Струп» так многословно расписывает возню с горсткой ничтожных евреев, которых следовало прихлопнуть одним ударом. Полководцу, видно, не

шло в ум, что нелепая еврейская заваруха в Варшаве - опаснейший соблазн всем покоренным народам. Вот почему Гитлер 10 мая потребовал к себе Франка с отчетом о положении в гетто. Вот почему, едва пробилась в Европу слухи о войне в гетто (даже Германии подпольная «Ди Вельт» седьмого мая сообщила), - нацисты всполошились гасить, заминать: никакого восстания. Идет дезинфекция Варшавы, там жутко бушует сыпной тиф - это был первый вариант, затем газеты рейха открыли, что на гетто напали «польские бандиты», а немецкая полиция спешит на помощь евреям... Позднее затянувшиеся бои в гетто объяснялись тем, что в гетто воюют не евреи, а немецкие мародеры. Одновременно пресса предостерегала «против гуманности в отношении евреев», в оккупированную Польшу выехал с соответствующими лекциями один из крупнейших нацистских пропагандистов Адамовский. Губернатор Варшавы со своей стороны в очередной раз призвал население выдавать скрывающихся в городе евреев - энтузиасты не замедлили ответить приливом охотничьего азарта.

Дальновидный Гиммлер позаботился и об антисемитизме в других странах, правда, оригинальностью не блеснул: «Надлежит немедленно выделить людей, которые бы выискивали в Англии... сообщения об исчезновении ребенка, чтобы потом мы могли бы через наши радиостанции соответственно упомянуть о том, что... по-видимому речь идет об еврейском ритуальном убийстве». Так он секретно написал Кальтенбруннеру 19 мая. Гиммлер поручил спровоцировать процессы «об еврейских ритуальных убийствах» в Венгрии, Румынии, Болгарии, России, Англии и Америке - это могло бы облегчить уничтожение евреев повсюду, и в варшавском гетто тоже.

Конечно, мне, стоящей у взорванной стены, в бледно-красной известково-кирпичной пыли, напротив веселого фотографа и потного автоматчика - мне письма Гиммлера прочесть не было дано, и я не знала, как Берлин обеспокоен варшавскими евреями. Но могла бы догадаться: мы воевали до неприличия долго.

Рвались в гетто наши «коктейли», свистели наши пули, казалось бы, ниоткуда - ведь гетто стало пустыней развалин после того, как Струп пятнадцатого мая взорвал последнюю группу домов. «Бывший еврейский район прекратил существование», - торжественно провозгласил генерал и салютом подвигу немцев взорвал большую синагогу Варшавы - знаменитое творение итальянца Маркони в стиле немецкого неоренессанса.

16 мая в двадцать часов пятнадцать минут Струп официально завершил «великую акцию». Он оставил на территории гетто батальон полиции выискивать и добывать повстанцев, сам же приготовился пожинать плоды триумфа. Его ждал в июне сорок третьего года Железный крест 1 класса (а в пятьдесят первом году - польский суд и смертная казнь).

Но едва повернулся генерал грудью к наградам, как за спиной у него ожило умерщвленное гетто.

...Меня похоронили в подвале на улице Милой. Мы три часа не подпускали немцев к бункеру. Тогда они взорвали дом, он последний торчал среди развалин, и вот пятнадцатого мая Милая вся стала по колено победителям, под рухнувшими стенами размозженные, задушенные лежали еврейские боевики.

Мы все были мертвы, мы идеальными трупами пролежали сутки, а к исходу шестнадцатого мая среди убитых я обнаружилась живой.

Под чьим-то липким скрюченным телом, полузадохнувшаяся, руки зажаты камнями, в уши вдавлена тишина, песок во рту, под щекой - вонючее тряпье, а головы не повернуть - волосы засыпаны. Тьма. Я крикнула - звук взошел и сник. Могила. Я шевельнулась - чуть-чуть, потом сильнее.... Освободила руку, другую... Обрывая волосы, отодрала голову от земли. Чернота сгустилась, поплыла гудя, воя, мигая искрами... Стихла, застыла, погасла, и зыбко пробилась издали струйка света. Постепенно откопавшись, я поползла туда сквозь завалы камней, по трупам, по остриям битых кирпичей. Пыль драла горло, бил горький кашель. Кажется, сочился кровью нос, кажется, рвотой крутило нутро - не помню. Помню: камни, куски дерева и железа, мертвая нога в сапоге, помятая каска, - наконец, глыба у выхода, из-за нее - свежий продох, помню затхлость земли, свои искромсанные ногти, всплески радуг в глазах и свет разрытого отверстия - выкарабкалась...

Отдышалась...

Огляделась.

Каменная бездыханность разрухи, бельмо пустого неба, сумерки, звенящая тишина. И - скрежет шагов.

Они шли от улицы Заменгофа. Каски, высокие сапоги, немецкие мундиры. Я замерла: авось, минуют... Или мимоходом пальнут в труп? А почему они без автоматов? Еще хуже: не убьют, мучать будут... Они подходили, высокие на фоне неба, молодые. Говор... По-еврейски! И я увидела за поясом у одного револьвер, у другого гранату, нашу, самодельную! Я взмахнула рукой. Шолóm (привет), ребята! Воюем? Да, сказали они, охотимся за немецкими патрулями, открытым боям конец, но мести нет конца, ночи - наши.

Наутро семнадцатого мая польская полиция доносила: «Еврейские отряды выползают из-под земли и внезапно атакуют немцев».

Пришлось эсэсовцам (суток не протекло!) вернуться в гетто. Вместе с полицией навалились: перекрыли все возможные источники питья, обнаруженные запасы воды отравили, продукты обливали мазутом. Чтобы тем, кто выглянет наверх, - только дымный воздух да крематорий, его здесь же наскоро соорудили. Все предусмотрели, кругом - смерть. И -

20 мая, рапорт полиции: «В гетто стрельба днем и ночью... сильные взрывы...».

22-24 мая рапорт полиции за три дня: «Немецкие жандармы и СС несут кровавые потери и число погибших немцев очень велико».

27 мая, польская подпольная газета «Новый день»: «Группа боевиков застрелила двух офицеров».

28 мая, подпольная «Голос Варшавы»: «Несмотря на шестинедельный штурм с использованием всех видов оружия, несмотря на то, что сожжен целый район, несмотря на применение газов горстку защитников сломить не удалось. В отдельных пунктах борьба разгорелась заново».

31 мая, доклад шефа безопасности Крюгера на совещании у Франка: «В Варшаве евреи продолжают нападения и убийства».

1 июня, полиция: «Положение в гетто по-видимому ухудшилось» (накануне боевики среди бела дня атаковали немецкий конвой, ведущий на расстрел узников тюрьмы Павьяк; это вынудило немцев ввести в гетто броневики).

8 июня, «Голос Варшавы», статья «Гетто борется»: «Горстка защитников еще действует».

15 июня, информация разведки АК: «До сих пор на территории гетто находится значительное количество евреев, вооруженных и готовых защищаться».

28 июня, немка из Варшавы жалуется полицейскому начальству в Берлине: «СС обещало очистить гетто за 3-4 дня, а между тем бои длятся уже 5 недель».

Обидная для СС жалоба - так старались!

Жаловаться следовало на евреев.

На тех, в бункере дома 44 на Милой, их выдал предатель и, уложив его первой пулей, они потом стреляли в немцев, пока те не пустили в бункер газы.

На группу Шимона Кауфмана, которая 19 мая дала немцам последний на Милой бой.

На Захарию Артштейна, Исаака Блауштейна и Иосифа Фарбера (адъютанта Анелевича), собравших после 10 мая остатки разных повстанческих групп. Они держались в подвалах до

конца мая, когда доносчики привели немцев. Боевики дрались недолго, но яростно, некоторые спаслись и позднее уничтожили предателей. Группа Артштейна, стремясь вырваться, добралась в начале июня до границы гетто, где в развалинах дома наткнулась на немцев. Артштейн, бесстрашный и умелый, по испытанному способу оставил часть группы биться в сожженном остове дома, а остальных повел в тыл нападавшим. Но голод отнял силы у боевиков: брошенные гранаты падали слишком близко. Все же полиция потеряла троих и отступила. У Артштейна полегли пятеро. Кажется, и сам он погиб в первых числах июня.

Жаловаться следовало на боевые группы портных, маляров, парикмахеров, пекарей, на сто пятьдесят евреев в большом подземелье на Лешно, которые в середине июня отбивались от украинских и латышских пулеметов, на группы рабочего Гершберга и инженера Даниэля Мошковича, на боевиков грузчика «Моше-большевика», державшихся в районе Мурановской площади до пятого июня, когда большинство их пало в стычке с полицией.

На удалцов Кленского, умиравших июньскими ночами в неумных штурмах стены гетто и в конце концов с польской помощью выбившихся наружу.

На Шимона Меллона, чьи люди еще девятнадцатого мая внезапным ударом одолели немецкий отряд, вооруженный пулеметом. Повстанцы убили двух полицейских, захватили оружие. А в начале июля, когда уже догорали стычки в развалинах, немцы с песней маршируя по выморенному гетто, опять напоролась на выстрелы евреев Меллона; боевики отступили после боя.

На поразительно живучие группы, которые воевали 3 июля на Гусиной и Налевках, затем, сильно поредев, на развалинах улицы Заменгофа, 5 июля - в убежище на Валовой 11, позднее снова на Гусиной, в бункере дома 13 и еще 7 июля в руинах улицы Налевки.

Жаловаться следовало и на евреев, дравшихся на «арийской» стороне. Группа Арона Брыскина вырвалась из гетто двадцать седьмого мая. Сторож дома, где укрылись боевики, выдал их. В неистовой схватке немцы перебили почти всех. Так же, выданные польскими фашистами, погибли 19 июня бежавшие из гетто десять членов Еврейского Военного Союза во главе с командиром ЕВС Павлом Френкелем. В своем последнем бою они уничтожили четырех гитлеровцев.

Молниеносная гибель от пули, медлительное издыхание под завалами домов, голодный мор в пустыне руин, мука газовой отравы, вонючий захлеб в каналах, удушье подкопа - все смерти пройдя, прошибя, проползя, прорваться к жизни! И умереть...

За границами гетто в отчаянных схватках погибли и боевики Жигмунта Иглы и связной БОЕ Тобия Шейнгут («Тадек») вместе с укрывшим его поляком Стефаном Покропеком.

Спасаящих, себя подставляющих, - было немного, предающих - куда больше. А в стороне стояли - без числа. Крепко стояли, крепче стены гетто. О ту безучастную каменность разбился Шмуль Зигельбойм.

Шмуль Зигельбойм сидел в Лондоне, вдали от Варшавы, в почти безопасной дали от огненных смерчей гетто. Из пролетарских низин поднялся он к руководству еврейской рабочей партии Бунд - путь от мальчика на побегушках до члена польского парламента. После оккупации Польши Зигельбойм работал в еврейском подполье, входил в Юденрат варшавского гетто, побывал заложником под арестом у гитлеровцев. На своем веку он вкусил и польского антисемитизма и немецкого отлаженного зла, и когда привелось ему в 1940 году вырваться в Лондон и оказаться представителем Бунда в эмигрантской польской Раде Народовой, его пронзительные глаза глядели на мир трезво: тоскливо, недоверчиво и твердо. За его спиной были брошенные на произвол невероятной судьбы варшавские евреи, впереди - собственная война за них.

Нота польского правительства союзным и нейтральным странам от третьего мая сорок первого года, брошюра «Дикость, какой не знала история», документальная «Черная книга» об оккупации Польши - в переводах на разные языки они трубили миру об уничтожении евреев. Мир внимал и ахал от удивления. Но бушевала общая бойня, человечеству было не до евреев, их судьба, как обычно, оказывалась малозначащим эпизодом.

А из кровавого тумана Польши сообщениями подпольщиков АК, письмами бундовцев наплывали вести: в мае сорок второго - о лагере смерти в Хелмно, в сентябре - о массовом вывозе евреев в Трешлинку. SOS летел и через океан: «Варшава-гетто. 13 января 1943 года. Центру, Стам [псевдоним Миколайчика, вице-преьера польского правительства]. С просьбой передать в Нью-Йорк, Стефану Визе, Гольдману [руководители американских еврейских организаций]. Сообщаем о величайшем злодеянии всех времен, об уничтожении более 3 000 000 евреев в Польше. Перед лицом угрозы гибели еще живущих 400 000 евреев просим: 1. Мести немцам. 2. Заставить немцев прекратить убийства. 3. Оружия для борьбы за нашу жизнь и нашу честь. 4. Связи через представителя в нейтральных странах. 5. Спасения путем обмена 10 000 детей. 6. 500 000 долларов для целей самообороны и помощи. Братья! Остатки евреев в Польше живут с убеждением, что в наихудшие дни нашей истории вы

не помогли нам. Отзовитесь. Это наше последнее обращение к вам. Еврейский народный комитет в Польше».

Но не исполнялись ни первая, ни вторая, ни прочие просьбы. Никто не мстил немцам, убийства продолжались, детей не спасли, вместо полумиллиона долларов Варшава получила ничтожно мало, да и то слишком поздно, после гибели гетто, а оружия для евреев только и нашлось, что выцедили из себя варшавские ГЛ и АК.

Осенью сорок второго года связной АК Ян Карский (Козелевский) явился в Лондон доложить о положении в Польше. Перед отъездом из Варшавы Карский беседовал с еврейскими подпольщиками, побывал в гетто - живой контейнер ужаса прибыл в Лондон. Свой страшный багаж курьер АК добросовестно, по 14-15 часов в сутки вытряхивал в многочисленные уши. Он встречался с английскими интеллигентами и политиками, с Черчиллем, с писателями-членами ПЕН-клуба, он уламывал Уэллса и Артура Кестлера: вот невероятный материал, опишите, встряхните мир еврейской трагедией... Карский добрался до Соединенных Штатов, просил у Рузвельта срочной помощи для тех, кто еще жив. Карского слушали хорошо: внимательно, сочувственно. Но английским самолетам, висевшим над германскими городами, видимо, никак не хватало горючего, чтобы долететь до Варшавы: ни одна бомбежка в ту пору не затрудняла немцам расправляться с евреями.

Честный поляк Карский изумлялся: слова пылали, но море от них не загоралось. С этим он пришел к Зигельбойму. «Не говорите мне, что здесь происходит, - сказал Зигельбойм. - Сам знаю. Расскажите об евреях. Я еврей и хочу слышать все об евреях в Польше». Карский повел свою уже почти наизусть вызубренную повесть. В маленькой комнате Министерства внутренних дел, где они сидели, захлопали выстрелы, заплакали дети, засмердело смертью.

Зигельбойм окостенел, он сидел, подавшись вперед, ноги расставлены, руки уперты в колени, взгляд распахнутых темных глаз застыл над собеседником, брови сведены, на каменном лице нервно вздрагивала щека. «Чего они там хотят?» - спросил Зигельбойм. «Они сказали: пускай наши представители в свободных странах идут во все важнейшие учреждения и организации. Пускай не выходят, пока не получают гарантий спасения евреев. Пускай откажутся от еды и питья, пускай на глазах всего мира медленно изводят себя. Пускай умрут. Может быть, это встряхнет совесть мира». Зигельбойм вскочил, забежал по комнатке: «Невозможно. Меня попросту вышвырнут за двери».

Они говорили долго. Зигельбойм расспрашивал неистово, требовал подробностей, мелочей, он словно хотел мучиться и умирать вместе с теми, в гетто. К концу беседы он,

кажется, выдохся: щека дрожала непрерывно, глаза рвались из орбит. Прощаясь, сказал: «Я сделаю все, что смогу. Все, что они требуют. Все! Вы мне верите?». Карский устало кивнул.

В конце ноября Зигельбойм потряс заседание польских депутатов-эмигрантов подробным докладом об уничтожении евреев в Польше. Последовала польская нота правительствам стран-союзников, те, в свою очередь, совместной декларацией 17 декабря 1942 года осудили истребление народов и пригрозили покарать убийц. Немцы - от испуга, что ли? - в это время развернули высылку в лагеря смерти венгерских и словацких евреев, а месяцем позже решили прикончить варшавское гетто. Слова оставались словами. »В течение всей войны ищем способов... доставить вам помощь, - сообщал варшавским евреям из Палестины «Комитет спасения евреев в оккупированной Европе». - Всюду натываемся на непреодолимое равнодушие тех, от кого зависит наша возможность спасти вас».

А навстречу:

«Варшава-гетто, 7 февраля 1943. Центру, Стем. Передать Зигельбойму. В январе немцы приступили к ликвидации варшавского гетто. Население оказало вооруженное сопротивление. <...> Вывезено 6000. Ликвидация евреев продолжается по всей Польше. В середине февраля варшавское гетто должны уничтожить. Оповестите весь мир. Просите вмешаться папу римского, просите союзников объявить пленных немцев заложниками. Страшно страдаем. <..-> Только вы можете нас спасти. Ответственность перед историей падет на вас. За Ц.К. [Центральный комитет Бунда] Янчин [Морис Ожех] и Березовский [Леон Файнер]».

«Варшава, 20 апреля 1943 г. в. срочно. Стем. С просьбой передать Зигельбойму и Шварцбарду [депутат парламента от сионистов]. 19.IV отряды СС с танками и артиллерией начали уничтожение остатков варшавского гетто. Гетто оказывает вооруженное героическое сопротивление. <...> Над жилым районом полыхают пожары, ...кружат самолеты. Исход борьбы заранее предрешен. <...> Призываем немедленно отреагировать. Потребуйте от Международного Красного Креста, чтобы посетил также гетто и лагеря смерти в Освенциме, Треблинке, Белжце, Собиборе, Майданеке и другие концлагеря в Польше. Березовский, Боровский [Адольф Берман]».

Вопль в пустоту.

Коррида, думал Зигельбойм. Союзники-тореадоры, бык фашизма, истерия толпы. Кому дело до распотрошенной лошади на краю арены?..

Сам в глухом одиночестве, он остриями нервной боли ощущал изоляцию тех, в Варшаве, их отрезанность, их замкнутость в капкане.

«Варшава, 28 апреля 1943. Стем. <...> Для Зигельбойма и Шварцбарда. Девятый день гетто Варшавы героически борется. <...> Против 40 000 евреев применяется артиллерия, огнеметы, зажигательные бомбы... Минами подрываются опорные пункты. Гетто в огне... Женщины и дети сгорают заживо. <...> Боевики яростно воюют. <...> Потери немцев - около 1000 убитых и раненных. <...> Именем миллионов уже замученных евреев, именем ныне сжигаемых и убиваемых, именем героически борющихся и всех нас, к смерти приговоренных, обращаемся ко всему миру:

Пускай уже сейчас, а не в туманном будущем, союзники отомстят кровожадному врагу - способом, понятным для всех как возмездие.

Пускай самые близкие наши друзья наконец уяснят себе меру своей ответственности перед лицом беспримерного, творимого над целым народом, гитлеровского злодеяния, трагический эпилог которого сейчас разыгрывается. Пускай богатырский, исключительный в истории порыв смертников гетто подтолкнет, наконец, мир к поступкам, соответствующим значению момента.

Березовский, Боровский».

Где он, Красный Крест, где папа римский, где союзные державы с их военной мощью? Несколько русских налетов на Варшаву в сорок втором и в мае сорок третьего года не выявили своей связи с гетто даже сброшенными четырнадцатого мая листовками - какое уж тут «понятное для всех возмездие»! Нет, не дотягивались руки союзников ни мстить, ни спасти, ни хотя бы из военных соображений помочь тому, кто бьет по тылам врага. Похоже, никто не хотел с евреями даже общих врагов иметь. Зигельбойму припомнилось, как в начале восстания гетто сорвалась попытка евреев освободить узников тюрьмы

Павьяк: многие польские заключенные отказались: «Свободу хотим по закону, от немцев, а не из еврейских рук». Гордая дурь антисемитов! На евреях прирабатываются жернова для всеобщего обмолота - неужели неясно умникам, вершащим мировую политику? Впрочем, они говорят, что понимают. Говорят, что осуждают. Говорят, что покарают. Говорят, говорят, говорят... А слова цены не имеют, думал Зигельбойм.

Слова имеют цену, думал Зигельбойм. Когда орган польских националистов «Варшавский дневник» 17 октября сорок второго года пишет «вечными врагами Польши являются еврейство, масонство и тайная немецкая агентура», когда первомайский номер газеты «Польша победит», посочувствовав евреям, тут же подчеркивает «глубокие общественно-политические разногласия» поляков и евреев - эти слова подпольной польской прессы имеют цену. Их цена - еврейское отчаяние одиночества. Их цена - взлет убийственной

ненависти к евреям. Их цена - три реакции поляков на уничтожение евреев: содействие, противодействие и бездействие. Не так ли и все человечество перед лицом Зла расслаивается на злодеев, праведников и умывающих руки? - мог усмехнуться Зигельбойм. - Гигиена эгоизма.

В день начала восстания, 19 апреля, фашиствующий польский орган «Редут» облил клеветой евреев и «жидокоммунию». (Еще будет: «Информационный бюллетень» АК 27 мая похвалит за вооруженную борьбу «граждан гетто, ранее чуждых нам» и отметит, что только воюя «евреи очистились перед историей». Еще будет: погибшего еврейского боевика Михала Клепфиша спустя год польский генерал Сосновский посмертно наградит серебряным крестом «За воинскую доблесть» и националисты обвинят генерала в «профанировании высшего польского ордена». И еще будет в августе сорок четвертого варшавское восстание и выйдут из укрытий воевать вместе с поляками немногие уцелевшие бойцы гетто и будут их уничтожать националисты из числа польских повстанцев. Один отряд АК освободит из лагеря на Гусиной улице триста сорок восемь евреев, а другой отряд АК станет этих евреев мучить и убивать).

Зигельбойм мог прочесть также нелегальную газету «Польша жива» от первого мая. Там восстание в гетто называлось «инцидентом» и говорилось: «нам эти дела совершенно чужды». Замечательные слова! Чего после них стоил последний крик евреев Лондону: «Героическая борьба гетто имеет еще несколько опорных пунктов. <...> Потрясающие зверства немцев. Множество евреев сгорело живьем. Тысячи расстрелянных... Немцы жгут поочередно блоки домов... <...> Вырвавшихся из гетто хватают и расстреливают на месте. Боевая Организация Евреев по-прежнему в гетто. Эпопея его героизма приближается к концу. <...> А мир свободы и справедливости молчит в бездействии. Поразительно. <...> Телеграфируйте немедленно, что сделали. Ждем финансовой помощи для остатков спасающихся».

«Телеграфируйте»... Телеграфировать было нечего, да и шли телеграммы туго, спотыкались на пути: например, эта депеша, высланная из гетто 3 мая, была передана поляками в Лондон только 11 мая, а до адресатов дошла 21 мая вместе с радиограммой от 28 апреля. Одно послание БОЕ в Лондон вообще не поступило. Что причиной тому? Технические трудности? А может быть, та самая антиеврейская пропаганда?

Так печально получалось: слова евреев не вели ни к чему. И его, Зигельбойма, слова не вели ни к чему. Колесо еврейской истории набирало обороты под уклон, он не мог не только

остановить, даже замедлить его убийственный ход, руки срывались, соскальзывали с обода, смазанного патокой пустой болтовни.

«Пускай умрут», - сказали те, в гетто. Карскому. Для личной судьбы еврейского депутата Зигельбойма - прекрасный выход: уйти от горечи бессилия, от постыдного неприятия в гетто, от неучастия в общем бою. Но собственный покой для него не соблазн - ему хватит сил жить. А умирать ради «общественного мнения»... Он - стреляная птица, ему ли не понимать: смерть — пустое, никого она не тронет, две строки полицейской хроники... Совесть, справедливость, жалость - старомодные бирюльки салонных импотентов. Тем более сейчас: крохотная смертишка на фоне гигантской, в миллионы трупов, смертищи... Бесплодная демонстрация. Но - вдруг?.. Последний шанс – и выигрыш?!

Стоп, - останавливал себя Зигельбойм, - ходи по земле. Твоим ли трупом переломить еврейскую судьбу?.. А как насчет Давида и Голиафа? - спрашивал он себя и отвечал себе: сказки. Красивые библейские сказки. Утешение слабым.

Утешение? Или - назидание? Не остановить, так хоть стать ухабом на пути... Давид Хохберг собой затыкает вход в бункер...

Тринадцатого мая Зигельбойм открыл газ в своей лондонской квартире. Он вернулся в Варшаву,

к своим вернулся,

к себе...

Из последнего письма Шмуля Зигельбойма:

«Господину Президенту Вл. Рачкевичу.

Господину Премьер-Министру Вл. Сикорскому.

Позволяю себе адресовать свои последние слова Вам, а через Вас Правительству Польши и польскому народу, правительствам и народам всех стран-союзников и совести мира.

<...> В стенах гетто разыгрывается последний акт трагедии, какой не знала история. Ответственность... падает в первую очередь на самих убийц, но косвенно она отягощает также все человечество, народы и правительства союзных стран, которые до сих пор не предприняли конкретных действий, чтобы воспрепятствовать этому преступлению. Равнодушно взирая на уничтожение миллионов измученных детей, женщин и мужчин, эти страны стали соучастниками преступников.

...польское правительство в большой степени помогало оказывать влияние на мировое общественное мнение, однако делало оно это недостаточно активно. Оно не предприняло

ничего, что соответствовало бы огромности драмы, разыгрывающейся сейчас в Польше. Из примерно 3 с половиной миллионов польских евреев и 700 тысяч евреев, депортированных в Польшу из других стран, в апреле 1943 года жило только 300 тысяч. А истребление непрерывно расширяется.

<...> Мои товарищи в варшавском гетто погибли с оружием в руках в последнем героическом бою. Мне не было суждено погибнуть так, как они, вместе с ними. Но я принадлежу к ним и к их братским могилам.

<...>

Я знаю, как мало значит человеческая жизнь в наше время, но уж если я не мог ничего сделать при жизни, может быть, смертью своей помогу сломить равнодушие тех, кто имеет возможность спасти, хотя бы в последнее мгновение, оставшихся еще в живых польских евреев.

Моя жизнь принадлежит еврейскому народу Польши, и поэтому я ему ее отдаю. Я желаю, чтобы те, кто останется от нескольких миллионов польских евреев, дожили до освобождения в мире свободы и социалистической справедливости вместе с польским народом. Я верю, что поднимется такая Польша и наступит такой мир.

<...> Посылаю свое «Будьте здоровы» всем и всему, что мне дорого и что я любил. Шмуль Зигельбойм.
Лондон, май 1943».

Черняков, Зигельбойм, Ротблат... Три дороги - разные, три финала - схожие. Одна судьба - еврейская.

Не жаль мне Чернякова - Зигельбойма жаль. А Ротблату, чья кончина чернейшая - завидую. Завидую его пути через улицу Налевки. «Оборона Налевки войдет в историю наряду с Сарагоссой, Альказаром, Вестерплатте, Сталинградом...» - это о нем, Ротблате, писали поляки в подпольной газете «Новый день» 17 мая сорок третьего года.

Вру. Зависть? При моей-то удаче?..

Я дожила до осени, до этой стены, до белого облака в небе, до фотоснимка, который, будет время, всплывет из архива белобрысого Фридриха в сборник документов «Борьба, смерть, память», его издадут в моей родной Варшаве в 1963 году, и оттуда, из этой книги, он расскажет о гетто. Исполняется неисполнимое, неисполненное дневником.

Дневник придумался случайно. Уже в июле, когда в руинах гетто копошились только одиночки вроде меня, которые, если повезет, сбивались в крохотные группки. Без боеприпасов, без продуктов - без сил... Отсрочкой смерти перепадали изредка от польских друзей кусок хлеба или несколько патронов. Братья Шимчак, Василевский, какие-то безымянные подвижники шли, ползли, продирались в гетто - и умирали от фашистских, своих и немецких, рук - умирали за нас. Проникали в гетто с «арийской» стороны и банды охотников до еврейских пожитков или живого еврея, которого можно с выгодой сдать немцам. С этими мы воевали, как и с немцами, но какая война у безоружных и заморенных голодом? С середины июля бои в гетто практически кончились.

Тогда-то, в скитаниях между руинами, я в какой-то дыре обнаружила среди мертвого скарба мятую толстую тетрадь. Рядом, кстати, карандашный огрызок.

И пришло в голову обхитрить смертную тоску, безделье между редкими стычками разменять на белые эти листки. Давным-давным давно, восьмилетней ученицей, я вела дневник: завтрак, игры с девочками, обиды на маму, мечта о котенке - детский лепет... Почему бы сейчас не писать? Хотя бы о Том, кого нет. Я попробовала. Выходило: голод, трупы, пожары, туннели, бои. Выходило - гетто. Выходило: о *тех*, кого нет. Для тех, кто будет. Может быть, они чему-то научатся, не даром же мы в конце концов умираем?.. Пошли воспоминания переплескиваться в тетрадь. Оно и против голодного ожидания помогало и против сырости подвальной - увлечешься, отвлечешься...

Где-то наверху шла удивительная тихая война. Последние повстанцы искали выхода через каналы. Гитлеровцы днем засыпали люки, евреи ночами откапывали их. Сизифов труд, недолгий: сил не было, остатки их уходили на лунатические походы в поисках воды.

...дотлевающая

жизнь...

А у меня в подвале, при свечном огарке, при луне сквозь щели, наполнилась тетрадь. ...Пока немцы при очередном прочесывании не обнаружили мою нору. Было здесь трое девушек, две спали, я писала. Утро. Тишина. Тепло ясного сентября в проломе входа в подвал.

Карандаш у меня истерся, короткий остаток не удерживался в пальцах. Я пыталась заточить его осколком камня. Руки дрожали, острое вонзилось в древесину и нехватало сил содрать стружку. Я напряглась, камень сорвался и рассек палец. Закапала кровь. И -

- топот наверху.

Свет в проеме померк. Немецкие голоса. Отстреливаться давно уже нечем... Хорошо бы девочек убили спящими... Я ткнула тупой огрызок карандаша в рану на пальце и кровью, почти наугад в полутьме, черкнула по тетрадному листу: «Идут эсэсовцы. Конец». Тут в подвал полетела граната...

...Они швырнули гранату и получили возможность развлечься фотографией. Ну и ладно, мне тоже нужен хороший снимок.

Они очень стараются для меня. У Отто пятно пота под мышкой расплзается на глазах. Они увлеченно играют своими кружочками, черным и светлым, дулом и объективом. Отто уже не только наводит автомат, он еще и припугивает меня, выкрикивая: «Пуф! Пуф-пуф!».

Чего они ждут? Ужаса, мольбы, истерики? У меня позади десять жизней и трупы таких же веселых подонков, впереди у меня покой - что мне их идиотские угрозы?! И когда осененный новой режиссерской находкой Фридрих дурашливо кричит: «Улыбнись! Снимаю!» - помимо его и моей воли уголки моих губ поднимает усмешка. Честное слово, я довольна. Почти счастлива.

«Счастье, как вода в озере, - разлито везде одинаково», - сказал мудрец. Мой разлив - здесь, у стены...

Но, господи, почему нельзя иначе? ...Стихли бы навеки канонады, заржавели бы все револьверы в мире, отстроились заново из руин города, и в парке, разбитом на месте гетто, врытые стоймя пушечные стволы служили бы фонарными столбами. И мне бы с любимым вдвоем окунуться в теплую живую ночь, где свежий ветер и овация листьев на черных ночных деревьях, и губы в улыбке и зубы в улыбке и улыбка в огромных глазах, улыбка, удивление и радость...

...улыбка несостоявшегося счастья.

Не мне - улыбка. Мне - мерцание полуусмешки. Мое везение - мой бой, его упоительно долгая длительность. Потом никто даже не сможет толком определить дату конца восстания, оно, по словам Б. Марка, постепенно затихало, угасало, сникало.

С середины июля гитлеровская полиция приступила к взрыву развалин, давя последние искры жизни на пепелищах. Все же в начале августа обнаруживались среди руин стреляющие боевики. Двадцать третьего августа из гетто на «арийскую» сторону вышла горстка повстанцев, вышла с оружием в руках. За ними осталась огромная мертвая пустыня: камни, зола, тишина... Но и ту тишину прорезали выстрелы: кто-то из укрывающихся евреев находил силы поохотиться за неосторожным эсэсовцем,

а то гитлеровцы выудят из-под земли и расстреляют несколько еврейских детей, которым взрослые на исходе собственных сил помогли продлить дыхание... До самого сорок четвертого года будет тлеть в подземельях восстание и редкими гейзерами выбрасываться наружу, пока повторный обмолот руин взрывами и зима не сделают свое: в начале сорок четвертого года вооруженных евреев в гетто уже не станет. Разговоры варшавян в том году о недобитых и стреляющих в гетто евреях – только слухи. Впрочем, евреям - и без чудес? Парикмахер Давид Бялогрод вышел из руин гетто в августе сорок четвертого. Пещерный человек, он проживет еще два десятка лет.

Он проживет, неистребимый еврей, но это уже будет без меня, потому что остряк-фотограф, наконец, дощелкал пленку до последнего кадра. Его он приберег для самого эффектного сюжета, и вот Отто поднимает автомат на уровень моей груди, переглядывается с Фридрихом, они радостным хором командуют себе «Айн, цвай, драй!» и одновременно жмут: Фридрих - на затвор фотоаппарата, Отто - на спусковой крючок... Все... Меня больше нет. Я ушла в снимок.

Остальное уже без меня.

Без меня напишет будущий историк Бернард Марк:

«Многие освободительные войны несли в себе зародыш неизбежного поражения, но ни на одной из них не лежала печать столь глубокого трагизма, как на последнем боевом порыве остатков обитателей варшавского гетто, который разгорелся на могиле их ближних без тыла, почти без оружия, без ничтожного шанса на победу, под лозунгом «Если умирать, то с честью, в борьбе».

<...>

...в истории восстаний до сих пор не были известны бои в подземельях, среди пылающих домов, на крышах и карнизах, в канализационных люках и на объятых огнем лестничных клетках. ...штаб восставших, не имея боевого опыта, внес новый вклад в историю восстаний, разработав тактику борьбы в столь необычных и до сих пор невиданных условиях.

<...>

...восстание учит, как можно и нужно даже в наиболее трагичном и отчаянном положении найти все же выход путем преодоления страха и покорности, путем активного сопротивления могущественному врагу.

<...>

От повстанцев гетто Варшавы осталась не только легенда. Остался живой пример настоящего человека, пример для нынешнего и будущих поколений.

Память о них переживет века».

Без меня подытожат наше восстание: из последних 70 тысяч варшавских евреев около 6000 убито в боях.

Без меня беженцы из гетто создадут в вышковских лесах партизанский отряд имени Анелевича («Защитники гетто») под командой Адама Шварцфуса, Мордехая Гроваса и Игнаца Подольского. Отряд будет бить немцев и предателей, подрывать воинские эшелоны, разорять усадьбы гитлеровцев, раздавая добычу польским крестьянам, - и будет притягивать к себе беглецов из ближнего лагеря советских военнопленных: русских, армян, осетин, узбеков - славный боевой интернационал, служить бы ему обнадеживающим примером на будущее, да к апрелю сорок четвертого извели его (примером же на будущее?) дружные усилия немецких и польских фашистов.

Без меня эхо нашей стрельбы отзовется борьбой смертников концлагерей и гетто в Трешлинке, Белостоке, Собиборе, Вильно, Освенциме, Ченстохове, Бендзине, Кракове, Тарнове, Сандомире, Ясле, Бориславе, Понятове, Травниках, Майданеке, эхо раскатится по лесам Польши, Венгрии, Чехословакии, Литвы, Украины, Белоруссии - везде, где партизанили евреи, оно в сентябре сорок четвертого года долетит до восставшей Варшавы последней группой БОЕ под командованием Ицхака Цукермана, которая соберет укрывающихся на «арийской» стороне евреев и будет драться плечом к плечу с поляками до последнего вздоха восстания. Нет, не зря немцы годом раньше построили на территории бывшего гетто газовую камеру, имея в виду вслед за евреями - поляков. Последовательность в общем символическая и в частности закономерная: кровь БОЕ горячим «коктейлем Молотова» подливалась в польский огонь, распалившийся до самого Берлина - там боевики АК взорвали бомбы в сорок третьем году.

Без меня осенью сорок третьего гимном восставшему гетто взвывается из польского подполья книжка католички Марии Канн и две тысячи пятсот ее экземпляров прокричат-в гнев и ярости: *«На глазах мира, на наших глазах... уничтожен народ. Мы смотрели на это безучастно, ...мы привыкаем к мысли, что можно убивать, можно строить крематории для живых людей. В детских умах начинает проклевываться представление, что существуют нации различного сорта: «господа», «слуги» и, наконец, «собаки», которых можно безнаказанно убивать. И это самый страшный посев кровавого фюрера и его победа. <...>*

Земля перестанет быть бойней. Вернутся мир и покой. А много лет спустя ребенок спросит: «Кого убили, мама? *Человека* или еврея?» Вот что страшно сердцу польских матерей».

И без меня издохнет гитлеризм. О, мне бы хоть миг из дней победы! Узнать бы, что за семнадцать дней до конца войны Гиммлеру придет в голову искать спасения через недобитых им евреев: «настало самое лучшее время, чтобы вы, евреи, и мы, нацисты, похоронили топор войны», - скажет миролюбивый рейхсфюрер СС.

А прочие сверхжелезные вожди «сверхлюдей»? В Нюрнберге сорок шестого года, по уши в страхе возмездия, чего не наговорят они и публично и в частных беседах!

ФРАНК: «...варварство, видимо, характерная расовая черта емцев. <...> Мы, немцы, мы все грабители. Не забывайте, что емецкая литература началась с «Разбойников» Шиллера».

ШПЕЕР: «Пусть вся эта проклятая нацистская система и все ее руководители, включая и меня, получают то бесчестие и позор, оторые они заслуживают».

КАЛЬТЕНБРУННЕР: «Я от души приветствую ту идею, что стреление народов должно быть заклемено международным оглашением как преступление и должно строжайшим образом аказываться».

ГЕРИНГ: «...один немец - это наверняка порядочный человек, два немца - это уже банда, а трое обязательно вызовут ойну». И, читая в газете о боях палестинских евреев с англичанами, объявил вовсе сногшибательно: «Я счел бы за честь воевать вместе с евреями».

Материалы Нюрнбергского процесса и процесса Эйхмана в ерусалиме, документальные фильмы и книги об еврейских олгофах и безднах, памятники на местах смерти, скорбные лачи оркестров - все будет создано и разноязычно распространено, невероятная правда об убийстве народа растечется по емному шару доступно всем и, может быть, люди, разглядев в удьбе евреев не частный случай, а черновой набросок всеобщей стории, свернут, наконец, с накатанных магистралей Зла на ернистые тропы Добра.

Поставьте нам памятник на том повороте!

«Последний арьергард нескольких миллионов евреев, замученных и отравленных газом в различных лагерях смерти, героически погибал в вооруженной борьбе со своими убийцами, воздвигая себе нерушимый памятник славы...» - это в 1947 году напишет о нашем восстании Владислав Гомулка, бывший руководитель коммунистического польского подполья. Все-таки настанет черед поклониться евреям!..

...А двадцать лет спустя Гомулка, возглавив Польшу, объявит вреев неполноценными ее гражданами. Какой старый, какой еврейский анекдот!

Не ему ли я улыбаюсь?..

...Джоконда...

6. СВЕЧА

Апрель распорядился толково. Нагнал тучи, слегка отжал их, щетиной дождя обмел площадь, потом разворошил ветром мохнатую серость и высвободил из нее клочья синевы. Прорвалось солнце, ударило теплом в мокрый асфальт, в сырые стены домов, по скользкой коре обессиленных зимою деревьев, по брызгам на окнах и лужам на крышах. Подмога ветру - вдвоем с солнцем они споро, играючи, слизнули влагу, обсушили камни, и к полдню чисто прибранная, умытая площадь между улицами Левартовского, Анелевича и Заменгофа была готова к торжеству. Оставалось установить флагштоки, воткнуть, перебарывая ветер, флаги, зажечь перед памятником газ в больших семисвечниках, подпертых бронзовыми львами, и выставить почетный караул возле стены, взрывающейся барельефом: в окаменевшем пламени старец с булыжником, мальчик с ножом, полуобнаженная горящая девочка, и поникший убитый, и девушка с оружием, и в центре, истощенный и сильный, молодой вождь. Моисей, и Исход, только не к жизни, как у древних, а в смерть. И в бессмертие. «Еврейский народ - своим бойцам и мученикам» - надпись на польском, древнееврейском и еврейском горит на солнце, и стоят по обе стороны памятника каменно, под стать изваяниям, молодые польские солдаты с карабинами «на-караул», перед ними площадь расстилает квадраты плит и прогуливающие детей бабушки постепенно уступают место наплывающим из соседних улиц людям.

Собираются группы - в основном, мужчины, пожилые и старые, одетые торжественно и небогато. Ветер распахивает плащи, дает солнцу поиграть на пиджаках, и случайный турист из СССР удивляется: знакомые знаки - орден Славы, Красная звезда, медаль «За отвагу»...

- Да, да, - объясняют хорошим русским языком старики «пану з Москвы», мы все воевали. Первый Украинский фронт, Третий Украинский, Первый Белорусский... Красная Армия, конечно...

Ветераны на взлете чувств: с каждым годом их все меньше, но в этот апрельский день, день начала восстания в варшавском гетто, каждый, кто еще не обезножил, устремляется сюда, на площадь, где переключка оставшихся, и скорбный сбор, и праздник Победы.

И поминание...

Двусторонен памятник: на его обороте вереница обитателей гетто уходит на заклание - скромное изображение почти невыделяется на сером фоне, к тому же вплотную - улица с ее

обычным городским движением и прохожие минуют малозаметную стену, не задержав ни взгляда, ни шага.

- Почему так? - горюет старушка возле памятника, - всегда цветы только тем, которые воевали... Прошу пана, пан не главный? Или, может, знает главного? Скажите им, пускай хоть маленький цветок с той стороны положат... Они говорят: улица, украдут. Ну, улица, ну, украдут, кто без совести... Но надо же и для тех, просто убитых, знаете, их сколько? Сотни тысяч, миллион - как не положить цветы?.. Каждый год прошу, а они говорят: там улица, автомобили, прохожие... Скажите им, очень вас прошу... - Ее губы дрожат, но глаза сухи; за сорок лет слезы все выплаканы.

- Вариатка [сумасшедшая], - объясняют ветераны московскому приезжему и вертят пальцем у виска, - не обращайтесь внимания. Она такая после войны... Ее семья здесь погибла. А, - машет одной рукой, - у кого нет своих мертвых?..

Люди подходят, наливается на площади толпа. Морщинистые лица, улыбки - и печаль.

Подкатил автобус, высыпал киношников, они засуетились ставить аппаратуру, искать ракурсы, прицеливаться на скульптуру, на часовых, на ступени перед памятником...

Два молодых красавца принесли небольшой ладный венок. Установили его возле надписи на еврейском языке, венок пришелся как раз под фигуру павшего бойца - случайный компромисс между просьбой женщины и установленным порядком чтить фасад памятника: честь мертвым, но все-таки героям, а не жертвам - в Польше покорность не в цене.

...Инвалид: вертикаль костыля, кривизна сильного еще тела. Но - голубое озорство глаз.

- Прощу пана, - говорит, - было нас три брата... Как в сказке. Мы с Юзеком убежали, когда Гитлер пришел. К вам убежали, в Россию. А старший, Адам, он остался. Хотел покуй [мир]. Говорил: немец бѣндзе [будет] воевать с русскими и вы, два дурака из Польши, убегаете на войну. А мы останемся здесь и будем спокойно ждать мира. Люди ведь не могут воевать бесконечно. Адам был бардзо розумный и осторожный, у него были дети, он хотел тихо пересидеть. А мы с Юзеком дураки, и мы таки попали в самое пекло в России... Вшистка [все] было: лагерь, армия... Юзек под Ленинградом воевал, потом в Кенигсберге - сейчас Калининград, так? А я в сорок втором - Сталинград и до самого конца в Красной Армии... Контузия, два ранения, последний раз в позвоночник, под самым Берлином, за месяц до звычѣнства [победы]. Что говорить, весело... У Юзека ноги отморожены, глаз один... Адам, конечно, был прав, что мы в России намучаемся. Он мог бы над нами очень посмеяться... - Ветеран кривит рот в усмешке. - Он бы очень смеялся. Если бы выжил. Но он остался на спокойнѣ жице [спокойную жизнь] в варшавском гетто. И он, и его пиѣнкна [красивая] Малка,

и трое детей, и папа, и мама. Такие умные... А я, дурак, прошел войну и сейчас стою здесь и вспоминаю, какой Адам был умный. А другой дурак, Юзек, тоже прошел войну и сейчас он там у вас, в Псковской области, доктор в шпитале [больнице]... Прошу пана, эти люди, здесь, многие воевали, мужчины - почти все, воевали в русской армии... А иначе кто из наших выжил бы? Дзенькўймы России од вшїтских жїдив польских [спасибо России от всех евреев Польши]. Я не думаю, что нас там бардзо любят, но вы все-таки передайте привет России...

Россия... Красны девки, добры молодцы... Печаль крестьянских рук и материнская скорбь. Солдат, уснувший после победного боя. Собрание активистов. Улыбка космонавта. Разухабистая пьянь. Женский день: рабочая смена, домашняя гонка и отдых в очереди за молоком. Россия... Придурковатый олимпийский мишка...

А еще озеро в плоских берегах, добродушие валуна на желтом песке, голубая от неба вода, и облака, вверху слепяще-белые, у горизонта дымчатые, легли, притемнясь, в гладь озера и плывут - хмурые побыстрее, белые - еле-еле... Над озером истеричные крики чаек. Одна стряхнула психоз, оторвалась от кликуш и на бреющем, ближе к берегу, внимательно проверяет воду. Снизилась, всплеск, хлопанье крыльев и обратно ввысь. Поскрипывает на лету - горло прочищает. А вода, вспоротая птицей, отряхнулась кругами и снова - зеркало. Инцидент исчерпан. Только в озере на рыбку меньше.

На другом берегу в зеленых лентах холмов бурые и белые пятна коровьего стада, шатры стогов, несколько крыш... Деревня безлюдна: июль, пора сенокоса...

Нежный трепет стрекозы. Полетала возле воды, посомневалась и решилась: набирая высоту, пошла от берега. Безрассудный восторг полета. А давешняя чайка все патрулирует - повернула к стрекозе. Паника стрекозиных крыльев и неотвратимый лет чайки: отблеснула стрекоза и погасла во мраке чаечьего клюва. Каприз стрекозиной судьбы. Нечаянный подарок птице.

Тень облака напозла на деревню, притушила прямоугольники окон. Когда тень приблизилась к коровам, те уже спустились к озеру, пили, стоя по колено в воде, отмахивались от слепней. Тень сдвинулась еще, озеро под нею стало сизым, потом вновь посветлело - облако будто растворилось в небе, в покое, в чистом запахе водорослей и рыбы, в тишине северного мира, где за полчаса только и произошло, что явилась и исчезла тень, сгнула рыбешка, стрекоза поднялась на гибельную высоту дерзости, коровы напились...

А еще в эти полчаса в лесу возле озера воскресла женщина. Годами колотилась она в стандартной городской круговерти: магазины, автобусы, служба, семья, гости, болезни, импортные сапоги, загулявшая дочь, именины, похороны, концерты, аборт - маета и суета - и стремглав со стремительной той карусели, как на ходу из поезда, -

выбросилась

в лес...

Прилип к ней пес, один из кудлатых деревенских животных, чья преданность приезжим горожанам пропорциональна щедрости их даров. (Но, попрошайничая, пес не ронял себя, не менял на кусок хлеба вечных ценностей: любая встречная сучка запросто отвлекала его от кормильца).

Женщина вошла в чащу. Собака скользила возле ноги. Нахохлившийся после дождей лес морился под солнцем, распирался паром. Лохматая тишина лежала между мокрыми стволами, и, замерев, женщина услышала, как растет гриб, как его тугое тело разворачивает землю и шуршит вздымаемый шляпкой палый лист. Поднять лицо, подставить щеки под уколы капель, срывающихся с ветвей... Искра воды на острие сосновой иглы... Белый бинт бересты, чернота сухостоя... Где-то пискнула птица, высоко над головой ветер пошевелил кроны сосен. И снова тихо, влажно.

Компрессы покоя. Распрямляется душа; отваяясь, опадает шелуха тревог и распускается роскошный бутон свободы. Из долгих вздохов леса, из запахов прели, из беззащитности муравейника и собачьего доверия свивается певучее ощущение удачи. Тело вспоминает юную легкость, да так подробно, что и кусты малины на опушке соблазняются поиграть упругостью молодой плоти, но женщина кошкой выворачивается из мокрых веток, которым только и достается радости исчиркать нейлоновую куртку и усыпать женские волосы бриллиантами бывшего дождя. Трепет неутоленного желания в обескураженном кустарнике - а женщина тем временем - вверх по откосу и - на дорогу.

Блеск мокрого асфальта. Голубые волны тумана выкатываются сюда из леса, и женщине упоительно плыть в них, разведя руки и мерно колебля ладони, изламывая фигуру в тонкой талии. Разворот плеч, и грудь рвется из куртки, колышутся крепкие бедра, ритм пружинит длинные ноги, и сама подбирается мелодия, и молодость окунается в восторг.

Подхватывается и пес, весело грязнит лапами куртку женщины, тычет мокрый нос ей в щеку. Женщина отбивается, хохоча, а ноги в джинсах плетут танцевальные узоры и клубится невнятица тумана, кружатся деревья, качается земля и скользит навстречу небу девочка - звенит золушкин бал в синем лесном краю.

Раззадоренное солнце обрушивает июльский пыл: туман съезживается, воздух, проясняясь, веселеет и далеко видна серая строчка дороги на зеленой шкуре земли. Там, впереди, деревья и небо устремляются друг к другу, и на дальнем холме лес нетерпеливо выпускает навстречу облакам белое коренастое тело храма.

Свеча счастья. Оно оказывается неиссякаемым, как его ни транжирить: аукаться, захлебываться танцем, вихрем за собакой и под ногой лужа дыбом и зыбкая мокрота, а тут еще переменчивое небо обдаст вдруг смуростью, - но что бы ни произошло на лесной дороге с женщиной, ей только бы добраться до холма, склониться перед крутизной тропы в высокой траве, где беззвучно взрываются светлые крылья бабочек, - склониться, но не покориться, а нагнетая в грудь пронзительный запах чистоты, перевести дух на вершине холма, где за белой каменной оградой - покой монастырского двора, осмысленность старых деревьев, тишина безлюдья, важный кот, пренебрегающий собакой, и собор, устоявший под натиском поздних пристроек; портал собора околдован фресковой росписью и неизбежно - переступить порог и - в «Ох!»

и молчать,

и только глазом,

только чувством... Обвал красок, живой усладой стекают они из-под барабана, от куполов апсид по аркам приделов, по мощным квадратным столбам, по стенам, по стыкам, бурлят вокруг окон и ниш; водопад бликов, половецкие разноцветия, сверху донизу, до успокоительно-белой пены полотенец с изысканными узорами орнамента. Цветные откосы оконных проемов преображают свет дня, и он, пролившись внутрь собора золотистым потоком по центру, голубым и зеленым с боков, заполняет храм теплом солнца, холодом неба, таинством леса - вихрь контрастов будоражит фрески, и, сцепясь аккордами красок и линий, разворачивают они хоровод, голову кружа, ворожа, завораживая... Тонкие деликатные фигуры, изящные наклоны голов, ясность нимбов, благородные овалы лиц... От золота - звон воздуха...

Снаружи храма капризничает погода, и роспись играет в лад с ней. Нахмурилось небо - глохнут в серости узкие окна, полумрак вваливается под своды, в его зыбкости проявляется пронзительная лазурь фресок. Тускнеют темные одежды, но дивно светятся лики и белые силуэты плывут в нежном пении синевы - лебединые крылья в беспредельности неба. Синяя тьма и синий свет, синие полутона, синие руки святых на синем фоне - невесомость, прозрачность, призрачность. Неземная возвышенность. Сигнал высшего смысла - синь хитона Богородицы, голубизна ангельских одеяний. Рефрены синевы...

...Солнце ворошит тучи, протягивает в окна теплые лапы, и, обласканные им, разгораются розовые зори росписи. Затихают сине-белые тона, и торжественно вступает медный глас желтизны. Набирает силу накал нимбов, охра прогревает собор, и нарядная коричневая яркость весело соперничает с распевами красного. Напридумывал художник оттенки: скромность палевого, багрянец огня, малиновая мягкость, задумчивый вишневый, страсть пурпура - столкнул и развел, разбросал и собрал, и разыгралось красное, растормошило роспись, сорок ее цветов вздрогнули, колыхнулись и потянулись, ведомые расчетливой прихотью линий, в лабиринты загадочных и светлых созвучий.

Скрипки контуров, нимбов литавры... Виолончельная волна зелени...

...клавесин золотого, коричневый бас и альт алый вздох на одежде святого...

А в куполах: Никола, Богородица, Христос - величие органа. От фрески к фреске, из сюжета в сюжет льются мелодии, то продлевая, то преодолевая друг друга, сплетаются темы в эпос, и в необъятной мощи хора раскрывается цветной космос Радости. Радуетя архангел, возвещающий Марии счастье чудесного зачатия; поборов в себе ревность, радуется старый Иосиф; щедрость дарителя веселит волхва; ликуют, вознося хвалу Деве, святые и мученики; даже в аду - не мрак страдания, а Бог, в пекло сойдя, рвет запись долгов Адама сатане и разодранный список белым сиянием своим трубит свободу Человеку.

Собор Рождества Богородицы. Тысяча пятисотые годы... Кимвалы... Лютня...

Тра-та-та-та-та... Тра-та-та-та... Стучат барабаны, стучат барабаны... Тра-та-та-та... Оголтелая дробь. Тра-та-та-та... Тра-та-та... Пауза. Чвах! чвах! чвах! чвах! - солдатские подошвы в парадном шаге. Чвах! чвах! чвах! чвах!..

Колонна людей с венками медленно подтекает к памятнику. Несколько шагов, заминка. Отделясь от колонны, передняя шеренга - шесть-семь человек, в середине венка - приближается

к памятнику, останавливается; навстречу ей, печатая «чвах! чвах! чвах!», выходят двое солдат, замирают, потом бережно принимают венок и, в плиты вбивая ступни, проносят его к барельефу. Тра-та-та-та-та, тра-та-та-та - рассыпаются барабаны. Солдаты ставят венок у подножия памятника, разгиб спина, поворот на каблуках - щелк! - и застыли рядом с почетным караулом... Оборвался раскат барабанов. Шеренга стоит траурную минуту, склонив головы под тугой накат ветра. Лысины. Седины. Тишина...

Трепещут в воздухе ленты венков, хлопают флаги на флагштоках. Зуд кинокамер. Скрип инвалидного протеза.

Солнце. Обвалы облаков.

Безмолвие площади набухает гудением скорбного огня в бронзовых семисвечниках. В шеренге подняли головы. Живые глядят в глаза бронзовым, и газовое пламя поминальных светильников давнишним огнем обдаёт живых: рушатся в гетто их дома, пылают факелами их дети, лужи крови и оскал мертвеца... вонь бункера... облава... лай собак... и люди у стены, спиной к автоматам в эсэсовских руках... Треск выстрелов... Тра-та-та-та-та, тра-та-та-та...

Трещат барабаны, молотят по голым нервам, по голым телам над могильным обрывом молотит россыпь расстрела. Идут за рядом ряд, бесконечной чередой, розовые дети и сморщенные старцы, движутся под косящую дробь расстрела и ложатся друг на друга за рядом ряд, за рядом ряд, за рядом ряд движутся люди к подножию памятника, замирают, отходят, вослед им вырастают другие - нескончаем поток людей к памятнику, и гул огня в семисвечниках, гул газового пламени, гул печей крематориев, и нескончаем поток людей к газовой камере и ветер, полощущий ленты венков, несет над шеренгами пепел сожженных, а на деревьях, окружающих площадь, почки взрываются запахом гари, жирным смрадом трупов.

Идут к памятнику старые и молодые: высокий плечистый еврей в светлом костюме, рыжеусый инвалид с костылем и орденами на мешковатом пиджаке, хранящий военную статью блондин-ветеран, редковолосый старик с намертво потухшим лицом, щеголи из еврейского театра, и делегация польских харцеров, и холеный гость из Соединенных Штатов, и раввин израильский, и старая полоумная еврейка, в нелепом позерстве старательно подставляющая кинокамерам лицо с веселой улыбкой и застывшими глазами... Разные люди, объединенные памятью, подавляющей и возвышающей, - шеренга за шеренгой, за рядом ряд... Гора цветов у памятника всплывает вверх.

Вокруг скопился народ. Кто случайно подошел, заслышав барабаны, кто намеренно. Туристский автобус из Ленинграда ехал мимо - притормозил, выпустил цепочку людей, они воткнулись в толпу, углядели было барельеф, но гид тихой скороговоркой увлек группу обратно в машину - укатили... А несколько немцев из ФРГ пришли увешанные фотоаппаратами и - погрузились, аппараты остались зачехленными. Два ксендза, молодые, черноволосые, в аккуратных сутанах, опустили головы... Московский еврей жадно набирается невероятных впечатлений... Два веселых польских парня... И над молчанием толпы, над рядами идущих, над солдатами в почетном карауле, над мельтешением киношников, над бронзовыми львами – опорой светильников, над барельефом бессмертных

смертников, над всей заветренной, осиянной апрельским блеском площадью - рокочут барабаны. Тра-та-та-та... тра-та-та-та...

...В одной из последних шеренг - пожилая женщина с хозяйственной сумкой и долговязый мужчина в линялом плаще и черной шапочке, из-под которой свисают длинные космы волос, объединенные с бородой и усами и бровями в один густой седой клубок, пробитый тонким носом и острым взглядом. Они идут, омраченные общим с евреями трауром, двое славян – пани Ядвига, улыбчивая милая старая полька, уборщица, живущая неподалеку, в одном из стандартных пятиэтажных домов, и Лесь Пейчара, о котором завсегда этих мест только и знают, что украинец, а откуда взялся, когда, каким образом вонзился длинным нескладным телом в польскую жизнь и прижился, стал своим, - то никому толком не известно. Художник ли, фельдшер, а, может быть, и шофер, его встречали и в библиотеке Еврейского исторического института, и в православной церкви, и на концерте Евы Дымарчик... Всегда один, одет бедно, обтерто, из-под мохнатых бровей во мраке длинных ресниц печалются узкие глаза... Так и привыкли к нему: просто человек. Сам по себе. Не украинец среди поляков, не православный среди иудеев - просто человек.

Как и пани Ядвига.

Она - из тех поляков, кого немцы переселили с территории гетто на «арийскую» сторону, в одну из квартир, чьи владельцы отправились туда, в гетто. Пани Ядвиге привелось ежедневно проходить у стены гетто - ее громада надежно и бесповоротно перегораживала улицу. Здесь шаркали редкие прохожие, а за стеной стыла вязкая тишина - там вымирали евреи...

Внизу стены светлело отверстие для стока воды, при сильном дожде грязный ручей выносил оттуда на «арийскую» мостовую тряпки, окурок, разбитые очки, клочки газеты, смятый каблук... Дождь кончался, поток иссякал, и отверстие мертво застывало - бельмо на грязной кирпичной плоскости. Хоть бы кошка шмыгнула или крыса, думала пани Ядвига, глядя на дырку, но кошек, говорят, в гетто давно съели, а крысам, наверно, хватало дела внутри стены. Пани Ядвига ходила по своей улочке, стараясь поменьше думать об евреях, и это в общем удавалось, потому что хватало своих забот в нищей унылой Варшаве, вздрагивающей от облав и расстрелов, и еще потому, что если верить слухам, витающим в городе, - значит, Бога нет, а такого пани Ядвига и на краюшке мысли не допускала.

Вероятно, Богом и было ей дано однажды, идя в солнечный день пустынной своей улицей, заметить, как бельмо в стене гетто неожиданно потемнело, словно изнутри заслонили дыру. Пани Ядвига остановилась удивленная. Серая масса ворошилась в отверстии,

протискивалась, выпирала сквозь стену, будто грязный нарыв вызревал на кирпичной кладке. Нарыв рос, вспухал на мертвой глади стены, мешок оттуда проталкивали, что ли... Наконец, проткнулся, отделился от стены и распался на тряпочные лохмотья, среди которых блеснули нечеловеческим блеском человечьи глаза. Оказалось, ребенок, лет пяти-шести, кажется, мальчик - скелет и кожа, неизвестно на чем держатся тряпки, лицо черно от грязи и усилий, старческий прерывистый всхлип и - взгляд.

Глядя в эти огромные глаза, поняла голодная пани Ядвига, что значит сходить с ума от голода. Страшно горящий взгляд ребенка прожектором обежал улицу, потом лохмотья метнулись на тротуар, из них выпросталась немыслимо тонкая невесомая рука и, прося подаяния у мимо идущих, ребенок поволокся вдоль домов...

Было тихо, светило солнце, блистали окна, только стена гетто посреди мостовой темнила весенний городской пейзаж.

Ребенок прошел с десятков шагов, еще никто ничего ему не подал, но пани Ядвига уже потянулась к своей сумке, где лежало несколько картофелин, - и тут зарычал мотоцикл. Ребенок замер, приткнулся к стене дома. Из-за угла выехал немецкий патруль. Прохожих - в ворота, в подъезды - сдуло. Пани Ядвига застыла. Ребенок бросился назад, к стене гетто, к отверстию. Жандарм в коляске мотоцикла посмотрел на бегущего ребенка и добродушно усмехнулся. Мотоцикл взревел, прыгнул наперерез ребенку и стал между ним и стеной. Улицу завалила тишина.

Жандарм, не умеряя улыбки, вышел из коляски. Ребенок без команды поднял руки. Глаза его не отрывались от сапог жандарма.

Солнцу было весело в глянце сапог...

Второй жандарм, за рулем, скучал. Пани Ядвига смотрела.

Она смотрела, как тот, с улыбкой, указал ребенку на дыру в стене: «Лезь!». Она видела, как ребенок радостно рванулся к дыре, как обернулся, не веря счастью, на немца и как тот, сберегая улыбку, утвердительно кивнул. Она видела: ребенок быстро наклонился, сунул голову в отверстие, лохмотья вспенились, лихорадочно вжимаясь в дыру. И видела: жандарм, весь в сиянии благодушия, мягким неторопливым движением, свободным, уверенным и точным, потянул из кобуры пистолет.

Выстрел.

Тряпки в дыре прошла конвульсия. У пани Ядвиги не стало ног, рук, тела - только глаза, в них - всплеск лохмотьев на стене гетто. Она и треск отъезжающего мотоцикла не заметила...

...Много лет спустя, в один из дней памяти борцов гетто, пани Ядвига случайно оказалась рядом с Пейчарой, они разговорились, и тот мальчик - тряпочная затычка стены гетто - заставил померкнуть ее лучистое лицо, когда она сказала: - Это был такой ужас, пан Пейчара, вы не представляете! Езус Мария! - Вздохнула. Помолчала. - Тут сейчас ходил один турист из России, я ему рассказывала про гетто, а он, кажется, не верил. Или, может быть, плохо понимает по-польски. Хотя я немножечко по-русски ему говорила... Я немножко по-русски, он немножко по-польски... - Она улыбнулась: на старческой щеке - неожиданные детские ямочки...

У Пейчары ответно поднялись уголки губ: - Я думаю, пани, он вас понял. Все народы при желании могут понять друг друга.

- Нет! - вмиг напряглась пани Ядвига. - Немцы - нет!

- Почему? Разве у немцев головы другие?

- Не головы... У них руки другие.

И в отцветших глазах семидесятилетней пани Ядвиги блеснуло пламя. Отсвет тех, многолетней давности, пожаров.

Пейчара не согласился: нельзя всех без разбора в одну кучу. Конечно, у пани Ядвиги, свидетельницы, свои права, завоеванные состраданием, переросшим в собственное страдание. Он, Пейчара, не участник: не был он среди украинцев-конвойных в гетто, не воевал и в Красной Армии или Армии Крайовой против немцев - не пришлось, война опалила его через опыт других - но и он, подобно пани Ядвиге, отягощен чужой болью. И все-таки права на огульную ненависть Пейчара себе не дает. Хотя простое сочувствие пани Ядвиги в Пейчаре поднимается до понимания мысли великого француза Сартра: «Антисемитизм - не еврейская проблема, это наша проблема; судьба евреев есть судьба каждого из нас; никто не будет в безопасности, пока хоть один еврей вынужден опасаться за свою жизнь». Потому-то и является Пейчара ежегодно в шеренге евреев, идущих под гром барабанов, под бойкую чечетку расстрела: тра-та-та-та... тра-та-та-та...

...Плачет в толпе изящная полька - ее отец погиб в Майданеке. Тра-та-та-та... Тра-та-та-та... Чвах! Чвах! Чвах! Чвах! Евреи в шеренгах не плачут... Тра-та-та... та-та-та... та... та...

Обитель шуршащих травами дождей, горячих туч и пронзительных зорь, край, где томительная медлительность зимы искупается честностью июльского полдня, где картавый окрик вороны - безделушка в интерьере безмолвного леса, край, где солнце животворит сквозь тоску непогоды - край тишины и надежды...

Сюда пятьсот лет назад удивительно пришел старик. Позади лежала морока долгих дорог, позади лежала - жизнь, и ход ее представлялся теперь старику жестко predetermined: от любой точки отсчет необходимо вел сюда, к свету севера и собора.

Начало могло бы состояться, например, в Пере – еврейском квартале Константинополя. Здесь воздух густел от запахов нищеты и от ненависти христиан к вонючим иудеям, здесь греки, веселясь, выливали нечистоты под двери еврейских лачуг, здесь стирание тряпье белело флагами унижения и уличная пыль изнывала в ожидании погрома: распоротых подушек, размозженных голов и победного воя православной толпы - здесь, в страхе и отчаянии, катилось детство, и премудрость еврейской школы не могла выручить мальчика с глазами, в которых полыхали вопросы.

Почему еврей унижен? Все люди - и грек, и еврей, и магометанин - сотворены одинаково подобными Богу. Одинаково прекрасны... Мальчик видел их красоту: внезапное одухотворение на страстных южных лицах, грацию девичьих движений, изящную упругость дискобола, достоинство старческих морщин - все люди были интересны, всех хотелось понять. И - изобразить. На песке, на стенах.

Еврейский закон требовал: «Не сотвори себе идола и всякого изображения». Тогда зачем Бог вложил в мальчика страсть к рисованию? Еще загадка, похлеще: в Англии еврей Марлибрен по заказу короля нарисовал Богородицу и христиане поклонялись еврейской работе - выходит, это было угодно Богу? Но какому? Христу английского короля? Еврейскому Иегове? Или Бог - один?

Мальчик рос. Думал. Читал.

Древние греки объединяли мир божественным разумом, Логосом; Христос - любовью и правдой. «Господь есть Бог правды», - это, до Христа, древнееврейский пророк Исайя. «И будет Он, - предрекал Исайя, - судить народы и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала... не поднимет народ на народ меча...». Иегова, Логос, Христос - все, в сущности, сходилось. Как еврейские имена «Иисус» и «Исайя» переводились одним «избавитель» (йешуа).

А вокруг роскошествовали солнечные закаты, дурманила чернота ночного неба, изгибалась зеленая морская волна, неистовствовали цвета садов и птиц - красота питала душу мальчика и мысль юноши, и став мужчиной, он уже знал, что ему - рисовать, что его малая человеческая правда таится на острие его кисти и суждено ему пролить в муть мира светлую каплю великой Божьей правды - правды Любви. «Если имею дар пророчества и имею всякое

познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто», - так по-гречески записано еврейское слово христианского апостола.

...К двадцати годам он крестился. И пошел по земле - учиться. Тер краски мастерам, месил левкас - приглядывался, вникал, сам писал... На сербских фресках он увидел Богоматерь. Величие печали и счастье чуда... Его обожгло.

Возвратясь в Византию, он приткнулся к Мистре - пленительно сплелись в этом городе мирские соблазны и суровость старины, мистика исихазма и дворцовая роскошь, ярость базара и величие богослужения. Веселые богомазы - не аскетичные константинопольские монахи, а вольные живописцы, балагуры, выпивохи - могли выучить его и озорству, и сложной графике фресок, и умению пляской красок взбудоражить евангельский сюжет.

Сочная мощь плескалась в росписях церквей Мистры, и в нем, молодом, бродила такая же неизбывная сила. Все он успевал: искать смысл бытия и ввязываться в уличные распри, тешить душу то мудростью отшельничества, то братством художнической артели, и бражничать беспамятно, и поститься перед сложной работой, и выслеживать в самом себе робкий проблеск истины, и уверенно подниматься в признанные умельцы, и жениться на тихой Анне и вечерами наслаждаться иконным овалом ее лица и топотом уже трехлетнего сына - жизнь текла, счастьем искрясь, пока не нахлынул черный вал турецкого нашествия.

Он попал в плен и случайно бежал, вернулся в город, где уже опало пламя пожаров и кровь зарезанных запеклась на фресках разрушенной церкви. Растоптанный лошадей труп сына в уличной пыли, безумие изнасилованной янычарами Анны, - а он остался живым и в здравой памяти, только голова побелела и руки тряслись...

Византия умерла. Ее умники и мастера - живописцы, книжники, зодчие - потянулись в ласковую Италию, на гостеприимные Балканы... А он счел, что Божий промысел сохранил его для служения христианской Правде, и Русь, византийством свое православие пестующая, казалась наиболее желанной ему. Похоже, он верно угадал Божью волю, ибо уже на третий год пребывания в Московии руки его окрепли и он снова мог работать.

Особым расположением судьбы, знаком избранности, следовало счесть и то, что за десять лет бродяжничества по русским землям он не только насмотрелся на слезы и пот, пьяный рык, кровь княжеских расправ, празднество храмов, чистоту зорь и звон свадеб - не только проникся Русью, вжился, врос в эту холодную наивную несчастную страну, но и наработал - по городам, по серым весям, по монастырям, заказами большими и малыми, в одиночку трудясь и в артелях, - наработал себе такую славу, что зван был в знаменитую подмосковную обитель расписывать собор Рождества Богородицы.

Выдалось лето ему по душе - бурное. Старшему монастырской артели, старцу-иконнику, до замшелости обросшему славой, противна была нездешняя легкость кисти иноземца: «не по-русски все у него, у свистуна, не по-людски» - разругались они так, что он даже бросил работать: ноги, мол, болят. Игумен кое-как сладил: «Делите храм: кому чего писать, а там Бог пособит...». Игумен ему, не как другим, многое спускал: строптивость, дерзкий разговор, гульбу в окрестных деревнях, даже когда он тайно, монахам-постникам в соблазн, натаскал в монастырь жареной баранины, - не только простил, еще и выхаживал его после отравления тем мясом, увядшим в тайнике.

Игумен - хитрюга, внук татарина и Москве друг душевный, - не зря мытарился. Как звали на богомолье великого князя - замаслились радостно игуменовы узкие глаза: ублажила роспись грозного Ивана Третьего. Мягкий рисунок византийца - как песня девичья, как волна травы под ветром – живая благодать горнего мира, тихая ласка Богоматери-заступницы за Русь. Чудно овеялось православное благолепие исконным русским духом, расшевелились строгие фигуры, разыгрался язычеством орнамент - христианское песнопение под сопилки, под бубны, трещотки... Свет Ярилы на библейских ликах...

Дерзко, у греха на краю, - подумал Иван, - но как еще растолковать русскому лапотнику, что есть его корень, показать ему, несмышленищу, величие и силу земли его, любимой Богом...

Еще любезнее государеву сердцу была идея Божественной сущности самодержавной власти, потому и задержался Иоанн перед сценами вселенских соборов, где церковники вершили свои дела под начальственным присмотром императора. Удельные неслухи нет-нет да и норовили выползти из московского кулака - рожей бы их в эти фрески...

Ничего тогда не вымолвил великий князь, но спустя годы, когда подняла Москва собор Успенья Богородицы в Кремле, украсить главный свой храм велел Иоанн Васильевич тому иконнику.

Он возглавил артель: вчетвером за год управились – ахнула Москва, восхитясь. Скупой Иоанн не пожалел артели ста рублей: по тогдашним ценам пять, а то и шесть деревень с землей, скотом, мужиками... Но дороже денег была слава: лучший, говорили, богомаз на Руси, вровень Рублеву, среди художников - «началохудожник», среди мастеров - Мастер.

Накопив мытарства и труды, жизнь разразилась успехом. Богатые хоромы в Москве, недалеко от Кремля, прислуга, русалочьи-гладкая жена и двое сыновей, в которых смешение местной и чуждой крови проступало красотой, статью и способностью к иконописи. Сытное житье. Работа, веселящая душу, и неутомительная суета благополучия...

За покой приходилось, конечно, платить. И не только трудом. Вокруг колобродила Москва - он был в ней, с ней, и, многое видя, заставлял себя многое не замечать. Великий князь пригласил на пир брата и, обманув, заточил; государыня Софья, гречанка ватиканского воспитания, улыбалась тем ослепительнее, чем кровавее разворачивала очередную интригу; православные пастыри тонули в лихоимстве и блуде; бояре топтали мужиков, народная мудрость полыхала в кабаке... Лекарь великого князя, венецианец Антон, не сумел вылечить татарского царевича, жившего в Москве, - Иоанн повелел: зарезать. И на льду Москва-реки, под радостный гогот зевак, ученого медика, как овцу, - ножом по горлу. Среди толпы на берегу Аристотель Фиораванти в ужасе тряс бородой, ругался: «Проклятая земля, неблагодарные дикари... уехать к дьяволу...» Донесли Иоанну - славный Аристотель, строитель Успенского собора, незаменимый и в ратном деле, и в литейном, и в зодчестве, угодил в темницу...

Он, Мастер, тогда на берегу рядом с Аристотелем стоял, глаза в огне, но - молчал, из-под усов - только пар от мороза... Зато пока Аристотель остывал в подвалах. Мастер мог спокойно творить или учить сыновей, тешить плоть или размышлять о греховности богатства с протопопом Алексеем.

Алексей, как и архимандрит Зосима, как и дьяк Федор Курицын, был из ближних великому князю умников – любителей искать сокровенное в расхожих словах церковных книг. Они толковали о смысле Троицы - три ли это библейских ангела или три облика одного Бога, символ единства; они говорили, что слепая вера - ограда свободной душе, что всему верховный судья - собственный разум, что человек сам себе пастырь - такие мысли при веткой власти - ересь, и хотя Иван Третий медлил с расправой, недруги усердно копили злобу против этих людей. Влиятельный волоколамский игумен Иосиф, распалая страсти, обозвал их «жидовствующими».

А Мастеру по сердцу было общение с ними. Как деньги от богатых заказов позволяли работать без оглядки на суету, так и разговоры еретиков бередили ум - без этого не только иконы писать - жить не стоило. Золотые блески мыслей, золото монет - золото, которым по поговорке оказывалось молчание Мастера. Молчать, лжи мимо проходя, - неволя, а глядишь, оборачивалась свободой творить.

В живописи полагал он свою свободу. Оберегая ее, он и еретикам не давал себя подмять. Их отрицание обряда вкупе с иконами он, иконописец, принять не мог: в иконе отблеск божества, крупица высшей правды, - так говорил Иосиф Волоцкий, ярый враг еретиков, и Мастер соглашался с ним.

Сам по себе, вне лагерей и интриг, под сенью славы «начало-художника» он мог позволить себе и усладу ереси, и роскошь белокаменного дома, и с землячкой-великой княгиней вежливый спор об итальянской живописи, и месить грязь на Торговой площади в праздничный гулевой день, и оторопь женского жара, и тоску скоморохов, и зрелище казни: веселая алая плаха, палаческий оскал - и вдруг, отвратясь, отправиться к правоверному Иосифу в тишину монастыря - расписывать очередной храм Богородицы.

Огромность того труда изнурила четырех его помощников, а он работал самозабвенно, сам написал восемьдесят семь икон и только разогнувшись от последнего мазка, рассмотрел: в богатейшем монастыре - стяжательство, монахи - по уши в сплетнях и воровстве, настоятель проповедует милосердие и трясется в злобе на «жидовствующим»: «В костер их! На виселицу!» Пасть корысти... Ярая кровь... Чересчур пахло грехом в святой обители.

Он привычно промолчал: пустословие - зря! Он просто оставил в монастыре икону на известную богословскую тему: ученые мужи не в силах уразуметь тайну непорочного зачатия. На иконе, в нежно-розовом мире высшей истины, воспаряла Богоматерь - всех жалельщица; ее невесомость подавляла тяжелую темную людскую мудрость, и сраженные чудом земные многоумцы падали к ногам Марии: мелкая человеческая правота, меркнущая в свете Правды, которая есть Доброта. Ей - править миром. А не «В костер их!»...

Так и жил он, в добре и довольстве, отгородясь художеством от житейской скверны, и должно быть. Бог вправду любил его: даже привычные на Москве пожары волшебным образом обошли храмы с его работами. Ужасы прошлого: еврейские погромы, турецкая резня, годы мыкания в русской скудости – затягивались пеленой лет, таяли в благополучии жизни, которая замечательно шла: к концу, но не к закату, - он работал с прежней легкостью, графья под его рукой не ослабевала и когда он шел в росписи знаменщиком, помощники-сыновья часто не успевали малевать размечаемые им поверхности.

В старости его уже не отвлекали ни бражничество, ни женщины - настала пора неторопливых и ясных мыслей, уверенной работы: душа в ладу с умом, достаток защищает от суеты, слава - от злобы, крепость мышц и верность глаза сулили безмятежность деятельного долгожительства. И тогда

он велел сыновьям:

«Собирайтесь».

Выстлалась дорога через поля и луга, сквозь леса и топи, в туманах комарья и блеске рек, затканная дождями, пронизанная ветром, - выстлалась дорога на север, в глухомань, где от мерзости мира скрывался знаменитейший тех лет праведник, нехотя и редко изменявший

затворничеству, чтобы пролить на Русь свет бескорыстия, милосердия и ума. Ему, Нилу Сорскому, и выдохнул Мастер: - Устал я. Душа ноет... От чужой крови, от своей сытости...

Оба жилистые, не согнутые годами, космато-седые, сидели они возле маленького скита. Сырой вечер млел между деревьями.

- В миру как чисто ни живи - замараешься, - заметил праведник.

- Не жил я чисто. Разное бывало... Только что других не гнал...

- Томление совести... - Нил вздохнул, помолчал, плеснул синью глаза: - Зря ли ты испытан и бедой и достатком? Только искушенному дано себя познать и подавить зло в сердце своем. Пришла пора - послужи правде. Неподалеку в монастыре собор Рождества Богородицы. Потрудись - распиши храм...

Над ними стыла северная полночь. Ей надлежало быть белой, но давила хмурь неба, чью безнадежность местами пробивали оранжево-красные просветы. Этот испепеляющий свет из-за туч, свет неземного высокого огня должен мелькать в одеждах Бога, вершащего Страшный суд, - подумал Мастер. Да, здесь, вдали от липких взглядов столичных цензоров, от доброжелательных дураков, советами вяжущих руки, - здесь, в храме, отданном на полную волю его, Мастера, воображения, он может позволить себе уйти от канонов: на западной стене вместо положенного Успения Богоматери он напишет Страшный суд. Но не обычный Страшный суд, омрачающий душу грядущим возмездием за грехи. Человеку после земной-то муки – кошмар ада? Нет, в его Страшном суде просветленные радостью люди понесут к престолу Судии не пороки прожитых лет, а добро, сотворенное вопреки злу. И, соревнуясь в добром, обретут они, мученики и праведники, прощение и счастье единства. В этом - высшая справедливость и смысл человеческого горького бытия. Он поставит их всех возле Божьего трона - евреев, греков, русских, итальянцев - всех, все человечество, и да осенит их животворная сила Любви.

Вот зачем пощажен он судьбой и сподоблен не растряссти душу до старости и на закате лет приведен сюда, где недвижные чуткие леса прорежены чашами озерного серебра, где в мрачное небо неизбежно взлетает радуга, где упоенно мычат коровы и где на дальнем холме захолустный монастырь выпустил навстречу облакам светлое тело храма Богородицы.

Замолкли барабаны возле бронзовых героев, отморгались фотоаппараты, отстучали по плитам солдаты траурный парад - утихла церемония. Толпа на площади медленно тает. Лица, из-под власти памяти выйдя, возвращаются в безличие обыденности. Правда, многим еще предстоит торжественный вечер в Еврейском театре - там бывшие соратники треплют сердца

воспоминаниями и ревизуют свои редееющие ряды, там невеселый юмор живых соседствует с горестной судьбой убитых, там официальные речи оберегает от дешевой патетики белая надпись на черном занавесе: «Никогда не забывать!»...

Пейчара иногда ходил на эти собрания, иногда не удавалось: был, хвори... Но окаменела привычка пройти в этот день по территории гетто. Когда человеку почти пятьдесят лет, он имеет право на собственную традицию.

Тоскливый облик прежнего еврейского района с его трущобами гнилыми крышами давно уже сокрушен серым стандартом многоэтажия. На чистых улицах - блистание асфальта и травы. В стеклах бельэтажных лоджий - размеренный застой занавесей, хранящих крепость уюта, тишину семейных трапез, тепло единения с телевизором... Здесь, в бывших кварталах гетто, Варшава вполне могла бы демонстрировать довольство и сытость, если бы не таблички на угловых домах - если бы не названия улиц, в большинстве не измененные с той черной поры, в их буквах таится давнишнее...

Пейчара шел по этим Дельным, Смочьим, Новолипкам, Кармелитским; пустынные в середине будничного дня, улицы полнились призраками. В зыбкости их лохмотьев единственной прочной реальностью утверждался шестиконечный лоскут. Дети со старческими лицами и мужчины, бессильные, как дети; ведьмовидные женщины, опаленные безумием; раввин, под хохот эсэсовцев пляшущий босиком на костре из священных книг; тифозный больной в последнем бреду - все они двигались рядом с Пейчарой, и украинский конвой штыками регулировал поток в небытие...

Пейчара переступал через мертвецов, над которыми тяжело ворочались сытые мухи, проходил мимо полутрупов, припавших к ободранным стенам домов, мимо канализационных люков - там сквозь мрак и топь экскрементов девочка-подросток проносила с «арийской» стороны несколько патронов; он шел дворами, полными жирующих крыс, шел мимо подвалов, где завшивленные дети при свете коптилок постигали сложные правила арифметики и простую азбуку смерти - все гетто проходил Пейчара, до самого кладбища, где ворота, казавшиеся наглухо запертыми, отворялись от легчайшего толчка и пропускали к разнообразным могилам. Руководитель гетто Адам Черняков, убившийся в подвиге примиренчества, знаменательно соседствовал тут с Людвигом Заменгофом, творцом всех объединяющего языка эсперанто.

...интересно, как на эсперанто - «музулман»?..

Миролюбец Заменгоф, - думал Пейчара, - его имя звенит на обоих концах гетто: в одном краю надгробие, в другом - улица одного из самых первых боёв с немцами. А связаны они улицей Анелевича. От Заменгофа к Заменгофу по Анелевича!

На этом пути, стоило чуть отвернуть в сторону, обнаруживалась еще одна ухмылка судьбы: здесь же, на территории еврейского гетто, оказалась главная варшавская тюрьма Павьяк - замечательно липнет к еврейству все, носящее знак страдания.

У входа в музей Павьяка, у бывших тюремных ворот, отороченных поверху колючей проволокой, дерево, искривленное, должно быть бурями человеческих бед, каждую весну расцветает памятными табличками; их вешают на мощном стволе своим умершим живые Бентьяши, Щепанские, Айзенштадты, Кайяки, Ковальские... Смесь имен, кресты и шестиконечники - скорбное равенство... На земле возле дерева теплятся свечи в площадках - беззвучное колыхание памяти. Поставил свечу и Пейчара.

...Площадь врачевала Пейчару после Павьяка: раздолье ветра, распев лент на венках возле памятника и милые медленные бабушки катят детские колясочки. Но мрачный его маршрут еще длился до улицы Милой; в ее начале многоэтажные коробки нехотя уступили небольшому садику, он разрезал мостовую на две асфальтовые ленты, протолкнув между ними прямоугольник ограды, за нею стояли кусты и посреди них мощеная дорожка пробивалась к холму, где торчком глыбился камень с памятной надписью на польском и еврейском языках: место штаба повстанцев. Возле камня большой венок. Алая гладь ленты, солнце в золоте букв...

Это здесь немцы, отчаявшись взять живьем вождей восстания, душили четыреста человек, скученных в подземелье, здесь наследственность осажденных обнаружила гены древних предков, смерть предпочитавших плену, здесь обыкновенная любовь двух молодых людей приняла гротескные формы, в которых predetermined природой простые радости заместились черным огнем боя, дымом, терзающим грудь, сумасшествием смерти, и возможность умереть вдвоем, одновременно, следовало счесть величайшим благодеянием фортуны. Успела ли она стать ему женой? Или только и выпало им счастья: застрелить друг друга?

Ядовитая мгла загазованного бункера. Улыбчивая девочка с пистолетом в руке. Обними меня, любимый...

Любимый, или милый, родной... Успела ли она хотя бы изобрести для него свое обращение, какое-нибудь «мой дорогой» или «заинька», «глупыш», «маленький» - затрепанное, замусоленное до бессмыслицы словцо, которое на распаленных губах

накаляется тайным смыслом и восходит над объятием сиянием откровения, - какое-нибудь «зайчонок», «котик», «лапонька»... Успели они это сказать друг другу, Мира Фухрер и Мордехай Анелевич, в задыхающемся бункере, где вокруг вповалку тела и тьма искорежена бредом агонии?.. Обними меня, любимый... Пристрели меня, любимый...

Какая подмена, подтасовка какая! - подумал Пейчара. - Какой подлый выверт! Вместо того, чтобы... ..чтобы изумление первой встречи и уколы взглядов и весеннее томление и жизнь распахнута навстречу...

...чтобы прогулки по ночному городу, грохот пустых последних трамваев, неистовство поцелуев под деревом, где луна серебрит упоенное лицо с опущенными веками, и ржавый вкус примятых губ...

...чтобы канитель тревог, разговоров, улыбок, встреч и беспечная уверенность: интрижка, только легкая интрижка, - а пружина сжимается все сильнее и все явственнее обещается взрыв, и уже ясно, что в среду на следующей неделе...

...живу предчувствием среды, твержу набор избитых истин: не искушай, не укради, - а в почках набухают листья и предвкушение беды не омрачает мою душу; смеюсь, грущу, дерзаю, трушу - живу предчувствием среды...

...и наконец-то среда: одолженная приятелем квартира, стены в книгах, солнце проткнуло шторы и заставило паркет желтыми блюдцами, журнальный столик озарен сверканием бокала и блеском конфетной фольги, парфюмерные ароматы в белизне простынь, поразительная женская гибкость и дрожь мужских пальцев и волны волос и бисеринки пота на ее губе, опущенной крохотными усиками...

...и чтобы шепот ее «Милый!», и он: «Ах, ты!..» - и нет слов, только воздух бьется в горле, только округлость плеч, только матовый шелк бедра и втянутый крепкий живот и курчавая роскошь...

...а потом налитые счастьем тела недвижны на тахте и взгляд его ползет по бесчисленным корешкам книг на полках, меж тем как ее кожа переливается под его пальцами; ресницы ее сомкнутые влажны, губы в зыбкой улыбке...

...Ее глаза открылись - Лесь погрузился в их мглу и ощутил повторный прилив желания, оно нарастало по мере того, как взгляд плыл по тайным и явным причудам женского тела, по бесконечным томительным линиям ног - плыл, плыл и вдруг соскользнул, случайно сбился к креслу посреди комнаты. Там, торопливо брошенное, пылало в солнечном луче ее платье, ярко-желтое и ярко-красное, с темными полосами треугольников. Прихоть складок уложила треугольники друг на друга - графика с чем-то знакомым перекликалась, затягивала в непо-

нятную еще тревогу, подогретую жаром желтых и красных пятен - Лесь увел глаза к потолку, потом по стенам, по книгам, пока не уперся в одну из них, стоящую за стеклом полки обложкой вперед, и смутное волнение вмиг обрело четкость и ясность, и хотя рука его еще лежала на ее груди, нежная упругость

перестала греть ладонь - словно анестезией охватило, он только водил глазами от платья к обложке, от черных треугольников на красном фоне платья, сложившихся в искаженные шестиугольники, к шестиугольнику на обложке, кровавой шестиконечной звезде, в которую уперты были со всех четырех сторон черные стволы эсэсовских автоматов... На расстоянии Лесь не мог прочесть названия книги, но он его знал: Бернард Марк, «Борьба и гибель варшавского гетто» - он прекрасно знал эту книгу, она давно имела над Пейчарой странную власть, позволившую ей, книге, увести его из этой комнаты, от любви и страсти, на улицы Варшавы, засыпанные развалинами и трупами, и на те же улицы, обновленные послевоенным строительством, и на аллею Сверчевского, где в Еврейском историческом институте он увидел две большие металлические фляги, в которых Рингельблом схоронил подпольный архив варшавского гетто, мятые, изувеченные адом восстания хранилища, славы, ужаса и величия - крестьянские бидоны для молока или кваса...

Тот, кто первый, скрипя ржавыми петлями, откидывал обрезиненные крышки бидонов, еще не знал, что вторит восточной сказке о джинне в бутылке, что затаенный в этих почерневших сосудах неистовый дух, вырвавшись, перетряхнет не одну душу и доберется до тихого интеллигента Лесья Пейчары, стечением житейских странностей определенного родиться украинцем и жить в Польше, не подпасть однако ни под чьи национальные пристрастия, равно радоваться и Шопену, и Шевченко, и Гейне, числиться православным в стране католиков, изучать иудаизм и не верить ни в сон, ни в чох, а только вот этому: «если не имею любви, то я ничто».

Так много лет назад возшла над Пейчарой красная шестиконечная звезда и черные строчки книги Марка стали линиями его судьбы. Они протянулись в музей Еврейского института, к рисункам детей гетто, где под указующей рукой огромного эсэсовца бежал в Треблинку маленький поезд, они продернулись сквозь рукописи институтской библиотеки, сквозь частные письма и казенные архивы, они вывели Пейчару к памятнику борцам гетто и ежегодно пригоняли его сюда, на место дома номер восемнадцать на улице Милой, где двадцатидвухлетняя Мира Фухрер, может быть, если ей повезло, успела назвать любимого любимым...

...Пейчара принес несколько гвоздик. Он положил их поверх камня. Ветер подхватился смести букет, но Пейчара отыскал на каменной неровности углубление и тщательно уложил в него длинные стебли, стараясь, чтобы кровавая пышность соцветий пришлась на буквы надписи. Скромнее памятника не изобретешь, усмехнулся Пейчара, пускай хотя бы цветы...

На углу камня, почти у земли, выступ, на нем большая бетонная площадка со стеарином и остатком свечи. Пейчара поставил рядом с огарком свою свечу, зажег ее, ветер тут же набросился на пламя. Антисемитский какой ветер, подумал Пейчара, и снова разжег, а ветер снова погасил. Тогда Пейчара отступился: бог с ним, с огнем, была бы память жива...

Он ушел безлюдной в предвечерний уже час улицей, и холодная упругая волна ветра подгоняла Пейчару, раздувая его ветхий плащ.

На пути домой он зашел в кофейню и за чашкой крепкого кофе, ублажающего теплом, ароматом и горечью, думал о непрочности людского здравомыслия и удручающем ходе истории.

А камень на Милой никак не отпускал Пейчару, и хотя он покинул кофейню поздно, почти в полночь, его опять потянуло туда.

Ночь была густой, ветер мотался по городу с прежней свирепостью и тучи так же энергично обметали сыростью пустые улицы. Но жизнь замерла не везде - Пейчаре еще издали заметилось возле камня странное оживление, фигуры в бликах огня, словно бы у костра... Пейчара медленно пошел туда, наклонно упирая длинное тело против ветра.

...Трое мужчин на вершине холма исходили старательностью. Парень лет восемнадцати с широким лицом, усеченным кожаной кепкой, присел на корточки, развел полы плаща и придерживал их руками, заслоняя от ветра пламя свечи в руках другого, высокого, светлокудрявого, с веселой улыбкой в рыжих усиках. Третий, темноволосый, кряжистый, много старше тех двоих, почти пожилой, неловко клонясь, подтягивал к свече венок, пристраивал, чтобы поудобнее ему загореться, совал красную с золотым шитьем ленту в огонь, - но все отсырело, даже хвоя не занималась. А ветер из-за распятого плаща то и дело прорывался задуть свечу, и рыжеусому весельчаку приходилось снова и снова чиркать зажигалкой, а кряжистый - у него зябли руки - заскорюзлыми словами поносил погоду, евреев, венок и всю паскудную эту затею, от которой однако отступаться не собирался, тем более, что убывающее усердие подстегивалось бутылкой водки, извлеченной из теплых потемок его пальто.

Стакан прошел по кругу, опустошенная бутылка звякнула о камень, улыбка кудрявого обогатилась сверканием еще нескольких зубов, а в кряжистом поглощенная теплота вызвала

прилив изобретательной энергии. Он завел остальных за камень с подветренной стороны, велел молодому снова прикрыть их плащом, в образовавшейся укромности зажег свечу и распустил стеарин в большой бетонной чаше, которую загодя сорвал из углубления в камне. Оставалось пропитать свечным жиром ленту, аккуратно протянув ее в горячей жидкости, и остатками стеарина смочить венок - теперь, наконец, все было готово к торжеству человека над природой, лишь досадную заминку вызвал Пейчара, чья несуразная длинная тень легла на холм как раз в тот момент, когда улыбчивый поднес к венку свечу и задымил стеарин и бойко заверещала хвоя и закрутилась в огне красная лента, корежась золотом букв и шитья, пузырясь стеарином, пыхтя жирным пламенем... Двое отпрянули от ярких вспышек и смоляной вони, а пожилой крепыш, ловко уберегаясь, перевалил венок на другую сторону камня, к надписи, под ветер - уже не погубитель огня, а помощник ему, - и пламя развернулось широко и вольно, охватывая венок и всю поверхность камня, так что при желании легко было представить этот огонь очищающим, освобождающим землю от тягот иудейского шрифта, еврейского духа...

Тут во всплесках пламени перед энтузиастами и явился нескладный Лесь Пейчара, чтобы из лохматой тьмы бородатого бровастого лица сверкнуть узкими черными глазами и негромко укорить: - Панове, зачем вы так? Это несправедливо...

Они немного удивились, потом засмеялись, и самый веселый, усатый кудряш, без видимого усилия, умело ударил Пейчару ногой в живот. Пейчара согнулся от боли. Повторный удар сбросил его с холма вниз, к кустам.

Он лежал, скорчившись, на сырой земле. Прелый запах почвы перебивался гарью хвои и жира. Ветку куста возле глаз облизывали отсветы оттуда, сверху, где вместе с огнем разгоралось веселье. Лесь Пейчара слушал пьяный захлеб голосов и треск сгорающего венка и подтягивал колени к животу, умиряя боль.

- Эй, жид! - крикнули наверху. - Навоевался? Или добавить?

В животе унималось, но заныл левый глаз. Он потянул руку к голове - скула оказалась мокрой и не давала притронуться: похоже, ударили чем-то твердым... Он попробовал встать, попал рукой в лужу: не упереться толком - скользко!.. Кое-как повернулся, вполз на четвереньки, и тут ощутил под ладонью холодную гладкую округлость. Железный прут, такой удобный, ладный, к руке заранее пригнанный...

Наверху брякнуло стекло, и чистый красивый молодой голос сказал: - Недобитки жидовские... Мало им Гитлер...

Лесь потянул из земли мокрый прут. Ему казалось, что простое это движение имело одну цель: обрести подпорку для ходьбы, - но внутри него встрепенулся ему самому неведомый прадед его, запорожский казак Непейчара, тот, кто живьем ободрал еврея-корчмаря в черниговской степи, кто два года гремел в неволе турецкой цепью, кто неверную жену свою принародно повесил в обнимку с любовником, тот, кто первым бросался на штурм польских городов и на трепетные тела плененных паненок, кто погиб в огненной пытке, кровью харкнув в лицо ненавистному ляху, - тот сивоусый Непейчара вдруг взъярился на полночной варшавской улице и швырнул правнука наверх, по скользкому склону, с железным прутом над головой и звериным воплем - таким откровенным приглашением к смерти, что когда он взлетел к камню и опомнился, там уже никого не было: валялась разбитая водочная посуда, огонь долизывал налитую стеарином ленту, тлел обгоревший венок и влажная ночь торопливо ужимала пламя в опадающие вспышки, потом - в искры, в угли, дым, золу...

Пейчара жил недалеко отсюда, в пяти кварталах, и добраться до постели он смог довольно быстро. Наутро, не столько отоспавшись, сколько отлежавшись после ночной стычки, он снова оказался на Милой - пришлось по делу мимо идти. Вообще-то, по делу он мог пройти и соседней улицей Ниской, но захотелось взглянуть на место своего крохотного боя. Как он и ожидал, ничего сногшибательного: затоптанные в невысохшую грязь кровавые пятна гвоздик, брызги бутылочных стекол и граненый стакан и пополам разваленная поминальная чаша, обгоревший венок и лента - сгорела почти вся, но уцелел, обуглившись по краю, конец ее, плотная золотая тесьма и бахрома, на которой свернулись и застыли шариками капли стеарина.

Пейчара разглядывал следы вчерашнего - маленький праздник злобы. Разве дело в евреях? - в который раз думал Пейчара. «Антисемитизм - не еврейская проблема...». Еврей - самый удобный, конечно, объект ненависти, но его при нужде можно заменить негром, цыганом, соседом, сослуживцем... Чем не евреи шестьдесят восемь украинских крестьян, задохнувшихся в наглухо забитой немцами маленькой избе села Емельчин? А двенадцатилетний русский мальчик из-под Ленинграда, подвешенный оккупантами за волосы? А четыреста закопанных живьем в Освенциме югославов, греков, французов и бельгийцев? Последняя война не скупилась на впечатляющие примеры. Гаулейтер Карл Франк говорил просто и прямо, истый солдат; «Поляков и украинцев и все то, что околачивается вокруг, можно превратить в фарш». Все то, что околачивается вокруг. Вот вам и частная еврейская проблема.

...Внизу, возле ограды собралось несколько человек, как видно, из окрестных домов, отдыхали - погода наконец-то угмонилась, апрель заполнился солнцем, отогревается земля... В ласковом безветрии покойно сквозили струйки сигаретного дыма, негромко перекликались голоса, сыпался смех девушки с короткими капризными волосами, парень в синей куртке, чуть улыбаясь, обнимал ее - непринужденность, нежность, ясная песня весны в сиреновом утре... Крутилась возле их ног небольшая черная собака - ухоженная гладкая шерсть лоснилась на солнце, подыгрывала блеском общему веселью.

А над ними, на вершине холма Лесь Пейчара стоял перед камнем и что-то в его позе привлекало их внимание: поднимали головы, но - ненадолго, тут же и возвращались в свою беззаботность. Только девушку заинтриговало: что там могло занимать этого долговязого типа с седыми космами из-под черной шапочки, в обшарпанном плаще? Воспитанная варшавская девочка, она деликатно отводила глаза, возвращалась в поток слов синекурточного приятеля, но когда на холме стало пусто, она спросила парня: - Яцек, а что там наверху?

-Где?

- Вот здесь, на пригорке...

- Камень, там что-то про войну... Геройские подвиги предков... Что-нибудь такое...

- Яцек, как же ты не знаешь? Столько лет здесь живешь, мимо ходишь...

-А ты?..

Оба рассмеялись, но потом слабое любопытство подтолкнуло их подняться к камню, и когда Лесь Пейчара, уже уходя по мощеной дорожке между кустами, обернулся, он увидел перед камнем на холме девушку с короткой стрижкой и парня в синей куртке, положившего руку ей на плечо. Они стояли перед надписью, читали. У ног их суетилась черная собачка с бодро взвинченным хвостом. Собака взволнованно обнюхала камень, повернулась и подняла заднюю лапу. Тугая, золотистая на солнце струя мочи ударила в угол камня, в то как раз место, где раньше стояла поминальная чаша.

Лесь Пейчара глядел на писающую собачку и чувствовал, что ему пятьдесят, что жизнь - дело утомительное, что ясное небо полно холода и весна все еще не весна. И все-таки...

И все-таки...

...и все-таки многодневный дождь утих, небо посветлело, и в разрывах туч проглядывало садящееся солнце, чей закат не мог состояться, поскольку на севере России июль - время

белых ночей. Исходили паром озера и лес, в белых клубах ворочалась чаща. Сырой воздух к ночи холодел; облегченный от влаги, он тянул кверху туман от озер, и вскоре светлым дымом заволокло впадины между холмами и всю дальнюю даль: словно облака пали на окрестность, не стало видно земли, лугов, реки и озер, только местами из белесой мглы вставали темные контуры стогов и перелесков, как бы парящие в небе, и деревья, поднявшиеся из бело-сизого тумана в сизо-белую высь, между небом и невидимой землей, зыбкостью очертаний словно обозначали мир по ту сторону человеческого разума. Фантастика ночи усугублялась беззвучием, даже редкие вскрики птиц исчезли, остались в ушедшем дождливом дне. Святая Мария, Божья Мать, Избавительница от всякой беды всех, осенила мир спасительным своим Покровом, и воцарилась тишь, и вышним покоем опохнуло усталую от ненастья землю.

...и вошла женщина в храм, чудом уберегшийся от пагубы столетий и случайностей, чтобы сейчас вовлечь ее в полет фресок: перед нею многолюдие вселенских соборов, ниже мраморный глянец белого пояса с кружевами орнамента, выше голубизна и охра евангелических сцен и фигуры святых, грешников, царей, пророков - взгляд женщины, ее душа, мысли ее несутся в ласкающих волнах красок по столбам и стенам, через «О тебе радуется», через четыре сцены Благовещения, мимо волхвов на игривых лошадках, танцующих под аккомпанемент серебристых горок, мимо пронзительно созвучных, в лад их судьбам, Марии и Елизаветы, и в подпружья арок, вслед цветным силуэтам изогнутых, и к Спасу в куполе придела, и наконец – к центральной апсиде. Сюда наплывает из оконного проема ясность дня или белой северной ночи, сюда из храмовых высот бросают белый отсвет медальоны со святыми, здесь по стенам кружит вереница белых фигур, огромность которых разряжена бесплотностью; они уводят женщину в белое царство непорочности, увенчанное лазурью купола, где в золоте святости являет себя Совершенство -

Божья Мать.

Она - на троне, Иисус еще не отнят от материнских колен, и ликуют по обе стороны трона ангелы. Коричневато-красным облаком летит плащ Богоматери в лазурном подкупольном пространстве, пурпур омрачает душу женщины, но сверху вниз и слева направо внутри сферы купола спирально струятся линии, они манят взгляд к просветам голубого хитона Марии, к восторгам охры трона и подножия и одежды Христа, к желтым всплескам нимбов и ангельских крыльев. Фигура Богоматери, изогнутая поверхностью купола, склоняется над женщиной, царственная скорбь Всех Заступницы, За Всех Печальницы, повинувшись кривизне свода, нисходит в ее разум. А в синеве неба бряцает медь нимба, и внутри него светит покоем

всепонимания овал северного лица, хотя и затуманенного тенью: предчувствие сыновнего страдания пробелами проступает на нежном лице Марии, стынет в миндалевидных глазах тоска, горько сложен рот...

Изображение одаривает женщину возвышающей печалью, сферическое пространство объемлет ее цветовыми потоками и втягивает в себя, в сокровенную глубину бывшего алтаря. Покоряясь, женщина ступает на шаг вперед, и загиб свода выдает свою хитрость: на лице Богородицы исчезают темные тени, уголки губ поднимаются и весь облик ее освещается улыбкой. Истаивает мрак горя, радостной ясностью полнятся глаза Святой Девы, строгий силуэт ее теперь лелеет в себе мирную тишину, и скорбь пурпура одежд переплавляется в торжество добра. Лик Матери, светлый Лик Любви восходит над женщиной, дыхание надежды овевает ее сердце.

Так вот почему из-под печально-красного плаща Богоматери светит радостью голубой хитон, - догадывается женщина. Вот зачем под глазами Марии блики пробелов - то внутреннее сияние нетленного добра! Вот где истина!..

Истина, добро, мудрость - в старину были синонимы. И тот, Мастер, кто пятьсот лет назад опередил улыбку Джоконды, не играл вогнутостью свода, не бахвалился техникой. Мудрый, он постиг смысл двусмысленности: скорбь и радость нерасторжимы. От страдания к улыбке - шаг. От печали к надежде, от горя к свету – один только шаг...

7. ИСХОД

ЕВАНГЕЛИЕ от МАТФЕЯ (19:14):

...Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне; ибо таковых есть царствие небесное [2, с. 2036].

3. ЛУКАШЕВИЧ (*Треблинский концлагерь*):

Эсэсовец Зепп Гедрейтер был специалистом по убиванию младенцев, которых сам хватал за ножки и убивал, ударяя головкой о забор [3, т.1, с.861].

ЯНУШ КОРЧАК (*из книги «Как любить ребенка»*):

Ребенок, которого ты родила, весит десять фунтов. <...> Ты родила восемь фунтов воды и два фунта пепла. А каждая капля этого твоего ребенка была паром облака, кристаллом снега, туманом, росой, ключом на дне, мутью городского канала. Каждый атом угля или азота находился в миллионах различных соединений. Ты лишь собрала все то, что было.

Земля, подвешенная в бесконечности.

Близкий друг - солнце - пятьдесят миллионов миль.

Диаметр маленькой нашей земли - это лишь три тысячи миль огня в тонкой десятидюймовой остывшей скорлупе.

На скорлупе, наполненной огнем, среди океанов - брошена горсть суши.

На суше, среди деревьев и кустов, насекомых, птиц, зверей - копошатся люди.

Среди миллионов людей ты родила еще одно - что? былинку, пыль - ничто...

Но это «ничто» - кровь от крови, плоть от плоти морской волны, ветра, молнии, солнца. Млечного пути. Эта пылинка приходится братом хлебному колосу, траве, дубу, пальме, птенцу, львенку...

В нем есть то, что чувствует, изучает, страдает, жаждет, радуется, любит, отдается, ненавидит, верит, сомневается, обнимает и отталкивает.

Эта пылинка охватывает своей мыслью все: звезды и океаны, горы и пропасти. И что составляет содержание души, если не бесконечность вселенной?

...Ребенок и безграничность.

Ребенок и вечность.

Ребенок - пылинка в пространстве.

Ребенок - миг во времени [105, с. 26].

А. ШАРОВ:

Януш Корчак - Генрик Гольдшмит - родился в Варшаве в 1878 году в интеллигентной еврейской семье; отец его был известным адвокатом. Литературный псевдоним - Януш Корчак - он принял юношей... и под этим именем стал одним из самых любимых и самых почитаемых мыслителей педагогики и детских писателей [106, с. 207].

Я. КОРЧАК (*из дневника*):

...папуля называл меня в детстве растяпой и олухом, а в бурные моменты даже идиотом и ослом. Одна только бабка верила в мою звезду. <...> Они были правы. Поровну. Пятьдесят на пятьдесят. Бабуня и папа.

<...>

Бабушка давала мне изюм и говорила:

- Философ.

Кажется, уже тогда я поведал бабуне в интимной беседе мой смелый план переустройства мира. Ни больше, ни меньше, только выбросить все деньги. Как и куда выбросить и что потом делать, я толком не знал. Не надо осуждать слишком сурово. Мне было тогда пять лет, а проблема ошеломляюще трудная: что делать, чтобы не стало детей грязных, оборванных и голодных, с которыми мне не разрешается игра во дворе, где под каштаном был похоронен в вате в жестяной коробке от леденцов первый покойник, близкий и дорогой мне, на сей раз только кенарь. Его смерть выдвинула таинственную проблему вероисповедания.

Я хотел поставить на его могиле крест. Дворничка сказала, что нельзя, поскольку это птица - нечто более низкое, чем человек. Даже плакать грех.

Подумаешь, дворничка. Но хуже, что сын домового сторожа заявил, что кенарь был евреем.

И я.

Я тоже еврей, а он - поляк, католик. Он в раю, я наоборот, если не буду говорить плохих слов и буду послушно приносить ему украденный дома сахар - попаду после смерти в то место, которое по-настоящему адом не является, но там - темно. А я боялся темных комнат.

Смерть. Еврей. Ад. Черный еврейский ад. Было о чем поразмышлять [103, с. 302-303].

А. ГРАБАРЧИК:

Став студентом медицины, Корчак преподавал на тайных курсах, запрещенных царской администрацией, работал в бесплатной читальне для бедных, учил в школе, помогал матери содержать семью после смерти отца. За участие в студенческих демонстрациях был арестован. Как российский подданный воевал с японцами [105, с. 24].

Я. КОРЧАК:

Я всегда там, где легко набить себе шишки. Щенком был, когда первая революция и стрельба. Были бессонные ночи и столько каталажки, сколько требуется мальчишке, чтобы накрепко уgomониться. Потом война. Так себе война. Пришлось далеко ее искать, за Уральскими горами, за Байкалом, через татар, киргизов, бурят, аж до китайцев. До манчжурской деревни Таолай-джу дошел, и снова революция. Потом краткий вроде бы покой. Водку пил, да, не раз ставил жизнь на карту... Только на девочек не имел времени [103, с. 301-302].

А. ГРАБАРЧИК:

В 29 лет Корчак решает жить в одиночестве. «Сыном своим я выбрал идею служения ребенку»... - писал он спустя 30 лет.

С 30 лет Корчак работает больничным врачом. Становится известным специалистом. Получает высокие гонорары от богатых пациентов и даром лечит детей бедняков [105, с. 24].

Я. КОРЧАК:

За дневные консультации у богатых... я требовал по три и пять рублей. Нахальство - профессорские гонорары. Я, рядовой врач, затычка, голодранец из больницы...

<...> Врачи-евреи не имели практики среди христиан – только самые выдающиеся жители главных улиц. <...>

А мне - телефонные звонки, чуть ли не ежедневно:

- Пан доктор, графиня Тарновска просит к телефону. Прокурор... Директорша...

Однажды даже было:

- Генеральша Гильченко.

Такими были визиты автора «Дитя гостиной» [популярная книга Я. Корчака], тогда как Гольдшмит ночами ходил лечить мастит на Шлиску 52...

<...> Я бесплатно лечил детей социалистов, учителей, репортеров, молодых адвокатов, даже врачей - все люди прогрессивные....

Я объявил:

- Поскольку старые врачи неохотно утруждают себя ночью, тем более ради бедняков - я, молодой врач, обязан бежать ночью на помощь.

Вы понимаете. Скорая помощь. А как иначе? Ведь что будет, если ребенок не дожидается утра?

...

Однажды посреди ночи является бабища в косынке. <...>

- Меня фельдшер Брухальский прислал. Еврейчик, но честный человек. Говорит: «Моя дорогая, мне вы будете должны заплатить рубль, потому что это ночью вичит. А в больнице есть доктор, он пойдет даром и еще оставит денег на лекарство» [103, с. 337-339].

А. ГРАБАРЧИК:

В 1911 г. он посвящает себя воспитательской деятельности, возглавив Дом сирот, который до конца жизни был его собственным домом [105, с. 24].

Я.КОРЧАК:

Добра в тысячу раз больше, чем зла. Добро сильно и несокрушимо. Неправда, что легче испортить, чем исправить [106, с. 230].

А.ШАРОВ:

Корчак создавал детскую республику... крошечное ядрышко равенства, справедливости внутри мира, построенного на угнетении. <...>...прежде всего в Доме сирот не должно быть насилия, тирании, неограниченной власти - никого, даже воспитателей. «Нет ничего хуже, когда многое зависит от одного, - пишет «Школьная газета» Дома сирот. - ...когда кто-либо знает, что он незаменим, он начинает себе слишком много позволять...»

Когда в корчаковском детском доме создается суд... предусматривается право детей подавать жалобу и на воспитателя, если тот поступил несправедливо, и право - даже моральная обязанность - самого воспитателя просить суд дать оценку своему поступку, если он считает этот поступок несправедливым или хотя бы сомневается в справедливости совершенного.

...Корчак несколько раз сам подавал на себя в суд: когда необоснованно заподозрил девочку в краже, когда сгоряча оскорбил судью, когда выставил расшалившегося мальчишку из спальни и т.д.

<...> В этом не было и тени позы...

«Я категорически утверждаю, - писал Корчак в книге «Дом сирот», - что эти несколько судебных дел были краеугольным камнем моего перевоспитания как нового «конституционного» воспитателя, который не обижает детей не потому только, что хорошо к

ним относится, а потому, что существует институт, который защищает детей от произвола, своевластия и деспотизма воспитателей».

Корчак пишет сказки, книги о воспитании...

Он создает «Малый Пшёгленд» [«Маленькое обозрение»], первую в мире печатную газету, делающуюся не для детей - сверху вниз, - а самими детьми, защищающую интересы ребят [106, с. 233,235-236].

И. НЕВЕРЛИ:

Мечта - это жизненная программа, сказал как-то Корчак. Ее не всегда удается осуществить до конца, но пытаться нужно обязательно. Он давно мечтал о своеобразной детской трибуне...

<...> ...хороший вкус, чуткость к правде, потребность в ней и смелость в ее высказывании необходимо прививать и развивать с малолетства. Для этого надо дать детям собственные газеты, которые они будут вести сами.

<...> Успеху способствовали сам замысел и личность редактора. Дети... в «Малом Пшёгленде» почувствовали себя дома, нашли убежище своим чувствам, мыслям, переживаниям, нашли общий путь и своего Мессию. Доктор, добрый всемогущий Пандоктор, знал их язык и привычки, умел работе придавать прелесть игры, а мелочам - значимость.

Дело удалось, в общем, потому, что было дружно, честно и необычно. Например, редакция...

Маленькие девочки с куклами, школьники младших классов и старшие подростки.

Приходили не только с рукописью, но и за советом, с идеей или предложением, на занятия в удивительных кружках, как «Кружок дружбы», «Клуб романистов», «Мастерская изобретателей»... <...> Редакция? Клуб? Консультация? Кто знает, наверно, немножко и того,

и другого, и третьего.

Веселее всего бывало по четвергам, когда приходил Пан доктор. Побеседовав то с одним, то с другим с глазу на глаз, он затем рассказывал сказки и анекдоты, затевал игры, чтение стихов, иногда танцы. И, наконец, гвоздь программы, заветная мечта каждого из нас - в кругу ближайших сотрудников отправиться вместе с Корчаком в колбасную по соседству есть сосиски. Здесь рождались самые блестящие идеи, принимались важнейшие решения.

А первые редакционные конференции, когда в зале спортивного общества совещались столичные корреспонденты, несколько сот мальчиков и девочек!..

Старый доктор, казалось, играл с ребятами. Но за этими играми скрывалась работа и точность слаженного умного механизма. В этом, как и во всем, что делал Корчак, была

концепция и техника, была ведущая идея и ее исполнительный механизм, продуманный до мельчайших винтиков...

Постоянным корреспондентам вручали памятные открытки. <...> С цветами, в знак памяти и признания со стороны редакции, и с фруктами - в благодарность за заслуги... [87,1978, № 3, с. 235-236].

Я. КОРЧАК:

Вот спят дети. Куда мне вести вас? К великим идеям, высоким подвигам? Или привить самые необходимые навыки...

Тишину сонных дыханий и моих тревожных мыслей нарушает рыдание. Я знаю этот плач, это он плачет...

Редко, но бывают дети, которые старше своих десяти лет. Эти дети несут напластования многих поколений, в их мозговых извилинах скопилась мука многих страдальческих столетий... Не ребенок плачет, то плачут столетия... Я подошел к нему и произнес решительным, но ласковым шепотом:

- Не плачь, ребят перебудешь.

Он притих. Я вернулся к себе. Он не уснул. Это одинокое рыдание, подавляемое по приказу, было слишком мучительно и сиротливо. Я встал на колени у его кровати и... заговорил монотонно, вполголоса.

- Ты знаешь, я тебя люблю. Но я не могу тебе всего позволить. Это ты разбил окно, а не ветер. Ребятам мешал играть. Не съел ужина. Затеял драку в спальне. Я не сержусь. Ты уже исправился. Ты становишься лучше.

Он опять громко плачет. Утешение иногда вызывает прямо противоположное действие.

- Может быть, ты голоден?..

Последние спазмы в горле...

- Поцеловать тебя на сон грядущий?

Отрицательное движение головы.

- Ну, спи, спи, сынок.

Я легонько коснулся его лба.

-Спи.

Он уснул.

Боже, как уберечь эту впечатлительную душу, чтобы ее не затоптали в грязи жизни? [106, с. 239-240].

И.НЕВЕРЛИ(1939г.):

Когда объявили мобилизацию, Корчак вынул из нафталина свой майорский мундир и попросился в армию... Начальники в соответствующих инстанциях... обещали, но мало что могли сделать в невообразимом хаосе, ...что предпринять для защиты родины?

На Варшаву падают первые бомбы. Сквозь их грохот... люди слышали знакомый... голос: у микрофона польского радио снова стоял старый доктор... Это не были уже сказочные радиобеседы из области «шутливой педагогики» для взрослых и детей». Старый доктор говорил об обороне Варшавы... о том, как должны вести себя дети в различных случаях опасности...

Варшава пала... В «Доме Сирот»... разбитые окна позатыкали, заклеили, чем пришлось, однако осенний ветер гулял по залу. Дети сидели за столами в пальто, а Доктор был в офицерских высоких сапогах, в мундире. Я высказал удивление по поводу того, что все еще вижу на нем эту униформу, вроде ведь он никогда не питал к ней особого пристрастия, напротив...

- То было прежде. Теперь другое дело.

- Пан доктор, но это же бессмысленно. Вы провоцируете гитлеровцев, мозоля им глаза мундиром, которого уже никто не носит.

- То-то и оно, что никто не носит, это мундир солдата, которого предали, - отрезал Корчак...

Он снял его только год спустя, вняв настойчивым просьбам друзей, доказывавших, что он подвергает опасности не только себя, но и детей. Во всяком случае, стоит вспомнить о том, что он был в годы оккупации последним офицером, носившим мундир Войска Польского [87,1978, №3, с.238-239].

В этом мундире Корчак в сороковом году пошел хлопотать о возвращении детям подводы с картофелем, реквизированной властями во время перевода Дома Сирот на территорию еврейского гетто. Его арестовали. Из тюрьмы Павьяк Старого Доктора вырвали (под залог) старания его бывших воспитанников и деятелей гетто [103, с. 397].

А. ШАРОВ:

В книге «Право детей на уважение» Я. Корчак писал: «Берегите текущий час и сегодняшний день... каждую отдельную минуту, ибо умрет она и никогда не повторится. <...> Мы наивно

боимся смерти, не сознавая, что жизнь - это хоровод умирающих и вновь рождающихся мгновений».

Вся история «Дома сирот» в варшавском гетто свидетельствует, как глубока была убежденность Корчака во всем этом. Он делал все невозможное - ничего возможного уже не оставалось, - чтобы каждое мгновение было здесь чуть счастливее, нет, не счастливее, а чуть менее страшным. До последнего дня в классах шли уроки, репетировалась пьеса - сказка Рабиндраната Тагора [106, с. 214].

Пьеса Тагора «Почта», в которой трагически умирает индийский мальчик, была запрещена гитлеровской цензурой, но 18 июля 1942 года ее сыграли в Доме сирот (режиссер - воспитательница Эстер Вингронувна). Корчак так объяснял выбор им «Почты» для детей гетто: «В конце концов надо этому научиться - спокойно встретить ангела смерти» [103, с. 407].

В середине 1942 года ангел смерти уже всю развернулся в гетто.

Я. КОРЧАК (*из дневника, май-август 1942 г.*):

Часто моей мечтой и проектом бывала поездка в Китай...

Достоевский говорит, что все наши мечты сбываются с течением времени, но в такой искаженной форме, что мы их не узнаем. Я узнаю мою мечту довоенных лет.

Не я в Китай, а Китай приехал ко мне. Китайский голод, китайское пренебрежение сиротами, китайский мор детей.

Не хочу задерживаться на этой теме. Кто описывает чужую боль - словно бы ворует, наживается на несчастье...

<...>

Кашель. Это тяжелый труд. Сойти с тротуара на мостовую, подняться с мостовой на тротуар. Толкнул меня прохожий; я пошатнулся и прислонился к стене.

И это не слабость. Я довольно легко нес школьника, тридцать килограммов живого веса - сопротивляющегося веса. Не сил нет – воли нет. Как наркоман. <...> Не только у меня так. Лунатики-морфинисты.

То же самое с памятью. Бывает, идешь к кому-то по важному делу. Останавливаешься на лестнице:

«Собственно, зачем я к нему иду?» <...>

Хватит уже!

Вот оно: хватит! Этого чувства не знает фронт. Фронт - это приказы. <...> Их надо исполнять без раздумий. <...>

Здесь не так, здесь иначе:

«Прошу вас, будьте добры...»

Можешь не сделать, сделать по-другому, поторговаться.

<...>

Рядом с тротуаром лежит подросток, еще живой, а может, уже умер. В этом же месте у трех ребят, которые играли в лошадей, спутались веревки, вожжи. Они совещаются, пробуют распутать, сердятся - задевают ногами лежащего. Тогда один из них говорит:

- Отойдем, он тут мешает.

Отходят на несколько шагов и продолжают бороться с вожжами.

Или: проверяю просьбу о приеме мальчика-полусироты, Смочья 57, квартира 57. Две добросовестно вымирающие семьи.

- Не знаю, захочет ли он теперь пойти в приют. Хороший сын. Пока мать не умрет, ему будет жаль оставить ее.

Мальчика нет: вышел «раздобыть что-нибудь».

Мать, лежа на топчане:

- Я не могу умереть, пока его не пристрою. Такое доброе дитя: днем говорит, чтобы я не спала, тогда буду ночью спать. А ночью спрашивает: зачем стонешь, зачем это тебе, лучше спи.

<...>

Торговка, которой покупательница заявила претензию, сказала:

- Моя пани, и то - не товар, и это - не магазин, и вы - не клиентка, и я не продавщица, и ни я вам не продаю, ни вы не платите, потому что те бумажки - разве это деньги? Вы не тратите, я не зарабатываю. Кто сегодня обжуливает, и зачем мне это? Просто надо же что-то делать. Что, не так?..

<...>

[1.08.42] Изо дня в день изменяется вид района.

1. Тюрьма.

2. Зачумленные.

3. Токовище.

4. Сумасшедший дом.

5. Игорный дом. Монако. Ставка - голова. [103, с. 323,330,331,335, 336,374].

А. ШАРОВ:

...были у гетто и свои крепости - подполье, где готовилось восстание, и совершенно безоружный, беззащитный Дом сирот Корчака.

Крепости не только гетто, но и всего человечества, как мы понимаем сейчас [106, с. 214].

Я. КОРЧАК (*Воззвание «К евреям!» с просьбой о пожертвованиях для сирот*):

Кто бежит от истории, того история догонит. <...>

Мы несем общую ответственность не за Дом сирот, а за традицию помощи детям. Мы подлецы, если откажемся, мы ничтожества, если отвернемся, мы грязны, если испоганим ее - традицию 2000 лет.

Сохранить благородство в несчастье! <...>

Октябрь 1939 г.

С радостью подтверждаю, что за малыми исключениями человек - существо и разумное и доброе. Уже не сто, а сто пятьдесят детей живет в Доме Сирот.

Февраль 1940 г.

Д-р Генрик Гольдшмит
Януш Корчак

Старый Доктор из Радио [103, с. 289].

Я. КОРЧАК (*из дневника*):

Дети спуют. Только кожица нормальна. А под ней таятся измученность, нежелание, гнев, бунт, недоверие, жалость, тоска.

Мучительна значимость их дневников. В ответ на их признания делюсь с ними как равный с равным. Общи наши переживания - их и мое.

Разве что более водянистое, разбавленное, а в общем - то же самое.

<...>

Пасмурное утро. Половина шестого.

Как будто, нормальное начало дня. Говорю Ганне:

- С добрым утром.

Отвечает удивленным взглядом.

Прошу:

- Улыбнись.

Бывают чахлые, бледные, чахоточные улыбки.

<...>

Отче наш, иже еси на небеси.

Эту молитву вылепили голод и неволя.

Хлеба насущного...

Хлеба.

<...>

Время ежесубботного взвешивания детей - это время сильных эмоций.

<...>

Приходит мне на ум Заменгоф. Наивный, дерзкий: хотел исправить ошибку Бога или Божье наказание. Хотел перепутанные языки снова объединить в один.

Хватит!

Надо заполнить время, надо дать им [детям] занятие, надо дать жизни цель. <...>

Вот две большие группы детей отказываются от игр, легких книжек, болтовни с ровесниками.

Добровольное изучение древнееврейского языка.

Когда младшая группа окончила свой часовой урок, один громко удивился:

- Уже? Уже час?

По-русски «да», по-немецки «йя», по-французски «уи», по-английски «йес», по-древнееврейски «кен». Не одну, а три жизни заполнишь.

<...>

Сегодня понедельник. С восьми до девяти беседы с учениками. Кто хочет, может отсутствовать. Лишь бы не мешал.

Мне заказали темы:

1. Эмансипация женщин
2. Древность
3. Одиночество
4. Наполеон

<...>

17. Нация - народ. Космополитизм

18. Симбиоз

19. Зло и злость

20. Свобода. Судьба и свободная воля.

Когда я редактировал «Малый Пшёгленд», только две темы увлекали молодежь: коммунизм (политика) и сексуальные вопросы.

Подлые, позорные годы - годы разложения, никчемности. Предвоенные, лживые, завравшиеся. Проклятые.

Не хотелось жить.

Болото. Вонючее болото.

Пришла буря. Воздух очистился. Вдох стал глубже. Прибавилось кислорода.

<...>

Из воспоминаний, которые мне дают прочесть. <...> Шлема: «В доме сидит вдова и плачет. Авось старший сын принесет что-нибудь из контрабанды [добытое за стенами гетто]. Не знает она, что жандарм застрелил сына... А вы знаете, что скоро станет хорошо?»

<...>

Я установил таксу за пользование уборной:

1. За удовлетворение малой нужды надо заплатить пятью мухами.
2. За большую - вторым классом (параша-табурет с вырезанным отверстием) - десять мух.
3. Первым классом - унитаза - пятнадцать мух.

Один спрашивает:

- Можно потом заплатить мухами, а то очень хочется?

Другой:

- Делай, делай... Я за тебя наловлю.

Одна муха, пойманная в изоляторе, считается за две.

- А считается, если пойманная муха сбежит?

<...> Как есть, так есть. Но мух мало. <...> Добрая воля общества - это сила [103, с. 326,350-355,360,375].

Я. КОРЧАК (из письма в «Еврейскую газету» №3, 7.01.42):

Дом Сирот не был, не является, не будет Домом Сирот Корчака. Я слишком мал, слишком слаб, слишком беден и слишком глуп, чтобы почти двести детей отобрать, одеть, собрать, накормить, согреть, окружить заботой и ввести в жизнь. Эту огромную работу выполнило общее усилие многих сотен людей доброй воли... [103, с. 292].

В гетто, на улице Дельной, 39, разместился городской приют детей-подкидышей. Положение в приюте было еще страшнее, чем в Доме Сирот. В 1939 году после бомбежки приют потерял

значительную часть белья и кроватей. В доме, рассчитанном на 350 детей, находилось их 700. Нехватало еды и топлива; часть персонала отлынивала от работы, некоторые даже обкрадывали детей. Детская смертность на Дельной была выше, чем в любом другом приюте гетто [103, с. 396].

Я. КОРЧАК (*из заявления в Отдел кадров Юденрата*):

...предлагаю свои услуги в качестве воспитателя в Интернате сирот на ул. Дельной, 39.

Мне шестьдесят четыре года. Экзамен на здоровье сдал в прошлом году в тюрьме. <...> (Аппетит волчий, сон праведника, недавно после десяти стопок крепкой водки самостоятельно прошел быстрым шагом с улицы Рымарской на Сенную... Дважды за ночь встаю, выношу десять больших параш).

Курю, не пью, умственные способности - сносные...

Считаюсь грамотным в области медицины, педагогики, евгеники, политики.

...обладаю большой способностью к сожительству и сотрудничеству даже с уголовными типами, с врожденными кретинами. Самолюбивые и упрямые дураки отталкивают меня, не я их. <...>

Ни к какой политической партии не принадлежал. <...>

Как обыватель и работник я послушен, но не дисциплинирован. <...> ...совершенно не умею быть руководителем, ...не имею предубеждений - не коплю обид. <...>

Прошу служебного жилья и двухразового питания ежедневно. Никаких других условий не ставлю... Под жильем подразумеваю угол; питание из общего котла; в крайнем случае могу и от этого отказаться.

9 февраля 1942 г.

Гольдшмит

Корчак [103, с. 293-296].

Просьбу удовлетворили. Больной, изможденный Пан Доктор, не оставляя Дома Сирот, потянул еще и Интернат на Дельной.

Я. КОРЧАК (*дневник, 21.07.42*):

Тяжелое это дело - родиться и научиться жить. Мне сейчас остается куда проще задача: умереть. После смерти может снова быть тяжело, но я об этом не думаю. Последний год, или месяц, или час.

Я хотел бы умирать в сознании и хладнокровно. Не знаю, что я сказал бы детям на прощание. Хотел бы сказать много и так, чтобы они ощутили полную свободу выбора собственного пути [103, с. 336].

Старый мудрец, наивный король Матиуш, какая свобода выбора? Дети тоже должны умереть. Фобия...

А. ШАРОВ:

Сотни людей пытались спасти Корчака. «На Белянах сняли для него комнату, приготовили документы, - рассказывает Неверли. - Корчак мог выйти из гетто в любую минуту, хотя бы со мной, когда я пришел к нему, имея пропуск на два лица...

Корчак взглянул на меня так, что я съезился. <...> Смысл ответа доктора был такой... не бросишь же своего ребенка в несчастье, болезни, опасности. А тут двести детей. Как оставить их одних в запломбированном вагоне и в газовой камере? И можно ли все это пережить?»

<...> В комнате Корчака... лежали больные дети и отец одной из воспитанниц, умирающий портной Азрылевич. Больных становилось все больше, и ширма, отгораживающая стол Корчака, придвигалась, вжимая хозяина комнаты в стену, надвигалась, как знак приближения конца [106, с. 214-215].

Я. КОРЧАК (*дневник*):

Какие невыносимые сны! <...> Меня перевозят в поезде, в купе метр на метр, где уже находятся несколько евреев. <...> Трупы умерших детей. Один мертвый в лохани. Другой, с ободранной кожей, на топчане в мертвецкой, отчетливо дышит. <...>

Пробуждаюсь мокрый от пота, в самую страшную минуту. Разве смерть не есть такое же пробуждение в момент, когда кажется, что уже нет выхода?

«Ведь каждый может найти пять минут, чтобы умереть», - я это где-то читал [103, с. 347].

А. ШАРОВ:

Днем Корчак ходил по гетто, правдами и неправдами добывая пищу для детей. Он возвращался поздно вечером, иногда с мешком гнилой картошки за спиной, а иногда с пустыми руками пробирался по улицам между мертвыми и умирающими.

По ночам он приводил в порядок бумаги, свои бесценные тридцатилетние наблюдения за детьми... и писал дневник [106, с. 215].

Я. КОРЧАК (*дневник*):

Пять утра. Дети спят. Их две сотни. На правой половине пани Стефа, я - налево, в так наз. изоляторе.

Моя кровать в середине комнаты. Под кроватью бутылка водки. На ночном столике порция хлеба и кувшин воды.

Честный Фелек очинил карандаши, каждый с двух сторон. <...> От этого карандаша у меня уже ложбинка на пальце. Только теперь мне вспомнилось, что можно иначе, что можно удобнее, что легче - ручкой.

<...>

Кто-то где-то злобно написал, что мир - это капля грязи, повисшая в бесконечности, а человек - животное, которое сделало карьеру.

Может быть, и так. Но дополнение: та капля грязи знает страдание, умеет любить и плакать и полна печали.

А карьера человека, если он не пренебрег совестью, сомнительна, очень сомнительна.

<...>

Что делать после войны?

Может, меня пригласят участвовать в строительстве нового уклада в мире или в Польше? Это очень сомнительно. Да и не хочу я этого.

Пришлось бы служить, следовательно - неволя принудительных часов работы, контактов с людьми, какие-то стол, кресло, телефон. Трата времени на будничные текущие мелкие дела и преодоление маленьких людишек с их мелкими самолюбиями, протекциями, иерархией, целью.

В общем, тяжелый труд.

Хочу сам по себе.

Во время тифа у меня было следующее видение:

Огромный зал... Празднично одетые толпы.

Я рассказываю о войне и голоде, о сиротстве и несчастьи.

<...> Дело происходит в Америке. Вдруг голос мне изменяет. Тишина. Где-то в глубине раздается крик. Ко мне бежит Регина [бывшая воспитанница корчаковского приюта, уехала в Америку].

...бросает на эстраду часы и кричит: «Отдаю вам все!». И вот - проливным дождем деньги, золото и драгоценности...

Не слишком верю пророчествам; несмотря на это больше двадцати лет жду, что видение сбудется. <...>

Таким образом получаю неограниченные средства и объявляю конкурс на строительство огромного детского приюта в горах Ливана, возле Кфар Гелади [Палестина].

Там будут большие общие столовые и спальни. Будут маленькие «домики отшельников». Для себя на террасе плоской крыши устрою одну небольшую комнату с прозрачными стенами, чтобы не пропустить ни одного восхода и заката, чтобы ночью писать, чтобы раз за разом смотреть на звезды.

<...>

Люди наивны и честны. Пожалуй, несчастны. Не очень знают, что такое счастье. Каждый его понимает по-своему.

Один: вкусно поесть. Другой: комфорт и удобства. Третий: девочки - красивые и разные. Четвертый: музыка, или карты, или путешествия.

И каждый по-своему защищается от скуки и тоски.

Скука - голод духа.

Тоска - жажда, жажда воды и полета, свободы и человека - наперсника, исповедника, советчика - совета; исповеди, внимательного уха для моей жалобы.

Дух томится в тесной клетке тела. Люди чувствуют и понимают смерть как конец, а она - только дальнейшее продолжение жизни, другая жизнь.

Если не верить в существование души, следует признать, что твое тело будет жить как зеленая трава, как облако. Ведь ты - вода и прах.

<...>

Я уверен, что в будущем, разумном обществе исчезнет диктатура часов. Сплю и ем, когда хочу.

<...>

Варшава - моя, и я - ее. Скажу больше: я - это она.

<...>

...семь лет был таким скромным врачом в больнице. Все последующие годы сопровождало меня горькое ощущение, что я дезертировал. Предал больного ребенка, медицину и больницу. Увлекла меня ложная амбиция: врач и ваятель детской души. Души. Ни меньше, ни больше. (Эх, старый дурень, испоганил жизнь и дело! Заслуженная настигла тебя кара.

<...>).

<...>

...лет двадцать я не ел мороженого, шампанское пил, может, раза три за всю жизнь, бисквит - разве что в детстве, во время болезни.

<...>

Мне сказал мальчик, покидая Дом Сирот:

- Если бы не этот дом, я бы не знал, что на свете существуют честные люди, которые не крадут. Не знал бы, что можно говорить правду. Не знал бы, что на свете есть правда.

<...>

...живу в седьмом десятилетии жизни. $7 \times 9 = 63$.

С самым большим беспокойством ждал 2×7 . Может быть, именно тогда услышал об этом впервые.

Цыганская семерка, семь дней недели. Почему не победная десятка тех времен - число пальцев?

<...> Если пробежать мою жизнь, то седьмой год дал мне ощущение своей ценности. Существою. Имею вес. Значу. Меня видят. Могу. Буду.

Четырнадцать лет. Осматриваюсь. Замечаю. Вижу. Должны открыться глаза. Открылись. Первые мысли о воспитательных реформах. Читаю. Первое беспокойство и неутоленность.

<...> От семи до четырнадцати все время был влюблен, раз за разом в другую девочку. <...> Любил неделю, месяц, иногда сразу двоих, иногда троих. Одну хотел бы иметь сестрой, другую женой, сестрой жены. <...>

3×7 . В седьмой год - школа, в четырнадцатом - религиозная зрелость, в двадцать первый - армия. Мне уже давно было тесно. Тогда связывала меня школа. Теперь мне тесно вообще. Хочу бороться, воевать за новое пространство. <...>

4×7 . Необходимость квалифицированного исполнения обязанностей... Хочется уметь, знать, не ошибаться... Обязан быть хорошим врачом. Сформировать собственные взгляды. Не хочется подражать признанным авторитетам. <...>

5×7 . Выиграл ставку в лотерею жизни. Мой номер уже сошел с круга. Ставка - лишь то, что больше в этой жеребьевке не проиграю. Поскольку снова рисковать не стану. <...> Мне по справедливости возвращено то, что вложил. Безопасно. Но бесцветно - и жаль.

Одиночество не болит. Растут в цене воспоминания. <...> Не ищу друга, ибо знаю, что не найду. Не хочу знать больше, чем это возможно. Заключил договор с жизнью: не будем друг другу мешать. <...> В политике это, кажется, называется: разграничить сферы влияния. До сих и не больше, и не дальше, и не выше. Ты и я.

6x7. <...> Уже все или еще есть время? Как посмотреть... <...> Смерти в себе еще не ощущаю, но уже подумываю о ней. Если портной шьет мне новый костюм, не говорю «Он последний», но та конторка и шкаф наверняка меня переживут. Столкнулся с судьбой и с собой.

Знаю свою малую ценность...

7x7. Что такое, собственно говоря, есть жизнь, что есть счастье? Лишь бы не хуже, лишь бы именно так, как сейчас. Две семерки встретились, учтиво поздоровались... <...>

Мой город, моя улица, мой магазин, где всегда покупаю, мой портной, и что самое главное - мое место работы.

Лишь бы не хуже. Потому что если бы можно было сказать солнцу «Остановись», - то, наверно, сейчас. <...>

$7 \times 8 = 56$. Как эти годы сбежали. Именно сбежали. Только вчера было 7x7. Ничего не прибавилось, ничего не убавилось. <...>

...кажется, нет человека, который бы не думал, что недостаток сил, здоровья, энергии - не от войны, а от его 7×8 и 7×9 .

<...>

После войны люди долго не смогут смотреть себе в глаза, чтобы не прочесть в них вопроса: как случилось, что живешь, что выжил? Что делал?

<...>

[Из размышлений об эвтаназии]

Убить из сочувствия имеет право тот, кто любит и страдает - когда сам тоже не хочет остаться в живых. Так будет через немного лет.

<...> Когда после возвращения сестры из Парижа я предложил ей вместе покончить с собой, это не было идеей или программой банкротства. Наоборот. Мне не хватало места в мире и в жизни.

Зачем еще эти несколько десятков лет? Может быть, моя вина в том, что позднее я не повторил своего предложения. <...>

Когда в тяжелые часы я обдумывал проект умерщвления, усыпления обреченных на гибель младенцев и стариков еврейского гетто, я видел в этом убийство больных и слабых, убийство из-за угла ни о чем не подозревающей жертвы.

Мне говорила медсестра онкологической лечебницы, что она всегда ставила возле постели больного убийственную порцию лекарства и предупреждала:

- Больше ложки не брать, потому что это - яд. Для успокоения боли требуется только ложка лекарства.

И на протяжении многих лет пациент не тянулся к отравляющей дозе.

<...>

Жизнь моя была трудной, но интересной. Именно такую просил у Бога в молодости.

<...>

«Правильно прожить один день труднее, чем написать книгу» [Мицкевич].

<...> Каждый день - это книжка - это большая тетрадь, глава, которой хватит на годы.

Как неправдоподобно долго живет человек.

<...>

Пятнадцати лет я впал в сумасшествие, бешенство чтения. Мир исчез с моих глаз, существовала только книга...

Много говорил с людьми: с ровесниками и много старше, со взрослыми. <...> Мною «восхищались». Философ.

Разговаривал только сам с собой.

Потому что говорить и разговаривать - не одно в то же... Сменить платье и раздеться - это два различных действия.

Раздеваюсь наедине с самим собой и разговариваю наедине с собой.

<...>

У меня мышление исследователя, не изобретателя. Исследовать, чтобы знать? Нет. Исследовать, чтобы найти, добраться до дна? Тоже нет. Наверно, исследовать, чтобы задавать дальнейшие вопросы. Ставлю вопросы людям, младенцам, старикам, фактам, случаям, судьбам...

Говорила мать:

- У этого мальчика нет самолюбия. Ему все равно, что есть, как одеться, играть с детьми своего круга или со сторожиками. Он не стыдится играть с малышами.

<...>

Десятый час. Выстрелы: раз, два, несколько, два, один, несколько. Может быть, это именно мое окно плохо затемнено?

Но я не прекращаю писать.

Наоборот, летучее (единичный выстрел) становится мысль.

<...>

Почему я собираю посуду? [27.02.42, последняя статья Корчака в газете Дома Сирот].

Знаю, что много их, недовольных тем, что после еды собираю посуду. Даже дежурные, похоже, этого не любят. Ведь справляются. Их хватает. А если бы и недоставало, можно

добавить одного или двух. Ну что за чудачество, что за упрямство, а то даже и безобразное при творство, будто такой уж работающий и демократ. <...>

А что хуже всего: делаю это неловко, мешаю раздаче добавки, толкаю тех, кто тесно сидит за столами. Из-за меня не успевают вылизать миски. Кто-то даже может лишиться добавки. Раза два у меня что-то упало с тарелок, которые я нес неуклюже. Если бы это случилось у другого, не миновать, наверно, скандала. <...>

...Как же понять, зачем я это делаю?..

...вот мое объяснение:

Когда сам убираю, мне видны треснувшие тарелки, погнутые ложки, облупившиеся миски. <...> Видно, как расхлябанные разбрасывают ложки, ножи, солонки и чашки вместо того, чтобы поставить на место. Временами бросится в глаза, как раздают добавки, или замечу кто с кем сидит - и подумаю о том и этом. Потому что если что-то делать, то не бессмысленно. Эта работа официанта для меня и выгодна, - и приятна, и интересна.

Но не это главное. Главное - совсем другое. То, о чем уже много раз говорил и писал и с чем воюю лет тридцать, без видимого результата, но борьбы той прекратить не хочу и не могу.

Воюю за то, чтобы в Доме Сирот не было работы интеллигентной или простой, умной или глупой, чистой или грязной - работы для барышень и работы для рядовой голытьбы. В Доме Сирот не должно быть трудящихся только физически или только умственно.

В городском интернате на Дельной с огорчением и отвращением смотрят на то, как я подаю руку уборщице, причем даже тогда, когда она моет лестницу и руки ее мокры. <...>

Уважаю честных работников. Их руки для меня всегда чисты, и мнение их - на вес золота. <...>

<...> Римского папу называют святым отцом, сановники преклоняют перед ним колени и целуют его туфлю. И тот же папа каждый год моет в костеле ноги двенадцати нищим. <...>

Кто говорит: «Физическая работа - грязная» - врет. Хуже, когда лицемер говорит: «Любая работа не позорна», но сам избирает только чистую работу...

<...>

Поливаю цветы. Моя лысина в окне - такая хорошая цель.

У него карабин. Почему он стоит и смотрит спокойно?

Нет приказа.

А может быть, до военной службы он был сельским учителем или нотариусом, дворником?

Что бы он сделал, если бы я кивнул ему головой? Дружески рукой помахал?

Может быть, он не знает даже, как все на самом деле?

Он мог приехать только вчера, издалека... [103, с. 301-375].

Это последняя строчка Януша Корчака.

Он искал человека даже в эсэсовце.

Многоточие - Его рукой...

А. ШАРОВ:

Пятого августа сорок второго года... Дом Сирот - дети и взрослые - выстроился на улице. Корчак и его дети начинали последний путь. Над детским строем развевалось зеленое знамя Матиуша. Корчак шел впереди, держа за руки двух детей...

Колонна обреченных детей с детской силой и бесстрашием разрезала самый строй фашизма [106, с. 216].

РЕМБА (*очевидец*):

Дети построились по четверо. Корчак с высоко поднятой головой шел впереди... Второй отряд вела Стефания Вильчинска, третий - Бронятовска... четвертый - Штернфельд... Это были первые евреи [гетто], которые шли на смерть с честью, презрительно глядя на людоедов [107, с. 108].

И. ПЕРЛЕ (*очевидец*):

Не могу не повторить банальные слова, что нет пера, которое могло бы описать эту страшную картину. Гитлеровские детоубийцы в дикой ярости непрерывно стреляли. Двести детей были в смертельной опасности. <...> И тогда произошло необычайное: эти двести ребят не кричали, ни один не спрятался, они только теснились, как птенцы, возле своего учителя и воспитателя, своего отца и брата...

Он встал первым. Слабым исхудавшим телом заслонил детей.

Гитлеровские псы нисколько не утихли; револьвер в одной руке, хлыст - в другой, и лай:

- Марш!

Горе глазам, видевшим тот ужас.

Януш Корчак, без шляпы, в подпоясанном пальто, в высоких сапогах, сгорбленный, берет самого маленького ребенка за руку и идет вперед. Идут и несколько сестер в белых фартуках, а за ними 200 только что причесанных детей, ведомых на смерть.

Со всех сторон детей окружают немецкие, украинские и еврейские полицаи.

Тем временем в Юденрате узнали о происходящем... Бросились хлопотать, звонить, спасать.

Кого спасать? Нет, не 200 детей, а одного Януша Корчака.

Но он вежливо поблагодарил господ из Юденрата... и пошел вместе со своими детьми...

Рыдали камни мостовых... А гитлеровские палачи подгоняли детей кнутами и непрерывно стреляли [107, с. 108-109].

А. ШАРОВ:

Из Варшавы поезд повез детей в Трешлинку. Только один мальчик выбрался на волю: Корчак поднял его на руки, и мальчику удалось выскользнуть в маленькое окошко товарного вагона.

Но и этот мальчик потом, в Варшаве, погиб.

Говорят, что на стенах одного из бараков в Трешлинке остались детские рисунки - больше ничего не сохранилось [106, с. 216].

Я. КОРЧАК:

...жизнь - это огонь: затухает, хотя топлива полным-полно, вдруг взорвется снопом искр и ясным пламенем, когда уже догорает. И погаснет [103, с. 345].

Тяжкое чтение, не правда ли? Не облегчить ли сердце другим, сказочно-утешительным вариантом финала Дома Сирот? Он приведен у НЕВЕРЛИ. Место - концлагерь Майданек, время - 1943 год.

И. НЕВЕРЛИ:

Мы сидели в канаве за баракком - я, трое мальчишек и Стыцкий наборщик... Один из мальчиков спросил, правда ли, что Пандоктор в Майданеке...

- И ты поверил? - сказал второй. - Дурак ты, их давно сожгли...

- А ты не умничай, - накинулся на него Стыцкий, - Пандоктор жив, и дети с ним, хотя и не все...

- Почему не все? - спросил я изумленно.

- Потому что отцепили только один вагон...

- Вы сами видели?

Почти что видел. Он был на Умшлагплаце [привокзальная площадь в Варшаве, пункт перегрузки], когда прибыл «Дом Сирот» с Корчаком. Люди замерли, будто появилась сама

смерть, некоторые плакали. Вот так, стройной колонной, по четыре человека в ряду, со знаменем, с руководителем во главе, сюда еще не приходили...

- Что это такое? - закричал комендант Умшлагплаца.

Ему сказали: это Корчак с детьми. Комендант задумался, начал вспоминать, но вспомнил, когда дети были уже в вагонах. Он спросил у Доктора:

- Это вы написали «Банкротство маленького Джека»?

- Да, а это имеет какое-нибудь отношение к эшелону?

- Нет, я просто читал в детстве, хорошая книга, вы можете остаться, доктор...

- А дети?

- Ах, unmöglich [невозможно], детям придется поехать...

- Ну нет, - крикнул Доктор, - дети - это главное! - и захлопнул за собой дверь изнутри.

Комендант постоял, постоял у вагона, позвал эсэсовцев и что-то им сказал. Все это Стыцкий видел своими глазами. Ну, а потом железнодорожники рассказывали, будто ночью на станции Урле этот вагонотцепили. Эсэсовцы выгнали в поле Доктора с детьми и кричали, чтобы те убирались, куда хотят... И семья Сабинки, вы ведь знаете Сабинку? - да, конечно, она работала в швейной мастерской - правильно, так вот ее родные в гетто получили от нее письмо, что она с Корчаком и детьми в надежном месте... [87,1978, № 3, с. 237-238].

И в 1945 году в Варшаве говорили: «Они живы – Старый Доктор, дети. Их не взял огонь - отступился... Дети живы... И Пандоктор жив. Ходят по селам. Где добрый человек живет - в дверь стучатся... А если злой живет - не стучатся...» [108].

Так рождалась легенда. Капли домыслов и подробностей наполняли чашу поминовения, чтобы спустя двадцать восемь лет полыхнула вечным огнем поэма «Кадиш».

А. ГАЛИЧ:

*Кадиш - еврейская поминальная
молитва, которую произносит сын
в память о покойном отце.*

...на Умшлагплаце, у вокзала
гетто ждет устало, чей черед...
И гремит последняя осанна
лаем полиция: «Дом Сирот!»

Шевелит губами переводчик -
глотка пересохла, грудь в тисках, •
но уже поднялся старый Корчак
с девочкою Натей на руках.

Знаменосец - козырек заломом,
чубчик вьется словно завитой,
и горит на знамени зеленом
клевер, клевер, клевер золотой.

Два горниста поднимают трубы,
знаменосец выпрямил древко,
детские обветренные губы
запевают гордо и легко:

«Наш славный поход начинается просто:
от Старого Мяста до Гданьского моста,
и дальше с песней, построясь по росту,
к варшавским предместьям, по Гданьскому мосту,
по Гданьскому мосту...»

<...>

Мы идем по-четверо, рядами,
сквозь кордон эсэсовских ворон...

Дальше начинается преданье -
дальше мы выходим на перрон
и бежит за мною переводчик,
робко прикасается к плечу:
«Вам разрешено остаться, Корчак!»
Если верить сказке, я молчу.

К поезду, к чугунному парому,
я веду детей, как на урок.
Надо вдоль вагонов - по перрону,
вдоль!

А мы шагаем поперек!

Рваными ботинками бряцая,
мы идем не вдоль, а поперек,
и берут, смешавшись, полицаи
кожаной рукой под козырек.

И стихает плач в аду вагонном,
и над всей прощальной маемой
пламенем на знамени зеленом
клевер, клевер, клевер золотой.
Может, в жизни было по-другому,
только эта сказка вам не врет:
к своему последнему вагону,
к своему чистилищу-вагону,
к пахнущему хлоркою вагону
с песнею подходит Дом Сирот:
«По улицам Лодзи, по улицам Лодзи
шагают ужасно почтенные гости,
шагают мальчишки, шагают девчонки,
и дуют в дуделки, и крутят трещотки,
и крутят трещотки...
Ведут нас дороги, и шляхи, и тракты
в снега Закопане, где синие Татры,
на белой вершине зеленое знамя...»

И тут кто-то, не выдержав, дал сигнал к отправлению... Эшелон Варшава-Треблинка задолго до назначенного времени - случай совершенно невероятный - тронулся в путь...

Вот и кончена песня, вот и смолкли трещётки,
вот и скорчено небо в переплете решетки...

<...>

И тогда, как стучат колотушкой о шпалу,
застучали сердца колотушкой о шпалу,
загудели сердца: «Мы вернемся в Варшаву!
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!

Пусть мы дымом растаем над адовым пеклом,
пусть тела превратятся в горючую лаву,
но дождем, но травой, но ветром, но пеплом
мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!»

[104].

И. НЕВЕРЛИ:

Мы встретились в Майданеке. Из Варшавы привезли остатки гетто после восстания, в том числе триста детей, которым требовался старшой. Это в самый раз для тебя, сказали мне друзья, ты инвалид и педагог, не отнекивайся, как-никак ты работал у Корчака, будешь с ними чистить картошку на свежем воздухе и слушать, как жаворонки поют. Друзья сложились, дали взятку в канцелярию... И вот я стою с нашивкой на плече перед своей командой у горы гнилого картофеля...

Было лето, жаворонки звенели в синем поднебесье, их было невероятно много, и они так заливались, что сердце щемило от восторга и суеверного страха, что, может быть, в самом деле души умерших вселились в этих птиц и летают, молятся над своим последним полем, над пятым полем Майданека. <...> Вдруг кто-то сказал: а я вас знаю... Другой воскликнул: а мне вы вручали открытку в «Малом пшэглэнде», открытку с фруктами, пан редактор!

У бадеек, как оказалось, скоблила картошку дюжина корреспондентов. Этот пописывал, тот пописывал, и почти все регулярно читали «Малый пшэглэнд». Подобралась неплохая компания: читатели, сотрудники и редактор. Вот будет эсэсовцам потеха, когда это разнесется по лагерю!

Пахнуло дымом крематория. Да, тут не поможет то, что я не еврей...

Я пробыл старшим три дня. <...> На второй день к нам пришел помощник коменданта лагеря, стоял и смотрел, как мы работаем. Бодро мелькали ножи... только один мальчишка не работал. В первом ряду, на самом виду... Я прошипел: «Чисти». Тот не шелохнулся... лицо мертвое, лет восемь или десять. «Чисти, на тебя смотрят!». К счастью, соседи догадались, отодвинули его, загородили.

- Почему ты не работал? - спросил я, когда помощник коменданта удалился, - я же объяснял, предупреждал...

<...> - Маму взяли... в газ, - сказал мальчишка тихо, таким мертвенным голосом, что я не сразу понял.

А назавтра уже не он один, а все были в таком состоянии.

- Что с вами? - допытывался я, видя, как вяло они приседают у горы картофеля, без разговоров, с изменившимися лицами. – Случилось что-нибудь?

<...> - У нас ночью вешали.

Ну да, в барак пришли два ээсовца и пара капо из уголовников, все пьяные, и стали вешать детей - просто так, для развлечения или для тренировки, несколько ребят повесили на потолочных балках, остальные, дрожа на своих нарах, наблюдали эту процедуру...

Мне самому довелось уже сидеть в камере смертников... я знаю, что такое предсмертная мука взрослых, но мука детей?! Я заявил в канцелярии, что должность старшего мне не под силу... <...> ...меня избил, не слишком сильно даже, и отослал в барак.

Потом мы время от времени встречались. После обеда, а иногда перед вечерней поверкой они прокрадывались к моему бараку поодиночке, вдвоем, втроем. Было невыносимо видеть их здесь, разговаривать с ними. Смертельно взрослые, они не питали никаких иллюзий, не искали у меня спасения. Да и что я мог им дать? Пару советов старого узника, какую-нибудь помощь в мелочах. Они просто тянулись к забытому человеческому теплу, к последнему свидетелю той их жизни, которая ведь была в самом деле, если в канаве за бараком с ними беседует редактор их газеты.

Я свыкся с мыслью, что погибну вместе с ними. Кто-нибудь проболтается нечаянно или не выдержит, донесет. Ведь случалось, что зрелые люди, иной раз с безупречным прошлым, предавали за еду, за должность, чтобы хоть немного отсрочить пытку или смерть. А тут были дети... и все триста знали обо мне.

Ни один из них не выдал. Они прошли мимо меня к крематорию, шлепая по грязи маленькими ступнями. Ээсовцы с собаками сопровождали их, а вальс Штрауса, лившийся из репродукторов, забивал их последний след [87,1978, № 3, с. 236-237].

В июне 1942 года Корчак провел церемонию освящения знамени Дома Сирот на могиле бывшего сотрудника Дома врача И. Элиасберга. Празднично одетые дети, во главе процессии - сгорбленный Доктор и сотрудники, старшие мальчики со знаменем: щит Давида на зеленом поле, обратной стороны - лист клевера. Дети дали клятву «жить в любви к людям, для справедливости, правды и труда» [103, с. 398].

Я. КОРЧАК (*в четырнадцатилетнем возрасте*):

Я существую не для того, чтобы меня любили и хвалили, а для того, чтобы я действовал и любил. Не окружение обязано помогать мне, но я обязан заботиться о мире, о человеке [103, с. 344].

Я. КОРЧАК (*из последних дневниковых записей*):

4 августа [1942 г.].

Мое участие в японской войне. Поражение - крах.

В европейской войне - поражение - крах.

В мировой войне...

Не знаю, как чувствует себя и чем чувствует себя солдат победоносной армии.

Журналы, в которых я сотрудничал, закрывались...

Мой издатель, разорившись, покончил с собой [103, с. 375-376].

1978 год - год столетия со дня рождения Генрика Гольдшмита - Организация Объединенных Наций объявила Годом Корчака.

Я. ВЕЧОРЕК (*речь в Треблинке 31 мая 1978 года*):

ЧЕСТЬ ПАМЯТИ ЯНУША КОРЧАКА

Что является его настоящим величием, сделавшим его легендой?..

Думаю, что в сущности Януш Корчак был человеком сильным и мужественным, что понимал все значение своего поступка, что решился на него *не только* из любви к детям, которых вел на неминуемую гибель...

Смерть Януша Корчака, именно такая смерть, вместе с горсточкой своих воспитанников... имеет черты заранее рассчитанного и сознательно разыгранного спектакля, предназначенного для зрительного зала, в котором сидел весь еще не тронутый войной мир.

Это был крик протеста, обращение к тем, кто не верил в гитлеровские зверства, к миру, не способному ни на что, кроме жестов сочувствия, выраженного пустыми словами, к миру, не способному на возмездие Германии за то пекло, которое она разожгла на востоке Европы.

<...>

Может быть, именно сознавая, как сильно он был бы нужен живой десяткам тысяч других сирот, и все-таки идя на верную смерть с горсточкой детей, - может быть, он как раз и считал, что его жест разбудит мировую совесть, прорвет молчаливое согласие сильных мира сего.

Именно в этом и прежде всего в этом - величие поступка Старого Доктора.

<...> Несколько десятков лет спустя западнонемецкий драматург Эрвин Сильванус пишет пьесу «Корчак и дети», которую поставили более 70 европейских театров. Ее автор публично заявил в прессе, по радио и телевидению: «Я хотел хотя бы в миллионной доле компенсировать полякам и евреям страшный ущерб, который им нанесли мои сородичи».

<...>

Мы хотим, чтобы Януш Корчак всегда жил среди нас, чтобы его смерть имела великий, глубокий и гуманистический смысл, чтобы никто не был равнодушен ко злу, ко лжи, ко подлости.

Таково Его завещание, завещание ненаписанное, завещание, переданное улыбкой, той внешней безмятежностью, с которой он шел в свой последний путь с детьми, которых любил более всего.

Нам нельзя забывать о завещании Януша Корчака.

Склоним головы перед Его прахом.

Склоним головы перед Его делами.

Отдадим им честь и не позволим никому и никогда их убить [64, с.20-23].

Ненависть Сергия Радонежского к «розни мира» Андрей Рублев выразил изображением Любви. В его «Троице» - сочувственное единение людей, нерасторжимость божественного духа и земной плоти, универсальности мира и уникальности человека. Сияние красок, волнение линий, живая нежность ликов, распев пейзажа, небесный свет - все слито в гармонии единства. Совершенен мир Добра, идеальный мир Любви.

Авраам и Сарра угощают странников - немудреный сюжет поднимается в иконописи до высоты общения человека с Богом. Мысль Рублева взмывает по спирали к неразрывности связи между людьми и - спираль пружины - к воплощению российской, из-под татар, мечты о

соединении в нацию лапотных толп. Еще виток: идеал взаимной любви. Наконец: утверждение изначальной человеческой тяги к тишине и доброте.

Оставив зрителю волю довообразить житейские подробности, Рублев убрал из иконы Авраама, Сарру, слуг, обычную пиршественную оснастку, чтобы на освобожденном пространстве внятно явить верховную идею: слияние человеческого и Божественного начал через постижение главенствующей правды, правды всеобщего братства в Любви.

Мир беспределен, как же не быть в нем места радостному ладу?

Путь не заказан.

Путь указан. Круговая композиция «Троицы» - не только выражение цельности мира. Кругом глаз увлекается в середину, к чаше, и, одинокая на голом столе, она властно держит взгляд. Трое ангелов, равно отдаленных от чаши, обращают к ней руки, к ней склоняются головы.

Чаша - знак объединяющей трапезы. И - жертвенная чаша.

При обратном ходе глаза, центробежном, мотив чаши, чем ближе к гармонии объединяющего круга, тем звучнее: ее контуры увеличенно повторены линиями фигур боковых ангелов, зеркально отражены очертаниями среднего ангела... С плоскости иконы всей многомерностью мира вздымается мысль о жертве: невозможна без нее благодать.

Аврааму возвещена радость отцовства. Но ангел указывает на чашу: к счастью - через муку великой жертвы. Закласть не себя - этого мало! - единственного сына. Только убедившись в готовности Авраама к ужасу сыноубийства. Бог остановит его руку и тем откроет путь к Себе, к высшему благу (а роду Авраама - к продолжению жизни).

Высшее благо человечества - мир, единение, взаимопонимание, любовь. Путь к нему - мученический путь Авраама, через жертву. В сады Добра - сквозь тернии страстей.

В согласии людей - жизнь человечества, в розни мира - смерть его.

Для сохранения вида природа жертвует особью. Рублев вместо «природа» говорил «Бог». Диктат семантики: «особь» = «себя». Жертвовать собой.

Ради сплочения человечества Христос взошел на Голгофу.

С призывом к любви на страдающих устах...

Я. КОРЧАК:

Я никому не желаю зла. Не умею. Не знаю, как это делается [103, с. 376].

«Дети живы... И Пандоктор жив... Ходят по селам. Где добрый человек живет - в дверь стучатся...»

В Вашу дверь они стучали?

А в Вашу?

А в мою?

Что-то со слухом у нас плохо...

8. ВСЛЕД

В концлагере при дорожных работах щебень уминали катком - невпроворот тяжелыми каменными валками, соединенными с оглоблей, которую тянули запряженные узники. Скелеты в полосатых лохмотьях, намертво пристегнутые к оглобле, рвали жилы, путались в постромках, карабкались в крови, в поту, в гное из ран, в испражнениях на ходу – агонизирующее тягло, а верхом на оглобле, с кнутом, пасть в гоготе, - надсмотрщик, капо... Всклест кнута, вопль команды, вой прибитого, хрип, дрожь последнего ужаса в опадающих наземь лохмотьях, а упряжка переступает, переваливает через павшего, и каток медленно наползает на корявую грудь - хруст костей, вскрик, стон... Хлюпнула кровь, лопнул череп - детская хлопушка, скрип щебня смягчился лепешкой спрессованного тела. И подравеселое «Вперед, клячи!» ослепшие, оглохшие, обезумевшие люди - уже не люди, уже неживые - проволакивают каток, оставляя на выглаженной дороге разноцветное пятно из серых полос одежды, белых обломков скелета, розовых блесток кишок, красной, чернеющей на солнце крови... След человека, до ближайшего дождя...

Так строили дорогу, которая сейчас отворачивает от пригородного шоссе, давно ставшего городской улицей, и, вильнув, упирается в ворота, многократно перечеркнутые колючей проволокой. Караулка. Серые ряды бараков и зеленеющие по весне пустыри - их разгораживает колючая проволока, проволока же и объединяет - по всему пространству тяжелый ритм столбов ограждения. Сторожевые вышки. Вдали приземистый дом с аккуратной трубой и гигантский мавзолей с надписью «Наш судьба - вам предостережение». Все это - лагерь, он теперь - музей.

Годы идут - дорога снова нуждается в ремонте. Группа ребят лет пятнадцати весело елозит граблями по гравию. Румяные лица, улыбки, звон разноголосья, джинсы, пестрые пятна курток... Девушки, стоя на коленях, обкладывают кирпичом обочину дороги - струи волос по спинам, тугие попки. Мужчина лет сорока, в оглушительно желтой куртке, надзирает за подростками сквозь большие очки. Солнце ярится в стеклах очков; в отворотах куртки, слишком теплой для польского апреля, млеет шар раннего живота. Устав от весны и начальственной ответственности, мужчина ложится на землю возле обочины, на склон, опущенный новорожденной травой, и куртка распускается огромным желтым цветком на зелени травы. Неистовый блеск солнца, отпрянув от очков, брызжет в небо, в синеву, беспорочность которой не страдает от редких облаков. Глаза мужчины смежаются в блажи

тепла, ноздри впитывают хмельную дурь запахов от лопающихся почек, прогревающейся земли, чистого полевого раздолья. А рядом сдержанный гомон подростков, усмешки девушек, писк гравия под граблями, шорох метлы, постукивание лопат - неспешная работа, в охотку – не в тягость. Весна, молодость, улыбка...

Входящие в ворота туристы, напряженные предчувствием лагеря, удивленно заминаются при виде ребят на дороге, но полька-экскурсовод влечет группу мимо, к баракам, к свежезеленеющим пустырям - «полям», где за давностью лет на месте бывших лагерных построек - только кирпичные трубы барачных печек и светлые прямоугольники бетонных полов, растрескавшиеся от солнца и дождей. Колышется сладкий весенний воздух, проносится, взрезая его, ласточки, покойно пусты до смешного невинные вышки, окружающие лагерь, зеленая глазурь травы мирно течет из-под ног вдаль, под проволоку и еще дальше, по склону холма вниз, а потом вверх, к горизонту, туда, где солнце оmyвает окна городского многоэтажия, где курчавятся дымом заводские трубы, золотятся острия костелов - город восьмидесятых годов живет, дышит неслышно на расстоянии, а здесь только ласточки, пронзающие тишину, мурлыканье ветра, солнце и плавное перетекание облаков, кошачья ласковость травы, бесхитростные бетонные площадки...

Отвернуться от рядов колючей проволоки, от Мавзолея - огромной чаши, в которой земля смешана с пеплом узников: сотни тысяч единым прахом, одной землей пересыпаны, одним каменным кругом замкнуты; вы ошиблись, экскурсовод, то не символ древнеславянской погребальной урны, то рублевская идея круга, всех объединяющего нерасторжимо, пятьдесят две национальности, а пепел без роду, без племени, просто человеческий пепел - смерть всех сообщила... Отвернуться, отстать от шарканья экскурсантов, от голоса гида, остаться в одиночестве на тихом пустом пятом поле Майданека, искать и не находить призраки умерщвленных, бродить по молодой траве под веселые возгласы ласточек - как у Неверли? души убитых летают? - и с ужасом не ощущать в себе ужаса, пока не разглядишь в бетонном полу бывшего барака - дыры... Ровный ряд круглых отверстий, по бокам каждого - бугры бетонных нашлепок. Края дырок гладко завалены вниз, темнеет глубина... Туалет! Отверстие для испражнений, возвышение для ног - здесь в корчахспешки человекообразное вымучивало «естественные надобности», ошеломляюще естественные в неестественном быту - наипростейшая функция! - и от этой дыры, стерильно вылизанной дождями, ветрами и солнцем, жутко пахнет подлинностью лагеря, и мрак прошлого, сгустясь, поглотит весеннюю радость неба и земли.

Это - как восхититься добротной аккуратностью дома на краю лагеря, спокойствием контуров его трубы на сочном фоне заката, а потом сообразить, что здесь - крематорий и через эту трубу в небо дымом - люди.

Это - как разглядывать груды расчесок, зубных протезов, пахнущей тлением обуви - наследство обращенных в ничто - и не ахнуть, потому что все знакомо по книгам, кино и спектаклям и по рассказам тех, кто бывал тут прежде, все знакомо, ожидаемо - но вот в беззвучии обезлюдевшего к вечеру лагеряходишь в барак, где посредине, во всю длину, от входа до противоположной торцовой стены, проложен помост, а по обе стороны помоста, спускаясь по скатам крыши и по стенам вниз, бесконечно, висят на крестом склепанных проржавевших плечиках полосатые костюмы лагерников, полосатая куртка, полосатые штаны - жуткие пижамы, разнящиеся только нашивками на месте сердца - буква «Р» - поляк или красный треугольник или еврейский шестиконечник - их бесчисленно, плоские безголовые фигуры, ряд наползает на ряд, идешь помостом в пестроте полос сверху, справа, слева, тишина, вздох доски под ногой, тусклый свет единственной лампочки и чем дальше от открытой двери, тем темнее, тем глубже погружаешься в космос страха, в неисчислимость толпы, в безликую массу смертников, недвижимость переключек, очередь в лазарет, очередь на экзекуцию, очередь в газ - окаменелость предсмертия и метель полос, пляска агонии и перехват горла,

захлест,

захлеб

и - тьма...

... - Кто это? - спросили туристы экскурсовода, указывая на ребят, возделывающих лагерную дорогу.

И полька - спокойно:

- Школьники из Западной Германии. Они каждый год сюда приезжают работать. Искупают вину отцов.

* * *

Всем расстрелянным, отравленным, удушенным, четвертованным, раскромсанным пытками, всем испепеленным, заживо погребенным, кровью изошедшим, в дым обратившимся (и моим деду и бабке - микрочастицам братской могилы казненных в городе Ровно); всем, кто питал собой лагерных вшей, кто стыл на переключках, мордовался в работе, ползал в жиже сточных канав, бредил от жажды, жевал кору деревьев, задыхался в бараке, изнемогал в лазарете

(и моему отцу, необъяснимо пересилившему годы концлагеря);

Раулю Валленбергу, Любви Лангман, Антону Шмидту и всем, кто свою непричастность к общему злодейству оплатил личным мученичеством;

Гершелю Гриншпану и бойцам варшавского гетто, безымянной еврейке, прикончившей освенцимского эсэсовца, бунтарям лагерей и тюрем, всем, кто из клоаки покорности поднялся к высоте смертного боя

(и моему дяде, взятому на гестаповскую пытку и во время допроса убившему следователя);

миллионам павших,

миллионам Людей

и

немецким детям, работающим в музее Майданека, -

с Любовью, Скорбью и Верой

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТА КНИГА

СПРАВКА

АЛПАТОВ Михаил Владимирович (1902-86) – советский искусствовед, профессор, автор многотомной «Всеобщей истории искусств».

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Александр Семенович (р. 1854) - историк русской литературы, профессор Казанского университета.

АУЭРБАХ Рашель (подпольная кличка «Анеля») - польско-еврейская писательница, бывшая узница варшавского гетто.

АШ Шалом (1880-1957) - еврейский писатель и драматург. Жил в Польше, Франции, США (с 1938 г.), в Израиле (1950-е гг.).

АШКЕНАЗИ Людвик (р. 1921 г.) - чешско-еврейский поэт.

БЕНГАЖ Владислав - окружной судебный следователь в Лодзи (Польша); свидетель на Нюрнбергском процессе.

БЕРЛИН Израил Захарович - русский историк, автор книги о судьбе евреев в России (1919).

БЕРМАН Адольф («Боровский», р. 1906) - один из лидеров еврейского подполья в оккупированной немцами Польше. В 1947-50 председатель Центрального комитета польских евреев. С 1950 г. житель Израиля.

БЕРНФЕЛЬД Симон (1860-1940) - еврейский историк и публицист; жил, в основном, в Германии; в 1886-94 раввин в Белграде.

БЕРШАДСКИЙ Сергей Александрович (1850-96) - юрист, историк русских евреев. Сын православного священника, потомок атамана запорожских казаков (по матери). Начал изучение еврейских проблем как юдофоб (1876), с 1879 стал противником антисемитизма.

БИБЛИЯ («Священное писание») - священная книга евреев и христиан, основа священной книги мусульман - Корана. Созданная в период XIII в. до н.э - II в. н.э., содержит начала религии, истории, философии, литературы, медицины, нормы морали и быта. Древнейшая Б., еврейская («Танах»), состоит из 3 разделов (39 книг): 1) «Тора» - Закон (Пятикнижие Моисея), 2) «Невиим» - Пророки и 3) «Кетувим» - Агиографы («священные писания» - греч.). Христианская Б. состоит из Ветхого завета («Танах», дополненный вставками и 11 книгами) и Нового завета (27 книг). В настоящей работе под Б. как правило подразумевается Тора.

БЛАХА Франц - доктор медицины, в 1941-45 узник концлагеря Дахау, объект медицинских экспериментов в лагере, позднее сотрудник отдела по вскрытию трупов; свидетель на Нюрнбергском процессе.

БОНЧ-БРУЕВИЧ Владимир Дмитриевич (1873-1955) - публицист, историк, марксист; в 1917-20 управляющий делами правительства Советской России.

БОРМАН Мартин - в 1928-45 руководящий деятель фашистской Германии, возглавлял к.шцсляршо п.шцистской партии, секретарь Гитлера, генерал СС и СА. На Нюрнбергском процессе заочно приговорен к смертной казни.

БОРОВСКИЙ Тадеуш (1922-51) - польский писатель, узник гитлеровских концлагерей (1943-45).

БРОАД Пери (р. 1921) - немецкий коммерсант. В 1942-45 охранник, затем сотрудник политического отдела концлагеря Освенцим. В 1965 приговорен к 4 годам тюрьмы.

БУЛГАКОВ Сергей Николаевич (1871-1944) - русский экономист и публицист, профессор; до 1901 марксист, позднее религиозный философ, идеолог православия. С 1923 жил в Париже.

ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ Мари Клод (р. 1912) - узница Освенцима (1943-44) и Равенсбрюка (1944-45), одна из руководителей Сопротивления в концлагере Освенцим; свидетельница на Нюрнбергском процессе.

ВЕРМАХТ - вооруженные силы фашистской Германии.

ВЕРНАДСКИЙ Владимир Иванович (1863-1945) - основоположник геохимии, биохимии и генетической минералогии, академик, член Государственного Совета России.

ВИШНИЦЕР Марк Львович (1882-1956) - историк, социолог, общественный деятель; доктор философии Берлинского университета (1906), редактор и автор «Еврейской энциклопедии» (с 1909). Жил в России (до 1919), Германии (1921-1937), Франции, США. Умер в Тель-Авиве.

ВЛАДИМИРСКИЙ-БУДАНОВ Михаил Флегонтович (1838-1916) - историк, профессор Киевского университета, чл.-корр. Академии Наук (с 1903).

ГАЛАНТ Илья Владимирович (р. 1868) - педагог, писатель, историк, преподаватель еврейской истории в киевских средне-учебных заведениях (с 1890-х гг.).

ГАЛИЧ (Гинзбург) Александр Аркадьевич (1919-77) - русский поэт и драматург. В 1960-е гг. принял христианство.

ГАННОВЕР Натан Ната бен-Моисей (ум. 1683) – еврейский теолог и писатель. В 1648 жил на Украине. Очевидец и летописец резни евреев казаками (впервые издано в 1653 в Венеции).

ГАРКАВИ Аврахам (Альберт) Яковлевич (1835-1919) - русский востоковед, исследователь еврейской истории и литературы.

ГЕЙНЕ Генрих (Хаим, 1797-1856) - немецкий поэт, прозаик, публицист. В 1825 крестился ради карьеры, которую из-за своего радикализма так и не сделал.

ГЕРИНГ Герман - в 1922-45 руководящий деятель нацистской Германии, президент рейхстага, министр авиации, пред. совета министров, командующий войсками СА, генерал СС, преемник Гитлера. На Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни.

ГЕССЕН Юлий Исидорович (1871-1939) - писатель и историк, инициатор издания (с 1907) Еврейской Энциклопедии, ее редактор и автор.

ГЕСТАПО - государственная тайная полиция в нацистской Германии (1933-45).

ГЕЦ Файвель-Меер Бенцелович (р. 1853) - публицист и педагог.

ГИЛЛЕЛЬ (110 г. до н.э. - 10 н.э. или 75 г. до н.э. -5г. н.э.) - еврейский законоучитель, богослов, основатель фарисейства - демократического движения в иудаизме.

ГИММЛЕР Генрих - рейхсфюрер (главнокомандующий) СС с 1929, министр внутренних дел нацистской Германии (1943-45).

Покончил с собой в 1945.

ГИНЗБУРГ Лев Владимирович (1921-80) - советский поэт-переводчик, публицист, прозаик.

ГИТЛЕР Адольф - в 1921-45 вождь («фюрер») нацистской партии и государства (с 1933) в Германии. Покончил с собой в 1945.

ГОГОЛЬ Николай Васильевич (1809-52) - русский писатель.

ГОЛУБИНСКИЙ Евгений Евстигнеевич (1834-1912) - историк русской церкви, профессор московской духовной академии, академик Петербургской Академии наук (1903)

ГОЛУЙ Тадеуш - польский писатель, узник и участник Сопротивления в Освенциме, автор книги «Конец нашего мира».

ГОЛЬДМАН Нахум (1895-1982) - еврейский общественный деятель, доктор права и философии, один из основателей и руководитель Всемирной сионистской организации (1956-68) и Всемирного еврейского конгресса (1936-77), его почетный президент (1977-82).

ГОРЬКИЙ Максим (Пешков Алексей Максимович, 1868-1936) - русский писатель.

ГРАБЕ Герман - инженер, в 1941-44 управляющий украинским филиалом немецкой фирмы Эслинген, свидетель на Нюрнбергском процессе.

ГРИГУЛЕВИЧ Иосиф Ромуальдович (р. 1913) – советский историк.

ГРОССМАН Василий Семенович (Иосиф Соломонович, 1905-64) - русский советский писатель. Работал вместе с И. Эренбургом над «Черной книгой» - сборником документов об уничтожении гитлеровцами советских евреев.

ДЖЕКсон Роберт Х. - в 1945-46 Главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе.

ДИККЕНС Чарльз (1812-70) - английский писатель.

ДОБРОШИЦКИЙ Люциан - редактор и комментатор «Дневника Давида Сиераковьяка», изданного в Варшаве (1960).

ДОДД - представитель обвинения от США на Нюрнбергском процессе в 1946.

ДРЮОН Морис (р.1918) - французский писатель.

ЖИТЕЦКИЙ Игнатий Павлович (XIX в.) - русский историк.

ЖИТЛОВСКИЙ Хаим (1865-1943) - еврейский писатель, философ, русский революционер-народник, один из основателей Союза русских социалистов-революционеров (эсэров). Жил в России, Швейцарии, США (с 1908).

ЗАБЕЛИН Иван Егорович (1820-1908) - русский историк и археолог, академик.

ИВАШКО Тадеуш - магистр, сотрудник польского гос. Музея в Освенциме.

ИДИШ - язык большинства евреев стран Европы, США и др. Относится к группе германских языков.

ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ (Санин, ок.1440-1515) - русский монах и писатель, настоятель Боровского и Волоколамского монастырей. Канонизирован (1579).

ИОСИФ ФЛАВИЙ (Иосеф Бен-Матгитьяху, 38-100) - иудейский историк.

КАЛЬТЕНБРУННЕР Эрнст - обергруппенфюрер (генерал-лейтенант) СС, высший руководитель СС и полиции с 1941, в 1943-45 начальник полиции безопасности и СД, начальник главного имперского управления безопасности (РСХА). Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

КАСТАНЬО (Кастанго) Авраам - испанский поэт, живший в Амстердаме в XVII в.

КАУТСКИЙ Карл (1854-1938) - немецкий экономист и публицист, социал-демократ, марксист (до 1916).

КАЧЕРГИНСКИЙ Шмерл (1908-1954) - еврейский поэт, подпольщик Вильнюсского гетто, позднее партизан. С 1950 жил в Аргентине.

КЕЙТЕЛЬ Вильгельм - в 1938-45 начальник верховного командования вермахта, фельдмаршал. Казнен по приговору юннбергского трибунала.

КОРОЛЕНКО Владимир Галактионович (1853-1921) - русский писатель.

КОСИДОВСКИЙ Зенон (р. 1895 г.) - польский писатель.

КОСТОМАРОВ Николай Иванович (1817-85) - историк, тнограф, писатель, критик; профессор Петербургского университета.

КРЕМЕР Иоганн Пауль (р. 1884) - доктор медицины и философии, оберштурмфюрер (старший лейтенант) СС, в 1942 рач концлагеря Освенцим. В 1947 польским народным трибуналом приговорен к смертной казни, замененной тюремным заключением. Через 10 лет освобожден. Мюнстерским университетом лишен докторского диплома.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ - военные грабительские экспедиции западно-европейских христиан («крестоносцев») на Ближний Восток в XI-XIII вв. под предлогом освобождения от мусульман Иерусалима и «гроба господня».

КРУКОВСКИЙ Стефан - узник концлагеря Маутхаузен в 1940-45.

КУЗНЕЦОВ Анатолий Васильевич - русский писатель, автор романа-документа «Бабий Яр» (1966).

КУЗЬМИН Сергей Трофимович - член Чрезвычайной Гос. оmissии СССР по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов.

ЛАССАЛЬ Фердинанд (1825-64) - немецкий политический деятель, философ, юрист, поэт, основатель и руководитель первой германской рабочей партии.

ЛЕКАШ Бернар - французский еврей, один из защитников варцбарда, убившего в Париже Петлюру в 1926. По поручению газеты «Пари суар» собирал на Украине материалы об еврейских погромах; по возвращении Л. «Пари суар» и другие газеты отказались печатать его статьи.

ЛЕНИН Владимир Ильич (1870-1924) - русский государственный и политический деятель, теоретик • пождь русского и еждународного коммунистического движения.

ЛОЗИНСКИЙ Самуил Горациевич (1874-1945) – русский историк и писатель.

ЛУКАШЕВИЧ Эдислав - польский юрист, судья окружного суда в Лодзи, вел следствие по делу о преступлениях немцев в Треблинском концлагере.

МАГОМЕТ (Мухаммед, 5707-632) - основатель ислама. Не признанный евреями пророком, стал их врагом.

МАДЕР Юлиус - немецкий публицист, автор ряда работ о преступлениях гитлеровцев.

МАЗУР Зигмунд Юзефович (р. 1920) - в 1941-45 препаратор анатомического института в Данциге.

МАРКС Карл (1818-83) - философ, экономист, основоположник революционного пролетарского социализма или коммунизма (марксизма).

МАТРОСОВ Александр Матвеевич (1924-43) - солдат Советской армии. В бою с немцами закрыл своим телом амбразуру немецкой огневой точки. Посмертно награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза.

МЕНТОН, де, Франсуа - Главный обвинитель от Франции на Нюрнбергском процессе в 1945.

МЕРЛЬ Робер - французский писатель, участник 2-й мировой войны и движения Сопротивления, узник фашистского концлагеря.

МОИСЕЙ (XV1-XV вв. до н.э.) - легендарный вождь евреев, пророк и законодатель, основатель иудаизма.

НАЦИСТЫ - члены национал-социалистической немецкой рабочей партии (1919-45), захватившей в Германии власть (1933) и установившей фашистскую диктатуру, которая развязала вторую мировую войну (1939-45).

НЕВЕРЛИ Игорь (р. 1903) - польский писатель, сотрудник Я. Корчака, узник гитлеровских концлагерей.

НИЛЬСЕН Мартин (ум. 1962) - датский коммунист, узник концлагеря Штутгоф.

НЫСЛИ (Нышли) Миклош - венгерский патологоанатом, в 1944 сотрудник лаборатории эсэсовского врача Менгеле в концлагере Освенцим.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС - здесь: процесс по делу главных военных преступников гитлеровской Германии в 1945-46.

ОГОРОДНИКОВ Владимир Иванович (р. 1886) – русский историк, профессор Иркутского университета, автор исследования «Иван III и зарубежные евреи» (Казань, 1912).

ОЛЕНДОРФ Отто - в 1941-42 начальник оперативной группы («эйнзатцкоманды») по уничтожению евреев и политических комиссаров на оккупированной немцами территории Южной Украины.

ОСВЕНЦИМ - здесь: крупнейшая система гитлеровских концентрационных лагерей в оккупированной Польше. Включала в себя основной лагерь Аушвиц I (территория города Освенцим), Аушвиц II-Биркенау (территория польской деревни Бжезинка) и Аушвиц III (концлагерь Моновиц и около 40 лагерей-филиалов).

ПИПЕР Францишек - один из авторов сборника «Освенцим. Гитлеровский лагерь массового уничтожения», Варшава, 1978.

ПОЛАК Эдмунд (ум. 1980) - узник концлагеря Бухенвальд.

ПОЛТОРАК Аркадий Иосифович - советский юрист, сотрудник Международного военного трибунала на Нюрнбергском процессе.

ПУШКИН Александр Сергеевич (1799-1837) - русский поэт, основоположник русской литературы.

РАВИЧ Ежи - автор предисловия к сборнику «Освенцим глазами СС. Гесс. Брод. Кремер», Освенцим, 1979.

РАЙЗМАН Самуил - бухгалтер, узник варшавского гетто, затем концлагеря в Трешлинке (1942-43); свидетель на Нюрнбергском процессе.

РАССЕЛ Э., лорд - военный юрист, участник двух мировых войн, в 1942-43 сотрудник главного штаба союзных войск, в 1950-е гг. зам. главного юриста английских вооруженных сил.

РЕМБА Нахум - секретарь еврейской общины в варшавском гетто.

РЕНАН Жозеф Эрнест (1823-92) - французский писатель, историк христианства; член-корр. Петербургской Академии наук.

РИБ (Риба), де, Шампетье - Главный обвинитель от Франции на Нюрнбергском процессе в 1946.

РОБЕРТСОН Арчибалд (XX в.) - английский историк христианства.

РОЗАНОВ Герман Леонтьевич - историк, профессор Дипломатической академии СССР.

РУДЕНКО Роман Андреевич (1907-81) - в 1945-46 Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе.

РУДНИЦКИЙ Адольф - автор предисловия к «Дневнику Давида Сиераковьяка» (Варшава, 1960).

«РУССКОЕ ЗНАМЯ» - газета «Союза русского народа», общероссийской черносотенной монархической организации (1905-17).

СА - штурмовые отряды германской нацистской партии в 1921-45.

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН Михаил Евграфович (1826-89) - русский писатель.

САРТР Жан-Поль (1905-80) - французский философ, писатель. Участник движения Сопротивления.

СД - служба безопасности при рейхсфюрере СС, с 1936 объединена с гестапо, вместе с которым входила с 1939 в Главное управление имперской безопасности (РСХА).

СИЕРАКОВЬЯК Давид (1924-43) - ученик еврейской гимназии в Лодзи, узник и подпольщик гетто, где умер от туберкулеза.

СЛАВИН Илья - в 1920 председатель Витебского губернского совета народных судей, руководитель защитников на процессе погромщиков - рабочих завода «Новки».

СЛУЦКИЙ Борис Абрамович (1919-86) - советский поэт.

СМОЛЕНЬ Казимеж - сотрудник польского гос.музея в Освенциме, магистр.

СМОЛЯР Гирш - один из руководителей боевого подполья в минском гетто, позднее комиссар партизанского отряда.

СОЛОВЬЕВ Сергей Михайлович (1820-79) - русский историк, профессор Московского университета, академик.

СОРСКИЙ НИЛ (Майков, 1433-1508) - монах-отшельник, основатель Нило-Сорского монастыря, крупнейший русский церковный писатель XV в

СПИНОЗА Барух (Бенедикт, 1632-77) - философ, теолог; за критику Библии отлучен от еврейской общины (1656, Амстердам); его анонимный «Богословско-политический трактат» (1670) преследовался христианскими властями.

СС - охранные отряды нацистской партии в 1925-45.

СТАЛИН Иосиф Виссарионович (1879-1953) – руководитель коммунистической партии и государства в СССР (1924-53).

СТОРОЖЕНКО Николай Ильич (1836-1906) - историк литературы, профессор Московского университета.

СУЛЕЙМЕНОВ Олжас Омарович (р. 1936) - русскоязычный казахский поэт.

СУМБАТОВ-ЮЖИН Александр Иванович, князь (1857-1927) - русский драматург и актер.

СУЦКЕВЕР Абрам Герцевич (р.1913) - еврейский поэт, узник вильнюсского гетто. Бежал в партизанский отряд, спас ряд еврейских культурных ценностей. Свидетель на Нюрнбергском процессе.

ТЕНЕРОМО И. (Файнерман Исаак Борисович, 1863?-1925) - киевский учитель, последователь Л.Н. Толстого. Жил и работал в его имении «Ясная Поляна» в 1885-86.

ТОЛСТОЙ Лев Николаевич, граф (1828-1910) – русский писатель, философ.

ТРУБЕЦКОЙ Сергей Николаевич, князь (1862-1905) - философ, профессор и первый выборный ректор Московского университета.

УМОВ Николий Алексеевич (1846-1915) -физик, профессор Московского университета.

ФАЙФ Дэвид Максуэл - в 1945-46 заместитель Главного обвинителя от Великобритании на Нюрнбергском процессе.

ФАРИСЕИ - члены иудаистской демократической секты, возникшей во II в. до н.э.

ФАРРАР Фредерик Вильям (1831-1903) - английский священник, христианский богослов и писатель.

ФАСТ Говард (р.1914) - американский еврейский писатель, в 1943-56 член коммунистической партии. Лауреат Ленинской премии за укрепление мира (1953).

ФЕЙХТВАНГЕР Лион (1884-1958) - немецко-еврейский писатель.

ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ (Филон Иудей 20? До н.э. - 50? н.э.) - философ, сочетавший иудаизм и эллинизм. Его труды отвергнуты иудаистами и широко признаны христианами.

ФЛОРОЕНСКИЙ Павел Александрович (1882-1943) - русский религиозный философ, математик, физик и инженер.

ФРАНК Анна (1929-45) - уроженка Франкфурта-на Майне (Германия). С июля 1942 до августа 1944 скрывалась от нацистов с родителями в Амстердаме (Голландия), где написала дневник. Вместе с семьей схвачена, затем умерщвлена в концлагере Берген-Бельзен (Германия). После войны ее именем названы международный молодежный центр в Амстердаме, деревня близ Вупперталя (Германия), школы, дома и улицы в Риме, Зап. Берлине, Утрехте (Голландия), Тессине (Германия) и др.

ФРАНК Ганс - в 1932-45 ведущий деятель нацистской Германии, министр, президент академии германского права (1933-42), генерал-губернатор оккупированных польских территорий (с 1939), генерал СС. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

ФРАНКО Иван Яковлевич (1856-1916) – западноукраинский писатель и ученый, социалист.

ХАРЦЕРЫ - члены организации польских школьников.

ХАУЗНЕР Гидеон - в 1961 Главный обвинитель на процессе Эйхмана в Израиле, доктор.

ХИРЬЯКОВ Александр Модестович (р. 1863) - русский писатель.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ Зиновий-Богдан (кон. XVI в. - 1657) - украинский землевладелец, полководец и дипломат. Воевал в польском войске против Турции (1620-21) и Москвы. Участвовал в подавлении поляками восстания части запорожских казаков (1637-38). В 1648 возглавил восстание казаков и украинских крестьян против Польши и заключил союз с

крымскими татарами, в 1649 и 1651 искал союза с Польшей, позднее пытался присоединить Украину к Турции, в 1653 привел Украину под руку русского царя.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМИССИЯ по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР - образована Указом Президиума Верх. Совета СССР 2.11.1942.

ШАРОВ Александр Израйлевич (1909-84) – советский писатель.

ШВЕРНИК Николай Михайлович (1889-1970) - Председатель Чрезвычайной Государственной комиссии СССР по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов.

ШЕКСПИР Вильям (1564-1616) - английский поэт и драматург.

ШМАГЛЕВСКА Северина (р. 1916 г.) - польская писательница, участница Сопротивления, в 1942-45 узница концлагеря Освенцим.

ШОУКРОСС Хартли - в 1945-46 Главный обвинитель от Великобритании на Нюрнбергском процессе.

ШРЕДЕР Курт, барон (р. 1907) - вице-президент Рейхсбанка фашистской Германии, управляющий «Фонда друзей рейхсфюрера СС». После войны банкир в Кельне.

ШТРЕЙХЕР Юлиус - в 1932-45 один из руководителей нацистской Германии, генерал СА, издатель и главный редактор антисемитских печатных изданий: газеты «Дер штюрмер» и др. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

ЭЙНГОРН Виталий Осипович (р. 1862) - историк, преподаватель московских гимназий.

ЭЙНШТЕЙН Альберт (1879-1955) – физик, создатель теории относительности.

ЭЙНШТЕЙН Зигфрид - западногерманский журналист, автор антифашистской книги «Я обвиняю» (1960-е гг.)

ЭНГЕЛЬС Фридрих (1820-95) - философ, экономист, основоположник (вместе с Марксом) коммунизма.

ЭРЕНБУРГ Илья Григорьевич (1891-1967) - советский писатель, общественный деятель.

ЭРЛЕЗУНД, де, Пётр Петрей - иностранный путешественник в России XVI в.

ЮЗОВСКИЙ Ю. (Иосиф Ильич, 1902-64) - советский литературовед, театральный критик, публицист, переводчик.

ЯРОШ Барбара - сотрудница польского гос. музея в Освенциме, магистр.

ОСОБАЯ СПРАВКА

ЧЕРНЯКОВ Адам (1880-1942) - инженер, педагог, публицист. Окончил политехнические институты в Варшаве (1908) и Дрездене (1912). В 1909 г. был арестован царскими властями за нелегальную деятельность. Начальник отдела Министерства общественных работ (1919-21), руководитель Комиссии по послевоенному восстановлению польских городов (1922-28). Депутат Городского управления Варшавы (1927-34), сенатор Польши (1931), многолетний советник и вице-председатель Еврейской религиозной общины в Варшаве. Автор многочисленных публикаций на темы науки, техники, культуры, образования.

С 1939 г. Председатель Совета Еврейской Общины Варшавского гетто (Юденрата). На этом посту до самой своей смерти действовал целеустремленно и самоотверженно, спасая почти полмиллиона человек от голода, холода, болезней, немецкого террора и польской юдофобии. Особые усилия прилагал для облегчения участи детей.

Будучи патриотом Польни, сторонником Пилсудского, представителем ассимилированного буржуазного еврейства, А. Черняков не мог пользоваться расположением ни левых, ни крайне правых еврейских кругов. Принятие им на себя руководства гетто, необходимость выполнения бесчеловечных приказов оккупационных властей только усиливали враждебное

отношение к Чернякову и ортодоксально-религиозных евреев, и сионистов, и коммунистов, и социалистов. Лишенный широкой поддержки, почти без единомышленников, А. Черняков тем не менее с предельной честностью, отвагой и самопожертвованием исполнял свою (историческую, как он сам считал) роль, используя любую возможность отдалить гибель смертников гетто.

Находясь сам в положении смертника и заложника и дважды получив предложение бежать - в Палестину, а по некоторым данным, и в Италию, где его ждало почетное гражданство - Черняков, однако, посчитал это дезертирством и продолжал волочить глыбу Ответственности и Отверженности до 23 июля 1942 года, когда немцы потребовали подготовить к следующему дню отправку на уничтожение транспорта детей. Он написал сотрудникам: «Я бессилён, сердце мое рвется от скорби и жалости, больше вынести этого не могу». И жене: «От меня требуют, чтобы я собственными руками убивал детей своего народа. Мне остается только умереть». И принял яд.

На похоронах А. Чернякова траурную хвалу ему произнес Януш Корчак.

Приведенные сведения взяты из книги «Дневник варшавского гетто А. Чернякова» (в обработке и с дополнениями М. Фукса), изданной в 1983 г. в Варшаве. Специфические условия написания «Чернового варианта» не позволили автору своевременно ознакомиться с «Дневником», который впервые был опубликован в Израиле на иврите в 1968 году.

По иронии еврейского рока Еврейский Исторический институт в Варшаве в 1947 г. не приобрел «Дневник» А. Чернякова, и до 70-х годов он не мог отразиться в работах о варшавском гетто, следуя за которыми автор оказался неточен в деталях и некорректен в общей трактовке: она слабо соответствует трагизму судьбы Адама Чернякова.

Переписать «Черновой вариант» уже поздно - глава о Варшавском гетто была опубликована и даже пользовалась некоторой популярностью, что усугубляет горечь автора.

Ему остается покаяться перед тенью Адама Чернякова и низко поклониться светлой Его памяти.